

ИНСТИТУТ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН
ЦЕНТР ГЕНДЕРНОЙ ИСТОРИИ

ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ РАН
ЦЕНТР АНТИЧНОЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ
ФИЛОСОФИИ И НАУКИ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ
В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

1

А К В И Л О Н

ББК 63.3
ББК 87.3
И 73

Рецензенты

член-корреспондент РАН П. П. ГАЙДЕНКО
доктор исторических наук В. П. БУДАНОВА

И 73

**ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И
НАСТОЯЩЕМ. ВЫП. 1 / Отв. ред. М. С. Петрова — М.: Аквилон,
2014. — 288 с.**

Составившие книгу исследования посвящены проблемам изучения интеллектуальных традиций на большом временном диапазоне. На обширном тематическом материале (идеология и культура, идеи и понятия, текст и образ) авторы демонстрируют, как сосуществовали и влияли друг на друга самые разные традиции, как они усваивались, трансформировались и видоизменялись. Немалое внимание уделяется проблемам преподавания, методам образования и хронике событий. Публикуются (во фрагментах) комментированные переводы сочинений Беда Досточтимого (VII в.) и Джереми Тейлора (XVII в.), неизвестный рассказ Сигизмунда Кржижановского.

Для историков, культурологов, историков философии, социологов и литературоведов.

Научное издание

Эл № ФС77–54409
ISSN 2307–8189

Intellectual Traditions in Past and Present, volume 1
Edited by Maya S. PETROVA

Intellektual'nye tradicii v prošlom i nastoâšem, vypusk 1
Otvetstvnyj redaktor Maya S. PETROVA

© М. С. ПЕТРОВА, общая редакция, составление, 2014
© Коллектив авторов, 2014
© Издательство «Аквилон», 2014

*Репродуцирование (воспроизведение) данного издания любым способом
без письменного соглашения с издателем запрещается*

Предлагаемый читателю проблемно-тематический сборник является результатом работы специалистов из разных областей над междисциплинарным исследовательским проектом «Интеллектуальные традиции с древнейших времен до наших дней»¹, направленным не только на выявление существующих традиций, особенностей их возникновения и развития, но и на изучение их рецепции и трансформации в последующие культуры и эпохи, на привлечение культурно-исторического контекста, ранее остававшегося за рамками изучения. Цель проекта — исследовать разнообразные интеллектуальные традиции в широком временном диапазоне, выявить их составляющие, которые, возникнув в древности и Античности, были усвоены в Средние века, а затем восприняты культурой и наукой Нового времени, составив фундамент современного научного знания. Общие задачи проекта сводятся, в основном, к (1) разработке и использованию инновационных методов и технологий комплексного изучения источников (с применением электронных текстовых баз данных); (2) введению в научный оборот новых источников, переведенных с древних или новоевропейских языков на русский; (3) стимулированию дальнейших исследований, основанных на «чтении», понимании и интерпретации разнообразных источников (как вещественных, так и письменных) в гуманитарной и естественнонаучной областях знания².

В публикуемых в сборнике исследованиях ряд обозначенных задач успешно решены. В частности, в работе А. А. Войтенко, посвященной возникновению и развитию коптской иконографии

¹ Этот проект отчасти продолжает предыдущий. См. *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*, под общ. ред. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Кругъ, 2010).

² Задача конкретных исследований — охватить как можно больше традиций (платоническую и неоплатоническую, языческую и христианскую, натурфилософскую, теологическую, антикварную, комментаторскую, агиографическую, литературную и многие другие).

Онуфрия Великого (IV в.) от самых ранних его изображений по настоящее время, изучается влияние агиографической традиции на формирование образа Онуфрия в коптском искусстве, выдвигается предположение, что на раннюю коптскую иконографию Онуфрия повлиял текст краткой (а не пространной) версии его *Жития*, что объясняет ее специфику и отличие от последующей византийской и западной традиции. Автор отмечает, что позднейшая иконописная традиция изображения Онуфрия (начиная с XVIII в.) не опирается на текст *Жития*, а синтезирует уже известные традиции его изображения: местную египетскую, византийскую и поствизантийскую и, возможно, западноевропейскую.

Исследование М. С. Петровой посвящено изучению грамматической традиции Поздней Античности и ее рецепции в раннем Средневековье. В контексте школьной практики раннего Средневековья, анализируются риторико-грамматические работы Беды Досточтимого (672 / 73–735) — *О правописании* и *О метрическом искусстве* (составной частью которой является трактат *О фигурах и тропах священного Писания*); рассматривается вопрос, в какой степени сочинения Беды зависят от *Науки грамматики* Элия Доната (IV в.); выявляется общее и особенное в этих текстах. «Иллюстрацией» к исследованию служит публикация фрагмента из работы Беды *О правописании*.

Иные традиции (натурфилософская и эсхатологическая) рассмотрены в работе В. В. Петрова. Показано, что основу эсхатологических построений Беды Досточтимого³ составляют принципы античного естествознания. Установлено, что некоторые из них заимствованы из физики и космографии (учение о первоэлементах,

³ Изучению интеллектуальных традиций (глоссографической, комментаторской, теологической, антикварной, историографической и др.) в творчестве Беды посвящен специальный проект (РГНФ, № 11–01–00025а): «Сочинения Беды в контексте современного гуманитарного знания (исследование и переводы)». Это междисциплинарное исследование, направленное на изучение мировоззрения Беды, ориентировано, прежде всего, как на выявление в его работах и изучение упомянуты традиций, так и на анализ воспринятых Бедой идей и понятий, зародившихся в Античности, усвоенных в трансформированном виде в Средние века. Проект предполагает выполнение полных комментированных переводов трех сочинений Беды — натурфилософского трактата *О природе вещей*, риторико-грамматической работы *О правописании* и историко-теологического *Комментария на 'Апокалипсис'*, а также других работ.

их взаимопревращениях и естественных местах). От «физики» зависит учение Беды о душе и её посмертной участи. Особое внимание уделено нетрадиционному учению о надземном Аиде и анализу его теоретических оснований; демонстрируется, что в нем соединились две традиции: религиозная и физическая. Анализируются взгляды, привнесенные в соответствующий комплекс идей христианским богословием, в частности, учение о падших ангелах и огне Судного дня. Применительно к последнему, рассматриваются тексты античных и христианских предшественников Беды.

В работе И. Г. Коноваловой, посвященной политической географии на средневековых исламских картах, изучаются традиции изображения ойкумены в исламской картографии IX–X вв. Особое внимание в исследовании уделяется картам мира из так называемого *Атласа ислама X в.*, в котором детальное изображение отдельных областей халифата сочеталось с осмыслением места исламских стран и народов в мире. Делается вывод о том, что карты *Атласа ислама* представляли собой не просто генерализованную информацию географического толка, но являлись одной из форм политического дискурса: они служили манифестации власти через наглядное изображение мирового порядка.

Исследование Е. В. Пчелова посвящено селенографии XVII в., а именно, «освоению» и «заселению» Луны. Автор рассуждает об истории лунной номенклатуры в первой половине XVII века и выявляет основные принципы формирования названий лунных объектов на картах М.-Ф. ван Лангрена, Я. Гевелия и Ф.-М. Гримальди.

В работе А. Ю. Серegiной, направленной на изучение традиций историописания эпохи Реформации, которое в XVI столетии развивалось в контексте религиозной полемики, показано, каким образом результаты столь тесного взаимодействия проявились в форме и содержании исторических сочинений; как рождались новые историографические жанры и видоизменялись традиционные. Рассматривается взаимодействие религиозной полемики и историописания эпохи конфессиональных конфликтов XVI – начала XVII веков в Европе в целом, и в Англии в частности. Исследуются истории происхождения английской церкви, воздействие конфессиональной мифологии на исторические сочинения, формирование «исторического кода» полемических текстов и использование в них исторических источников.

А. В. Стогова исследует отрывок из *Рассуждения о природе и обязанностях дружбы* (1657) англиканского священника — епископа Джереми Тейлора (1613–1667), который посвящен нормам дружеского общения, какими они представлялись в середине XVII столетия, и анализирует различные контексты, оказавшие влияние на взгляды епископа о дружбе и дружеских отношениях, а также интеллектуальные традиции, в рамках которых развивались подобные представления.

По архивным материалам впервые публикуется подробно откомментированный рассказ С. Д. Кржижановского (1887–1950) *Невольный переулочек*, считавшийся утраченным. Его предваряет статья В. В. Петрова, в которой дается описание экземпляра сохранившейся машинописи, обсуждается её возможное происхождение и история. Кроме того, объектом рассмотрения являются особенности прозы С. Д. Кржижановского, в частности его языковые эксперименты (ономатопейя, лексические, фонетические и стилистические детали). К рассмотрению привлекаются отрывки из других сочинений автора, контекстуально проясняющие те или иные моменты *Невольного переулочка*. В статье и развернутых примечаниях поясняются историко-политические, лингвистические, философские и художественные реалии этого непростого для понимания текста.

Мы выражаем надежду, что результаты вошедших в сборник исследований окажутся важными и полезными для специалистов-историков и культурологов⁴, историков науки и естествознания⁵, историков философии, социологов и литературоведов, и стимулируют появление дальнейших изысканий в самых разных областях научного знания, как гуманитарного, так и естественнонаучного.

⁴ Завершают сборник материалы учебно-методического характера: программа курса «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков», разработанная для подготовки магистров по направлению «История» (РГГУ), и программа спецкурса «История “Европы”», ориентированная на студентов старших курсов, обучающихся по специальности «Культурология» (РГГУ).

⁵ Публикуется отчет о работе круглого стола, организованного в рамках проекта «Изучение усвоения и трансформации античных естественных наук в Средние века и Новое время» (РФФИ, № 12–06–00087а), с изложением основных тезисов прочитанных докладов.

ОБ АВТОРАХ

ВОЙТЕНКО Антон Анатольевич — к. и. н., с. н. с. Центра
египтологических исследований РАН,
cesras@cesras.ru

КОНОВАЛОВА Ирина Геннадиевна — д. и. н., заместитель директора
Института всеобщей истории РАН,
irina_konovalova@mail.ru

ПЕТРОВ Валерий Валентинович — д. филос. н., директор Центра
античной и средневековой философии и науки Института
философии РАН,
SAMPaS.IPh@gmail.com

ПЕТРОВА Майя Станиславовна — д. и. н., руководитель Центра
гендерной истории Института всеобщей истории РАН,
mayapetrova@yandex.ru

СЕРЕГИНА Анна Юрьевна — д. и. н., в. н. с. Института всеобщей
истории РАН,
aseregina@mail.ru

СТОГОВА Анна Вячеславовна — к. и. н., с. н. с. Института всеобщей
истории РАН,
anna100gova@yandex.ru

ПЧЕЛОВ Евгений Владимирович — к. и. н., доц., заведующий
Кафедрой вспомогательных и специальных исторических
дисциплин факультета архивного дела Историко-архивного
института Российского государственного гуманитарного
университета,
evg-pchelov@yandex.ru

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

А. А. ВОЙТЕНКО

ТЕКСТ И ОБРАЗ

КОПТСКАЯ ИКОНОГРАФИЯ СВ. ОНУФРИЯ ВЕЛИКОГО*

Коптская иконография св. Онуфрия Великого, т. е. возникновение образа святого пустынножителя в искусстве христианского Египта и последующее его развитие, будет интересовать нас не только само по себе, но и как особая форма «визуализации» текста, если воспользоваться термином известного болгарского искусствоведа Э. Бакаловой¹. Нам представляется, что основой для создания образа святого в христианском искусстве изначально служил агиографический текст. Именно там — а нигде либо в ином месте — следует искать истоки для вдохновения позднеантичного и средневекового художника, запечатлевшего образ святости в красках. «Агиография есть литература памяти»², хранительница предания о святых: и не стоит об этом забывать. Таким образом, наша первая задача заключается в том, чтобы отыскать тот текст, который послужил первоосновой для создания визуального образа. Но для этого надо четко представлять себе сам образ святого и те изменения, которые происходили с ним на протяжении столетий. И здесь нам может помочь еще один принцип: если мы замечаем изменения образа (иногда — едва уловимые), мы должны попытаться понять, почему они возникли и что могут означать в символическом пространстве настенной росписи³ или иконы⁴.

* Мы благодарим Польскую национальную комиссию по делам ЮНЕСКО за предоставленную возможность работы в библиотеках Варшавского университета и библиотеке патрологических исследований (biblioteka WMSD) в мае-июне 2010 г.

¹ В свое время нам посчастливилось слышать ее доклад на конференции в Лодзи (Biblia Slavorum Aposcyphorum. II. Novum Testamentum, 15-17. 05. 2009), посвященный иконографии апокрифов (The Principles of Visualisation of the Pseudo-Canonical Text in the Art of the Byzantine Commonwealth). Здесь также важно обратить внимание на то, что тот или иной образ, ставший фактом церковного искусства, вполне очевидно уже имел до времени своей «визуализации» сложившуюся литургическую и, добавим, письменную традицию.

² ГРЕГУАР (1999), с. 75 [75-85].

³ Мы сознательно избегаем термина «фреска», поскольку, как нам известно, все египетские настенные изображения выполнены в иной технике.

Первое известное нам египетское изображение св. Онуфрия происходит из одного из помещений⁵ монастыря Иереми в Саккаре и датируется VII–VIII вв.⁶ Оно, как и другие росписи монастыря, отражают стиль, хорошо известный по изображениям из Бауит. Этот стиль достигает своего апогея в VI–VIII вв. и характеризуется статичностью поз и «жесткими» складками одежды у изображаемых фигур, являя собой характерные изменения, которые происходят в христианском искусстве того времени⁷. Итак, на росписи изображены св. Онуфрий и еще три подвижника: свв. Макарий Египетский, Аполлон и Фиб [Илл. 1].

Илл. 1.

⁴ Хорошим методологическим подспорьем для нас послужила книга о. Николая (Озолина) об иконографии Пятидесятницы в византийском искусстве, где складывание и изменение данного сюжета показано в его историческом развитии — см. Озолин (2001). Другое напрямую необходимое нам пособие, небольшая база данных византийской и древнерусской иконографии св. Онуфрия, находится в издании: ТРУБАЧЕВА (2005) (далее — ТРУБАЧЕВА [2005], Приложение с номером страницы и иллюстрации).

⁵ Так называемая келья А — см. ZIWAWI (2003), p. 87 (fig. 96).

⁶ Ср. KASTER (1994), col. 84 [84 – 88]. Нам, впрочем, встречалась и более ранняя датировка — VI в. (см. ТРУБАЧЕВА [2005], Приложение, с. 86, илл. 1), но вряд ли она является верной. Это изображение сейчас хранится в Коптском музее в Каире.

⁷ См. CAPUANI etc. (2002), p. 23.

Изображение симметрично и образует две пары: Макарий и Онуфрий (первая), Аполлон и Фиб (вторая)⁸. Аполлон и Онуфрий изображены в позе орантов (молящихся), с согнутыми в локтях и поднятыми к небу руками⁹, Макарий и Фиб — прижимающими слева к груди книгу в богатой обложке с декором. Единственную композиционную асимметричность представляет собой уменьшенная в масштабе фигура монаха у ног Аполлона¹⁰. Французская исследовательница М. Рассар-Дебер отождествляет это изображение с неким Амуном¹¹. Все фигуры, кроме него, изображены строго фронтально и увенчаны нимбами¹². Одежды Макария и Фиба практически одинаковы: они облачены в простую тунику с рукавами и наброшенным на нее плащом. А вот Аполлон и Онуфрий различаются: если первый одет в тунику и перекинутый крест-накрест плащ, то Онуфрий совершенно наг, а то, что видеть постороннему взору не нужно, скрыто длинной седой бородой, спускающейся примерно до колен. Сзади видны длинные седые волосы, спадающие до пят. На этой фреске мы впервые наблюдаем тот «классический» египетский образ Онуфрия — по ряду моментов отличающийся от последующего византийского — которому будет следовать настенная живопись, происходящая из египетских монастырей.

Второе по времени изображение св. Онуфрия мы находим на южной стене церкви монастыря Барамус в Скиту (совр. Вади-Натрун) [Илл. 2]¹³.

⁸ Вторая пара (Аполлон, Фиб) несколько меньше по размерам, чем первая.

⁹ Фигура оранта хорошо известна из египетских погребальных стел греко-римского периода — см. *Coptic icons* II, p. 76. В христианском искусстве появление фигуры оранта зафиксировано в последней четверти IV в. — см. УВАРОВ (1908), с. 124. Поза оранта при изображении монаха ясно засвидетельствована в монашеских «граффити»: см., например, изображение монаха Матиаса из TT29 в Фиваиде (BOUD'HORS [2010], p. 74, fig. 3 [65-77]), ср. также фигуры орантов на других «граффити» из Фиваиды (DELATTRE, LECUYOT, THIRARD [2008], p. 133-135 [123-135], fig. 4-6).

¹⁰ В нынешнем состоянии это изображение имеет ряд утрат: напр., стопы Аполлона и Фиба утрачены, но они хорошо видны на ранних фотографиях (ср. ТРУБАЧЕВА [2005], Приложение, с. 86, илл. 1). Образ св. Онуфрия тоже пострадал, от него осталась только половина.

¹¹ См. RASSART-DEBERGH (1981), p. 187-204.

¹² Впоследствии все изображения св. Онуфрия будут с нимбами, поэтому мы не будем специально акцентировать внимание на эту деталь, если только она не имеет каких-то изобразительных особенностей.

¹³ Дейр эль-Барамус (или «Монастырь римлян») — один из четырех ныне действующих обителей Скита.

Илл. 2.

Предположительно, оно датируется XIII в.¹⁴ Здесь изображены восемь фигур, но знаменательно то, что фигура св. Онуфрия отделена от остальных и образует особый сюжет, где появляется несколько элементов, ставших характерной чертой коптских изображений этого святого в дальнейшем¹⁵. Слева от него можно четко различить фрагментарно сохранившееся изображение финиковой пальмы. Согласно *Житию св. Онуфрия* эта пальма питала его все 60 лет, пока он пребывал во «внутренней» пустыне, принося по грозди фиников каждый месяц. За финиковой пальмой мы видим также фрагментарно сохранившееся изображение, на которое, как кажется, еще не обращали внимания исследователи. Мы предполагаем, что это изо-

¹⁴ См. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 91, илл. 8.

¹⁵ Отметим, что это изображение плохо сохранилось и некоторые его детали утрачены.

бражение пещеры, которая затем появляется на иконах этого святого более позднего времени. Справа в уменьшенном масштабе изображен Пафнутий, встретивший Онуфрия в пустыне и записавший его рассказ¹⁶. Мы видим его стоящим в монашеском одеянии и в молитвенной позе — со сложенными перед собой ладонями. Св. Онуфрий изображен максимально «абстрактно» и схематично, но от этого еще более выразительно. Он чрезвычайно тонок, наг, изображен строго фронтально, с тонкой бородой почти до колен, в позе оранта с согнутыми в локтях руками и отогнутыми большими пальцами. Сзади можно различить очертания длинных, ниспадающих до пят волос. Благодаря такой «схематичности» св. Онуфрий как бы превращается в символ всецелого служения Богу, являя собой образ идеального отшельника. Так, М. Зибави сравнивает это изображение святого с райским деревом, способным принести зрелый духовный плод¹⁷.

Наконец, еще два настенных изображения св. Онуфрия находятся в монастыре св. Макария, расположенного также в Скиту. Первое из них [Илл. 3], сохранившееся очень плохо, предположительно датируется фатимидским временем (969–1173) и находится на восточной стене гайкала (святылица) св. Марка в церкви этого монастыря. Св. Онуфрий изображен с каким-то неизвестным монахом, у которого угадывается контур нимба и бороды (возможно, св. Макарием)¹⁸, на северной стене есть изображения еще двух подвижников (свв. Павла Фивейского и Антония Великого), симметричное восточному: св. Павел изображен в позе оранта в грубом хитоне с короткими рукавами, а св. Антоний — в монашеском одеянии¹⁹.

¹⁶ Фигура Пафнутия встречается также в более позднее время в западноевропейском искусстве, в частности, на одной миниатюре XIV в. (см. SCHÜTZ [1994], col. 115 [115–118]). Есть очень любопытное изображение уменьшенного в масштабах монаха рядом с «гигантским» Онуфрием на одной из украинских икон XVII в. Но здесь, как предполагается, изображен ктитор монастыря (см. JANOSHA [2004], S. 366, Fig. 288). Вряд ли мы имеем дело здесь с прямым или косвенным продолжением египетской иконографии, поскольку отсутствует «посредник»: подобных изображений в византийском искусстве нам обнаружить не удалось. Изображение Пафнутия в соборе Монреале (XII в.), насколько мы можем судить из статьи Шютца, совсем иное по характеру — см. SCHÜTZ (1994), col. 115.

¹⁷ См. ZIBAWI (2003), p. 142.

¹⁸ Это осторожно можно предположить, исходя из изображения в монастыре аввы Иеремии в Саккаре.

¹⁹ Из-за фрагментарности этого изображения не возможно разобрать положение рук, но очевидно, что, как и в случае с неизвестным подвижником на восточной стене, это не была поза оранта.

Илл. 3.

Однако сохранившиеся контуры не оставляют никаких сомнений, что св. Онуфрий был изображен нагим, в позе оранта — точно также как на двух уже известных нам росписях. Небольшая разница состоит в том, что борода у этого изображения немного короче, чем у всех остальных, а волосы сзади, вероятно, спускаются до колен, а не до пят. Стиль изображения более всего напоминает роспись из монастыря Барамус, но, может быть, оно менее «абстрактно» и схематично. С росписью из монастыря Барамус его сближает и то, что рядом со св. Онуфрием, по левую сторону от него расположена фигура Пафнутия, изображенного в также в уменьшенном масштабе и у ног святого. Но поза Пафнутия слегка иная: он стоит пред св. Онуфрием полусогнувшись. По правую сторону от изображения св. Онуфрия угадывается силуэт скалы или пещеры.

Второе изображение св. Онуфрия из монастыря св. Макария датируется 1517 г., т. е. уже оттоманским временем [Илл. 4] и расположено в башне этой обители. Башня согласно преданию была по-

строена императором Зиноном в V в. и служила последним прибежищем монахов в случае вторжения в монастырь кочевников.

Илл. 4.

Изображение находится в южной часовне башни, посвященной монахам-пустынникам. Помимо св. Онуфрия там изображены авва Самуил, игумен монастыря Каламун, авва Иоанн, игумен монастыря св. Макария, авва Авраам, ученик аввы Иоанна, авва Гиргис (Георгий), авва Абула (Аполлон), авва Абиб (Фиб)²⁰, авва Михаил паломник и авва Бигим. Все росписи выполнены эфиопским монахом, имени которого не сохранилось²¹. Фигура разительно отличается по стилю от всех предыдущих — св. Онуфрий изображен довольно тучным — но при этом автор росписи почти в точности следует

²⁰ То есть как и в наиболее раннем изображении св. Онуфрия мы видим рядом с ним Аполлона и Фиба.

²¹ См. ZIBAWI (2003), p. 203; CAPUANI (1999), p. 66.

сложившемуся коптскому канону его изображения: св. Онуфрий по прежнему наг, стоит фронтально в позе оранта с согнутыми в локтях руками, широкая окладистая борода спадает ниже колен, волосы сзади доходят до пят, образуя аккуратный прямоугольник. Различие в мелких деталях не может заслонить главного: устойчивого канона изображения святого Онуфрия, доминировавшего в нижеегипетской настенной живописи на протяжении почти десяти веков. Последнее по времени такое изображение св. Онуфрия нам удалось обнаружить на стене старой церкви монастыря абу Бишой в Скиту. Оно приблизительно датируется серединой XX в. Изображение св. Онуфрия помещено во втором, «монашеском» ряду росписи²², между фигурами свв. Антония и Павла с одной стороны и игумена Шенуте — с другой. Св. Онуфрий изображен нагим, «укутанным» в собственную седую бороду, которая ниспадает до ступней, в позе оранта с согнутыми в локтях руками. У нас нет никаких сомнений в том, что неизвестный монах-живописец прошлого столетия, выполнявший эту роспись, ориентировался в данном случае на древнюю иконографическую традицию.

Если сравнить описание св. Онуфрия в самых древних коптских редакциях *Жития* с его изображением в коптских монастырях Нижнего Египта, то в глаза бросается одно несомненное противоречие: в *Житии* ясно написано, что преподобный Онуфрий имел набедренную повязку, чего мы не находим в его ранней коптской иконографии. Признаться, мы были в свое время немного озадачены этим обстоятельством, пока случайно не обратили внимание на краткую версию его *Жития*, сохранившуюся в копто-арабском Синаксаре²³. Там сказано, что Пафнутий увидел приближающегося к нему святого, который был наг, а волосы и борода покрывали его тело²⁴. Очевидно, редактор этого *Жития*, по неведомым нам причинам, перенес описание еще одного подвижника, упоминаемого в пространном *Житии*, Тимофея (которого видел Пафнутий в дальней пустыне) на св. Онуфрия.

Итак, как мы предполагаем, ранняя иконография св. Онуфрия следует не его пространному *Житию*, а его краткой версии, которая, вероятно, уже существовала к VII–VIII вв. (предположительная дата

²² В первом, верхнем ряду росписи изображены апостолы.

²³ Мы хотели бы поблагодарить С. А. Французова (ИВР РАН) за уточнения некоторых мест арабской и эфиопской версий краткого *Жития*.

²⁴ См. BASSET (1923), p. 567.

первого изображения святого) и позднее была включена в переводе на арабский в известный нам Синаксарь²⁵. Сходную иконографию мы обнаруживаем в византийской Каппадокии и на Кипре. В известной фреске из церкви Гереме (XI–XII вв.) в Каппадокии мы встречаем поясную фигуру св. Онуфрия в позе оранта, но с короткой бородой, оканчивающейся на груди²⁶. Фронтальную фигуру св. Онуфрия во весь рост и нагого, мы находим среди росписей церкви Виланли Килисе (XII в.)²⁷. Но здесь св. Онуфрий изображен с короткой бородой, закатывающейся на груди, и художник был вынужден выходить из деликатной ситуации немного по-иному, нежели его коптский предшественник: то, что видеть постороннему взору не нужно, он загораживает растением с толстым стеблем и шарообразным листом (или листьями)²⁸. Здесь у фигуры пустычника несколько иная поза: св. Онуфрий стоит, держа руки перед собой с ладонями, развернутыми к зрителю. Этот жест, хорошо известный, например, по изображению преп. Макария Великого в церкви Спаса на Ильине в Новгороде, скорее всего символически выражал полное отвержение монаха от мира. На наосе Энклеистры св. Неофита на Кипре (1100 г.) мы видим св. Онуфрия в одном ряду со свв. Макарием и Паисием²⁹. Изображение св. Онуфрия практически идентично изображению в Виланли Килисе. Разница состоит лишь в том, что св. Онуфрий на этом изображении облачен в некую «власяницу», которая не является продолжением его собственных волос. Возможно, между подобной трактовкой образа св. Онуфрия и краткими версиями *Жития св. Онуфрия*, сохранившихся в византийских синаксарях, где указано, что подвижник был наг, также существует связь. А возможно, мы наблюдаем здесь египетские влияния. Во всех последующих нам известных изображениях, происходящих из

²⁵ Издание Бассе основывается на двух парижских рукописях, XIV и XVIII вв. — см. COQUIN (1991a), p. 2172 [2171-2173]. Появление редакции Синаксаря Нижнего Египта обычно связывают с деятельностью Михаила, епископа Атриба и Малиджа (XII в.), однако, как замечает Кокен, мы можем датировать ее появление позднее, между 1317 и 1354 гг. — см. COQUIN (1991b), p. 1626 [1625-1627].

²⁶ См. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 86-87, илл. 2-3.

²⁷ См. Там же, с. 88-89, илл. 4-5.

²⁸ Кастер видит в нем Kaktusblüte (см. KASTER [1994], col. 85), хотя, насколько нам известно, кактус — это привозная культура, происходящая из Нового Света.

²⁹ *Ibid.*, col. 86, fig. 2.

Византии и стран византийского круга, начиная с XIII в., чресла великого пустычника будут прикрыты повязкой, как о том и повествует пространная версия его *Жития*.

Напомним, что все настенные росписи, которые мы анализировали, происходят из Нижнего Египта: именно там находятся обители Скита и монастырь Иеремии. К сожалению, никаких следов изображений св. Онуфрия из Фаюма или Верхнего Египта не сохранилось, хотя там ясно обнаруживаются следы его культа. Но роспись со св. Онуфрием мы встречаем в кафедральном соборе Фараса [Илл. 5], предположительно — столицы Нобатии, одного из трех известных нубийских царств, расположенного по соседству с Египтом³⁰.

Илл. 5.

В 60-х гг. польскими археологами, проводившими в Фарасе археологические раскопки, было обнаружено изображение³¹ св. Онуф-

³⁰ Уточним, что в интересующее нас время Нобатия была объединена с соседним царством Макурия в одно государство со столицей в Старой Донголе (см. *Polish Excavations*, p. 9), однако, в Фарасе располагалась царская резиденция и епископская кафедра.

³¹ Роспись, как и другие найденные там изображения, выполнена темперой на штукатурке. Сейчас она хранится в Национальном музее в Хартуме.

рия, которое обычно датируют началом XI в.³² Оно хорошо атрибутировано надписью над головой у подвижника: «святой авва Онуфрий истинный отшельник»³³. И здесь мы видим как ряд черт в изображении святого, сходных с коптской традицией, так и существенные различия в трактовке его образа. Св. Онуфрий изображен фронтально и симметрично, но не в позе оранта, а с развернутыми к зрителю ладонями — уже знакомый нам жест «отвержения мира», который мы видели в каппадокийской росписи из Виланли Килисе³⁴. Вокруг головы святого нимб, борода спускается на грудь, а все его тело покрыто «власяницей». Интерпретация этой «власяницы» создает исследователям известное затруднение³⁵. Однако, на наш взгляд, его несложно разрешить, вспомнив, как описывает Пафнутий св. Онуфрия при первой встрече с ним: «И вдруг посмотрел я и увидел человека вдалеке, весьма страшного (видом), ибо волосы его ниспадали на тело его как будто шкура у леопарда»³⁶. Вероятно, это описание и было определяющим для автора данной росписи, поскольку «власяница» на этом изображении является ничем иным, как стилизованным продолжением волос подвижника, ниспадающих с его головы³⁷. По сторонам подвижника мы видим изображение финиковой пальмы с двенадцатью гроздьями фиников (слева) и церкви (справа). С финиковой пальмой мы уже встречались на изображении в церкви монастыря Барамус, и ее толкование сомнений не вызывает. Существенно только то, что автор фрески изобразил 12 гроздей³⁸ — точь-в-точь как в краткой (арабской) и пространной версиях его *Жития*. Известную трудность представля-

³² О польских раскопках см., напр., MICHAŁOWSKI (1964). О датировке росписи см. KUBIŃSKA (1974), p. 149. Г. Кастер датирует ее концом X в. — см. KASTER (1994), col. 85, fig. 1.

³³ KUBIŃSKA (1974), p. 149.

³⁴ Можно вспомнить также и поясное изображение св. Онуфрия на иконе «Распятие» (XIII в.), происходящей из монастыря св. Екатерины на Синае — см. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 94-95, илл. 11-12.

³⁵ Так, Кастер пишет о власянице (“härenes” Hemd), никак ее не трактуя — см. KASTER (1994), col. 85.

³⁶ BUDGE (1914), p. 210.

³⁷ В отличие от фрески из Энклеистры св. Неофита стиль изображения волос на голове и «власяницы» на теле на фарасской росписи абсолютно идентичны.

³⁸ Отметим, что автор росписи изобразил двенадцать гроздей симметрично, по шесть с каждой стороны. Позднее мы увидим тот же прием в двух коптских иконах XVIII в.

ет интерпретация церкви, изображенной рядом со святым. Г. Кастер вслед за К. Михаловским предположил, что это изображение церкви того монастыря, откуда св. Онуфрий ушел в пустыню³⁹. Однако почему в данном случае весь монастырь «редуцирован» до одной только церкви и почему она изображена слева от подвижника, что противоречит логике агиографического рассказа? Известные нам более поздние примеры интерпретации этого эпизода — в западноевропейском или русском искусстве — не изображают здесь церковь, но либо монастырь, либо келью или часовню⁴⁰. Мы предполагаем, что появление церкви на фарасской росписи может иметь совсем иную причину: стоит вспомнить, что в конце пространной версии *Жития* говорится о том, что Пафнутий, выйдя из пустыни, встречает монахов из Скита, рассказывает им историю своих странствий, они записывают ее и кладут книгу в одну из церквей Скита для пользы тех, кто будет слышать ее. По нашему мнению, художник из Фараса изобразил именно эту церковь, своего рода «конечный пункт» житийного рассказа. При таком предположении не возникает вопроса, почему церковь изображена не справа, а слева от фигуры подвижника.

Подведем некоторые итоги. Если все нижеегипетские настенные изображения св. Онуфрия четко придерживаются единого канона (нагая фигура в позе оранта), то фарасская роспись уже является «синтетической». Автор, как мы предполагаем, не следует четко ни нижеегипетскому, ни византийским образцам (которые нам сохранила более поздняя византийская иконография святого), но использует их элементы: изображение финиковой пальмы он заимствует из египетского чина⁴¹, «власяницу» и жест «отвержения мира» — из византийского, а изображение церкви, по всей видимости, является уже местной особенностью. Это наблюдение тем более важно, поскольку последующие египетские иконописные образы св. Онуфрия несут на себе те же особенности «смешанного» типа, правда, уже иного, если сравнивать его с росписью из Фараса.

³⁹ См. KASTER (1994), col. 84.

⁴⁰ В русской иконе XVIII в. на заднем плане изображен монастырь, напоминающий современную автору иконы Соловецкую обитель (см. ТРУБАЧЕВА [2005], Приложение, с. 59, илл. 109, клеймо 10), а в цикле св. Онуфрия из кафедрального собора в Барселоне (XIV в.) мы видим небольшую часовню, отличную от келий пустынников, изображенных там же (см. SAUGET [1967], col. 1191 – 1192, fig. A.B.).

⁴¹ В известных нам византийских изображениях св. Онуфрия финиковая пальма не встречается.

Древних египетских икон с изображением св. Онуфрия не сохранилось, поэтому мы не можем точно знать, с какого времени как его стали изображать на иконах⁴². Первый по времени его иконописный образ мы обнаруживаем уже в XVIII в. Всего от этого времени нам известны три иконы св. Онуфрия. Одна из них принадлежит Юханну аль-Армани (1783 г.)⁴³, вторую можно атрибутировать Ибрагиму аль-Насху⁴⁴, а третья, возможно, является результатом их совместного творчества. Речь, таким образом, идет о самых известных иконописцах того периода⁴⁵. Рассмотрим эти иконы по порядку.

Илл. 6.

⁴² Дело в том, что с VII по XVII вв. коптских икон не сохранилось, хотя из источников известно, что в этот период они были. О возможных причинах этой «лакуны» см. LANGEN, HODELINK (1991), p. 1278 [1276-1280].

⁴³ Икона сейчас находится в церкви Эль-Муаллака в Каире. Атрибуция этого образа Аль-Армани сделана по материалам реставрации, любезно предоставленных нам А. А. Горматюком (ВХНЦ им. И. Э. Грабаря).

⁴⁴ Атрибуцию одной из икон Аль-Насху см. *Coptic Icons I*, p. 101 sq. Вторую икону в том же издании атрибутируют Ибрагиму Аль-Насху и Юханне Аль-Армани — *Ibid*, p. 81 sq.

⁴⁵ О стиле и авторах египетских икон XVIII в. см., напр., LANGEN, HODELINK (1991), p. 1279.

На образе кисти Аль-Армани [Илл. 6] св. Онуфрий изображен уже не строго фронтально, а в три четверти, руки согнуты в локтях и повернуты направо, в правой руке помещен свиток с арабской надписью⁴⁶. Вокруг головы св. Онуфрия изображен нимб с обрамлением в виде белых точек. Седая борода спускается на грудь, а длинные белые волосы — на плечи. Онуфрий облачен в кусок материи или кожи коричневого цвета, перекинутый через правое плечо. Справа от святого, в верхнем углу, изображена финиковая пальма с двенадцатью гроздьями и прямо под ней скала, из которой вытекает родник. За зеленоватым фоном неба за спиной подвижника следует изображение пустыни в виде песчаных барханов. Но затем его сменяет зеленая полоса, на которой и стоит преп. Онуфрий. Как видно уже из описания образ святого претерпел ряд существенных изменений по сравнению с тем, о чем мы писали ранее. Самым неясным элементом этой «новой» иконографии является кусок материи, не встречающихся в его изображениях ни до, ни после образа Аль-Армани. Мы можем лишь осторожно предположить западные влияния, где встречаются его изображения в «вязанной рубашке»⁴⁷. Изображение святого вполборота может иметь два возможных прототипа: либо это влияния коптской рукописной миниатюры, где встречаются такие изображения библейских персонажей и святых (сидящих или стоящих)⁴⁸, либо западноевропейские веяния (возможно, опосредованные)⁴⁹, тогда как византийская и поствизантийская иконография четко следует фронтальному изображению святого⁵⁰. Нимб обрамленный белыми точками (жемчужины?) и свиток в

⁴⁶ Надпись гласит: «Икона святого Абу Нафра (т. е. аввы Онуфрия. — *А. В.*) странствующего и пальмы его, которая выбрасывала двенадцать гроздей фиников». Мы благодарим С. А. Французова (ИВР РАН), прочитавшего нам эту надпись.

⁴⁷ См. KASTER (1994), col. 87.

⁴⁸ См., напр., Illustrations, p. 9 (Адам и Ева), 17 (Христос), 20 (Моисей), 29 (свв. Марк и Лука), 42 (св. Иоанн Богослов), 52 (свт. Иоанн Златоуст) и т. д. К сожалению, в данном издании миниатюры не датированы.

⁴⁹ Где мы можем обнаружить не фронтальное изображение св. Онуфрия — см., напр., KASTER (1994), col. 88, fig. 4; SAUGET (1967), col. 1189 – 1190 (fig.), col. 1191 – 1192 (fig.). В три четверти и в полный рост св. Онуфрий изображен на соловецкой иконе (см. ТРУБАЧЕВА [2005], Приложение, с. 49, илл. 99), и мало сомнений в том, что здесь мы имеем дело с западными влияниями.

⁵⁰ Отметим, что фронтальное изображение одиночных фигур в византийской церковной живописи считалось оптимальным, исходя из назначения этой живописи — «чтобы эти фигуры можно было полноценно почитать, им следует

руках преп. Онуфрия мы обнаруживаем уже в XIII в. в монастыре св. Екатерины на Синае. «Жемчужный» нимб встречается на уже упомянутой нами иконе «Распятие», где на нижнем поле есть поясное изображение святого⁵¹, а свиток — на иконе трех египетских отшельников, где вместе со св. Онуфрием (справа) изображены свв. Антоний Великий и Павел Фивейский⁵². Нет сомнений в том, что скала и финиковая пальма — элементы, пришедшие сюда из ранней египетской иконографии святого. Известную сложность для интерпретации представляет собой зеленый позем под ногами св. Онуфрия на этой иконе. Мы обнаруживаем его еще в «синайской» иконографии XIII в. — на створках складня «Избранные святые»⁵³, а потом на афонских иконах XVI–XVII вв. и на знаменитой новгородской таблетке XVI в. из Софийского собора⁵⁴. Возможно, как и в немного более ранних образцах русской иконописи (XVII в.) или современных Аль-Армани — XVIII в. изображение зеленого позема с фруктовыми деревьями символизирует райское состояние св. Онуфрия в пустыне⁵⁵ и, возможно, именно этот же мотив отражен на нашей иконе. Итак, икона письма Юханны аль-Армани демонстрирует изменения в трактовке образа известного подвижника: она, вероятнее всего, следует тем тенденциям, которые демонстрирует возрождающаяся коптская иконография XVIII в., когда она, испытывая различные влияния, комбинирует разнородные элементы, происходящие из разных традиций (местные египетские, византийские, поствизантийские, возможно, западные) и создает на их основе «новый» образ святого. И здесь уже, как кажется, первенствующую роль играет не сам текст его *Жития* — хотя и он, наверное, важен — но иконописный образ святого «творится» уже не на его основе, а на основе изобразительных элементов разных традиций.

пребывать лицом к зрителю», «только при таком условии зритель станет полноценным участником диалога». Изображение в три четверти допускалось, главным образом, в сюжетных композициях с тем, чтобы в них не терялось взаимодействие фигур. Об этом см., напр., ДЕМУС (2001), с. 20-21.

⁵¹ См. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 94-95, илл. 12-13.

⁵² Там же, с. 96, илл. 13.

⁵³ Там же, с. 93, илл. 10.

⁵⁴ Там же, с. 99, илл. 17; с. 106-107, илл. 25-26; с. 109, илл. 29.

⁵⁵ Там же, с. 115-116, илл. 36-37. Отметим, что тема утраченного рая занимает особое место в ранних версиях *Жития св. Онуфрия*. Об этом см., напр., ВОЙТЕНКО (2009), с. 127-143.

Наглядно это видно и из двух других икон св. Онуфрия XVIII в. Одна из них хранится в церкви Эль-Дамширийя в Старом Каире [Илл. 7]. По стилю эта икона письма Ибрагима аль-Насха (или иконописца его круга) близка к образу, исполненному Аль-Армани, где уже видны черты «объемной» живописи. Поза святого также близка к иконе Аль-Армани: святой стоит не строго фронтально, а впол-оборота, повернут вправо, руки согнуты в локтях и указывают направо, стопы ног также как и у Аль-Армани изображены развернутыми вправо⁵⁶.

Илл. 7.

⁵⁶ Б. А. Тураев отмечает сходную технику изображения фигур «в древней условности» (головы и ноги в профиль при туловищах спереди) для коптских барельефов (напр., барельефа Шенуте из Берлинского музея) и ранней коптской живописи из Эль-Багават — см. Тураев [2000], с. 185-186. Тот же принцип заметен и в коптской рукописной миниатюре с той, может быть, разницей, что лица изображаемых даны не в профиль, а в три четверти с глазами en face — см., напр., *Illustrations*, p. 9 (изображение Адама и Евы).

Седая борода также спускается на грудь, а волосы — на плечи. Но есть и существенные различия. Изображенный на иконе подвижник облачен не в кусок материи, а в полноценный хитон оранжевого цвета с короткими рукавами. Вместо свитка, в левой руке св. Онуфрий держит деревянный (?) посох в виде креста, положив его конец себе на левое плечо. Также как и у Аль-Армани слева от святого изображена финиковая пальма с двенадцатью гроздьями (и также симметрично — по шесть с каждой стороны), и родник, «втекающий» в икону из некоего едва видимого каменного (?) жерла. В отличие от иконы Аль-Армани, здесь отсутствует зеленый позем, но он, возможно, обозначен отдельными «кочками» травы на гладких песочных барханах. На заднем фоне — и это тоже новый элемент — изображены три дерева, с тремя ветвями и круглыми кронами. Помимо нескольких арабских надписей, икона имеет одну коптскую надпись над головой святого: «Отец наш святой подвижник (αϞϣϣϣϞϞϞ) авва Онуфрий (Бануфер) отшельник». Почти все новые элементы этой иконы (кроме хитона) без труда отыскиваются в византийской и поствизантийской иконописной традиции.

Начнем с посоха-креста. Мы находим посох в виде греческой «тау»⁵⁷ в руках св. Онуфрия на уже упомянутой нами синайской иконе XIII в., изображающей трех подвижников⁵⁸. Причем посохи имеют все три подвижника: возможно, здесь он символически выражает их принадлежность к отшельникам или отцам пустыни. Длинный шест с крестообразным навершием мы видим в руках у св. Петра Афонского, стоящего рядом со св. Онуфрием на новгородской таблетке⁵⁹. Наконец, на афонской иконе XVI в. из монастыря Пантократор св. Онуфрий держит тонкий белый крест с удлинённым нижним концом⁶⁰. Мы уже упоминали, что изображение деревьев на заднем фоне святого присутствует на двух соловецких иконах XVII–XVIII вв.⁶¹. Интересно отметить еще и то, что изображение подвижника, по иконографии очень похожего на св. Онуфрия, встречается на миниатюре известной Киевской псалтири (1397 г.), где он стоит в окружении деревьев, форма крон которых очень напоминает деревья Аль-Насха⁶². Миниатюра является наглядной иллюст-

⁵⁷ То есть с перекладиной сверху.

⁵⁸ ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 96, илл. 13.

⁵⁹ Там же, с. 99, илл. 17.

⁶⁰ Там же, с. 107, илл. 26.

⁶¹ Там же, с. 115-116, илл. 36-37.

⁶² Там же, с. 98, илл. 16.

рацией на слова 91 псалма: «Праведник яко финикс процветает, яко кедр, иже в Ливане умножится». Возможно, деревья Аль-Насха — это стилизованное изображение ливанских кедров, символа праведности, но их изображение может иметь и более банальный смысл: они просто символизируют Египет, «границу пустыни», или несут какие-то декоративные функции⁶³. Традиция изображать св. Онуфрия без зеленого позема, стоящим на каменистой земле, также существовала в поствизантийской иконографии: достаточно привести в качестве примера патмосскую икону письма Эммануила Скоридиса и упомянутую ранее соловецкую храмовую икону — обе XVII в.⁶⁴. Самую большую сложность представляет собой отыскание причин того, почему автор иконы облачает св. Онуфрия в хитон: такие примеры в византийской и поствизантийской иконографии именно этого святого нам неизвестны. Однако мы уже писали о том, что на западе св. Онуфрия иногда изображают в вязанной рубашке. В западной иконографии присутствует и еще одна интересная особенность: в цикле, посвященном преп. Онуфрию на фреске XIV в. в Кампозанто (Пиза) есть изображение, где Пафнутий погребает св. Онуфрия с помощью двух львов⁶⁵. Здесь мы имеем дело с явным смешением двух сходных агиографических традиций: художник «приписал» св. Онуфрию эпизод с львами, который присутствует в *Житии св. Павла Фивейского*. Сходную черту мы находим и на египетской почве: на одном коптском триптихе (слева) изображен подвижник с длинной бородой, в позе оранта и набедренной повязке. У его ног лежат два льва. Современный комментатор этого изображения, Набиль Селим Аттала, предполагает, что это св. Онуфрий⁶⁶. Таким образом «смешивание» двух агиографических традиций в иконографии имело место не только на Западе, но, возможно, и в Египте. Если мы посмотрим на синайскую или коптскую иконографию св. Павла, то без труда убедимся в том, что «вязанная рубашка» или хитон — довольно частный атрибут его образа⁶⁷. Не могла ли и

⁶³ Существует еще одна интерпретация: дерево с трехъярусными кронами в виде зонтиков могло изображать Древо жизни и символизировать райский сад, как это видно на примере мозаики церкви св. Димитрия в Салониках — см. ТАЛБОТ РАЙС (2002), с. 62, 64, илл. 54.

⁶⁴ Там же, с. 112, илл. 31; с. 115, илл. 36.

⁶⁵ См. KASTER (1994), col. 87.

⁶⁶ См. *Coptic Icons I*, p. 67 (fig.), 60 (comm.).

⁶⁷ См. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 96, илл. 13; *Coptic Icons I*, p. 49, 50, 57, 59, 62-63, 112.

в данном случае произойти «фузия» изначально двух различных изображений и «хитон св. Павла» у Ибрагима аль-Насха (или даже до него) перешел на изображение св. Онуфрия? На наш взгляд, это может быть вполне правдоподобным объяснением.

Третья икона, письма Ибрагима аль-Насха и Юханны аль-Армани, происходит из церкви св. Меркурия в Старом Каире. На иконе св. Онуфрий изображен справа, а слева от него — известный эфиопский святой, Такла Хайманот, также популярный в Египте [Илл. 8]⁶⁸.

Илл. 8.

Образ св. Онуфрия почти тождественен тому, который мы видели на иконе Аль-Насха⁶⁹, описанной нами выше. Различия связа-

⁶⁸ Икона, помимо арабских, имеет две подписи на коптском языке. Первая — над головой св. Онуфрия: «Авва Онуфрий (Бануфер), отшельник», вторая — справа, возле головы Такла Хайманота: «Такла Хайманот (Гименут), пресвитер».

⁶⁹ Исходя из этого, можно осторожно предположить, что образ св. Онуфрия на этой иконе писал именно Аль-Насх.

ны лишь с композицией иконы и небольшими стилистическими вариантами. Подвижник изображен вполборота, в оранжевом хитоне до колен, перевязанный поясом, с согнутыми в локтях руками. Но повернут он не направо, а налево, «навстречу» Такла Хайманоту, поэтому посох в виде креста он держит не в правой руке, а в левой. Справа от него, посередине всей композиции изображена финиковая пальма, завершающаяся скалой и родником, который закрывает правую стопу св. Онуфрия. В отличие от предыдущей иконы, автор не заботился о том, чтобы изобразить двенадцать гроздей фиников на пальме симметрично. Позолоченный фон иконы за святыми сменяется коричневой полоской земли, где нет ни травы, ни деревьев; у самых ног подвижников она резко переходит в черный уступ.

Две сохранившиеся коптские иконы св. Онуфрия XIX в. связаны с именем самого известного иконописца того времени — Анастасия аль-Руми⁷⁰. На этих иконах мы наблюдаем еще большее влияние «нового стиля», которое в свое время так страстно осуждал протопоп Аввакум⁷¹. При всем сходстве трактовки образа св. Онуфрия на иконах Аль-Руми он имеет ряд различий. Одна из икон происходит из церкви св. Георгия в Старом Каире [Илл. 9].

Она в большей степени следует иконографии Аль-Насха. Св. Онуфрий изображен вполборота, в оранжевом хитоне с поясом, с руками согнутыми в локтях, в левой из них он держит посох. Различия состоят в том, что посох уже в виде буквы «тау», стопы на ногах у святого повернуты уже не в одну сторону, а в разные. Известные различия есть в трактовке композиции. Финиковая пальма в правом углу отнесена на дальний план, изображение скалы отсутствует, а источник превратился в узкий ручеек, протекающий возле ног святого. У Аль-Руми явно заметен интерес к детализации фоновой отделки даже в столь «минималистической» и аскетичной компози-

⁷⁰ В частности отмечается, что Анастасий аль-Руми был или считался автором большей части икон середины XIX в. На его иконах господствуют яркая цветовая гамма и круглолицые персонажи, напоминающие творения Ибрагима и Юханны — см. LANGEN, HODELINK (1991), p. 1279. Атрибуция одной из икон Аль-Руми (из церкви св. Георгия) по *Coptic Icons I*, p. 92, второй (из церкви Эль-Муаллака) — по материалам реставрации.

⁷¹ Напомним хорошо известное его рассуждение о «новостильном» образе Спаса-Еммануила: что лик у него одутловатый, руки толстые, персты надутые, что писано все по плотскому умыслу, а «Христос же Бог наш тонкости чувства имея все, якоже и богословцы поучают нас» — см., напр., ТРУБАЧЕВА (2005), с. 68.

ции, какую мы находим в иконографии известного отшельника. Это проявляется и в изображении полукруга (в зелено-красной гамме) над головой преп. Онуфрия. Фон иконы темно коричневый. Позем разделен на три части, самая дальняя — белая, средняя — зеленая и самая близкая, желтая. По зеленой и желтой части позема рукой иконописца выведены травинки и разные растения, которые, скорее всего, уже являются чисто декоративным убранством и не несут никакой смысловой нагрузки.

Илл. 9.

Вторая авторская икона Аль-Руми также находится в Каире, в церкви Эль-Муаллака [Илл. 10]. Вполне вероятно, она была написана позже, поскольку здесь уже наметился отход от влияния образа св. Онуфрия XVIII в. Основное отличие состоит в том, что святой здесь изображен строго фронтально, а не в три четверти, что было характерно для предыдущего времени. Св. Онуфрий изображен в набедренной повязке и с более длинной бородой, руки по-прежнему согнуты в локтях, но он держит их перед собой. В его левой руке мы видим посох и четки, в правой — крест. В этой детали, вероятно, обнаруживаются западные влияния, поскольку манера изображать

святого с ручным крестом и четками происходит именно оттуда⁷². Следует отметить, что за спиной подвижника появляется котомка, из которой выглядывает наверх кончик другого посоха. Решение фона и композиции напоминает икону из церкви св. Георгия, но также имеет ряд отличий. Над головой мы по-прежнему видим полусферу, нарисованную в красно-зеленой цветовой гамме, коричневый (на этот раз светло-коричневый) фон, финиковую пальму справа, отнесенную на задний план⁷³ и источник, который скорее напоминает здесь полноводный ручей. Позем на этот раз двучастный (зеленый и желтый), но при этом он более декоративен: наряду с травой и растениями мы обнаруживаем там четыре маленькие пальмы, в сравнении с которым св. Онуфрий кажется гигантом. Таким образом, мы наглядно видим, как один и тот же иконописец при довольно «скромном» наборе элементов композиции, тем не менее, может варьировать образ святого, меняя — подчас значительно — детали этого образа. На обеих иконах св. Онуфрия письма Аль-Руми отсутствуют какие-либо коптские надписи.

Илл. 10.

⁷² См. KASTER (1994), col. 87. Ср. барельефное изображение св. Онуфрия XVI в. с четками, происходящее из Италии — SAUGET (1967), col. 1195 (fig.).

⁷³ Любопытно, что мастер более не заботится не только о симметрии финиковых гроздей, но и об их количестве.

Последний образ св. Онуфрия, который нам удалось обнаружить в Египте, принадлежит современному иконописцу и находится в церкви Девы Марии (Касрит Элрихан), расположенной возле Старого Каира [Илл. 11]. Икона выполнена в стиле «реалистической» живописи с прямой перспективой⁷⁴. Она вделана в деревянное резное панно, и сверху завершается «аркой» на манер готического окна. Образ св. Онуфрия на этой иконе более тяготеет к поствизантийскому канону, нежели его предшественники, но в то же время бережно сохраняются и некоторые местные композиционные традиции.

Илл. 11.

Св. Онуфрий изображен строго фронтально с седыми волосами, спадающими на плечи и большой окладистой бородой, спускающейся до пят и закрывающей почти все его тело. Но при этом св.

⁷⁴ Все увиденные нами иконы в этой церкви выполнены в едином стиле и, возможно, одним мастером.

Онуфрий не наг — мы видим на нем набедренную повязку из растений. Правую руку святой прижимает к сердцу, а в левой, расположенной вдоль туловища, он держит свиток⁷⁵ с надписью на арабском, из которой значится, что он провел 60 лет в пустыне в полном уединении и питался финиками с пальмы⁷⁶. Фон иконы превращен в суровый пустынный пейзаж с голубым небом, песчаными барханами, финиковой пальмой на заднем плане⁷⁷ и каменистой пещерой на переднем, внутри которой и помещена фигура пустытника.

Подведем итоги. Очевидно, мы имеем дело с двумя традициями изображения св. Онуфрия. Наиболее ранняя из них, которая, по всей видимости, складывается в Нижнем Египте и представлена в настенных росписях нижеегипетских монастырей, строго следует краткой версии его *Жития*, где говорится, что святой был полностью наг, а тело его покрывали лишь волосы и борода⁷⁸. Здесь его изображению придана поза оранта, хорошо известная уже из египетского искусства греко-римского времени и ясно засвидетельствованная в монастырских «граффити» византийского или раннеарабского времени. Монастырские живописцы четко следуют ей до самого конца, добавляя в некоторых случаях к образу св. Онуфрия несколько деталей (финиковую пальму, «маленького» Пафнутия и, вероятно, скалу). По крайней мере, одна из этих деталей — финиковая пальма — станет характерной чертой всей его египетской иконографии. Контуры второй традиции — мы бы назвали ее «синтетической» — впервые появляются за пределами Египта, но в регионе, тесно с ним связанном, в христианской Нубии. Нубийский мастер XI в., написавший образ святого пустытника на стене кафедрального собора в

⁷⁵ Из известных нам икон такое изображение св. Онуфрия наиболее близко стоит к иконе Эмануила Скоридиса (XVIII в.) — см. ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение, с. 112, илл. 31. Но ср. также две афонские иконы: из монастырей Дионисит (конец XVI в.) и Хиландар (начало XVII в.) — см. *Там же*, с. 109, илл. 28; с. 110, илл. 29.

⁷⁶ «Подлинно я живу плодом этой финиковой пальмы и источником моим. Шестьдесят лет не видел лица человека». Мы благодарим С. А. Французова (ИВР РАН), любезно прочитавшего нам эту надпись.

⁷⁷ Вспомним, что помещение пальмы на задний план композиции мы обнаруживаем уже у Анастасия аль-Руми.

⁷⁸ Мы уже отмечали, что ранняя византийская иконографическая традиция (до XII в.), насколько мы можем судить по изображениям XII в. из Кипра и Кападокии, также изображает св. Онуфрия нагим. Мы можем осторожно предположить здесь египетские влияния, но более четких свидетельств на этот счет мы не имеем.

Фарасе, по всей видимости, использовал разные элементы двух традиций его изображения (египетской и византийской) и, как мы можем предположить, основывался на тексте его пространного *Жития*. Те же принципы соединения разных традиций мы замечаем и в более поздней — иконописной — традиции изображения св. Онуфрия. Поскольку история коптской иконы имеет значительную лауну — с VII по XVII вв., а первые образы св. Онуфрия, дошедшие до нас, датируются XVIII в., то мы можем лишь предполагать, что новая традиция изображения святого возникла вместе с общим подъемом коптской иконописи и характеризовалась отходом от прежнего канона его изображения. В образах, созданных Юханной аль-Армани или Ибрагимом аль-Насхом, господствует уже новый, «синтетический» подход, который вбирает в себя различные элементы: местный (обязательное изображение финиковой пальмы рядом со святым), византийские и поствизантийские черты, возможно, традиции коптской миниатюры (изображение в три четверти) и возможно, — опосредованно — какие-то западные влияния, стилистические и, отчасти, иконографические. На их основе, как нам представляется, иконописцы XVIII в. пытаются создать свои образы св. Онуфрия: так, при внимательном взгляде тип изображения св. Онуфрия Аль-Армани по ряду второстепенных деталей несложно отличить от типа Аль-Насха⁷⁹. При этом агиографический текст, как кажется, уже отходит на задний план: особенно это заметно в стремлении Аль-Насха облачить святого в хитон. В XIX в. Анастасий аль-Руми следует этой же традиции, но, судя по созданным им и дошедшим до нас двум образам, он проявляет еще больше свободы и варьирует образ святого в рамках одной композиции, что, вероятнее всего, является новой чертой. Если сравнить два созданных им образа, можно заметить, как он постепенно отходит от традиции изображать св. Онуфрия в три четверти и изображает его фронтально, что несомненно ближе к классическому египетскому и византийскому типам, а «хитон Аль-Насха» снова сменяет набедренная повязка⁸⁰. Ту же тенденцию можно уловить — на примере иконы св. Онуфрия из церкви Девы Марии — и в современной ико-

⁷⁹ Возможно, здесь различия более глубокие и они происходят от отличий иконописных школ, на которые ориентируются иконописцы XVIII в. Однако при явном недостатке наших знаний об этих сюжетах мы можем говорить лишь о неких индивидуальных различиях.

⁸⁰ В том случае, если верно наше предположение о том, что икона в церкви Эль-Муаллака была написана позднее, чем образ из церкви св. Георгия.

нографии, которая, как нам известно, находится еще на стадии становления и демонстрирует значительный эклектизм, главным образом, стилистический⁸¹. Но значение именно византийской и поствизантийской традиций в этой разноголосице стилей довольно значимо.

СОКРАЩЕНИЯ

- BSS — *Bibliotheca Sanctorum* (Roma: Città nuova editrice, 1967), XII vol., App.
CoptE — *Coptic Encyclopedia* (N. Y; Toronto; Oxford; Singapore; Sydney, 1991), 8 vols.
LCI — *Lexicon der christlichen Ikonographie*, Hrsg von W. BRAUNFELS (Rom; Freiburg; Basel; Wien, 1994), [Bd. 8: Ikonographie der Heiligen].

БИБЛИОГРАФИЯ И ПРИНЯТЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

ВОЙТЕНКО (2009) — ВОЙТЕНКО А. А., «Коптское *Житие преп. Онуфрия Великого* и египетское монашество в конце IV в.», *Культура Египта и стран средиземноморья в древности и средневековье* [Сборник статей, посвященный Т. Н. САВЕЛЬЕВОЙ] (М., 2009).

ГРЕГУАР (1999) — ГРЕГУАР Р., «Литературные и богословские модели в западной агиографии», *Монастырская культура: Восток-Запад* (СПб., 1999).

ДЕМУС (2001) — ДЕМУС О., *Мозаики византийских храмов. Принципы монументального искусства Византии* (М.: Индрик, 2001).

⁸¹ Но следует сказать о том, что под руководством проф. Исаак Фануса, ученика Леонида Успенского, примерно с середины 50-х гг. прошлого века был разработан так называемый неокоптский стиль, отличающийся как от западных, так и от классических византийских традиций. Росписи церквей в этом стиле можно встретить как в Египте, так и за его пределами (в Европе, США и Австралии). К его особенностям обычно относят «утолщенную» прорисовку фигур, суровую выразительность и т. д. Лица обычно изображаются круглыми с преувеличенно большими глазами и толстыми бровями — см., напр., MEINARDUS (2006), p. 56-57. Нам представляется, что в основу этого стиля положены те особенности, которые мы встречаем в росписях монастырей апы Иеремии и Бауита. Среди исследуемых нами изображений наиболее близким к этому стилю являются росписи старой церкви в монастыре абу-Бишой — см. *выше*. Но, наряду с «неокоптским» стилем в современном коптском искусстве явно просматриваются и другие тенденции.

- ОЗОЛИН (2001) — ОЗОЛИН Н., прот., *Православная иконография Пятидесятницы: об истоках и эволюции византийского извода* (М.: Православное братство «Споручницы грешных», 2001).
- ТАЛБОТ РАЙС (2002) — ТАЛБОТ РАЙС Д., *Искусство Византии* (М.: Слово, 2002).
- ТРУБАЧЕВА (2005) — *Икона «Онуфрий Великий с Житием в 14-ти клеймах»: памятник русской северной живописи Петровской эпохи*, составитель и ответственный редактор М. С. ТРУБАЧЕВА (М.: СканРус, 2005) [Исследование и реставрация одного памятника, 6].
- ТРУБАЧЕВА (2005), Приложение — ТРУБАЧЕВА (2005).
- ТУРАЕВ (2000) — ТУРАЕВ Б. А., *Древний Египет* (СПб.: Журнал «Нева», «Летний Сад», 2000; первая публикация: Пг., 1922).
- УВАРОВ (1908) — УВАРОВ А. С., *Христианская символика* (М., 1908), ч. 1: Символика древнехристианского периода.
- BASSET (1923) — *Le Synaxaire arabe jacobite (redaction copte). Les mois de baouneh, abib, mesore et jours complementaires*. Texte arabe publié, traduit et annoté par R. BASSET [Patrologia Orientalis, t. 17 (Paris, 1923)].
- BOUD'HORS (2010) — BOUD'HORS A. "Le 'scapulaire' et la mélote: nouvelles attestations dans les textes coptes?", *Études coptes XI: Treizième journées d'études* (Marseille, 7-9 juin, 2007), Éd. par A. BOUD'HORS, C. LOUIS (Paris: De Boccard, 2010).
- BUDGE (1914) — *Coptic Martyrdoms etc. in the Dialect of Upper Egypt*, ed. with English trans. by E. A. Wallis BUDGE (Oxford, 1914).
- CAPUANI etc. (2002) — CAPUANI M., *Christian Egypt: Coptic Art and Monuments Through Two Millennia*, with contr. O. F. A. MEINARDUS, M.-H. RUTSCHOWSKAYA, G. GABRA (Cairo: The American University Press, 2002).
- CAPUANI (1999) — CAPUANI M. *L'Égypte copte* (Paris: Citadelles et Maginod, 1999).
- Coptic Icons — Coptic Icons* (Cairo: Lehnert and Landrock, 1998), 2 vols.
- COQUIN (1991a) — COQUIN R.-G., "Synaxarion Copto-Arabic (Editions of Synaxarion)", *CoptE*, vol. 7 (1991).
- COQUIN (1991b) — COQUIN R.-G., "Michail, thirteenth-century bishop of Atrib and Malij", *CoptE*, vol. 5 (1991).
- DELATTRE, LECUYOT, THIRARD (2008) — DELATTRE A., LECUYOT G., THIRARD C., "L'occupation chrétienne de la Montagne thébaine: première approche", *Études coptes X: Douzième journées d'études* (Lyon, 19-21 mai 2005), Éd. par A. BOUD'HORS et C. LOUIS [Cahiers de Bibliothèque copte 16], (Paris: De Boccard, 2008).

- Illustrations — Illustration from Coptic Manuscripts* (Cairo: Lehnert and Landrock, 2000).
- JANOCHA (2008) — JANOCHA M., *ks. Ikony w Polsce: od średniowiecza do współczesności* (Warszawa: Arkady, 2008).
- KASTER (1994) — KASTER G., “Onuphrius (Euniphrius, Honufrius) der Grosser”, *LCI*, col. 84 – 88.
- KUBIŃSKA (1974) — KUBIŃSKA J., *Faras IV: Inscriptions grecques chrétiennes* (Varsovie, 1974).
- LANGEN, HODELINK (1991) — LANGEN L., HODELINK H., “Icons, Coptic”, *CoptE*, vol. 4 (1991).
- MEINARDUS (2006) — MEINARDUS O., *Christians in Egypt: Orthodox, Catholic, and Protestant Communities. Past and Present* (Cairo; New York: The American University in Cairo Press, 2006).
- MICHAŁOWSKI (1964) — MICHAŁOWSKI K., “Polish Excavations at Faras, 1962–1963”, *Kush*, vol. 12 (Khartum, 1964)..
- Polish excavation — Polish Excavations at Old Dongola*, scientific editor S. JAKOBELSKI (Warszawa: Museum Narodowe w Warszawie, 2006).
- RASSART-DEBERGH (1981) — RASSART-DEBERGH M., “À propos de trois peintures de Saqqara”, *Coptica-Acta ad Archaeologiam et Artium historiam Pertinentia* (Rome, 1981), vol. IX.
- SAUGET (1967) — SAUGET J.-M., “Onofrio”, *BSS*, t. IX (1967), col. 1187 – 1197 (culto).
- SCHÜTZ (1994) — SCHÜTZ L., “Paphnutius von Ägypten (der Große) Erem”, *LCI*, col. 115 – 118.
- ZIBAWI (2003) — ZIBAWI M. *Images de l'Égypte chrétienne: iconologie copte* (Paris, 2003).

М. С. ПЕТРОВА

РИТОРИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ РАБОТЫ БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО В КОНТЕКСТЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ЗНАНИЯ ПОЗДНЕЙ АНТИЧНОСТИ И РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ*

Беде Досточтимому¹ (672 / 73–735)², принадлежат (составленные в период с 691 по 703 гг.) риторико-грамматические работы дидактического характера, дошедшие до нашего времени в полном и неизменном виде³, — *О правописании (De orthographia)*⁴, *О метрическом искусстве (De arte metrica)*⁵ и *О фигурах и тропях священного Писания (De schematibus et tropis sacrae Scripturae)*⁶. По-

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ в рамках проекта (№11–01–00025а): «Сочинения Беда в контексте современного гуманитарного знания (исследование и переводы)». В основу статьи положены материалы, доложенные и обсужденные на рабочем семинаре, состоявшемся 17 мая 2011 года в Институте Философии РАН (Москва). Об этом см.: ПЕТРОВА (2011), с. 380–390.

¹ В отечественной историографии существует весьма стойкая традиция называть Беду «Достопочтенным», хотя уже не раз предпринимались попытки исправить эту ситуацию. Так, еще О. А. Добиаш-Рождественская (1874–1939) писала (в 1938 г.) о том, что нет оснований переводить простое слово “venerabilis” («почтенный») ухищренным «достопочтенный» (см. ДОБИАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ [1938], с. 191, примеч. 18). Позднее на это указывали и другие исследователи. См.: НЕНАРОКОВА (1998), с. 246; ПЕТРОВ (1999), с. 46–59; ИВИДЕМ (2010), с. 477–478, примеч. 37. О дискуссии по этому вопросу в отечественной науке см. ПЕТРОВА (2011), с. 388–389. Следует заметить, что с некоторыми оговорками, «Досточтимому» соответствует «Преподобный».

² О Беде и его сочинениях на русском языке см. ФОКИН (2002), с. 426–432.

³ См. PALMER (1959), p. 573; JONES (1975), p. v–xvi.

⁴ См. BEDA, *De orth.*, CCSL 123A, p. 7–57 (или см. PL 90, 123A – 150D; GL VII, p. 261–294). Заметим, что ранее указывалось на сомнительное авторство Беда этой работы — см. GILES. [Praef.] (1843), p. i–ii.

⁵ См. BEDA, *De arte metrica*, CCSL 123A, p. 81–141 (или см. PL 90, 149D – 176A; GL VII, p. 227–260).

⁶ См. BEDA, *De schem. et trop.*, CCSL 123A, p. 142–171 (или см. PL 90, 175A – 186D).

следний текст в содержательном отношении продолжает предыдущий⁷, и по этой причине обе работы в настоящее время рассматриваются как одно целое.

В период между Квинтилианом (ок. 36 – ок. 96) и авторами IX века «учебники» по грамматике, риторике и другим дисциплинам из цикла семи свободных наук⁸ оставили Боэций (ок. 480–524), Исидор Севильский (ок. 560–636), Алкуин (ок. 735–804) и Ноткер Заика (ок. 840–912). Среди них именно Беда является тем автором, чьи дидактические работы на протяжении трех столетий доминировали в своей области гуманитарного знания. Это происходило не только из-за их высокого качества, но и поскольку они соответствовали новой форме образования, практиковавшейся в монастырских школах.

Целью такого рода образования был христианский образ жизни, что по-гречески называлось *ἀσκήσις* (а это понималось как приобретение практических навыков), на латинском — *conversatio*. Подобно Бенедикту из *Бесед* Григория Великого (540–604), те, кто некогда ушел в монастыри от внешнего мира, выработали свою, «новую фи-

⁷ В критическом издании, подготовленном Кальвином Кэнделом и М. Кингом (CCSL 123A), текст *De schem. et trop.* включен в состав *De arte metrica* в виде второй книги (см. *Ibidem*, p. 142: *Liber secundus...*), так как ряд положенных в основу этого издания манускриптов (напр., MS St. Gall, Stiftsbibliothek, 878, са. A. D. 829–849, Reichenau (?) [W]; MS Angers, Bibliothèque publique, 522, s. IX, St. Aubin [A]; MS Munich, Staatsbibliothek, Lat. 6399, s. IX, Freising [F]; MS Trier, Seminarbibliothek, 100, s. IX–X [T]) для *De schem. et trop.* дают такие чтения: “INCIPIVNT LIBER SECVNDVS DE SC[Н]EMATIBVS ET TROPIS”. Этот же титул указан и в более позднем издании К. Кэндела этих текстов (см. BEDE, *Libri II...* KENDALL [text and trans.] [1991], p. 168), сопровождаемых английскими переводами (*Ibidem*, p. 36-209; KENDALL, “Introd.” [1991], p. 15). Ранний перевод этого текста: *Bede's de schematibus...* TANNENHAUS [trans.] (1962), p. 237-253, reprint.: BEDE, *Concerning Figures...* TANNENHAUS [trans.] (1973).

⁸ Канон семи свободных искусств (наук), представленный у Марциана Капеллы (кон. V в.) в *De nuptiis*, сложился к раннему Средневековью. Среди первых авторов, принявших «семь» искусств, были Кассиодор (487–578), обсудивший значение именно этого числа в предисловии к *Установлениям* (CASS., *Instit.* II [Praef.]), и Исидор Севильский (570–636), который в *Этимологиях* утверждал, что «существует семь свободных наук» (ISID., *Etym.* I, 2, 1, PL 82, 74A). Таким образом, канон семи и сложился к концу VI столетия. См. ПЕТРОВА (2000), с. 110-141.

лософию, достигаемую вне традиционной учёности»⁹. Они отвергали светское образование в пользу послушничества под руководством старцев. Постепенно термины “magistri” и “discipuli” стали означать то же, что “seniores” и “iuniores”. В учебном курсе не допускалось ничего, что не приносило бы пользу религиозному воспитанию. Знание ради самого знания, или же знание в качестве подготовительной ступени к светским профессиям, было исключено. Основными обязанностями монахов были дела Господни (opus Dei) — узко интерпретируемые как служение Богу; широко — как *conversatio* (христианский образ жизни)¹⁰.

Сначала изучали элементы грамматики, и это было первой ступенью обучения. Затем — учение о времени (computus) (вторая ступень обучения). Третьей ступенью, согласно св. Бенедикту и Григорию, было церковное пение, как *opus Dei*¹¹. Музыка понималась как

⁹ См. ГРИГ., *Беседы* II (Введение) [с. 488]: «Святой Бенедикт... в Риме отдан был для обучения свободным наукам. Но когда он понял, что от наук многие впадают в пороки, тотчас вышел из училища, дабы по изучению наук и самому после не попасть в пропасть... презревши занятие науками, он... пожелал угождать единому Богу и искал крова святой обители. Впрочем, хотя он не изучил наук, но остался неученым мудрецом» (цит. с изменениями). Оригинальный текст см.: GREG., *Proleg.*, PL 66, 126AB.

¹⁰ См. JONES (1975), p. vi.

¹¹ См. JONES (1975), p. v-vi. Среди упомянутых трех ступеней образования были и другие, однако, именно грамматика, учение о времени и музыка, были наиболее существенными. Ср. БЕДА, *Церк. ист.* IV, 18; Он же, *Жизнеоп.* I, 6: «...он [Бенедикт Бископ. — М. П.] ввел в своем монастыре способ пения молитв и псалмов и совершения службы, согласно обычаю, принятым в Риме» (пер. М. Р. НЕНАРОКОВОЙ). А.-И. Марру так описывает новые формы образования: «Наставник это тот, кто учит не только письму, но и священному Писанию. Религиозное образование не отделяется в школе от преподавания догматики и морали. Религия — это одновременно и ученость, и популярное наставление. Христианство дает самым непритязательным из верующих (каким бы незначительным не было их интеллектуальное развитие) то, что возвышенная культура Античности уделяла только элите философов: учение о Бытии, жизни, внутренней жизни, подчиненной духовному наставлению. Как формулирует наша старая агиографическая традиция, христианская школа одновременно наставляла и в письменных науках, и в добродетели (*litteris et bonis moribus*). Именно в этой жесткой привязке обучения письменным наукам и религиозному наставлению, пусть и на самом элементарном уровне, когда наставник является и учителем, и духовным отцом... обнаруживается сущность христианской школы и средневековой педагогики в отличие от античных. Ее

практическое пение в Григорианских монастырях, а не как умозрительная наука в духе Боэция¹².

Среди источников риторико-грамматических сочинений Беда находятся самые разные тексты, которые он использует как прямо, так и опосредованно. В основном, они принадлежат латинским грамматистам¹³ IV–V вв., античным и христианским поэтам. Из них Беда старательно и кропотливо выбирает как краткие, так и пространные фразы и фрагменты, составляя из них или наполняя ими свои работы¹⁴. Иногда он упоминает авторитетное имя раннего автора, указывая на свою зависимость от него; иногда не делает этого. В числе римских грамматистов, которых Беда называет по имени, — Донат¹⁵ и его комментаторы (Помпей и Сергий), Аудакий, Максим Викторин, Малий Теодор; в числе тех авторов, имен которых он не упоминает, — Сервий, Харисий, Диомед, Альдхельм и, возможно, Квинтилиан¹⁶.

Несмотря на следование светским грамматическим текстам, Беда является одним из наиболее ярких разработчиков христианизированной грамматики¹⁷. Так, для чтения на латинском языке (*lectio*) предназначен трактат *De arte metrica*, для разъяснения языковых норм (*enarratio*) — его вторая часть, озаглавленная *De schematibus et tropis sacrae Scripturae*; для улучшения языка (*emendatio*) — *De orthographia*¹⁸. Именно начиная с Беда, тексты священного Писания стали применяться монахами для обучения¹⁹. В его работах традиционные риторико-грамматические средства и

появление нужно проследить вплоть до египетских монастырей IV столетия». См. MARROU (1950), p. 446–447; JONES (1975), p. vi–vii.

¹² См. БОЭЦИЙ, *Усм.*

¹³ Мы называем ранних авторов «грамматистами», а не грамматиками, чтобы различать «авторов-грамматиков» и их сочинения — «грамматики». См. также: примеч. 15 (с. 325) к нашему переводу: ДОНАТ, *Наука грамм.*

¹⁴ См. БЕДА, *De arte metrica* 25: Quod tria sint genera poematos, CCSL 123A, p. 144, ll. 27–28 (или см. PL 90, 147D; GL VII, p. 260, ll. 3–5): “...ex antiquorum opusculis scriptorum excerpere curavi, et quae sparsim reperta ipse diuturno labore collegeram...”. См. также: DAVIES (1933), p. 184.

¹⁵ О времени жизни Доната см. ПЕТРОВА (2008), с. 80–92.

¹⁶ См. DAVIES (1933), p. 184–188; PALMER (1959), p. 574–575.

¹⁷ См. AMSLER (1989), p. 183.

¹⁸ См. IRVINE (1986), p. 16–29.

¹⁹ См. JONES (1975A), p. 2.

языковые возможности описаны весьма специфично, как бы изнутри самого христианского учения и применительно к нему.

Задача нашей статьи — ответить на вопрос, в какой степени риторико-грамматические сочинения Беда (условно называемые нами «учебниками») зависят от Донатовой *Науки грамматики* (*Ars grammatica*)²⁰. Под этим углом зрения мы проанализируем тексты Беда применительно к изложению Доната и изучим их в контексте образовательных нужд раннего Средневековья.

* * *

Трактат Беда *De orthographia* напоминает орфографический справочник или толковый словарь, с объяснением правил написания латинских слов, сопровождаемых их греческими (иногда еврейскими) соответствиями. Все словарные статьи работы можно разделить на несколько групп. К первой из них относятся те, в которых указано правильное написание слова, иногда его производных; ко второй — те, в которых дано толкование значения слова (или выражения), а также приведены разъяснения по его употреблению; к третьей — те, в которых только указывается соответствие латинской лексемы греческой; к четвертой — те, в которых рассматривается происхождение слов²¹. Часто та или иная статья содержит в себе элементы разных групп. Для удобства использования словарных статей читателями-монахами, Беда расположил их в алфавитном порядке²². Перечень слов предваряется вводным разделом, в котором говорится о латинских буквах и их значениях²³.

²⁰ Кратко о содержании и источниках Донатовой *Науки грамматики* см.: ПЕТРОВА (1999), с. 295-305; о титулах (*Ars Minor*; *Ars Maior*) — см. ПЕТРОВА (2008), с. 80-81, примеч. 2.

²¹ О том, что работа Беда *О правописании* не является учебником, уже было высказано ранее. См. DIONISOTTI (1982), p. 121-122; RUFF (2001), p. 158.

²² Алфавитным порядком изложения пользовались еще в Античности. См., напр., лексикографический труд Веррия Флакка (кон. I – нач. II вв.), который сохранился в сокращенном и переработанном изложении Помпея Феста (II в.) под названием *De significatu verborum* (*О значении слов*) — см. FLACC., FEST. Еще одна версия *De significatu verborum* принадлежит Павлу Диакону (VIII в.), посвятившему «свое» сочинение Карлу Великому.

²³ BEDA, *De orth.*, CCSL 123A, p. 7 (или см. PL 90, 123A – 124B; GL VII, p. 261, ll. 1-16). Текст и перевод см. ниже, в ПРИЛОЖЕНИИ.

В *Науке грамматики* Доната также есть раздел, посвященный буквам (*De littera*). Однако, по сравнению с Бедой, его изложение построено по принципу разделения букв на разные виды и категории (гласные, полугласные, немые и т. д.) с рассмотрением их возможного сочетания между собой, что было свойственно светской образовательной традиции его эпохи²⁴:

Littera est pars minima uocis articulatae. Litterarum aliae sunt uocales, aliae consonantes. Consonantium aliae sunt semiuocales, aliae mutae. Vocales sunt, quae per se proferuntur et per se syllabam faciunt. Sunt autem numero quinque a e i o u. Harum duae, i et u, transeunt in consonantium potestatem, cum aut ipsae inter se geminantur aut cum aliis uocalibus iunguntur, ut luno, uates. Hae etim mediae dicuntur, quia in quibusdam dictionibus expressum sonum non habent, i, ut uir, u ut optumus. Extra quam formam u littera interdum nec uocalis nec consonans habetur, cum inter q litteram consonantem et aliquam uocalem constituitur, ut quoniam, quidem. Huic item digammon adscribi solet, cum sibi ipsa praepositur, ut seruus, uulgus. Nam i litteram geminari in una syllaba <posse>²⁵ plurimi negant. Latinae uocales omnes et produci et corripri possunt. Atque his solis adspirari quidam existimant. Semiuocales sunt, quae per se quidem proferuntur, sed per se syllabam non faciunt. Sunt autem numero septem, f l m n r s x. Ex his una duplex est, x, et liquidae quattuor, l m n r, ex quibus l et r faciunt communem syllabam, et s littera suae cuiusdam potestatis est, quae in metro plerumque uim consonantis amittit. Item ex illis f littera superponitur liquidus l uel r, quem ad modum muta quaelibet, et communem syllabam facit. Mutae sunt, quae nec per se proferuntur nec per se syllabam faciunt. Sunt autem numero nouem, b c d g h k p q t. Ex his superuacuae quibusdam uidentur k et q; qui nesciunt, quotiens a sequitur, k litteram praeposendum esse, non c; quotiens u sequitur, per q, non per c, scribendum. H interdum consonans interdum adspirationis creditur nota. Y et z remanent, quas litteras propter Graeca nomina admisimus: altera namque uocalis, altera est consonans duplex. Vnde fit, ut quidam putant, Latinas litteras non plures esse quam decem et septem, si quidem ex uiginti et tribus una adspirationis nota est, una duplex, duae superuacuae, duae Graecae. Accidunt uni cuique litterae tria, nomen, figura, potestas. Quaeritur enim, quid uocetur littera, qua figura sit, quid posit.

Буква есть малейшая часть членораздельного звука. Одни буквы — гласные, другие — согласные. Из согласных [букв] одни — полу-

²⁴ См. DON., *Ars gramm.*, HOLTZ (1981), p. 603-605 (или см. DON., *Ars gramm.*, GL IV, p. 367-368).

²⁵ KEIL — addidit.

гласные²⁶, другие — немые²⁷. Гласные — [те буквы], которые произносятся сами по себе, и, [сочетаясь] между собой, производят слог. По числу же [их] пять: *a, e, i, o, u*²⁸. Из них две [буквы] — *i* и *u* — [могут] попасть под влияние согласных, [это случается тогда], когда они или сами между собой соединяются, или сочетаются с другими гласными, как *Iuno, vates (uates)*²⁹. Эти же [буквы] называются промежуточными, потому что в некоторых словах они не имеют ясного звука, [например], буква, *i* — как [в слове] *vir*; *u*, как [в слове] *optumus*. Помимо такого вида (format), буква *u* иногда не считается ни гласной, ни согласной; [это происходит тогда], когда она находится между согласной буквой *q* и какой-нибудь гласной, как [в словах] *quoniam, quidem*. К ней же обычно приписывается дигамма³⁰, [что бывает тогда], когда она сама себе предстоит, как *servus (seruus)*³¹, *vulgus (uulgus)*^{32,33}. Однако [с тем], что буква *i* может быть удвоенной в одном слове, многие не соглашаются. Все латинские гласные [звуки³⁴] могут быть и долгими, и краткими. Также считают, что некоторые из них произносятся с придыханием. Согласные — [те буквы], которые, хотя и произносятся сами по себе, однако, сами слога не производят. По числу же [их] семь: *f, l, m, n, r, s, x*. Из них одна — двойная, [это —] *x*, и четыре — плавные: *l, m, n, r*, из которых [буквы] *l* и *r* производят обычный слог, а буква *s* имеет особое качество; кроме того, в стихе в большинстве случаев она теряет свойство согласной [буквы]. Также из тех [букв лишь] буква *f* помещается перед плавными [буквами *l* или *r*]³⁵, хотя ее таким же образом считают немой, и к тому же она производит собственный слог. Немые — [те буквы], которые сами по себе не произносятся [и] слога не производят. Их всего девять, [это]: *b, c, d, g, h, k, p, q, t*. Из них *k* и *q* некоторым кажутся лишними, но они не знают, что каждый раз, когда *a* является последующей, перед ней нужно ставить *k*, а не *c*³⁶, и каждый раз, когда последующей является *u*, следует пи-

²⁶ Напр., *l* и *v*.

²⁷ Напр., *p, b, t*.

²⁸ Здесь и далее выделения курсивом, полужирным шрифтом и полужирным курсивом принадлежат нам.

²⁹ Holtz.

³⁰ То есть двойная гамма, древнегреческая (эолийская) буква *F*, соответствующая латинской *V*.

³¹ HOLTZ.

³² HOLTZ.

³³ Ср. Diom., *GL I*, p. 425, l. 32: "...*u*... geminata digammon accipit...".

³⁴ Здесь речь идет о звуке. Понятия буква и звук часто смешивались латинскими грамматистами. Об этом см. ПЕТРОВА (2009), с. 199, примеч. 10.

³⁵ Напр., *flabellum, i (n)* — веер, опахало; *fragmentum, i (n)* — обломок.

³⁶ Напр., *Kalendae*.

сать *q*, а не *c*³⁷. [Букву] *h* иногда считают согласной, иногда — знаком придыхания. [Буквы] *y* и *z* остались [от греческого языка], за этими буквами мы, [латиняне], сохранили собственные греческие названия: ведь в самом деле, одна [из них] гласная, другая — двойная согласная. Отсюда следует, как полагают некоторые, что в латинском языке букв не больше семнадцати, [ведь так будет], если из двадцати трех одна является знаком придыхания, одна — двойной, две — лишними, две — греческими. Некоторые устанавливают буквам три [признака]: имя, начертание³⁸, свойство. Ведь [нам] известно, как буква называется, каково ее начертание, и на что она влияет³⁹.

Здесь Беда не зависит от Доната; не следует он римскому грамматисту и в дальнейшем своем рассуждении, направленном на разъяснение трудных или неизвестных латинских слов. Беда часто подтверждает свои мысли этимологическими рассуждениями (*ratio etymologiae*), заимствуя слова из трех священных языков (*tres linguae sacrae*)^{40,41}:

PLATEA similiter in utraque lingua unum idemque significat; sed ut etymologiae ratio probat, a graeca origine nomen tractum atque a latitudine deriuatum, quoniam graece *πλατύ* dicitur latum.

PLATEA (улица, внутренний двор) означает одну и ту же вещь на обоих языках [греческом и латинском]; однако, как это ясно показано этимологически, имя это имеет греческое происхождение, и образовано оно от *latitudine* (обширное пространство), потому что *latum* (ширина, широта) по-гречески названа *πλατύ*.

Очевидно, что цели обоих авторов при написании «учебников» были разными. В отличие от изложения Доната, работа Беды была предназначена для монастырских читателей христианских текстов, для лучшего усвоения ими Писания и для того, чтобы переписчик мог поправить неточности в священных текстах⁴².

³⁷ Напр., **quum** (*cum*); **quotus**, *a, um*.

³⁸ Термин “*figura*” здесь обозначает буквенное начертание, в отличие от употребления аналогичного термина при описании имен, обозначающего состав слова. См., напр., ДОНАТ, *Краткая наука...* с. 306-307.

³⁹ См. также: ДОНАТ, *Наука грамм.*, с. 312-331.

⁴⁰ AMSLER (1989), p. 109, 185. Уже очень рано христиане считали еврейский, греческий и латинский языки священными из-за их особой роли в истории спасения человечества. В основе теории перевода (*translatio*) Беды неявно лежит эта идея, которую он воспроизводит в рассказе об отправке папой Григорием миссионеров к англо-саксам. См. БЕДА, *Церк. ист.* II. 1 (с. 45-49).

⁴¹ См. БЕДА, *De orth.*, CCSL 123A, p. 39, l. 809 – p. 40, l. 812 (или см. PL 90, 141BC; GL VII, p. 282, l. 31 – p. 283, l. 2).

⁴² IRVINE (1986), p. 31-32; AMSLER (1989), p. 185.

Беда перечисляет часто встречающиеся в языке слова и их сочетания, применяя краткие разъяснительные формулы, типа “...dicitur id est...”. Этот метод Беды (принятый многими средневековыми авторами⁴³, комментаторами и глоссаторами) напоминает тот, что использован Исидором Севильским в его *Этимологиях*. Это подтверждает и ряд лексических параллелей, имеющих в их текстах. Ср.:

ISID., *Etym.* I, 27, PL 82.

4 (101B). **DEUS** per e solam; **DAEMON** per ae diphthongum est notandus.

DEUS [Бог] пишется через одно e, а **DAEMON** [демон] — через дифтонг ae⁴⁵.

5 (101C). **EQUUS**, quod est animal, per e scribendus. **AEQUUS**, quod est justus, per ae diphthongum est scribendus.

EQUUS (конь), в смысле животное, следует писать через одно e. **AEQUUS** (равный), в смысле справедливый, следует писать через дифтонг ae.

8 (102A). **FEDUS**, quod est deformis, per e solam scribendum; **FOEDUS**, quod est pactum, cum oe diphthongo scribendum.

FEDUS, то есть безобразный, должно писаться через одно e; **FOEDUS** [союз], то есть договор, — через дифтонг oe.

9 (102A). **FORMOSUS** sine n scribitur quia a *formo*, id est, *calido*; calor namque sanguinis efficit pulchritudinem.

FORMOSUS (красивый) пишется без n, поскольку оно образовано от [слова] *forma* (форма), то есть от горячего (*calidus*), ведь пылкость крови является причиной красоты].

BEDA, *De orth.*, CCSL 123A⁴⁴.

(p. 20, v. 324) **DAEMON** per diphthongum notandus; **DEUS** per e solam.

DAEMON [демон], заметим, следует [писать] через дифтонг [ae]; **DEUS** (Бог) — только через e.

(p. 23, vv. 401-403) **EQUO** sedeo datiuo casu et ablatiuo sine praepositione dicendum; et **EQUUM** sedeo accusatiuo; et in **EQUO** et super **EQUUM** similiter.

EQUO sedeo (сиджу на коне) — следует говорить в дативе и аблативе, без предлога; и **EQUUM sedeo** — в аккумулятиве; и **in EQUO**, и **super EQUUM** [обозначают] то же самое.

(p. 25, v. 440-441) **FEDUS**, quod est deformis, per e solam scribendum; **FOEDUS**, quod est pactum, cum oe diphthongo <scribendum>⁴⁶.

FEDUS, то есть бесформенный, следует писать только через e; **FOEDUS**, то есть договор, — с дифтонгом oe.

(p. 25, v. 442) **FORMOSUS** sine n, sicut speciosus.

FORMOSUS (красивый) — [следует писать] без n, как [и] **speciosus** («милый, прелестный, прекрасный, великолепный»).

⁴³ Напр., у Иеронима и Августина. См. AMSLER (1989), p. 100-118; 185.

⁴⁴ См. также: BEDA, *De orth.*, PL 90, 131A – 133C (или *GL* VII, p. 270-273).

⁴⁵ Пер. Л. А. ХАРИТОНОВА, с изменениями (см. ИСИДОР, *Этим.*, с. 35-36).

⁴⁶ Добавлено (MIGNE — ad loc.).

В другой работе Беды *De arte metrica* рассматривается искусство стихосложения. Этот текст условно можно разделить на посвященное буквам введение, основную часть и заключение, в котором говорится о трех видах поэзии. В частности, введение включает в себя перечень гласных и согласных букв, полугласных и немых, а также информацию о соответствии некоторых латинских букв буквам греческого языка (что имеется и у Доната). В основной части, в свою очередь, можно выделить три раздела, в которых перечисляются слоги и их виды (например, общие, долгие и краткие; краткие, переходящие в долгие и т. д.), а также стихотворные размеры, с указанием на наилучшую форму стихов (что сопровождается примерами из текстов Седулия, Аратора, Фортуната, Проспера и др. поэтов), и ритм. Применительно к нашей рубрикации содержание работы Беды таково⁴⁷:

[Введение⁴⁸.]

(1). De littera (О букве).

[Основная часть. —

Первый раздел⁴⁹.]

I. (2). De syllaba (О слоге).

I. 1 (3). De communibus syllabis (Об общих слогах).

I. 2 (4). De primis syllabis (О начальных слогах).

I. 3 (5). De mediis syllabis (О средних слогах).

I. 4 (6). De ultimis syllabis nominum, pronominum, et participiorum (О конечных слогах имен, местоимений и причастий).

I. 5 (7). De ultimis syllabis uerborum et aduerbiorum (О конечных слогах глаголов и наречий).

I. 6. (8). De regulis syllabarum⁵⁰ coniunctionum, praepositionum, interiectionum (О правилах слогов союзов, предлогов, междометий).

⁴⁷ В круглых скобках указана рубрикация латинской патрологии Миня (PL). Такая же рубрикация (с добавлением нумерации строк) приведена Джонсом (CCSL 123A, p. 81-141).

⁴⁸ BEDA, *De arte metrica* 1, PL 90, 149D – 152A; GL VII, p. 227, l. 15 – p. 229, l. 10; CCSL 123A, p. 81.

⁴⁹ *Ibidem* 2 – 8, PL 90, 152A – 161C; GL VII, p. 229, l. 11 – p. 241, l. 13; CCSL 123A, p. 86-107.

⁵⁰ Ср. MIGNE (ad loc.): De ultimis syllabis conjunctionum, praepositionum, et enteriectionum (О конечных слогах союзов, предлогов и междометий).

[Второй раздел⁵¹]

II. (9). De pedibus (О стихотворных стопах).

II. 1 (10). De metro dactylico hexametro uel pentametro
(О дактилическом размере, гекзаметре или пентаметре).

II. 2 (11). Quae sit optima carminis forma (Какова наилучшая форма стихов).

II. 3 (12). De scansionibus uel caesuris heroicis uersus⁵² (О скандировании или цезурах героического стиха).

II. 4 (13). De synalipha (О синалепе).

II. 5 (14). De episyualipha uel dieresi (Об эписиналефе, или дieresе).

II. 6 (15). Quod et auctoritas saepe et necessitas metricorum decreta uiolet (О том, что и авторитетные авторы и [практическая необходимость] часто нарушают метрические требования).

II. 7 (16). Vt prisca poetae quaedam aliter quam moderni posuerunt⁵³
(О том, что другие поэты утверждают нечто иначе, чем современные).

II. 8 (17). De metro Fallescio (О фалесковом размере стиха).

II. 9 (18). De metro Saphico (О Сапфической строфе).

II. 10 (19). De metro tetrametro catalectico (О каталектическом тетраметре).

II. 11 (20). De metro iambico hexametro (О ямбическом гекзаметре).

II. 12 (21). De metro iambico tetrametro (О ямбическом тетраметре).

II. 13 (22). De metro Anacreontio (Об анакреонтическом размере).

II. 14 (23). De metro trochaico tetrametro⁵⁴ (О трохее).

[Третий раздел⁵⁵:]

III (24). De ritmo (О ритме).

[Заключение⁵⁶:]

(25). Quod tria sint genera poematos⁵⁷ (О трех видах поэзии).

⁵¹ *Ibidem* 9 – 23, *PL* 90, 161C – 173C; *GL* VII, p. 241, l. 14 – p. 258, l. 17; *CCSL* 123A, p. 107-137.

⁵² Ср. *MIGNE* (ad loc.): De scansionibus sive caesuris versus heroicis.

⁵³ *MIGNE* (ad loc.): ...proposuerint.

⁵⁴ Ср. *MIGNE* (ad loc.): De metro trochaico (О трохее).

⁵⁵ *Ibidem* 24, *PL* 90, 173C – 174B; *GL* VII, p. 258, l. 18 – p. 259, l. 12; *CCSL* 123A, p. 138-139.

⁵⁶ *Ibidem* 25, *PL* 90, 174B – 176A; *GL* VII, p. 259, l. 13 – p. 260, l. 11; *CCSL* 123A, p. 139-141.

⁵⁷ Ср. *MIGNE* (ad loc.): Quod tria sunt genera poematis.

В этом тексте Беда пять раз упоминает имя Доната. Три отсылки встречаются в самом начале его сочинения, точнее, в первом и третьем разделах. Самая первая из них имеет место в разделе о буквах, при обсуждении двух из них — ‘i’ и ‘u’. Ср.⁵⁸:

BEDA, *De arte metrica*: (1.) De litteris (CCSL 123A, p. 83, v. 26 – p. 84, v. 38⁵⁹).

Itaque omnes litterae quibus utimur sunt XX et VII⁶¹, uocales videlicet VIII⁶², A E I O V H Y Ω⁶³, et consonantes undeuiginti. Sed *et ipsis*⁶⁴ uocalibus **I et V** plerumque **in consonantium potestatem transeunt, cum aut ipsae inter se geminantur, ut iumentum, uinum, aut cum aliis uocalibus iunguntur**, ut ianua, iecur, iocus, uanitas, ueritas, uolatus. V quoque nonnunquam sibi ipsa praepositur, ut uultus; sed et alterum consonantis locum tenet, cum uel Latine au<a>rum uel euangelium Graece nominamus. Mirum autem quare dixerit Donatus *eam interdum nec uocalem nec consonantem haberi, cum inter Q litteram consonantem et alteram uocalem constituitur, ut quoniam, quidem...* —

И тогда, всего существует 27 букв, которыми мы пользуемся, гласных, очевидно, — 8: A E I O V H Y Ω, и согласных — 19; но из них [две] гласные [буквы] I и V, большей частью, в качестве согласных переходят, когда они или сами между собой соединяются, как *iumentum, uinum*, или когда они соединяются с другими гласными, как *ianua, iecur, iocus, uanitas, ueritas*,

DON., *Ars gramm.*: De littera (HOLTZ, p. 604, ll. 1-5)⁶⁰.

Harum duae, i et u, transeunt in consonantium potestatem, cum aut ipsae inter se geminantur aut cum aliis uocalibus iunguntur, ut *Iuno, uates*. Hae etiam mediae dicuntur, quia in quibusdam dictionibus expressum sonum non habent, i ut *uir, u* ut *optimus*. Extra quam formam *u littera interdum nec uocalis nec consonans habetur, cum inter q litteram consonantem et aliquam uocalem constituitur, ut quoniam, quidem...*⁶⁵ —

⁵⁸ Здесь и далее точные текстуальные параллели между Бедой и Донатом показаны полужирным шрифтом; вербальные отличия, не изменяющие смысла и значения текста, выделены курсивом; изменение местоположения слов отмечено подчеркиванием.

⁵⁹ См. также: BEDA, *De arte metrica*, GL VII, p. 227, l. 15 – p. 229, l. 10 (или см. PL 90, 151BC).

⁶⁰ См. также: GL IV, p. 367, ll. 13-18.

⁶¹ MIGNE (ad loc.): ...viginti et septem...

⁶² MIGNE (ad loc.): ...octo...

⁶³ MIGNE (ad loc.) — omittent.

⁶⁴ MIGNE (ad loc.): ...de his...

⁶⁵ Перевод см. выше.

uolatus. [Буква] V иногда не только сама себе предстает, как [в слове] uultus, но и место второй согласной удерживает, как, например, или au<a>rum на латинском, или euangelium по-гречески. Странно, отчего Донат говорил, что подчас [эта буква] не является ни гласной, ни согласной, в то время как она помещается между согласной буквой Q и другой гласной, как quoniam, quidem...

Имеющиеся лексические параллели демонстрируют прямое знание Бедой текста Доната. Но Беда, выстраивая собственное рассуждение, не соглашается с римским грамматистом в отношении значения буквы v⁶⁶, выражая удивление его словам.

В рассматриваемом фрагменте Беды есть еще одно отличие от Доната (сам Беда не оговаривает его). Оно выражается в общем количестве букв. У Доната их — 23 (с учетом так называемых «лишних» букв, знака придыхания, греческих и двойных); у Беды — 27, что, в свою очередь, указывает на следование Бедой не столько Донату, сколько текстам других грамматистов⁶⁷ (среди которых, например,

⁶⁶ Развернутое разъяснение по этому поводу имеется у Исидора Севильского в его *Этимологиях* (I, 4, 5-8).

⁶⁷ Несколько выше Беда говорит о 21 латинской букве. См. BEDA, *De arte metrica* I: De littera, PL 90, 150D – 151A (или см.: CCSL 123A, p. 82, l. 4; GL VII, p. 227, ll. 17-20): “Sunt autem Latinae litterae omnes XXI, e quibus quinque vocales appellantur, a e i o u, ceterae omnes consonantes. At de isdem consonantibus septem dicuntur semivocales, f l m n r s x, ceterae novem mutae, b c d g h k p q t”. — «Все-го же латинских букв 21, из них 5 считаются гласными, [это]: a, e, i, o, u; все остальные — согласными. А из этих самых [согласных] — семь называются полугласными, [это]: f, l, m, n, r, s, x; остальные девять — немые: b, c, d, g, h, k, p, q, t». Это, на первый взгляд, соответствует 21 латинской букве Доната (без учета двух «лишних» букв). Однако скорее всего, Беда здесь следует не Донату, а Диомеду, который указывает на 21 латинскую букву и 2 греческих, u и z (см. ДЮМ., *Artis gramm.* II: De littera, GL I, p. 421, l. 34), хотя ранее он и включает эти две буквы в общее число 23 (*Ibidem*, p. 421, l. 20). Утверждение о количестве латинских букв, равному 21, соотносится с аналогичными высказываниями, встречающимися в анонимном трактате, возможно, принадлежащему Максиму Викторину (см. [MAX. VICT.], *De fin. metr.*, GL VI, p. 229, ll. 5-8), и в тексте Аудакия (см. AUD., *Exc.*: De littera, GL VII, p. 325, l. 18 – 326, l. 18). Аудакий, не называя общего количества букв, пишет о том, что существуют пять гласных, семь полугласных и девять немых, что в целом составляет 21 букву. Донат же следует иной традиции, в рамках которой фигурировали либо 17 букв, либо 23

Помпей и Сергей — их имена упомянуты Бедой чуть ниже, в этом же фрагменте).

Два других упоминания о Донате содержатся в разделе об общих слогах. В этих местах своей работы Беда не только использует такие объяснительные формулы, как: “Unde bene Donatus... dixit...” и “...ut Donatus ait...”, но и прямо цитирует Донатов текст (*Ars grammatica* [*Ars maior*]). Ср.:

BEDA, *De arte metrica*:
(3.) De communibus syllabis
(CCSL 123A, p. 90, ll. 48-51)⁶⁸.

Vnde bene Donatus, cum de *liquentibus* litteris loqueretur, dixit specialiter de hac⁷⁰,
‘et S litterae suae cuiusdam potestatis est, quae in metris plerumque uim consonantis amittit. —

Отсюда Донат, когда говорил о плавных буквах, особо сказал о них так: “а у буквы S есть особое качество; кроме того, в стихах в большинстве случаев она теряет свойство согласной [буквы]».

BEDA, *De arte metrica*:
(3.) De communibus syllabis
(CCSL 123A, p. 91, ll. 76-77)⁷².

Sextus modus est, ut Donatus ait, **cum**

DON., *Ars gramm.*: De littera
(HOLTZ, p. 604, ll. 12-13)⁶⁹.

...et s littera suae cuiusdam potestatis est, quae in metro plerumque uim consonantis amittit⁷¹.

DON., *Ars gramm.*: De syllaba
(HOLTZ, p. 606, l. 13 – p. 607, l. 1)⁷³

...aut **cum producta uocalis est uocali**

(см. DON., *Ars gramm.*, GL IV, p. 368, ll. 12-14), хотя в начале своего изложения он говорит о существовании пяти гласных, семи полугласных и девяти немых (*Ibidem*, GL IV, p. 367, ll. 11-12; p. 368, ll. 1-2, 6-7). Из аналогичного рассмотрения буквы h, k, q, x, y, z были исключены Сергием и Помпеем, которые, как ожидалось, следовали Донату при цитировании перечня из 23 букв, хотя Помпей указывает и на то, что общее количество букв было 16, ссылаясь на ранних авторитетных авторов (“apud maiores nostros” — см. РОМР., *Comm.*: De litteris, GL V, p. 98, ll. 20-21). Таким образом, более вероятно то, что при описании количества букв на Беду оказал влияние трактат *De finalibus metrorum* (возможно, принадлежащий Максиму Викторину), которому он следует, хотя и коротко, но не прямо, но не текст Доната (о влиянии на Беду этого трактата — см. PALMER [1959], p. 577, 581).

⁶⁸ См. также: BEDA, *De arte metrica*, PL 90, 154A (GL VII, p. 231, ll. 27-29).

⁶⁹ См. также: GL IV, p. 368, ll. 2-3.

⁷⁰ MIGNÉ (ad loc.) — ...h...

⁷¹ Перевод см. *выше*.

⁷² См. также: BEDA, *De arte metrica*, PL 90, 154C (GL VII, p. 232, ll. 16-17).

⁷³ См. также: GL IV, p. 369, ll. 9-10.

producta uocalis est uocali altera consequente. — altera consequente.

Есть шесть случаев, как говорил Донат, когда [слоги] становятся долгими: [когда] долгая гласная [буква] следует за другой гласной.

...или когда долгая гласная [буква] следует за другой гласной.

Два последних упоминания Бедой имени Доната свидетельствуют о высоком авторитете римского грамматиста, что традиционно для многих средневековых авторов. Первое из них встречается в разделе о стихотворных стопах. Беда пишет⁷⁴:

...de quibus in Donato plenissime quisque⁷⁵ uelit inueniet. Sed nos in praesenti opusculo disyllabos et trisyllabos tantum meminisse sufficiat.

...о чем исчерпывающим образом изложено у Доната, но нам в настоящем сочинении достаточно упомянуть лишь о двусложных и трехсложных [стопах]...

Второе — в конце трактата, в разделе об *эписиналефе* (т. е. слитном произнесении как дифтонга двух смежных гласных внутри слова) или *диерезе* (т. е. разложении дифтонга на составные части, при котором каждый гласный получает самостоятельное существование). Беда добавляет⁷⁶:

Sed et hoc memorandum, quia, cum nomina quae in IVS uel in IVM terminantur duo I in genetiuo habere debeant casu duarum aequae syllabarum, metrici nonnumquam in eodem genetiuo casu unam syllabam ponunt pro duabus, uel ablata uidelicet una I de duabus uel ambabus in unam syllabam geminatis, quamuis id fieri posse, Donato teste, plurimi negent. —

Но следует помнить и то, что хотя имена, которые оканчиваются на *-ius* или *-ium*, должны иметь две [буквы] *i* в генетиве, [и окончание у них состоит] равно из двух слогов, знатоки законов стихосложения всегда поставят в том самом генетиве один слог вместо двух, или, как очевидно, отделив одну [букву] *i* от двух, или объединив две в один слог, хотя, по мнению Доната, многие отрицают, что это может иметь место.

Помимо этого, в тексте Беды есть места, восходящие к изложению Доната, без упоминания его имени.

⁷⁴ См. BEDA, *De arte metrica* 9: De pedibus, *CCSL* 123, p. 107, ll. 8-11 (*PL* 90, 161D; *GL* VII, p. 242, ll. 20-21).

⁷⁵ Migne (ad loc.) — ...quisquis...

⁷⁶ BEDA, *De arte metrica* 14: De episynalepha, vel diaeresi, *CCSL* 123A, p. 126, ll. 80-86 (*PL* 90, 168D; *GL* VII, p. 251, ll. 1-5).

На это указывают словесные и смысловые параллели. Ср.:

BEDA, *De arte metrica*: (1.) De littera (CCSL 123A, p. 85, ll. 56-60)⁷⁷.

Sunt **et liquentes** litterae **quattuor**, **L M N R**, quae diuerso quidem modo, sed certa ratione, **plerumque in metro** solitam **consonantium uim amittere** solent; nonnumquam natura breues syllabas inueniuntur reddere longas. —

А плавных букв — четыре: L, M, N, R; которые... в большинстве случаев в стихе обыкновенно утрачивают силу согласных; ведь никогда краткие по природе слоги не перейдут в долгие.

DON., *Ars gramm.*: De littera (HOLTZ, p. 604, ll. 11-13)⁷⁸.

...**et liquidae quattuor**, **l m n r**, ex quibus l et r faciunt communem syllabam, et s littera suae cuiusdam potestatis est, quae **in metro plerumque uim consonantis amittit**⁷⁹.

Таким образом, несмотря на то, что прямых ссылок у Беда на Доната немного, можно предположить, что именно Донатова *Ars grammatica* [*Ars maior*] стала образцом для его грамматического и терминологического языка, «понятного» и «прочитанного» в раннее Средневековье⁸⁰.

По сравнению с языковой структурой IV столетия, грамматическая структура латинского языка VII–VIII вв. изменилась. Беда последовал призыву Григория Великого создавать грамматическое учение скорее на священных текстах (а не на традиционных грамматических правилах)⁸¹, хотя сам он выстраивает свои рассуждения, основываясь на известных в его эпоху текстах античной грамматики. Не случайно он вставил в свое изложение пассаж о римском алфавите, включающий четыре греческие буквы (Α, Χ, Ρ, Ω), из-за их значения в текстах для монастырского чтения⁸².

⁷⁷ См. также PL 90, 152A; GL VII, p. 229, ll. 8-10.

⁷⁸ См. также GL IV, p. 368, ll. 1-2.

⁷⁹ Перевод см. выше.

⁸⁰ См. также: HOLTZ (1981), p. 318.

⁸¹ Мы имеем в виду то, что Григорий Великий (ок. 540–604 гг.) в предисловии к проникнутым духом монашеского аскетизма *Моралиям на Иова*, полагал, что не следует подгонять язык Библии под нормы классического языка Доната. См. GREG., *Mor.*, PL 75, col. 516: “...quia indignum uehementur existimo, ut uerba caelestis oraculi restringam sub regulis Donati...” («...я полагаю совершенно не достойным стеснять слова божественного откровения правилами Доната»).

⁸² BEDA, *De arte metrica* 1: De littera, CCSL 123A, p. 83, l. 12 (или см. PL 90, 149D – 152A; GL VII, p. 228, ll. 3-8). Если разъяснение греческой буквы H, воз-

Впрочем, он не разъясняет священного значения букв *Υ*, *Θ* или *T*, как это сделал, например, Исидор Севильский⁸³.

Этимологические описания относительно греческих терминов, различных стихотворных стоп и риторических фигур⁸⁴ Беда формулирует в конструкции с *quod / quia*, встречающейся у комментаторов Доната (например, у Сервия⁸⁵) и Исидора Севильского:

Dictus inde ‘pes’, quod hoc quasi pedali regula ad uersum utimur mensurandum⁸⁶.

Потому говорят «стопа» (*pes*), что мы употребляем правило измерения строк точно так, как мы употребляем меру при шагании.

Следует также отметить, что свой трактат Беда посвятил ученику и коллеге, дьякону Кутберту⁸⁷:

...ita et in metrica arte, quae divinis non est incognita libris,
te solerter instruerem...

...я наставлю тебя в метрическом искусстве,
которое присутствует и в божественных Писаниях...

можно, восходит к тексту Сергия (*GL IV*, p. 477, ll. 20-26), то информация о всех остальных буквах (*X*, *P*, *Ω*), обнаруживается лишь в Библии (являясь частью Христианского наследия) и у различных христианских авторов, следовавших Беде. Это позволяет сделать вывод о том, что Беда адаптировал языческий латинский алфавит к христианскому алфавиту. См. PALMER (1959), p. 578.

⁸³ ISID., *Etym.* I. 3 (8-9), *PL* 82, 76BC: «Ведь у греков есть пять священных (*mysticas*) букв. Первая — *Υ*, которая обозначает человеческую жизнь... Вторая — *Θ*, которая [обозначает] смерть, ибо судьи эту самую букву ставили против имени тех людей, которых приговаривали к смертной казни. И называется она *ἀπὸ τοῦ θανάτου*, то есть “от смерти”. Поэтому она имеет посередине стрелу, то есть знак смерти... Третья — *T*, показывает вид креста Господня, почему по-еврейски [она] и значит “знак”... Остальные две, первую и последнюю, взял себе Христос. Ведь Он начало и Он конец, говоря: “Аз есмь *Альфа* и *Омега*” (Откр 1:8)» (пер. Л. А. ХАРИТОНОВА, с изменениями).

⁸⁴ PALMER, p. 576.

⁸⁵ См.: SERVIUS, *Comm.*, *GL IV*, p. 405, ll. 3-4; p. 410, l. 26; p. 417, l. 18; p. 418, l. 11. Отметим, что формула “*X* dicitur quod” («“нечто” говорится, поскольку...») также встречается в грамматическом дискурсе Варрона. См.: VARRO, *De lingua latina* V, 73, 5; V, 168, 3; VII, 92, 2.

⁸⁶ BEDA, *De arte metrica* 9: *De pedibus*, *CCSL* 123A, p. 107, ll. 1-4 (или см. *PL* 90, 161C; *GL VII*, p. 241, ll. 15-16).

⁸⁷ BEDA, *De arte metrica* 25: *Quod tria sint genera poematos*, *CCSL* 123A, p. 141, ll. 30-31 (или см. *PL* 90, 174D; *GL VII*, p. 260, ll. 6-7).

В этой связи текст цитат, которые привлекает Беда, был не Вергилиевым, а библейским. Беда даже приводит примеры гекзаметров из Венанция Фортуната (530 / 540 – 600 / 609), полностью составленных из библейских имен⁸⁸.

В итоге, текст Беды, с одной стороны, демонстрирует зависимость от классической грамматической традиции; с другой, находится внутри патристического и христианского грамматического дискурса. Так, после пересказа учения Диомеда о трех видах поэзии (*genera roematae*) — драматического, повествовательного и смешанного, Беда иллюстрирует это библейскими примерами. Драматическому виду соответствует Песнь Песней, повествовательному — Экклезиаст и Псалмы; смешанному — книги Иова⁸⁹. Тем самым Беда адаптирует схему Диомеда, добавляя новые свидетельства. Для Беды божественное Писание предшествует письму человека.

Точке зрения Беды относительно превосходства библейского Писания над светскими текстами соответствует анонимное изложение (возможно, псевдо-Беды), которое включает в себя следующий диалог о происхождении Писания⁹⁰:

Dic mihi quis primus finxit litteram? — Mercurius Gigas. — Quid primum a Deo processit? — Verbum hoc, “Fiat lux”.

Скажи мне, кто первый изобрел Писание? — Гигант Меркурий. — Что первым произошло от Бога? — Слово такое: «Да будет свет».

В монастырском преподавании нравоучительные *Дистихи Катона* заменила Псалтирь. Вслед за Иеронимом и Исидором Севильским, Беда утверждает, что творцом всех ритмов является Бог, и что Моисей, Давид и Иов не только предшествуют классическим поэтам, но также и превосходят их чистотой стихотворных форм, заключающих в себе священную мистику. В этой связи, вполне возможно, что Беда использовал ту же христианизированную версию Донатова текста, что и Исидор Севильский и Юлиан из Толедо (642–690)⁹¹. Вероятно, он следовал

⁸⁸ См. BEDA, *De arte metrica* (11): Quae sit optima carminis forma, *CCSL* 123A, p. 114, l. 43 (или см. *PL* 90, 164A; *GL* VII, p. 244, l. 29): “Sarra, Rebecca, Pache, Ester, Iudith, Anna, Noemi...”.

⁸⁹ BEDA, *De arte metrica* 25: Quod tria sint genera poematos, *CCSL* 123A, p. 140, l. 11 – p. 141, l. 25 (или см. *PL* 90, 174C; *GL* VII, p. 259).

⁹⁰ См. *Exc.*, *PL* 94, 539D.

⁹¹ AMSLER (1989), p. 183-184, со ссылкой на: SCHINDEL (1972), p. 169-186; IDEM (1975), p. 53-95; 182-183; 190-191.

и Исидору Юному (*Isidorus Iunior*⁹²), внедряя в свое изложение Псалтирь и библейские фразы.

Тем самым, Беда христианизировал Исидора еще больше и его источники (отраженные также и в *Isidorus Iunior*⁹³), поскольку сам он (несмотря на то, что повторяет композицию и многие определения из тех текстов) замещает примеры Исидора на библейские, при этом, как правило, принижает значимость пассажей Вергилия, находящихся рядом с библейскими текстами в *Isidorus Iunior*.

Последний текст Беды *De schematibus et tropis sacrae Scripturae*, как уже было отмечено, созвучен с *De arte metrica* по замыслу⁹⁴, принципам составления, целям и содержанию. Беда добавил две главы к *Метрическому искусству*, которые имеют соответствующие заглавия (*О фигурах* и *О тропях*)⁹⁵. Вкратце их содержание таково:

- I. Pars Prima — De schematibus (Первая часть — О фигурах речи).
- II. Pars Secunda — De tropis (Вторая часть — О тропях).
 - II. 1. De metaphora (О метафоре).
 - II. 2. De katachresi (О катахресисе).
 - II. 3. De metalepsi (О металепсисе).
 - II. 4. De metonymia (О метонимии).
 - II. 5. De antonomasia (Об антономасии).
 - II. 6. De epitheto (Об эпитете).
 - II. 7. De synecdoche (О синекдохе).
 - II. 8. De onomatopoeia (Об ономапоее).
 - II. 9. De periphrase (О парафразе).
 - II. 10. De hyperbato (О гипербатоне).
 - II. 11. De hyperbole (О гиперболе).
 - II. 12. De allegoria (Об аллегории).
 - II. 13. De homoeosi (О хомойосисе⁹⁶).

⁹² Этот анонимный текст, идентифицированный Schindel (1975) как *Isidorus Iunior*, содержит в себе примеры из библейских текстов, инкорпорированные в Донатово-Сервиево изложение (см. также: AMSLER [1989], p. 179).

⁹³ AMSLER (1989), p. 184 со ссылкой на SCHINDEL (1972).

⁹⁴ PALMER (1959), p. 573.

⁹⁵ См. DAVIES (1933), p. 194.

⁹⁶ Ср. ISID., *Etym.* I. 37 (31), PL 82: "...homoeosis est... similitudo, per quam minus note rei per similitudinem ejus, quae magis nota est, panditur demonstratio". — «Хомойосис, что на латинский язык переводится как подобие, — это то, посредством чего делается указание на менее заметную вещь через сходство с тою, которая более заметна» (пер. Л. А. ХАРИТОНОВА); THEOD., *Ep.* 409, ll. 18-19, PG 99, 1288AB (TLG 2714-002): οὐ γὰρ ταῦτόν εἰκὼν καὶ ἀρχέτυπον τῆ φύσει, ἀλλὰ ταῦτόν τῆ ὁμοιώσει — «Образ и архетип тождественны не по природе, но

Первая глава, будучи вводной, содержит в себе перечень фигур речи и тропов; вторая — посвящена описанию тропов, которые встречаются в священном Писании. Изложение Беды, несмотря на отсутствие в нем упоминаний о Донате, близко следует двум соответствующим главам из его *Ars grammatica* [*Ars maior*] и находится в русле риторико-грамматической традиции предшествующей эпохи. На это указывает ряд определений, дословно совпадающих с Донатовыми. Ср.:

BEDA, *De schemat. et trop.* II: De tropis
(CCSL 123A, p. 151, ll. 1-2)⁹⁷

**Tropus est dictio translata a propria
significatione ad non propriam similitu-
dinem ornatus necessitatisue causa.**

DON., *Ars gramm.*: De tropis
(HOLTZ, p. 667, ll. 1-2)⁹⁸

**Tropus est dictio translata a propria
significatione ad non propriam similitu-
dinem ornatus necessitatisue causa.**

Троп — это словосочетание, ради красоты или по необходимости употребляемое не в собственном смысле, а в переносном, когда [оно является] уподоблением.

Далее тексты Беды и Доната также совпадают. Беда перечисляет тринадцать тропов в том же порядке, что и Донат⁹⁹, дает определение метафоры и ее четырех видов, точно следуя Донатову тексту.

BEDA, *De schemat. et trop.* II: De tropis,
1. De metaphora
(CCSL 123A, p. 152, ll. 8-11)¹⁰⁰

**Metaphora est rerum uerborumque
translatio. Haec fit modis quatuor: ab**

DON., *Ars gramm.*: De tropis
(HOLTZ, p. 667, ll. 6-7)¹⁰¹

**Metaphora est rerum uerborumque
translatio. Haec fit modis quatuor, ab**

в силу уподобления» (пер. В. В. ПЕТРОВА) — об этом см. LAMPE [ed.] (1961), p. 956-957 [*ὁμοίωσις*]. Можно указать еще на одну параллель (I в. до н. э.), применительно к «уподоблению», см. ТРУРН., *De trop.*, p. 191 (TLG 0609-001: p. 191, l. 24 – 192, l. 1): *Μεταφορά ἐστὶ λέξις μεταφερομένη ἀπὸ τοῦ κυρίου ἐπὶ τὸ μὴ κύριον ἐμφάσεως ἢ ὁμοιώσεως ἕνεκα ἐμφάσεως μὲν, οἶον αἰχμὴ δὲ διέσσυτο μαμῶωσα.* — «Метафора — это образ речи, переносящий от прямого значения к переносному ради разъяснения (т. е. особой выразительности, эnfазы. — М. П.) или уподобления, например, нестись, словно стремительное копье» (пер. В. В. ПЕТРОВА).

⁹⁷ См. также PL 90, 179B; GILES. [ed.] (1843), p. 87.

⁹⁸ См. также GL IV, p. 399, l. 13-14.

⁹⁹ BEDA, *De schemat. et trop.* II: De tropis, PL 90, 179B; CCSL 123A, p. 152, ll. 5-7; GILES [ed.] (1843), p. 87: "...metaphora, catachresis, metalepsis, metonymia, antonomasia, epitheton, synecdoche, onomatopoeia, periphrasis, hyperbaton, hyperbole, allegoria, homoeosos...".

¹⁰⁰ См. также PL 90, 179C; GILES [ed.] (1843), p. 87.

¹⁰¹ См. также GL IV, p. 399, ll. 17-19.

animali ad animale, ab inanimali ad inanimale, ab animali ad inanimale, ab inanimali ad animale...

animali ad animale, ab inanimali ad inanimale, ab animali ad inanimale, ab inanimali ad animale...

Метафора есть перенос [значений] слов и вещей [на другие слова и вещи]. Их бывает четыре вида: от одушевленного к одушевленному; от неодушевленного к неодушевленному; от одушевленного к неодушевленному; от неодушевленного к одушевленному...

Однако ниже, давая собственное объяснение фигурам речи, Беда заменяет примеры метафор Доната, взятые у Вергилия и из иных классических текстов, на таковые из Псалтири. По такому же принципу построено и дальнейшее изложение Беды¹⁰².

В целом, подобно грамматистам и более поздним библейским комментаторам конца IX в., Беда включает грамматический и этимологический анализ в свои библейские комментарии. Его этимологические описания раскрывают текст и делают его более доступным. Библейские и христианские тексты понимаются как образец языковых узусов, которые предпочитают правилам светской латинской грамматики. Часто Беда объясняет грамматические и этимологические моменты исходя из вневербальных допущений относительно цели изучения языка в монашеском сообществе. Моральная и духовная целостность этого сообщества зависит, по мнению Беды, от владения языком читающих и говорящих на нем, как это было в римском идеале *Latinitas*.

В целом, риторико-грамматические работы Беды продолжили позднеклассическую грамматическую традицию в том, что касается структуры, вокабуляра, формулировок или правил (ср. *Ars grammatica*). Наряду с этим они представляют собой этап «христианизации» грамматической науки. Все это привело к созданию иного рода «учебника», предназначенного для учащихся, которые были монахами и не говорили на латинском языке как на родном. И этот тип учебника появился сначала в Англии, а затем на континенте. Такого рода тексты транслировали традиционное классическое латинское грамматическое знание, но перенаправили его в русло другого, уже христианского дискурса.

¹⁰² Выбранные Бедой примеры, возможно, взяты из *Biblia Sacra Vulgatae* (см. *Biblia Sacra* [1922] и *Codex Amiatinus* [этот манускрипт идентифицирован как наиболее полный рукописный экземпляр *Biblia Sacra Vulgatae*, который Кеолфрид на закате жизни взял с собой в качестве дара папе во время поездки в Рим и который так и не был закончен]). См. PLUMMER [ed.] (1986), vol. I, p. xix; DAVIS (1933), p. 194.

БИБЛИОГРАФИЯ

КНИЖНЫЕ СЕРИИ

- CCSL — *Corpus Christianorum, Series Latina* (Turnhout, 1953–).
- CSEL — *Corpus Scriptorum Ecclesiasticorum Latinorum* (Wien, 1866 sq.)
- GG — *Grammatici Graeci*, ed. R. SCHNEIDER, G. UHLIG, 4 vols. (11 parties) (Leipzig, 1867–1902; reprint. Hildesheim, 1965).
- GL — *Grammatici Latini*, ed. H. KEIL, 7 vols. (Leipzig, 1855–1880; reprint. Amsterdam, 1961) et 8: *Supplementum*, ed. H. HAGEN, *Anecdota Helvetica*.
- PG — *Patrologiae Cursus Completus, Series Graeca*, ed. J.-P. MIGNÉ (Parisii, 1857–1866), t. 1 – 161.
- PL — *Patrologiae Cursus Completus, Series Latina*, ed. J.-P. MIGNÉ (Parisii, 1844–1865), t. 1 – 225 (см. также *ниже*).

ЭЛЕКТРОННЫЕ БАЗЫ ДАННЫХ

- ALB — Aureae Latinitas Bibliotheca (1991).
- BWs — Bible Works (1993).
- BTL — Bibliotheca Teubneriana Latina-2 (2002).
- CETEDOC — Cetedoc Library of Christian Texts [CLCLT-2]. Brepols (1994).
- PHI 5 — Packard Humanities Institute (version 5).
- PL — Patrologia Latina Database (1997).
- TLG — Thesaurus Linguae Graecae (1999).

СОЧИНЕНИЯ БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- Baedae Opera Historica*, ed. C. PLUMMER, vol. 1 – 2 (Oxford, 1896; reprint. 1956). — PLUMMER [ed.] (1896).
- Bedaе Venerabilis De orthographia liber*, PL 90. — BEDA, *De orth.*, PL 90.
- Bedaе Venerabilis De arte metrica liber ad Wigbertum Levitam*, PL 90. — BEDA, *De arte metrica*, PL 90.
- Bedaе Venerabilis De schematis et tropis Sacrae Scripturae liber*, PL 90. — BEDA, *De schem. et trop.*, PL 90.
- BEDA, *Liber primus de arte metrica*, ed. C. B. KENDALL, M. H. KING, CCSL 123A: *Opera Didascalica* (Turnholt, 1975). — BEDA, *De arte metrica*, CCSL 123A.

BEDA, *Liber secundus de schematibus et tropis*, ed. C. B. KENDALL, M. H. KING, CCSL 123A: *Opera Didascalica* (Turnholti, 1975). — BEDA, *De schemat. et trop.*, CCSL 123A.

Bedaе presbyteri liber de arte metrica, GL VII. — BEDA, *De arte metrica*, GL VII.

Venerabilis Bedaе Presbyteri Liber de orthographia, ed. Ch. W. JONES, CCSL 123A: *Opera Didascalica* (Turnholti, 1975). — BEDA, *De orth.*, CCSL 123A.

Venerabilis Bedaе Presbyteri Liber de orthographia, GL VII. — BEDA, *De orth.*, GL VII.

Venerabilis Bedaе Opera quae supersunt omnia, ed. J. A. GILES, vol. 6 (Londini, 1843). — GILES [ed.] (1843).

СОЧИНЕНИЯ ДРУГИХ АВТОРОВ И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Ars Donati grammatici urbis Romae, in: *Donat et la tradition de l'enseignement grammatical, étude sur l'Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle)*, éd. par L. HOLTZ (Paris, 1981). — DON., *Ars gramm.*, HOLTZ.

[Auctor incertus] *Excerptiones patrum, collectanea, flores ex diversis, quaestiones, et parabolae*, PL 94. — Exc.

Audacis de Scauri et Palladii libris (excerpta), GLVII. — AUD., *Exc.*, GL VII.

Biblia Sacra Vulgatae Editionis Sixti V Pont. Max. iussu recognita et Clementis VIII auctoritate edita, ed. HALM (Ratisbonae et Romae, 1922). — *Biblia Sacra* (1922).

Cassiodori Senatoris Institutiones divinarum et saecularium litterarum, ed. R. A. B. MYNORS (Oxford: Clarendon Press, 1937). — CASS., *Inst.*

Diomedis Artis grammaticae libri III, GL I. — DIOM., *Artis gramm.*, GL I.

Donati Ars Grammatica, GL IV. — DON., *Ars gramm.*, GL IV.

Gregorii Moraliū libri, sive Expositio in librum B. Job, PL 75. — GREG., *Mor.*

[Gregorii] *Prolegomena. Vita S. Benedicti* (ex libro II Dialogorum S. Gregorii Magni excerpta), PL 66. — GREG., *Proleg.*, PL 66.

Sancti Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive originum libri XX, PL 82. — ISID., *Etym.*

M. Verrii Flacci Quae extant et Sexti Pompeii Festi De verborum significatione libri XX, ed. Andreas DACERIUS, vol. I–II (Londini, 1826). — FLACC., *FEST.*

MARCUS TERENCEI VARRO, *De lingua latina*, ed. G. GOETZ, F. SCHOELL (Leipzig: Teubner, 1910). — VARRO, *De lingua latina*.

[Maximi Victorini] *de finalibus metrorum*, GL VI. — [MAX. VICT.], *De fin. metr.*, GL VI.

Pompeii commentum Artis Donati, GL V. — POMP., *Comm.*, GL V.

Servii commentarius in Artem Donati, GL IV. — SERVIUS, *Comm.*, GL IV.

Sancti Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum libri XX, PL 82. — ISID., *Etym.*

Sergii de littera de syllaba de pedibus de accentibus de distinctione commentarius, GL IV. — SERG., *De littera*, GL IV.

THEODORUS STUDITES, *Epistulae*, PG 99. — THEOD., *Ep.*, PG 99 (или TLG 2714–002).

TRYPHON, *De tropis*, ed. L. SPENGLER, in: *Rhetores Graeci*, vol. 3 (Leipzig: Teubner, 1856; reprint.: Frankfurt am Main: Minerva, 1966) (или TLG 0609–001). — ТРЫФН, *De trop.*

ПЕРЕВОДЫ
ИСТОЧНИКОВ НА НОВОЕВРОПЕЙСКИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫКИ,
ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

BEDE, *Libri II. De arte metrica et De schematibus et tropis: the Art of Poetry and Rhetoric*, the latin text with an english translation, introduction and notes by Calvin B. KENDALL [Bibliotheca Germanica. Ser. nova 2] (Saarbrücken: AQ-Verlag, 1991). — BEDE, *Libri II...* KENDALL [text and trans.] (1991).

Bede's de schematibus et tropis, trans. by G. H. TANNENHAUS, in: *Quarterly Journal of Speech* 48 / 3 (1962). — *Bede's de schematibus*, TANNENHAUS [trans.] (1962).

Bede: 'On the Nature of Things' and 'On Times' (Liverpool: Liverpool University Press, 2010). — *Bede: On the Nature...*

THE VENERABLE BEDE, *Concerning Figures and Tropes*, trans. by G. H. TANNENHAUS, in: *Readings in Medieval Rhetoric*, ed. J. M. MILLER et al. (Bloomington, 1973). — BEDE, *Concerning Figures...* TANNENHAUS [trans.] (1973).

БЕДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ, *Церковная история народа англов*, пер. с лат., примеч. В. В. ЭРЛИХМАНА, отв. ред. С. Е. ФЕДОРОВ (СПб.: Алетейя, 2001). — БЕДА, *Церк. ист.*

БЕДА ПРЕПОДОБНЫЙ, *Жизнеописание пяти отцов-настоятелей*, пер. с лат., примеч. М. Р. НЕНАРОКОВОЙ, в: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков*, под общ. ред. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Кругъ, 2010). — БЕДА, *Жизнеоп.*

БОЭЦИЙ, *Установления музыки*, в: ГЕРЦМАН, *Музыкальная Боэциана* (СПб., 1995). — БОЭЦИЙ, *Уст.*

ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ, *Собеседования о жизни италийских отцов и о бессмертии души*, в: СВТ. ГРИГОРИЙ ВЕЛИКИЙ ДВОЕСЛОВ, *Избранные творения* (М.: Паломникъ, 1999). — Григ., *Беседы.*

ДОНАТ, *Краткая наука о частях речи*, пер. с лат., примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: *Диалог со временем* 1 (1999). — ДОНАТ, *Краткая наука...*

ДОНАТ, *Наука грамматики (О буквах. О частях речи. Об имени)*, пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: *Диалог со временем* 34 (2011). — ДОНАТ, *Наука грамм.*

ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ, *Этимологии, или Начала в XX книгах. Книги I – III: семь свободных искусств*, пер. Л. А. ХАРИТОНОВА (СПб: Евразия, 2006). — ИСИДОР, *Этим.*

ЛИТЕРАТУРА И СПРАВОЧНЫЕ ИЗДАНИЯ, ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ

- A Patristic Greek Lexicon*, ed. by G. W. H. LAMPE (Oxford: The Clarendon Press, 1961). — LAMPE [ed.] (1961).
- AMSLER, Mark, *Etymology and Grammatical Discourse in Late Antiquity and the Early Middle Ages* (Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1989). — AMSLER (1989).
- DAVIES, Ruby, “Bede’s Early Reading”, *Speculum* 8 [2: April] (1933). — DAVIES (1933).
- DIONISOTTI, Anna Carlota, “On Bede, Grammars and Greek”, *Revue Bénédictine* 92 (1982). — DIONISOTTI (1982).
- Donat et la tradition de l’enseignement grammatical, étude sur l’Ars Donati et sa diffusion (IVe–IXe siècle)*, éd. par L. HOLTZ (Paris, 1981). — HOLTZ (1981).
- GILES J. A. [Praefatio], in: *Venerabilis Bedae Opera quae supersunt omnia*, ed. J. A. GILES (Londini, 1843), vol. 6. — GILES, [Praef.] (1843).
- IRVINE, Martin, “Bede the Grammarian and the Scope of Grammatical Studies in Eight-Century Northumbria”, *Anglo-Saxon England* 15 (1986). — IRVINE (1986).
- JONES, C. W. “Preface”, *CCSL 123A: Opera Didascalica* (Turnhout, 1975). — JONES (1975).
- JONES, C. W. “Introduction”, *CCSL 123A: Opera Didascalica* (Turnhout, 1975). — JONES (1975A).
- KENDALL, Calvin, B., “Introduction”, BEDE, *Libri II. De arte metrica et De schematibus et tropis: the Art of Poetry and Rhetoric*, the latin text with an english translation, introduction and notes by Calvin B. KENDALL [Bibliotheca Germanica, Ser. nova 2] (Saarbrücken: AQ-Verlag, 1991). — KENDALL, “Introd.” (1991).
- MARROU H. I., *Histoire de l’Éducation dans l’Antiquité* (Paris, ²1950). — MARROU (²1950).
- PALMER, Robert, B., “Bede as Textbook Writer: a Study of His De arte metrica”, *Speculum* 34 (1959). — PALMER (1959).
- RUFF, Carin, “Bede’s De orthographia (II. 2)”, *The Hidden Curriculum: Syntax in Anglo-Saxon Latin Teaching* [Diss. PhD, Centre for Medieval Studies] (University of Toronto, 2001). — RUFF (2001).
- SCHINDEL, Ulrich, “Die Quellen von Bedas Figurenlehre”, *Classica et mediaevalia* 29 (1972). — SCHINDEL (1972).
- SCHINDEL, Ulrich, *Die lateinischen Figurenlehren des 5. bis 7. Jahrhunderts und Donatus Vergilkommentar* (Göttingen: Vandenhoeck and Ruprecht, 1975). — SCHINDEL (1975).
- ДОБИШАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ О. А., *Культура западноевропейского Средневековья. Научное наследие*, отв. ред. В. И. РУТЕНБУРГ (М.: Наука, 1987; ¹1938). — ДОБИШАШ-РОЖДЕСТВЕНСКАЯ (1938).

- НЕНАРОКОВА М. Р., «Смиренный монах и учитель», *Альфа и Омега* 4 [18] (1998). — НЕНАРОКОВА (1998).
- ПЕТРОВ В. В., «Эпилог ‘Aulae Sidereaе’ Иоанна Скотта (vv. 72-101) и предшествующая поэтическая традиция», *Диалог со временем* 1 (1999). — ПЕТРОВ (1999). Или см.: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*, под общ. ред. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Круг, 2010). — ПЕТРОВ (2010).
- ПЕТРОВА М. С., «Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века: “Ars minor” Доната», *Диалог со временем* 1 (1999). — ПЕТРОВА (1999).
- ПЕТРОВА М. С., «Марциан Капелла: просопографический очерк», *Диалог со временем* 2 (2000). — ПЕТРОВА (2000).
- ПЕТРОВА М. С., «Донат: жизнь, эпоха и интеллектуальное окружение», *Диалог со временем* 22 (2008). — ПЕТРОВА (2008).
- ПЕТРОВА М. С., «Рецепция Донатовой “Ars grammatical” Кассиодором Сенатором», *Диалог со временем* 28 (2009). — ПЕТРОВА (2009).
- ПЕТРОВА М. С., «Беда — ученый, философ, богослов», *Диалог со временем* 37 (2011). — ПЕТРОВА (2011).
- ФОКИН А. Р., «Беда Достопочтенный», *Православная энциклопедия*, т. IV: *Афанасий — Бессмертие* (М.: Церковно-научный центр «Православная энциклопедия», 2002). — ФОКИН (2002).

* * *

Публикуемый ниже перевод фрагментов грамматической работы Беды Досточтимого *О правописании* выполнен по изданию Джонса (CCSL 123A [1975]), с учетом ранних изданий Миня (MIGNE, PL 90 [1850]) и Кайла (KEIL, GL VII [1864]). При составлении примечаний использованы критические аппараты указанных изданий, а также тексты и исследования, приведенные в библиографическом перечне. Оригинальный текст, а также нумерация строк и абзацев приводятся по изданию Джонса. Нумерации строк ранних изданий Миня и Кайла сохранены.

В оригинальном тексте и переводе **полужирным** шрифтом выделены слова, которые комментируются. В оригинальном тексте, в угловых < > скобках, показано чтение Миня (P^m); в переводе, в квадратных [] скобках, даны слова и фразы, добавленные для прояснения смысла. Значение глаголов, независимо от формы написания, как правило, дано в неопределенной форме, имен существительных — в именительном падеже.

ОБОЗНАЧЕНИЯ МАНУСКРИПТОВ И ВАРИАНТОВ ПРОЧТЕНИЙ ТЕКСТА ЕГО ИЗДАТЕЛЯМИ

- C — Cambridge, Corpus Christi College, 221, s. IX, St. Augustine's Canterbury.
D — Munich, Staatsbibliothek, 14387, s. IX, St. Emmeram.

H	— London, British Museum, Harley 3826, s. IX (?).
L	— Leyden, Universiteitsbibliotheek, B.P.L. 122, s. X.
M	— Montpellier, École de Médecine, 306, s. IX.
P	— Paris, Bibliothèque Nationale, Lat. 7530, i. 779–797, Monte Cassino.
P ⁱ	— JONES.
P ^k	— KEIL.
P ^m	— MIGNÉ.

ИСТОЧНИКИ И ИХ ОБОЗНАЧЕНИЯ, ПРИНЯТЫЕ
В ПРИМЕЧАНИЯХ К ПЕРЕВОДУ

- Ars Agroecii de orthographia*, GL VIII. — AGR.
- Ars anonyma Bernensis* (ap. Bern MS, 123, s. X, foll. 78^v — 117^r), GL VIII. — *Ars an.*
- Ars Phocae*, GL V. — PHOCAS.
- AMBROSIUS MEDIOLANENSIS, *Hexaameron*, CSEL 32; <http://monumenta.ch> (сентябрь, 2011). — AMBR., *Hex.*
- Arusiani Messii Exempla elocutionum*, GL VII (1880). — ARUS.
- Audacis Excerpta*, GL VII (Lipsiae, 1880). — AUDAX.
- Cassiodorii De orthographia*, GL VIII. — CASS., *De orth.*
- Codex Theodosianus*, ed. T. MOMMSEN, P. M. MEYER (Berlin, 1954). — *C. Th.*
- Commentum Einsidlense in Donati artem maiorem* (ap. Einsiedlen MS, 172, s. X), GL VIII. — *Comm. Einsidl.*
- Consentii Ars*, GL V (Lipsiae, 1868). — CONSENT.
- [*Cornelii Frontonis*] *De differentiis*, GL VII (Lipsiae, 1880). — *De diff.*
- Corpus glossariorum latinorum*, vol. II: *Glossae Latinograecae et Graecolatinae*, ed. G. GOETS et G. GUNDERMANN (Lipsiae, 1888). — *Gloss. II.*
- De dubiis nominibus*, GL V. — *De dub. nom.*
- Differentiae sermonum* (ap. Bern MS, 178, s. IX, foll. 111r — 116r), GL VIII. — *Diff. serm.*
- Diomedis Artis grammaticae libri III*, GL I (Lipsiae, 1857). — DIOM.
- Donati Ars grammatica*, GL IV (Lipsiae, 1864). — DON.
- Dosithei magistri Ars grammatica*, GL VII (Lipsiae, 1880). — DOSITH.
- Ex Charisii Arte grammatica excerpta*, GL I. — CHAR., *Exp.*
- Flavii Sosipatri Charisii Artis grammaticae libri V [Institutiones grammaticae]*, GL I. — CHAR.
- Glossarium mediae et infimae latinitatis*, par C. du CANGE, 1678, dans du CANGE, et al. éd. augm., Niort: L. Favre, 1883-1887, t. 2. — *Gloss. med.*
- LUCILIUS, *Saturae, fragmtae (dubia)*, PHI 5. — LUCILIUS.

- Lucilii dubia*, ed. MARX I, p. 92, 1350; ed. TERZAGHI, p. 74, 944.
- Marii Victorini Artis grammaticae libri IV*, GL VI. — MAR. VICT.
- MARTIANUS CAPELLA, *De nuptiis Philologiae et Mercurii*, ed. J. WILLIS (Leipzig, 1983). — MART. CAP.
- Orthographia Bernensis* I – III. I (ap. Bern MS, 522, s. IX–X), II (ap. Bern MS, A 92, s. XI), III (ap. Bern MS, 178, s. IX), GL VIII. — *Orth. Bern.* I – III.
- Orthographia Capri*, GL VII. — CAPER.
- Orthographia Einsidlensis* (ap. Einsiedlen MS 281, s. IX), GL VII. — *Orth. Eins.*
- P. VERGILIUS MARO, *Aeneis*, PHI 5. — VERG., *Aen.*
- P. VERGILIUS MARO, *Eclogae*, PHI 5. — VERG., *Ecl.*
- P. VERGILIUS MARO, *Georgica*, PHI 5. — VERG., *Georg.*
- Pompei commentum artis Donati*, GL V (Lipsiae, 1868). — POMP.
- Prisciani Institutionum grammaticarum*, GL II – III (Lipsiae, 1855–1859). — PRISC.
- Probi Appendix*, GL IV. — PROBUS, *App.*
- Probi De nomine excerpta*, GL IV (Lipsiae, 1864). — PROBUS.
- Probi Instituta artium*, GL IV (Lipsiae, 1864). — PROBUS, *Inst.*
- Regulae Aurelii Augustini*, GL V (Lipsiae, 1868). — PS. AUG., *Reg.*
- Sancti Isidori Hispalensis episcopi De natura rerum ad Sisebutum regem liber*, PL 83. — ISID., *De nat. rer.*
- Sancti Isidori Hispalensis Episcopi Differentiarum*, lib. I: *De differentiis verborum*. PL 83. — ISID., *De diff.*
- Sancti Isidori Hispalensis episcopi Etymologiarum sive originum libri XX*, PL 82. — ISID., *Etym.*
- [*Sergii*] *Explanationem in Artem Donati*, GL IV (Lipsiae, 1864). — SERG.
- Servius, In Vergilii Aeneidos libros*, PHI 5. — SERV.
- T. LUCRETIUS CARUS, *De rerum natura*, PHI 5. — LUCR.
- Q. Terentii Scauri Liber de orthographia*, GL VII. — SCAUR.
- [VARRO], *Fragmenta operum de grammatica: De sermone Latino ad Marcellum*, PHI 5. — VARRO, *Fragm.*
- VARRO, *Res rusticae*, PHI 5. — VARRO, *Res rusticae.*
- Velii Longi de orthographia*, GL VII. — VEL.

VENERABILIS BEDA
DE ORTHOGRAPHIA

[DE LITTERIS]

- JONES I
KEIL
(p. 261) I
MIGNE
123B
- A** littera etiam nota praenominis est cum **Augustum** sola significat¹.
- B** propinqua est **p** litterae qua saepe mutatur, ut **supponit**, **opponit**².
- J 5
- C** nota est praenominis cum **Caesarem**³ significat; item numeri, cum **centum**⁴.
- D** littera, propinqua est consonantibus his **c g l p r m t** quae⁵ succedunt in locum eius, ut **accipere**⁶, **aggere**⁷, **alliga**, **appare**, **arripe**, **ammitte**, **attende**. Nota praenominis cum **Decium** sola significat. Item numeri, cum **quingentos**⁸.
- J 10
- L** sola **Lucium** significat⁹.
- M** sola **Marcum**¹⁰.
- N** sola **Numerum**. Praeposita **G Gneum**¹¹.

¹ CHAR. I (p. 9, l. 3); ср. DIOM. II (p. 424, ll. 1-3); DOSITH. (p. 382, l. 11).

² DIOM. II (p. 424, ll. 6-7); ср. DOSITH. (p. 384, ll. 10-12); SCAUR. (p. 14, l. 3). Ср. BEDA, *De orth.* (l. 764, l. 1140), P^l.

³ Чтение различно: M — galum; L — gaium caesarem. P^k — cum gaium. Мы принимаем чтение Миня (PL 90, 123B).

⁴ CHAR. I (p. 10, ll. 2-3); DIOM. II (p. 424, ll. 8-9); ср. VEL. (p. 53, l. 9); DOSITH. (p. 384, ll. 13-15).

⁵ Зд. принято чтение P^l. Ср.: "...quia hae succedunt..." — P^m.

⁶ Ср. P^m: "accipe".

⁷ Ср. P^m: "aggrega".

⁸ CHAR. I, iii (p. 10, ll. 3-7; ср. p. 112, ll. 8-10); DIOM. II (p. 424, ll. 9-13); DOSITH. (p. 384, l. 15 — p. 385, l. 3).

⁹ CHAR. I, iii (p. 9, ll. 13-14); DIOM. II (p. 425, l. 5); DOSITH. (p. 383, ll. 7-8); ср. SCAUR. (p. 445, l. 13).

¹⁰ CHAR. I, iii (p. 9, l. 16); DIOM. II (p. 425, l. 9); DOSITH. (p. 383, l. 11).

¹¹ DIOM. II (p. 425, ll. 12-13); DOSITH. (p. 383, l. 14).

БЕДА ДОСТОЧТИМЫЙ
О ПРАВОПИСАНИИ

[О БУКВАХ]*¹

Буква **A**, как правило, обозначает личное имя «Август» (**Augustum**), когда она [стоит] одна.

[Буква] **B** подобна букве **p**; потому она часто меняется, как [в словах] **supponit**, **opponit**².

[Буква] **C** [как правило] указывает на личное имя, когда [она стоит одна, и] означает «Цезарь» (**Caesarum**); также [она обозначает] число, когда [речь идет о] сотне (**centum**).

[Буква] **D** подобна таким согласным, [как] **c, g, l, p, r, m, t**, потому что они проникают на ее место, как **accipere, aggere, alliga, appare, arripe, ammitte, attende**³. [Буква **D**] указывает на личное имя, когда она [употребляется] одна, и означает «Деций» (**Decium**); также [она обозначает] число, когда [речь идет] о пяти сотнях (**quingentos**).

Одна [буква] **L** означает [имя] «Луций» (**Lucium**).

Одна [буква] **M** — [имя] «Марк» (**Marcum**).

Одна [буква] **N** — [обозначает, собственно,] число (**Numerum**); [ей может] предстать [буква] **G**, [как в имени] «Гней» (**Gneum**).

* Перевод выполнен при поддержке РГНФ, проект № 11-01-00025а: «Сочинения Беда в контексте современного гуманитарного знания (исследование и переводы)».

¹ В титуле (JONES): “Venerabilis Bedae presbyteri liber de orthographia” («Книга о правописании Беда Досточтимого, пресвитера»).

² **Supponit** > **subponit**; **opponit** > **obponit**.

³ Id est: **adc** = **acc...** **adg** = **agg...** **adl** = **all...** **adp** = **app...** **adr** = **arr...** **adm** = **amm...** **adt** = **att...**

J 15
M 123C
K 10

P sola **Publium**, et cum **R** **populum Romanum**; et subiecta **R** **rem publicam**; et praeposita **C** litterae¹², **patres conscripti**, siue **post consulatum**¹³.

Q littera etiam nota est praenominis, cum *Quintum* sola significat; item honoris cum **quaestorem**; **populum**¹⁴ cum **Quirites**¹⁵.

T nota est praenominis cum **Titum** sola significat¹⁶.

J 20
M 124B
K 15

V adiuncta **C**, cum uirga iacente superposita, **uir clarissimus**.
V geminata, cum uirga iacente superposita, **uerbi gratia**.
V geminata cum **C** duplici <**VVCC**¹⁷>, **uiri clarissimi**.

[A]

J 25
K 20
K (p. 262)

ANTE praepositio multa significat. Nam et tempus significat cum dicitur, “*Ante me non est formatus Deus et post me non erit*”¹⁸; et praesentiam, ut “*Ante conspectum gentium reuelauit iustitiam suam*”¹⁹, id est, coram gentibus; et dignitatem, ut “*Posuit Effraim ante Manassem*”²⁰; et “*Qui post me uenit ante me factus est*”²¹, id est mihi praelatus²¹.

¹² Cp. P^m: “...et praeposita C, P. C. patres conscripti, siue post consulatum...”.

¹³ CHAR. I, iii (p. 10, ll. 16-18), cp. ISID., *Etym.* I, 23, 1.

¹⁴ Cp. P^m: “populi”.

¹⁵ CHAR. I, iii (p. 10, l. 18 – p. 11, l. 2); DIOM. II (p. 425, ll. 20-22); DOSITH. (p. 385, l. 14 – p. 386, l. 2).

¹⁶ CHAR. I, iii (p. 11, l. 4); DIOM. II (p. 425, ll. 29-30); DOSITH. (p. 386, l. 5).

¹⁷ P^m.

¹⁸ Is 43:10.

¹⁹ Ps 97:2 (98:2). Cp. *Sancti Leonis Magni Tractatus XXXIII*, 5: “Notum fecit dominus salutare suum, ante conspectum gentium reuelauit iustitiam suam”, *CCSL* 138, p. 176; *S. Isidori Hispalensis episcopi De fide Catholica ex veteri et novo Testamento contra iudaeos ad florentinam sororem suam* II, 1, in: *S. Isidori Hispalensis episcopi Opera omnia*, t. VI: *Opera Theologica, Liturgica, et Mystica* (1802), p. 66.

²⁰ Cp. Gen 48:20; 48:5; 48:13.

²¹ Cp. In 1:30: “...hic est de quo dixi post me uenit uir qui ante me factus est quia prior me erat...” («Сей есть, о Котором я сказал: за мною идет Муж, Который стал впереди меня, потому что Он был прежде меня»).

Одна [буква] **P** [обозначает имя] «Публий» (**Publium**), и вместе с [буквой] **R**, [как **PR**], — «римский народ» (**populum Romanum**), а подписанная [к букве] **R**, [как **RP**] обозначает «государство» (**rem publicam**); а помещенная перед [буквой] **C**, <как **PC**> [обозначает] «римский сенат» (**partes conscripti**) или «после консульства» (**post consulatum**).

Буква **Q** также указывает на личное имя, когда она одна [употребляется, и] обозначает [имя] «Квинт» (**Quintum**); также [она может означать] почетную [должность], когда [речь идет о] «квесторе» (**quaestorem**), народ, когда [говорится о] «квиритах» (**Quirites**).

Буква **T** указывает на личное имя, когда [она одна употребляется и] обозначает [имя] «Тит» (**Titum**).

[Буква] **V**, присоединившись к **C**, когда она находится на расположенной выше строке, [обозначает титул] «светлейший муж» (**vir clarissimus**). [Буква] **V** удвоенная, когда [вторая из них] находится на строке расположенной выше, [обозначает] «например» (**verbi gratia**). Удвоенная буква **V** в сочетании с двойной [буквой] **C** <как **VVCC**>, [обозначает] «светлейшие мужи» (**virii clarissimi**).

[A]

ANTE, стоящее впереди, обозначает много вещей. Оно означает [прошедшее] время, когда говорится: «**Прежде** Меня не было Бога и после Меня не будет»⁴; и [отношение] к настоящему, как: «Явил Господь спасенье свое, открыл **пред** очами народов правду свою», то есть [пред] сердцами народов; и [значение] достоинства, как: «Поставил Ефрема **прежде** Манассии» и: «Идущий за мной встал **впереди** меня, потому что был прежде меня», то есть «мне предстоящий».

⁴ Здесь и далее параллели с библейскими текстами отмечены в примечаниях к оригиналу.

- J 30
M 124C
K 5 **AULA** latine domus regia est, aula graece **ATRIUM** dicitur²². Vnde notandum quod in Psalmo ubi legimus, “*Adorate dominum in aula sancta eius*”²³, non palatium aulae nomine sed atrium graeco vocabulo debet intellegi.
- J 35 **AUSCULTO** suasori et **AUSCULTO** praecepta magistri²⁴. **AUSCULTO** autem et **AUDIO** ex uno Graeco sermone vertuntur, quod est ἀκούω²⁵.
- K 10
M 125A **ARRA** latine dicitur, **ARRABON** graece²⁶; **AGON** graece, latine **CERTAMEN**; ἄρουρα²⁷ graece, latine **ARUUM**²⁸. ἄσφαλτος²⁹ graece, latine **BITUMEN**³⁰.
- J 40 **ACER** acerrimus, non acerissimus³¹; **AGILIS** agillimus, non agilissimus. Et in aduerbiis acerrime et agillime.
- K 15 **AUDEO** audes, perfectum facit ausus sum³².
ADIUO³³ perfectae formae est; **ADIUTO** frequentatiuae³⁴.
ACERUO, **AGGERO**, <AC>**CUMULO**, ex uno graeco verbo σωρεύω³⁵.

²² Cp. ISID., *Etym.* XV, 3, 3.

²³ Ps 95:9; Ps 28:3.

²⁴ Cp. ARUS., p. 457, 1; PRISC. XVIII, 162 (p. 281); 225 (p. 320); 290 (p. 370-371).

²⁵ *Gloss.* II, p. 223, l. 30.

²⁶ *Gloss.* II, p. 23, 27 et cet.; Gen 37:17-18; ISID., *Etym.* V, 25, 20-21; XVIII, 25; 2 Macc 3:21; 4:18; 1 Cor 9:25; 2 Tim 2:5.

²⁷ Cp. P^m: ἄρουρα.

²⁸ *Gloss.* II, p. 546, l. 56; cp. p. 502, l. 43; p. 528, 57 et cet.

²⁹ Cp. P^m: ἄρουρα.

³⁰ *Gloss.* II, 546, l. 59; *Gloss.* II, p. 30, l. 34 et cet., BEDA, *In Gen.* III, 11, 3 (CCSL 118A, p. 153).

³¹ CHAR. I, xvi (p. 114, ll. 8-14); cp. CHAR., *Exp.* (p. 556, ll. 24-35).

³² CHAR. III, ii (p. 248, l. 9; p. 250, l. 11); II, x (p. 177, ll. 2-3); DIOM I (p. 348, l. 27). Cp. POMP. (p. 231, ll. 11-12; p. 240, l. 32); CONSENT. (p. 382, ll. 28-31); PS.-AUG., *Reg.* (p. 515, l. 2); SERG. (p. 551, l. 37).

³³ В издании Миня (ad loc.) иной порядок слов: “...adiuuo ...audeo...”.

³⁴ Применительно к терминологии: DON. II, 12, (p. 381-382); CHAR. III, v (p. 255). Cp. DIOM. I (p. 344, l. 27 – p. 345, l. 1); AUDAX. (p. 345, l. 9).

³⁵ *Gloss.* II, p. 450, l. 41.

AULA — на латинском [означает] «царский чертог», по-гречески [же] оно произносится [как] **ATRIUM**. Следует знать, что в Псалме, в котором мы читаем: «поклонитесь Господу в благолепном святилище Его», под **aulae** следует понимать не «царский чертог», но «святилище» (**atrium**), согласно греческому слову.

AUSCULTO — внимательно слушать советующего, и **AUSCULTO** — внимательно слушать наставления учителя. [Слова] же **AUSCULTO** («внимательно слушать») также как и **AUDIO** («слушать») есть перевод одного и того же греческого слова — ἀκούω («слышать, понимать»).

ARRA («задаток», «залог») говорится на латинском; **ARRABON** — по-гречески; **AGON** («публичное состязание») — по-гречески; на латинском [же] — **CERTAMEN** («состязание», «спор», «сражение»). Ἄρουρα («пашня», «нива») — по-гречески, на латинском — **ARUUM** («пашня», «нива»). Ἄσφαλτος («асфальт», «горная смола») — по-гречески, на латинском — **BITUMEN**.

ACER («острый»); [в превосходной степени будет] — **acerrimus**, но не **acerissimus**. **AGILIS** («быстроходный»); [в превосходной степени] — **agillimus**, а не **agilissimus**. А в [качестве] наречия — **acerrime** и **agillime**.

AUDEO, **audes** («я желаю», «ты желаешь») — в перфекте **ausus sum**.

ADIUVO («помогать», «ободрять») — [глагол, выражающий] завершение [действия]; **ADIUTO** («помогать», «усердно содействовать») — [глагол, выражающий] начинание [действия].

ACERUO («собирать в кучу»), **AGGERO** («складывать», «собирать»), **<AC>CUMULO** («нагромождать», «накоплять») — [все они происходят] от одного греческого слова σωρεύω («стекаться», «скопляться»).

- J 45 **AEGER** animo; **AEGROTUS** corpore³⁶; utrumque per “ae” diphthongom scribendum.
- K 20 **ABOLEO** aboleui³⁷, **ARCEO** arcui.
- M 125B
J 50 **ALIBI** alio loco, **ALIAS** alio tempore significat³⁸. At tamen inuenimus alias nonnumquam pro aliter siue pro alio loco positum³⁹.
- ABSTINEO** me cibo, **ALIENUS SUM** crimine⁴⁰.
- “**ANTEIBAT** *sapientia Salomon cunctis mortalibus*”, Iulianus ait⁴¹.
- K 25 **ADMONEO** *interfectorem caedis et caedem*⁴².
- J 55 **AEQUALIS** alterius staturae par est; **AEQUABILE** quod aequari potest.
- APPETENS** cibum et appetens cibi. Ambrosius: *Cancer... ut appetens cibi ita prospiciens est periculi*⁴³.
- ACCUSO** sacrilegum et **INSIMULO** ex uno graeco uenit, *κατηγορῶ*⁴⁴.
- J 60
K 30 **ANIMADVERTO** in te et **UINDICO** in te, ex uno graeco *κολάζω*⁴⁵.

³⁶ *De diff.* (p. 525, l. 29); *PROBUS* (p. 211, l. 32); cp. *ISID.*, *Etym.* X, 12; *IDEM*, *De diff.* I, 69 (col. 17).

³⁷ *DIOM.* I (p. 373, l. 22).

³⁸ Cp. *CAPER* (p. 97, l. 16).

³⁹ Cp. *CHAR.* II, xiii (p. 194, l. 29): “Alias pro aliter Terentius in Andria, ‘quid alias malim quam hodie istas fieri nuptias?’”, где Харисий приводит слова Теренция из *Андриу* (v. 529 [PHI 5]).

⁴⁰ *ARUS.* (p. 454, l. 7).

⁴¹ *Iuliani Eclanensis Commentarii in Cantica Cantorum* (не сохранился). — См. *Texte und Untersuchungen z. Gesch. d. altehr. Lit.* XV, 1897, p. 72-75; см. также *BEDA*, *In Cantica Cantorum*, ed. David HURST, *CCSL* 119B (Turnhout: Brepols, 1983), p. 175-375. Cp. *ARUS.* (p. 454, l. 10).

⁴² *CHAR.* V (p. 295, ll. 30-31); cp. *DIOM.* I (p. 319, l. 8); *PRISC.* XVIII, 241 (p. 328, l. 1).

⁴³ *AMBR.*, *Hex.* V, 8, 22.

⁴⁴ *Gloss.* II, p. 346, l. 7.

⁴⁵ Cp. *Gloss.* II, p. 352, l. 5.

AEGER («подавленный», «опечаленный», «унылый») — [в значении] душевного [терзания употребляется]; **AEGROTUS** («больной») — [в значении] телесного [недуга]; и то, и другое следует писать через дифтонг “ae”.

ABOLEO («уничтожать»), [в перфекте] **aboleui**; **ARCEO** («запирать») — [в перфекте] **arcui**.

ALIBI — [означает, что событие произошло] **в другом месте (alio loco)**; **ALIAS** — **в другое время (alio tempore)**. Однако же мы знаем, что **ALIAS** никогда не употребляется [в значении] «иначе» (**aliter**) или в другом месте (**alio loco**).

ABSTINEO me cibo — удерживаю себя от пищи, **ALIENUS SUM crimine** — мне чуждо преступление⁵.

ANTEBAT sapientia Salomon cunctis mortalibus — «Превосходит мудростью всех смертных Соломон»). [Так] говорил Юлиан.

ADMONEO interfectorem caedis et caedem [означает]: «Я предупреждаю убийцу от грабежей и ограблений».

AEQUALIS [означает, что] и тот, и другой равны по величине; **AQUABILE** может [означать то же самое], что **AQUARI**.

APPETENS cibum и **APPETENS cibi** — «падкий» до пищи и «жаждущий» пищи. Амвросий [так говорил]: «Как рак... жаждет пищи, так и предвидящий опасности».

ACCUSO — «порицать» святотатство и **INSIMULO** — «обвинять» [в святотатстве]; у греков [оба значения] происходят от одного греческого [слова] — *κατηγορέω*⁶.

ANIMADVERTO in te — «порицать» в тебе и **UINDICO in te** — «качать» в тебе, [также происходят] из одного греческого слова — *κολάζω*⁷.

⁵ Ср. у Теренция: “...alienum est a vita mea”. — Это не соответствует моему образу жизни.

⁶ См. *κατηγορέω* — «порицать», «обвинять».

⁷ «Наказывать», «качать».

- M125C **AES**⁴⁶ singulari tantum numero gaudet; et quamuis aera dicamus, tamen ceteris casibus non utimur⁴⁷.
- K (p. 262) **AUTUMNUS** genere masculino et **AUTUMNUM** dicitur
J 65 neutro⁴⁸, utrumque numero singulari.
- AURICHALCUM** et **ORICHALCUM** dicimus; et hoc singulariter tantum: sic et caetera metalla⁴⁹.
- K 5 **AB** et **EX** praepositiones, si sequens verbum a vocali incipiat,
J 70 integrae efferuntur, ut “*ex oppido*”, “*ab illo*”; si consonantes sequantur, extremam litteram perdunt, ut “*e foro*”, “*a sacerdote*”. Hae autem praepositiones ita differunt: cum dicit quis “*a theatro*” se uenire, non ex ipso theatro sed e loco qui est proximus theatro se uenire significat; qui uero “*ex theatro*” se uenire dicit, ex ipso theatro significat⁵⁰.
- J 75 **AD** et **IN** praefatis praepositionibus pares, sed contraria
M 125D potestate sunt, quia “*in forum*” ire est in ipsum forum intrare,
K 10 “*ad forum*” autem ire ad locum foro proximum; ut “*in tribunal*” et “*ad tribunal*” uenire non unum est, quia ad tribunal uenit litigator, in tribunal uero praetor aut iudex⁵¹.
- J 80 **ANCILLOR**, **BLANDIOR**, et **ADULOR** unum significant, quod est graece *κολακεύω*, et datiuum casum trahunt⁵².

⁴⁶ P^m: “...aer...”.

⁴⁷ CHAR. I, xi (p. 34, ll. 20-21).

⁴⁸ CHAR. I, xi (p. 34, ll. 16-17); cp. *Gloss.* II, p. 470, l. 52.

⁴⁹ CHAR. I, xi (p. 34, l. 20); CHAR., *Exc.* (p. 550, l. 24); DIOM. I (p. 328, ll. 12-14); Apoc 1:15.

⁵⁰ DIOM. I (p. 414, l. 32 – p. 415, l. 11); DOSITH. (p. 417, ll. 10-20).

⁵¹ Cp. AUDAX (p. 354, l. 24); cp. BEDA, *De orth.* (l. 543), P^l.

⁵² *Gloss.* II, p. 17, l. 23; p. 352, l. 7; DIOM. I (p. 313, l. 22); CHAR. I (p. 294, l. 6); POMP. (p. 234, l. 1); PRISC. XVIII, 147 (GL III, p. 274, l. 17); CAPER (p. 107, l. 9).

AES — [это слово] удостоилось только единственного числа, и хотя мы говорим **AERA**, однако, не употребляем других падежей [множественного числа].

AUTUMNUS — мужского рода, а **AUTUMNUM** произносится в среднем роде, оба — в единственном числе.

AURICHALCUM и **ORICHALCUM** — мы говорим «орихалк»⁸; и [эти слова] лишь в единственном числе [употребляются], как и другие [названия] металлов⁹.

AB («от») и **EX** («из») — предлоги. Если [далее] следует слово, начинающееся с гласной [буквы], то они [обозначают] исхождение изнутри, как «из города» (**ex oppido**), «от того [города]» (**ab illo**). Если [за ними] следуют согласные [буквы], [то] последняя буква выпадает, как **e foro** («от форума»), **a sacerdote** («от жреца»). Эти же самые предлоги [между собой] так различаются; когда ты говоришь, что: «кто-то идет с тобой из театра» (**quis a theatro se venire**), то это означает, что он идет с тобой не из самого театра, а от того места, в котором театр расположен.

AD («к», «на») и **IN** («в», «на») — в качестве предстоящих предлогов являются равными, но противоположными по значению, потому что идти «на форум» (**in forum**) означает «идти на саму [площадь]»; а идти «к форуму» (**ad forum**) — [означает «идти] к месту неподалеку от форума»; как идти «на трибунал» (**in tribunal**) и прибыть «к трибуналу» (**ad tribunal**) есть не одно [и то же], потому что к трибуналу приходит спорщик, на сам же трибунал — претор или судья.

ANCILLOR («прислуживаю», «служу»), **BLANDIOR** («льщу») и **ADULOR** («льщу», «угодничаю») обозначают одно [и то же], что по-гречески [будет] *κολακεύω* («льстить», «быть льстецом»), и [все] они принимают дательный падеж.

⁸ Желтая медь или бронза.

⁹ Ср. Апок 1:15: «...и ноги Его подобны халколивану, как раскаленные в печи...».

- K 15 **AUFERO, EXIMO, ADIMO, DEMO, SUBTRAHO, SUBDUCO** ex uno graeco transferuntur, id est ἀφαιροῦμαι⁵³.
- M 126A **ABDICO** verbum potest accusatiuum nomen siue pronomen cum datiuo trahere⁵⁴. Ambrosius: “*Qui se abdicant saecularibus inlecebris*”⁵⁵.
- J 85
- K 20 **ALIUS** nomen datiuum dupliciter effert, et alii et alio. Habes in sacra scriptura, “*Et dico huic: Vade, et uadit; et alio: Veni et uenit*”⁵⁶; et rursus, “*Et uni dedit quinque talenta, alii autem duo, alii uero unum*”⁵⁷.
- J 90 **AEGYPTUM**, cum in scriptura diuidere uis, “p” sequenti syllabae iungis⁵⁸; **ASPECTUM** “c” sequenti syllaba; **AFFECTUM** similiter, et **AFFLICTUM** ceteraque huiusmodi.
- K 25 **ASSUERE** et **ASSUMENTUM** panni per “s”, non per “d” scribendum; similiter **ASSUMERE** per “s”; **APPROPRIAT** per “p” scribendum, **APPONIT** similiter, **ACCURRI** per “c” <scribendum>, **AMMINISTRAT** per “m”, **APPLICAT** per “p”, **ALLIGAT** per “l”, **ASSEQUOR** per “s”, **ALLEVAT** per “l”, **ASSIDUE** per “s”, **AGGREDIOR** per “g”.
- J 95
- M 126B

⁵³ *Gloss.* II, p. 252, l. 21; p. 191, l. 25; “subduco” — cm. BEDA, *De orth.* (l. 1102), Pⁱ.

⁵⁴ ARUS. (p. 451, ll. 6-8).

⁵⁵ AMBR., *Hex* III, 5, 23.

⁵⁶ Matth 8:9; Lc 7:8.

⁵⁷ Matth 25:15.

⁵⁸ Cp. CAPER (p. 96, l. 9); cp. BEDA, *De orth.* (ll. 269, 276), Pⁱ.

AUFERO («уносить», «убирать»), **EXIMO** («вынимать», «извлекать»), **ADIMO** («отнимать»), **DEMO** («отнимать», «вычитать»), **SUBTRAHO** («вытаскивать», «уносить», «извлекать снизу»), **SUBDUCO** («извлекать», «вынимать») — [все они] произошли от одного греческого [слова], то есть из *ἀφαιρῶμαι* («отнимать», «лишать», «удалять», «устранять»).

ABDICO («отречься», «отказываться») — [этот] глагол принимает имя в аккузативе или местоимение с дативом. Амвросий [так говорил]: «Те, кто сам **отказывается** от мирских соблазнов».

ALIUS — имя, у которого бывает два датива — и **alii**, и **alio**. Ты видишь [это] в священном Писании: «Говорю одному: “Пойди, и идет; и **другому**: приди, и приходит”». И реже: «И одному дал он пять талантов, **другому** — два, иному — один».

AEGYPTUM ([Асс.] «Египет») — если захочешь записать [это слово] по слогам, тебе следует отнести [букву] **p** к последнему слогу; **ASPECTUM** ([Асс.] «взгляд», «взор») — [букву] **c** [тоже надо отнести] к последнему слогу¹⁰; **AFFECTUM** ([Асс.] «состояние», «настроение») подобно [предыдущему; как] и **AFFLICTUM** ([Асс.] «столкновение»), и другие [слова] такого рода.

ASSUERE («пришивать») и **ASSUMENTUM** («заплата») следует писать через [букву] **s**, а не через **d**; схожим образом и **ASSUMERE** («брать», «принимать», «надевать на руку») пишется, через [букву] **s**; **APPROPRIAT** («приближаться») следует писать через [букву] **p**; **APPONIT** («ставить») — подобным же образом; **ACCURRIT** («прибегать») следует писать через **c**; **AMMINISTRAT** («помогать») — через [букву] **m**; **APPLICAT** — через **p**; **ALLIGAT** — через **l**; **ASSEQUOR** — через **s**; **ALLEVAT** («облегчать»; «выравнивать») — через **t**; **ASSIDUE** («постоянно», «беспрестанно») — через **s**; **AGGREDIOR** («приступать», «подходить») — через **g**.

¹⁰ Возможно, Беда имеет в виду то, что в этом случае деление латинского слова на слоги (*Ae-gi-ptum*; *as-pe-ctum*) отступает от традиционного правила, согласно которому слогораздел проходит между согласными.

- K 30 **ASSARIUS** ab antiquis dicebatur; nunc as dicitur, non assis. Sane assis genetiuis est⁵⁹.
- J 100 **ALLIUM** et **DOLIUM** per “i” scribendum, non per “e”, sicut oleum⁶⁰. Vergilius “allia serpyllumque”, per “i” dixit⁶¹.
- K (p. 264) **AMBO** et **DUO** neutraliter, **AMBOS** et **DUOS** masculine; nonnulli tamen Graecos secuti dicunt “hos duo” et “hos ambo”, quia illi τὸς δύο et τὸς ἄμφω dicunt⁶². Vergilius:
- J 105 *Verum ubi ductores acte revocaveris ambo*⁶³.
- K 5 **ANGUIS** cum sit masculini generis, dixerunt tamen et feminini Ovidius, Varro, et Acinius⁶⁴.
- ACER** facit pluralem acri; **ACRIS** pluralem acres⁶⁵.
- ABSCONDITUS**, non absconsus⁶⁶.
- J 110 **ALTER** de duobus, **UNUS** ex pluribus; quamuis legamus
M 126C unus ex duobus⁶⁷.

⁵⁹ CHAR. I, xv (p. 76, ll. 3-4); cp. CHAR., *Exc.* (p. 546, l. 20); BEDA, *De temp. rat.* i.

⁶⁰ Cp. CHAR. I, xv (p. 70, l. 27); cp. PROBUS (p. 198, l. 2). Cm. BEDA, *De orth.* (l. 327), P^l.

⁶¹ VERG. *Aen.* VII, 717; IDEM, *Eclogae* II, 11.

⁶² CHAR. I, xv (p. 65, l. 16; cp. p. 64, l. 11); PROBUS (p. 122, l. 27; p. 213, l. 28); PHOCAS (p. 413, l. 25); PRISC. VII, 28 (II, p. 310, l. 19 etc.).

⁶³ VERG., *Georg.* IV, 88.

⁶⁴ CHAR. I, xv (p. 90, l. 13).

⁶⁵ CAPER (p. 94, l. 6); cp. CHAR. I, xv (p. 82, l. 22).

⁶⁶ CAPER (p. 94, l. 16); cp. DIOM. I (p. 375, l. 25).

⁶⁷ CAPER (p. 94, l. 18).

ASSARIUS («ценой в один асс») — так [это слово] произносилось древними; ныне же говорится **as** («асс», «монета»), а не **assis**. Понятно, что **assis** — это генетив.

ALLIUM («чеснок») и **DOLIUM** («бочка», «скорбь») — следует писать через **i**, а не через **e**, как **oleum** («растительное масло»). Вергилий произносил [слова] **allia** и **serpyllum** через **i**¹¹.

AMBO («оба», «и тот, и другой»)¹² и **DUO** («два») [употребляются по отношению к среднему роду]; **AMBOS** и **DUOS** — к мужскому. Однако некоторые, следуя грекам, произносят **hos duo** и **hos ambo**, поскольку они говорят *τοὺς δύο* и *τοὺς ἄμφω*. Вергилий [говорил]:

*Только, когда призовешь **обоих** вождей ты из боя*¹³.

ANGUIS («змея»), несмотря на то, что [это слово] мужского рода, Овидий, Варрон и Акиний [употребляли его] в женском.

ACER («острый») во множественном [числе] будет **acri**¹⁴; **ACRIS** — во множественном [числе будет] — **acres**.

ABSCONDITUS («потаенный», «тайный») [следует писать], а не **absconsus**.

ALTER — [так говорят] об одном из двух; **UNUS** — один из многих. Потому мы читаем: “**Unus ex duobus**” («один из двух»).

¹¹ Здесь и далее параллели с Вергилием указаны в примечаниях к латинскому тексту.

¹² *Ambo*, *ae*, *o* (и один, и другой) — при условии совместимости в пространстве или времени; *ambo, onis* (*m*) — греч. = *ambo*.

¹³ Пер. С. ШЕРВИНСКОГО.

¹⁴ *Acer*, *acris*, *acre* — имя прилагательное трех окончаний. Во множественном числе, в мужском и женском роде, оно имеет форму *acres*; в среднем — *acr[i]a*. Если только Беда не рассматривает эту лексему как имя мужского рода с окончанием *-er*, которое относится ко 2 склонению (типа *ager*; *Nom. Pl. agri*). Для женского рода дана правильная форма.

- K 10 **AUDACTER** latinum est; sed **AUDACITER** melius, quia nomina “x” littera terminata in aduerbiis iter adsumunt, ut atrox atrociter, ferox ferociter⁶⁸.
- J 115 **ACCERSIT** qui euocat; **ARCESSIT** qui accusat⁶⁹.
ACERVUS moles est, **ACERBUS** immaturus aut asper⁷⁰.
ADFCIMUR honore et **ADFCIMUR** iniuria⁷¹.
- K 15 **APPARET** qui uidetur; **ADPARET** qui obsequitur, non regulae ratione sed discernendi gratia intellectus⁷².
- J 120 **ARBOR** omne lignum dicitur; **ARBUSTA** non nisi fructifera⁷³.
- M 126D **AUENAE** sterile germen; **HABENAE** retinacula iumentorum. Hoc de habendi potestate, illud de occupandi auiditate dictum⁷⁴.
- K 20 **ACCIDUNT** mala, **CONTINGUNT** bona, **EVENIUNT** utraque⁷⁵.
- J 125 **ADVOCATUR** daturus patrocinium; **EVOCATUR** praebiturus obsequium; **INVOCATUR** praestaturus auxilium⁷⁶.

⁶⁸ CAPER (p. 106, l. 19); cp. PRISC. XV, 21 (III, p. 74, l. 24); cp. CHAR. II, xiii (p. 185, l. 23); DOSITH. (p. 412, l. 3).

⁶⁹ AGR. (p. 114, l. 10); cp. CHAR. III, vi (p. 256, ll. 6-11); DIOM. I (p. 379, l. 11); VEL. (p. 71, 17); SCAUR. (p. 26, 2-7).

⁷⁰ AGR. (p. 114, l. 16).

⁷¹ AGR. (p. 119, l. 22); ISID., *De diff.* I, 28 (col. 13).

⁷² AGR. (p. 115, l. 21).

⁷³ AGR. (p. 118, l. 14); cp. ISID., *Etym.* XVII, 6, 1.

⁷⁴ AGR. (p. 118, l. 25); cp. ISID., *De diff.* I, 46 (col. 15); CASSIOD., *De orth.* (p. 181, l. 1).

⁷⁵ AGR. (p. 118, l. 22); cp. CAPER (p. 98, l. 8).

⁷⁶ AGR. (p. 121, l. 3).

AUDACTER («смело», «отважно», «дерзко») является латинским [словом]; но лучше [писать] **AUDACITER**¹⁵, потому что имена, оканчивающиеся на букву **x** в наречиях присваивают себе [окончание] **-citer**, как **atrox** («ужасный») — **atrociter** («ужасно»); **ferox** («отважный») — **ferociter** («отважно»).

ACCERSIT — [тот], кто взывает [о помощи]; **ARCESSIT** — тот, кто привлекает к ответственности (обвиняет).

ACERVUS («куча», «груда») — [обозначает] массу чего-то, **ACERBUS** («терпкий», «незрелый») — [так говорят о] незрелом или терпком [на вкус].

ADFICIMUR — «наделять почестями» и [также] **ADFICIMUR** — «причинять несправедливость».

APPARET («быть очевидным»), **APPARET** — служивать кому-либо не на основании предписания, но отличая [того, кому служишь] умом.

ARBOR — называется всякое дерево, **ARBUSTA** — «древесные насаждения»¹⁶, но не плодоносящие.

AUENAE — «дикий овес»; **HABENAE** — вожжи вьючного животного. Второе слово — от силы обладания, первое — от стремления распространиться.

ACCIDUNT mala — [приключается] вред, **CONTINGUNT bona** — [выпадает] благо, **EVENIUNT utraque** — [случается] и то, и другое.

ADVOCATUR — [означает] «должный защищать»; **EVOCATUR** — «должный призвать к послушанию»; **INVOCATUR** — «предоставляющий помощь».

¹⁵ Audacter, реже audaciter: “audacter” встречается у Плавта в 85 случаях (ALB); у Лукреция — в одном (II, 50 [PHI 5]); “audaciter” — в 22 случаях (у Цицерона, Тита Ливия, Сненки Старшего, Плиния Старшего, Фабия Квинтилиана, Корнелия Фронтона, Апулея) (ALB).

¹⁶ То есть кустарник, роща, деревья. К таковым привязывался виноград.

- ADPORTARE** est aliquid adferre; **CONPORTARE** in unum locum conferre; **DEPORTARE**, deponere; **EXPORTARE**, tollere⁷⁷.
- K 25 **AGNOSCIMUS** quae a nobis excederant, **COGNOSCIMUS** ignorata et inuisa⁷⁸.
- J 130 **ALTUM** et sursum et deorsum significat⁷⁹.
M 127A
- AQUATAM** potionem recte dicimus quae aquam aliunde recipiat; **AQUOSUM** autem locum qui ex se aquam fundat⁸⁰.
- K 30 **ALBUM** naturae tantum est; **CANDIDUM** frequenter et
J 135 studii, nam et corpori et animo aliquoties adsignatur. Albus ergo capillos, carnem candidam recte dicimus⁸¹.
- ALUUS** uirorum recte dicitur; **UTERUS** mulierum; **UENTER** in utroque sexu⁸².
- ACCEPTOR** et **ACCIPITER**: Virgilius enim “accipiter” dicit⁸³, Lucillus autem “acceptoris et unguis”.
- J 140 **APUD** per “d” scribendum; **CAPUT** per “t”, quia facit capit⁸⁴.
K 35
- K (p. 265) **ARMARIUM** locus ubi quarumcumque artium instrumenta
M 127B ponuntur; **ARMAMENTARIUM** ubi tantum tela armorum⁸⁵.
- ACCEDIT** per “e” ab ambulando; **ACCIDIT** per “i” ab euentu.

⁷⁷ ISID. *De diff.* I, 154 (col. 26).

⁷⁸ CAPER (p. 97, l. 12); ISID., *De diff.* I, 62 (col. 17), 134 (col. 24).

⁷⁹ AGR. (p. 120, ll. 5-6); cp. ISID., *De diff.* I, 14 (col. 11).

⁸⁰ AGR. (p. 123, l. 8).

⁸¹ AGR. (p. 124, ll. 2-4); cp. *Gloss.* II, p. 359, l. 61; ISID., *De diff.* I, 35 (col. 14).

⁸² AGR. (p. 125, l. 17); PROBUS (p. 213, l. 3); ISID., *De diff.* I, 38 (col. 14).

⁸³ CHAR. I, xv (p. 98, l. 9); VERG., *Aen.* XI, 721.

⁸⁴ VEL. (p. 70, l. 6); *Orth. Eins.* (p. 297, ll. 17-18); *Orth. Bern.* III (p. 300, ll. 2-3); PRISC. I, 27 (II, p. 21, ll. 3-13); VII, 44 (II, p. 324, l. 5); ISID., *Etym.* I, 27, 1-3.

⁸⁵ ISID. *Etym.* XV, 5, 4.

ADPORTARE — приносить что-либо [или то, что доставлено];
CONPORTARE — сносить что-то в одно место; **DEPORTARE** — уносить; **EXPORTARE** — убирать.

AGNOSCIMUS — «мы не знаем» [говорится тогда], когда от нас [что-то] ускользает, **COGNOSCIMUS** — [тогда, когда] «мы познаем» неведомое и невиденное [прежде].

ALTUM — означает протяжение вверх и вниз.

AQUATAM — «водянистое» питье [тогда] говорят, когда добавлена откуда-либо вода; **AQUOSUM** же [означает] место, «изобилующее» водой, которое само воду изливает.

ALBUM — белый цвет, таковой по природе; **CANDIDUM** («блестящий») — говорится и о теле, и об уме. Убеленными называют седины, а блестящей — кожу.

ALUUS — правильно говорить о животе у мужей; **UTERUS** — о чреве у женщин; **VENTER** — о кишках у обоих полов.

ACCЕПТОР и **ACCIPITER** («получатель» и «хищная птица»). Ведь Вергилий говорит “**accipiter**”; Луцилий же [говорит]: “**acceptoris et unguis**”¹⁷.

APUD («возле») — надлежит писать через [букву] **d**; **CAPUT** («голова») — через **t**, поскольку оно производит [генетив] **capitis**.

ARMARIUM («шкаф») — место, в котором хранятся всякие инструменты для ремесла; **ARMAMENTARIUM** («арсенал») — [место], в котором [находится] лишь боевое оружие.

ACCEDIT («подходить») — [следует писать] через **e** [когда] речь идет о хождении; **ACCIDIT** («выпадать») — [следует писать] через [букву] **i**, [когда надо сказать] о том, что случается.

¹⁷ Согласно Харисию (р. 98, l. 9), схожее употребление фразы имело место у Луцилия: “...extra acceptoris et unguis” (см. *Ex libris incertis* XXX, 3, 864 [ALB]).

[B]

- J 145 **BELZEBUB**, non Belsebul aut Belzsebud. **BELIAL**, non Beliar.
- K 5 **BYRSA** <Βύρσα> Graece, latine **CORIUM**⁸⁶.
- BELLUS** bellissimus comparatiuum non habet; sed pro eo dicendum “magis bellus”⁸⁷ et e contrario “minus bellus”, id est minus pulcher.
- J 150 **BUCCINA** est qua signum dat bucinator, **BUCCINUS** ipse canor ex hac editus⁸⁸. **BUCCINA** pastoralis est et cornu recuruo fit, unde et κερατίνια graece uocatur⁸⁹. **TUBA** autem de aere uel argento efficitur et sollempnitatibus concreat.
- M 127C
K 10 **BAPTISMUS** baptismi genere masculino, et **BAPTISMA** baptismatis neutro, et **BAPTISMUM** baptismi aequo neutro⁹⁰.
- J 155 **BARBAM** hominis, **BARBAS** pecudum dicimus⁹¹.

⁸⁶ *Gloss.* II, p. 116, l. 38; p. 503, l. 3, etc.

⁸⁷ *DOSITH.* (p. 399, l. 11); *CHAR. Exc.* (p. 536, l. 31; p. 556, l. 5); *Gloss.* II, p. 352, l. 57; p. 353, l. 1.

⁸⁸ *CAPER* (p. 99, l. 16).

⁸⁹ Cp. *ISID., Etym.* XVIII, 4, 1.

⁹⁰ *PROBUS, App.* (p. 195, l. 20); *Matth* 21:25.

⁹¹ *CAPER* (p. 99, l. 24); cp. *CHAR. I* (p. 95, l. 12); *PROBUS, App.* (p. 201, l. 13); *ISID., De diff.* I, 76 (col. 18); etc.

[В]

BELZEBUB — [пишется], а не Вельзевул или Вельзевуд¹⁸.

BELIAL [следует писать Валаал], не Велиар¹⁹.

BYRSA — по-гречески — «кожа» (*Bύρσα*)²⁰, на латинском — **CORIUM** («кожа»).

BELLUS («красивый», «милый», «приятный»), [в превосходной степени будет] — **bellissimus**; сравнительной степени [это имя] не имеет, вместо нее надо говорить **magis bellus** («более красивый») и, напротив, — **minus bellus**, то есть, менее красивый.

BUCCINA («витая труба», «рог») — то, чем трубач дает знак.

BUCCINUS — сам звук, который из [трубы] выходит.

BUCCINA — [означает] пастуший рожок, сделанный из загнутого рога; оттого и по-гречески произносится *κερατίνα* («выточенный из рога»). **TUBA** — (труба), [но] изготовленная из меди или из серебра, и она звучит по торжественным случаям.

BAPTISMUS, **baptismi** («крещение») — мужского рода и **BAPTISMA**, **baptismatis**²¹ — среднего, и **BAPTISMUM**, **baptismi** — также среднего [рода].

BARBAM ([Acc., Sing.] — «борода» у человека мы говорим, [a]

BARBAS ([Acc., Pl.] — «бороды» у скота [например, у козла].

¹⁸ В Септуагинте название ассиро-финикийского божества Баалзеву, одного из олицетворений Ваала. Переводится как «повелитель мух». Один из демонов иудаизма. В Новом Завете — «князь бесовский» или сатана (Матф 12:24). Вельзевул (Веельзевул, Вельзевуб, Вельзевуб, Веельзевут, Баал-Зевуб) — великий демон, высокопоставленный и могущественный; его нередко принимают за верховного вождя адских сил вместо Сатаны. В действительности Вельзевул — вторая фигура в Аду, ближайший соратник и соправитель Сатаны-Люцифера [W].

¹⁹ Велиал (Велиар; Белиал, Белиел) — один из вождей темных сил, сильный и могущественный король (в гримуаре *Черный ворон* — вице-король Адской империи), ближайший соратник Сатаны. Он был сотворен сразу после Люцифера и, по собственному утверждению, пал первым среди достойнейших и мудрейших ангелов (*Ламегетон*) [W].

²⁰ Бирса.

²¹ Греч. — «погружение в воду», «крещение».

BUXUS arbor erit, **BUXUM**, materia ipsa⁹².

J 160 **BALNEUM** ueteres dixerunt siue **BALINEUM**, nihil enim differt; sed in priuatis. Publicis autem feminini generis, et quidem numero semper plurali — frequenter **Balneas**⁹³.

BALUAE, id est thyrae⁹⁴, per **b** incipiant⁹⁵.

K 20 **BARATRUM** singulariter tantum effertur. Sic autem uocabant gentiles locum apud inferos⁹⁶.

J 165
M 127D **BLANDITIAE** et **BIGAE**, sicut et **TRIGAE** et **QUADRIGAE**, pluraliter tantum efferuntur. Sed in nostrorum litteris scriptorum et bigam <inuenimus> et quadrigam⁹⁷.

[C]

CANA et **SIMON CANANAEUS** per simplicem **c**; **CHANANAN** et mulier **CHANANAEA** adspiratione addita⁹⁸.

J 170
K 25 <Κυννομῖα> per **y** scripta caninam muscam significat⁹⁹, <κυνὸς> enim graece canis dicitur; <κοινομῖα> per diphthongon **oe** communem muscam; <κοινόν> enim graece commune est, unde **COENOBIUM** a communi uita nomen accepit. Quod in Exodo et in Psalterio in primis translatum esse arbitramur¹⁰⁰, ut omnis generis musca significaretur; sed similitudine soni per incuriam contigisse ut cynomia¹⁰¹ pro coenomonia scriberetur.

J 175
M 128A
K 30

⁹² CAPER (p. 100, l. 15); cp. ISID., *Etym.* XVII, 7, 74; SERU. IX, 616, 2-3.

⁹³ CHAR. I (p. 99, l. 3); cp. CAPER (p. 108, l. 7); DIOM. I (p. 327, l. 7).

⁹⁴ p^m — ferae.

⁹⁵ CASSIOD., *De orth.* (p. 173, l. 5; cp. p. 183, l. 13 – p. 186, l. 4).

⁹⁶ CHAR. I (p. 32, l. 9); *Exp.* (p. 548, l. 1 et l. 12); DIOM. (p. 327, l. 22); SERU. III, 421, 1-3; ISID., *Etym.* XIV, 9, 5.

⁹⁷ CHAR., *Exc.* (p. 549, l. 2); CAPER (p. 104, l. 16); cp. CHAR. I (p. 33, l. 7); DIOM. I (p. 327, l. 34).

⁹⁸ Ioh 2:1; Matth 10:4; Marc 3:18; Matth 15:22.

⁹⁹ Cp. Exod VIII, 21-24; ISID., *Etym.* XII, 8, 12.

¹⁰⁰ Ps 77:45; 104:31.

¹⁰¹ См. Ps 104:31: "...et venit cynomia et scinifes in omnibus finibus eorum" («...и пришли разные насекомые, скнипы во все пределы их»).

BUXUS — будет дерево («букс», «самшит»); **BUXUM** — сама древесина.

BALNEUM («баня», «ванна») — [так] древние говорили, или — **BALINEUM**, ведь [между ними] нет никакого отличия; [эти слова] используются в разговорной речи; в официальной же [речи это слово] женского рода и всегда во множественном числе; часто [говорят] *Balneos*.

BALLUAE — то есть звери (**ferrae**), начинается с [буквы] **b**.

BARATRUM ([греч.] «пропасть», «бездна») — употребляется только в единственном числе. Так [язычники] называли преисподнюю.

[Имена] **BLANDITIAE** («лесть») и **BIGAE** («парная запряжка»; «двуколка»), как и **TRIGAE** («тройка»), и **QUADRIGAE** («колесница, запряженная четверицею лошадей») — употребляются только во множественном [числе]; но в наших Писаниях мы встретим и **bigam** и **quadrigam** [т. е. в единственном числе].

[С]

[Имена] **CANA** («Хана») и **SIMON CANANAEUS** («Симон Хананейский») пишутся через простую [букву] **c**; [К именам] **CHANAAN**²² («хананей») и женскому **CHANANAEA** («хананейка») добавляется придыхание.

[Имя] *κυνομία* пишется через [букву] **y** [и] обозначает собачью муху (**caninam muscam**); ведь *κυνὸς* по-гречески собака; [имя] *κοινομία* — пишется через дифтонг **oe** [и обозначает] обычную муху; ведь *κοινόν* по-гречески есть «общий»: отсюда [слово] **COENOBIVM** («киновия»), получившее название от общественной жизни. Мы полагаем, что [это слово] впервые встречается в книге Исхода и Псалтири, и означает мух любого рода; но из-за схожести в произношении [и] по небрежности стали писать неправильно, как **synomia** вместо **coenomia**.

²² Заметим, что имя *Chanaan* («Ханаан») в библейские времена носила страна, простирающаяся на запад от Иордана.

- COITUS** generaliter omnis coeuntia siue itineris siue concordiae siue connubiorum.
- K (p. 266)
J 180 **CARDUUS** trium syllabarum est, ut **ARDUUS**, **FATUUS**, **MORTUUS**, ideoque similiter declinandum est: huius cardui, huic carduo, et hunc carduum, pluraliter hi cardui, <horum> carduorum, <his> carduis¹⁰².
- K 5 **CUBICULARIUS** custos cubiculi; **CUBICULARIS** uero lectus cubiculo aptus, ut caligarius artifex, caligaris clauus.
- J 185 **CLUNES** feminino genere dixit Melissus, sed Verrius Flaccus masculino genere dici probat¹⁰³.
- M 128B **COMMODAMUS** amico pro tempore equum, uestem, seruum — hanc ipsam rem quam dedimus recepturi. **MUTUO DAMUS** pecuniam, triticum, uinum, et his similia, quae mutata recipi necesse est¹⁰⁴.
- K 10
- J 190 **CANITIES**, non canitia, dicendum¹⁰⁵ est¹⁰⁶.

¹⁰² CHAR. I (p. 76, l. 21 – p. 77, l. 1); Judith 12:6; 14:11; cp. ISID., *Etym.* XIX, 34, 2 et 12.

¹⁰³ CHAR. I (p. 101, l. 4); PRISC. V, 29 (II, p. 160, 11).

¹⁰⁴ AGR. (p. 124, l. 13); cp. *Diff.* (p. 522, l. 23).

¹⁰⁵ ...dicenda — P^l.

¹⁰⁶ *Ars an.* (p. 131, l. 10); cp. ASPER (p. 45, l. 3); *Orth. Eins.* (p. 298, l. 1); Prov 20:29; CHAR. I (p. 57, l. 4).

[Имя] **COITUS** («соитие») вообще [обозначает] любое схождение: в пути, в согласии или в браке.

[В имени] **CARDUUS** («волчек», «чертополох») три слога, как [в именах] **ARDUUS** («крутой»), **FATUUS** («глупый»), **MORTUUS** («смертный»); и по этой причине их следует склонять похожим образом [в единственном числе]: **huius cardui**, **huic carduo** и **hunc carduum**; [и] во множественном: **hi cardui**, **horum carduorum**, **his carduis**.

CUBICULARIUS — «постельничий»²³; **CUBICULARIS** — «постель, устроенная в спальне», как сапожник (**caligarius**²⁴ **artifex**), сапожный гвоздь (**caligaris clavus**).

CLUNES («ягодицы») — Мелисс говорил, что это имя женского рода, но Верий Флакк считал, что оно мужского рода.

COMMODAMUS — «одалживать» другу на время коня, одежду, раба; [и] то, что мы отдаем, мы должны получить обратно. **MUTUO DAMUS** — «мы даем взаймы» деньги, пшеницу, вино и тому подобное, что, в свою очередь, должно быть возвращено.

Следует говорить **CANITIES** («седина», «седые волосы»), а не **canitia**.

²³ В Поздней Античности — должность. Ср.: “praepositus sacri cubiculi” (*C. Th.* VI, 8, 1).

²⁴ *Gloss. med.*, p. 30, col. C. (<http://ducange.enc.sorbonne.fr/CALIGARIUS> 1 [сентябрь, 2011]): “Caligarius, Sutor, *Caligarum* confector”. *Gloss. Græc. Lat.*: ὑποδηματάριος, Calciamentarius, *Caligarius*. ΠΑΡΙΑΣ: *Caligarius*, Artifex, Caligaris vero, clavus. ΜΟΧ: *Caligarios*, a calo, id est, ligno vocant, unde fiunt: sine iis calciamenta fieri non possunt. VETUS, *Inscriptio*: C. Attilius C. F. Justus sutor Caligarius sibi et Corneliae, etc. JULIUS FIRMICUS MATH. lib. III, cap. 12: “Coriorum confectores seu Caligarii”. IDEM, lib. IV, cap. 7: “Facies pellarios, coriarios, Caligarios”. *Tabular. Eccles. Autisiodor.* fol. 80: “Vinea Joannis, dicti Notarii, Caligarii”. Adde Lamprid. in Alex. Severo. Καλιγάριοι, Græcis Scriptoribus ævi medii, unde *Porta Caligariorum* Constantinopoli, apud Phranzem lib. III, cap. 11. et Leunclavium in Pandecte Turico num. 200. Adde Glossar. med. Græcit. col. 550. voce Καλιγάριος et Marin. Pap. Diplom. pag. 815. col. B.

CAMARA dicitur, ut Verrius Flaccus adfirmat, non camera per e¹⁰⁷. Sed Lucretius, “*cameris ex teretibus*” dicendo¹⁰⁸, etiam cameram dici posse ostendit.

K 15
J 195

CURRICULUS masculine diminutio est a currus¹⁰⁹; **CURRICULUM** autem neutraliter spatium ad currendum aptum uel ipsum currendi officium.

CLIPEUS masculinio genere in significatione scuti ponitur; neutro autem genere imaginem significat¹¹⁰. Sed auctoritas utrumque uariat.

J 200
K 20

CASEUS masculini generis est¹¹¹, sed Pomponius neutraliter dixit, “*caseum molle*”.

M 128C

CUSPIS cuspidis; non cuspes¹¹².

CAPPARIM feminino genere dixit Varro; nam et graece feminino dicitur <ἡ καππάρης>¹¹³.

J 205

CASSIDEM dicimus nos ab eo quod est haec cassis; sed multi cassidam dicunt¹¹⁴, ut et Propertius:

Aurea cui postquam nudauit cassida frontem,

et Virgilius:

*Aurea uati cassida*¹¹⁵.

¹⁰⁷ CHAR. I (p. 58, l. 23); cp. III Reg. 7:3.

¹⁰⁸ См. также: KENDALL C. B., WALLIS F., “Appendix 4: Bede and Lucretius”, in: *Bede: On the Nature...* p. 191.

¹⁰⁹ CHAR. I (p. 77, l. 11); cp. PRISC. III, 6, 32 (II, p. 106, l. 13).

¹¹⁰ CHAR. I (p. 77, l. 14); ISID., *De diff.* I, 121 (col. 23); DIOM. I (p. 327, l. 13); *Comm. Einsidl.* (p. 238, l. 11).

¹¹¹ CHAR. I (p. 79, ll. 15-19).

¹¹² Cp. PRISC. V, 30 (II, p. 161, l. 11), VI, 66 (II, p. 250, l. 18).

¹¹³ CHAR. I (p. 103, l. 12); Eccl. 12:5.

¹¹⁴ CHAR. I (p. 103, l. 15), cp. PRISC. VI, 66 (II, p. 251); PROBUS (p. 28, l. 23); 1 Reg 17:5; ISID., *Etym.* XVIII, 14, 1; cp. IDEM, *De diff.* I, 120 (col. 23).

¹¹⁵ VERG., *Aen.* XI, 774-775.

[Следует] говорить, как Верий Флакк уверяет, **CAMARA** («сводчатый потолок»), а не **camera**, через [букву] **e**; но Лукрецием было сказано: “*Cameris ex terelibus*”²⁵, также ясно, что можно сказать **cameram**.

CURRICULUS («пробежка») — упортебляется в мужском [роде], уменьшительная форма от **currus** («бег»). **CURRICULUM** («бег») — в среднем [роде и обозначает], пространство, подходящее для бега, или само занятие бегом.

CLIPEUS («круглый щит») — мужского рода; означает большой щит; а в среднем роде оно означает медальон; но мнение [древних] о том и о другом различно.

CASEUS («сыр») — [это имя] мужского рода; но Помпоний произносил его в среднем: **caseum molle** («мягкий сыр»).

CUSPIS, cuspidis («острый конец», «острие», «жало») [следует писать, а] не **cuspes**.

CAPPARIM («кустарник каперса»)²⁶ — [это имя] Варрон произносил в женском роде; ибо и по-гречески оно женского рода — ἡ καππάρης.

CASSIDEM («металлический шлем»)²⁷ — мы производим от [словосочетания] «такой-то шлем»; но многие говорят **cassidam**, как Проперций:

*Когда затем золотой шлем, [упав], обнажил ее лоб*²⁸.

И Вергилий:

*Златой шлем жреца*²⁹.

²⁵ Ср. LUCR., *Fragm.* 3, 1: “...cameraeque caminis exterribus...” (PHI 5). Джонс дает ссылку на фрагмент, возможно принадлежащий Луцилию. См. LUCILIUS, v. 1351: “...cameraque caminis”.

²⁶ Acc. Sing. от capparitis, is.

²⁷ Acc. Sing. от cassis, idis.

²⁸ См. ПРОПЕРЦИЙ, *Элегии* III, 11, 15. Ср. пер. Л. ОСТРОУМОВА: «Но когда шлем золотой с чела ее пал».

²⁹ Ср. пер. С. ОШЕРОВА: «Вещую голову шлем, и желтым золотом в узел».

- CAPO** nunc, sed Varro, de Sermone latino, ait:
 J 210 *Ex gallo gallinaceo castrato fit capus*¹¹⁶.
 K 30 **CINGULA** hominum generis neutri est; nam et animalium
 genere feminino has cingulas dicimus¹¹⁷.
CAPAX qui facile capit; **CAPABILIS** qui facile capitur.
COLLOCAT per **l** scribendum, non conlocat per **n**¹¹⁸.
 J 215 **CALUMNIA** est crimen falsum, cum nobis aduersarius aut
 M 128 D malum quod non fecimus obicit aut bonum quod fecisse
 K (p. 267) probamur in contrarium interpretari conatur¹¹⁹.
 K 5 **CONSULO** tibi **PROSPICIO**, **PROVIDEO** ex uno graeco
 ueniunt, quod est *Προνοῶ σου*¹²⁰.
 J 220 **CONTEMNO** hostem, **DESPICIO**, **SPERNO**, **ASPER-**
NOR ex uno graeco ueniunt, quod est *καταφρονῶ*¹²¹.
COMMEIO lectum est et **PERMEIO**; commixi et
 permixi¹²².
COMITOR amicum et amicis¹²³.
 M 129A **CORINTHIUM** ciuem dicimus, **CORINTHIACUM** uas¹²⁴.

¹¹⁶ CHAR. I (p. 103, l. 26).

¹¹⁷ ISID., *Etym.* XX, 16, 4.

¹¹⁸ *Ars an.* (p. 174, l. 30).

¹¹⁹ In Levit 19:11; cp. ISID., *Etym.* V, 26, 8.

¹²⁰ *Προνοέω* — P^m. *Gloss.* II, p. 419, l. 28; p. 113, l. 48.

¹²¹ *Καταφρονέω* — P^m. *Gloss.* II, p. 345, l. 2; cp. p. 187, l. 1, p. 346, l. 2.

¹²² ...perminaci — P^m. DOSITH. (p. 425, l. 14): "...et permeio (commixi et permixi)";
 cp. CHAR. V (p. 294, l. 14): "...commeio lectum".

¹²³ DIOM. I (p. 315, l. 9).

¹²⁴ *Diff.* (p. 519, l. 15); cp. ISID., *Etym.* XVI, 20, 4.

CAPRO («каплун») — [так говорят] сейчас, но Варрон в [трактате] *О латинской речи* [к Марцеллу]³⁰, говорил:

Каплун происходит от кастрированного петуха.

SINGULA («перевязь»)³¹ — в среднем роде [обзначается то, что есть] у людей; ведь в женском роде [это слово] употребляется применительно к животным, например, **has cingulas** («эти подпруги»).

SARAX — «легко усваивающий», «восприимчивый»;
SARABILIS — «способный вместить».

COLLOCAT («размещать», «ставить») — следует писать через [букву] **I**, а не через **n**, [как] **conlocat**.

CALUMNIA («клевета», «наговор», «навет») — есть преступная ложь, когда противник пытается приписать нам зло, которого мы не совершали, или противоположным образом истолковать добро, которое, как доказано, мы сделали.

CONSULO — «заботиться», «иметь попечение» о тебе,
PROSPICIO [и] **PROVIDEO** («забочусь», «имею попечение») происходят от одного греческого [слова], то есть *Προνοῶ σοῦ* («забочусь о тебе»).

CONTEMNO — «презирать» врага; **DESPICIO**, **SPERNO**, **ASPERNOR** происходят от одного греческого [слова], то есть *καταφρονέω* («презираю»).

COMMEIO — «обмочить»³² кровать и **PERMEIO** — «промочить»³³ [кровать]; [в перфекте] — **commixi** и **permixi**.

COMITOR — «сопровождать» друга и друзей.

CORINTHIUM — «коринфянин», «житель Коринфа»,
CORINTHIACUM — «коринфский» сосуд.

³⁰ VARRO, *Fragm.* 48: “...iterum ex gallo gallinaceo castrato fit capus”. Ср. IDEM, *De re rustica* III, 9, 3.

³¹ Nom. Pl, Acc. Pl. cingulum (n).

³² commingo, -mi[n]xi, -min(c)tum, -ere.

³³ permingo, -mi[n]xi, -, ere.

- J 225
K 10 **COMMINUS** gladiis pugnamus; **EMINUS** iaculis, quia illud
a manibus non recedit, hoc e manibus emittitur¹²⁵.
- CLIPEUM** armorum; **CLUPEUM** imaginis est¹²⁶.
- CADIT** quis etiam in plano; **DECIDIT** ex alto¹²⁷.
- J 230
K 15 **CAERULUS** naturae color est, **CAERULEUS** fingitur; ita
alterum est, alterum fit¹²⁸.
- CLARITAS** tam luminis est quam perspicuitatis¹²⁹;
 CLARITUDO generis. Prior itaque splendoris, posterior
 nobilitatis est.
- CRUCIATUS** est dolor corporis, uel cum homo ab altero
 cruciat; **CRUCIAMENTUM** quod cruciat¹³⁰.
- J 235
K 20 **CERNO** et **CRESCO** in eundem perfectum cadunt,
 CREVI.¹³¹
- CAEDO** cecidi per **ae** diphthongon¹³²:
- M 129B *Caeditur et tilia ante iugo leuis, —*
 Virgilius¹³³.
- CEDO**, cessi per **e** simplicem.

¹²⁵ *Diff.* (p. 521, l. 29); cp. *Diff. serm.* (p. 288).

¹²⁶ CHAR. I (p. 77, l. 14 – p. 78, l. 1); CAPER (p. 97, l. 14); *Diff.* (p. 525, l. 16); VEL.
(p. 68, l. 2 или 11); ISID., *Etyim.* XVIII, 12, 1; IDEM, *De diff.* I, 121 (col. 23).

¹²⁷ *Diff.* (p. 526, l. 21).

¹²⁸ *Diff.* (p. 527, l. 3); ISID., *De diff.* I, l. 115 (col. 22); cp. *Diff. serm.* (p. 282, l. 23).

¹²⁹ *Diff.* (p. 528, l. 20).

¹³⁰ 4 Esdr 9:12; 13:37.

¹³¹ CONSENT. (p. 384, l. 28); CHAR. III (p. 247, l. 25).

¹³² Cp. CHAR. III (p. 245, l. 5).

¹³³ VERG., *Georg.* I, 173.

COMMINUS — «лицом к лицу» мы сражаемся на мечах;
EMINUS — «на расстоянии» мы сражаемся, с помощью копий, поскольку первые из рук не выпускают, а вторые — метают рукой.

CLIPEUM — «круглый щит», оборонительное оружие;
CLYPEUM — «медальон», изображение.

CADIT — «падать» на поверхности; **DECIDIT** — «ниспадать» с высоты.

CAERULUS («лазоревый»), естественный цвет; **CAERULEUS** («голубоватый»), рисуется [на холсте]; поэтому один есть [в природе], а другой создается.

CLARITAS («яркость» света или «ясность» [восприятия]);
CLARITUDO — «славность происхождения». Первое относится к блистанию [света], второе — к блестящему [происхождению].

CRUCIATUS («мучение», «пытка») — [означает] телесную боль или [же боль], испытываемую человеком, которого истязают. [Имя] **CRUCIAMENTUM**, («мучение», «пытка») [означает] собственно пытку], причиняемую [кем-то].

CERNO («различать») и **CRESCO** («возрастать») — имеют одну форму перфекта — **CREVI**.

CAEDO («бить»), [в перфекте] **cecidi** — [пишется] через дифтонг **ae**; Вергилий [говорил]:

*Падает легкая липа перед ярмом*³⁴.

CEDO («идти, ступать»), [в перфекте] **cessi** — [пишется] через обычную **e**.

³⁴ Ср. пер. С. ШЕРВИНСКОГО: «Валят и липу в лесу для ярма».

CUPIO cupiui facit et cupii: Cicero pro Cluentio¹³⁴:

Et filium et hunc cum maxime filium interfectum cupit, —

pro cupiuit.

J 240
K 25

CALUMNIOR innocenti, non innocentem; tametsi quidam interpretum graecam locutionem secuti accusatium posuerint dicentes:

*Et orate pro persequentibus et calumniantibus uos*¹³⁵.

CUR aduerbium saepius indicatium uerbum trahit¹³⁶: Gregorius,

*Discutiendum est cur quadam die factum
aliquid coram Domino*¹³⁷,

J 245
K 30

dicitur.

K (p. 268)

CLAVUS singulariter¹³⁸, quae est purpurata uestis, et declinatur genere feminino¹³⁹.

CALLUM quoque et **CAENUM**¹⁴⁰ et **CROCUM** neutro, sed Virgilius masculino, “crocumque rubentem”¹⁴¹.

J 250
M 129C

CANI, **CANCELLI**, et **CASSES** singularem numerum non habent (**CASSES** autem “retia” dicuntur). **CAULAE** similiter, **CAERIMONIAE**, **CUNAE**, et **COMPEDES**, et in neutro genere **CASTRAS**, **CIBARIA**, **CREPUNDIA**, **CUNABULA**.¹⁴²

K 5

¹³⁴ CIC., *Pro Cluentio* V, 12; PRISC. I, 21 (II, p. 16, l. 2); PROBUS (p. 36, l. 12).

¹³⁵ Matth 5:44; Lc 6:28.

¹³⁶ См. l. 946 (J).

¹³⁷ Cp. 1 Reg 11:15; 3 Reg 8:65; Ez 46:3 et cet.

¹³⁸ ...similiter — P^m.

¹³⁹ CHAR. I (p. 31, l. 30); *Exc.* (p. 548, l. 7); cp. p. 548, l. 3; ISID., *Etym* XIX, 22,9.

¹⁴⁰ “**CALLUM** quoque et **COENUM** sing. numeri sunt” — (P^m). **CALLUM** («жесткая кожа») также как и **CAENUM** ([caenum] «грязь», «нечистоты») [употребляются] в единственном числе.

¹⁴¹ CHAR. I (p. 32, l. 9; p. 72, l. 1); *Exc.* (p. 548, l. 12); DIOM. I (p. 327, l. 24).

¹⁴² DIOM. I (p. 327, l. 25); CHAR. I (p. 32, l. 9); *Exc.* (p. 548, l. 20); CHAR. I (p. 33, l. 7); *Exc.* (p. 549, l. 2); CHAR. I (p. 33, l. 26); *Exc.* (p. 550, l. 1); DIOM. I (p. 328, l. 7).

CUPIO («сильно желать, жажда́ть»), [в перфекте] **cupiui** и **cupii**. Цицерон [в *Речи*] в *защиту* [Авла] Клеонтия [Габита говорил]:

*...той матери, которая вот уже столько лет, и ныне более, чем когда-либо, жаждет гибели своего сына*³⁵, —

вместо **cupiuit**.

CALUMNIOR («клеветать») на невинного, а не против невинного (**innocentem**); хотя некоторые употребляют аккузатив, следуя греческому языку, говоря:

Молитесь за преследующих вас и за клеветующих на вас.

CUR («отчего», «почему», «по какой причине») — часто требует после себя глагола в изъявительном [наклонении]. Григорий говорил:

Следует обсудить, отчего в некий день нечто было содеяно перед лицом Господа.

CLAVUS — употребляется в единственном числе, [обозначает] пурпурную тунику, склоняется [как имя] женского рода.

CALLUM («жесткая кожа») а также **CAENUM** («грязь») и **CROCUM** («шафран») — среднего рода, но у Вергилия — мужского: “**crocumque rubentem**” (и красный шафран).

CANI («седина»), **CANCELLI** («решетка») и **CASSES** («сети») — не имеют единственного числа (**CASSES** — также именуется «неводом»³⁶); схожим образом [не имеют единственного числа] **CAULAE** («отверстия»), **CERIMONIAE** («торжества»), **CUNAE** («колыбель») и **COMPEDES** («кандалы»), и [слова] среднего рода — **CASTRAS** («военный лагерь»), **SIBARIA** («провизия»), **CREPUNDIA** («погремушка»), **CUNABULA** («колыбель»).

³⁵ См. ad loc. 12, 10 (PHI 5).

³⁶ retia = rete, is.

- J 255 **CRUOR** pluralem non habet¹⁴³: Virgilius plurali **CRUORES**:
*Atque atros siccabat ueste cruores*¹⁴⁴.
- K 10 **CONTAGIUM** et **CONTAGIA** neutro genere sunt dicenda;
et haec **CONTAGIO** feminino¹⁴⁵.
- J 260 **COMOEDIA** carmina quae in conuiuuis canuntur, quia
comessatio graece κῶμος dicitur¹⁴⁶.
- M 129D <Κάρταλλος> graece, latine **FISCELLA**¹⁴⁷. **CALAMOS**¹⁴⁸
graece, latine **ARUNDO**. **CANON** graece, latine **REGU-**
LA. **CADOS** graece, latine **SITULA**¹⁴⁹.
- K 15 **CUNABULA** sunt panni infantiae; sed Iohannes Constanti-
nopolitanus episcopus scribit Lazarum in monumento cu-
nabulis inuolutum.
- J 265 **CANTATOR** et **CANTATRIX** a uerbo *Canto*. <A uerbo
Cano, recte dicitur **CANTOR** atque **CANTRIX**>¹⁵⁰.
- K 20 **COMBURO** per **m** scribendum, non per **n**¹⁵¹. **COMPARO**
similiter et **COMpono** caeteraque huiusmodi¹⁵².
- J 270 **CONSPECTUS**, cum in scriptura diuidendum est, **c** sequenti
syllabae iungis.
- M 130A **COMPLACEO**, non conplaceo; **COMMORATUS**, non
conmoratus; **COMPREHENDO**, per **m**.
- CAMELUS** per unum **l** scribendum¹⁵³.

¹⁴³ SERU. IV, 687; CHAR. I (p. 32, l. 1); *Exc.* (p. 548, l. 3); *Ars an.* (p. 84, l. 29).

¹⁴⁴ VERG., *Aen.* IV, 687.

¹⁴⁵ MAR. VICT. (p. 25, l. 10); CHAR. I (p. 71, l. 12).

¹⁴⁶ VEL. (p. 72, l. 13); ISID., *Etym.* VIII, 7, 6.

¹⁴⁷ *Gloss.* II (p. 72, l. 20) et cet.; Deut 26:2; Ier 6:9; CHAR., *Exc.* (p. 553, l. 3);
Gloss. II, p. 68, l. 18 etc.

¹⁴⁸ Ps 44:2; Mc 15:36, etc.

¹⁴⁹ *Gloss.* II, p. 171, l. 24, etc; *Gloss.* II, p. 185, l. 16, etc; Is 40:15.

¹⁵⁰ 2 Reg 19:35; Eccl 2:8.

¹⁵¹ Ps 82:15 et passim; cp. PRISC. I, 23 (II, p. 17, l. 18); ISID., *De diff.* I, 58 (col. 16).

¹⁵² CM. I. 927 (JONES).

¹⁵³ MAR. VICT. (p. 17, l. 10).

CRUOR («кровь») не имеет множественного числа, хотя Вергилий [употреблял это слово] во множественном:

*Темную **кровь** одеждой своей утирала.*

CONTAGIUM и **CONTAGIA** («соприкосновение») — следует употреблять в среднем роде, а **CONTAGIA** («зараза») — в женском.

COMOEDIA («комедии», «песни»), которые поются во время застолий, потому что пирушка (**comessatio**) по-гречески называется *κῶμος* («гулянка», «песнь»).

<*Κάρταλλος*> — по-гречески, на латинском — **FISCELLA** («корзинка»). **CALAMOS** — по-гречески, на латинском — **ARUNDO** («тростник»). **CANON** — по-гречески, на латинском — **REGULA** («правило»). **CADOS** (*κάδος*) — по-гречески, на латинском — **SITULA** («кувшин»).

CUNABULA («пелены у младенцев»), но Иоанн, епископ Константинопольский писал, что Лазарь в гробнице был закутан в пелены.

CANTATOR («певец») и **CANTATRIX** («певица»); [оба слова происходят] от **canto** («петь»). Правильно говорить: **CANTOR** и **CANTRIX** («певица»), [которые происходят] от [похожего] глагола **cano** («петь», «говорить нараспев»).

COMBURO («сжигать») следует писать через **m**, а не через **n**. Схожим образом [пишется] **COMPARO** («готовить») и **COMpono** («складывать») и прочие в том же роде.

CONSPECTUS («взор»), когда при письме нужно разделить это слово на слоги, **c** отходит к последующему слогу.

COMPLACEO («любить в ответ») [следует писать], а не **conplaceo**; **COMMORATUS** («промедливший»), а не **conmoratus**. **COMPREHENDO** («постигать») [следует писать] через **m**.

CAMELUS («верблюд», греч.) — следует писать с одной [буквой] **l**.

- J 275 **COMMODAT** et **COMMENDAT** per **m**;
- K 25 **COMPUTRESCIT** per **m**; **COMPLURES** per **m**.¹⁵⁴
- COLUMNA** cum <in> scripto diuidenda est, **m** sequenti syllabae nectis; **CALUMNIA** similiter¹⁵⁵.
- J 280 **CELO** celas, id est, abscondo, per simplicem **e** scribendum; **CAELO** caelas, cum picturam significat, per diphthongum **ae** <scribendum>¹⁵⁶. Vnde caelum melius intellegitur dictum ab eo quod caelati instar multifaria sit siderum uarietate depictum quam quod inuisibilia et incerta mortalibus celet arcana.
- M 130B
- K (p. 269) **CANTARUS** animal est; **CANTARUM** camara, domus.
- J 285 <**CLAMO**, clamoris simplicis est; **CONCLAMO**, simul cum multis est; etiam **ACCLAMO** murmurandi est. **PROCLAMO**, laudandi vel deprecandi exsultatio. **DECLAMO**, rhetorizandi. **EXCLAMO**, quando pro viribus vocem eleuo>¹⁵⁷.
- K 5
- J 290 **CURRO** hoc tantum significat, quod in itinere positus nullam facio comperendinationem; **CURSO** autem, paulo citius aliqua necessitate extorquente festinare cogor; **CURSITO** uero, quando hoste<m> me insequente<m> fugio¹⁵⁸.

¹⁵⁴ Zach 14: 15, etc; Num 5:27, etc.

¹⁵⁵ См. I. 215; 240 (JONES).

¹⁵⁶ ...proferendum — P^l.

¹⁵⁷ Ср. чтение Джонса (P^l): **CLAMO** clamoris simplicis est; **CONCLAMO** simul cum multis. Est etiam **ACCLAMO**, cum falso aliquem accuso, sicut Cicero, De Prasio, "Solis innocens acclamationibus punitus est"; **RECLAMO** aliquem exeuntem uocotans; **inclamo** et **succlamo**, murmurandi est; **PROCLAMO**, laudandi uel deprecandi exaltatio; **DECLAMO**, rhetorizandi; **EXCLAMO**, quando pro uiribus uocem eleuo. De Prasio — не существует.

¹⁵⁸ Ср. PRISC. VIII, 74 (II, p. 429, l. 23).

COMMODAT («угождать», «оказывать услугу») и **COMMENDAT** («рекомендовать») — [следует писать] через [букву] **m**;

COMPUTRESCIT («гнить») — [следует писать] через [букву] **m**, и **COMPLURES** («многие») — [также] через **m**.

COLUMNA («колонна»); когда нужно записать это слово по слогам, [букву] **m** относи к последующему слогу. Схожим образом [следует поступить] и [со словом] **CALUMNIA** («клевета»).

CELO, celas («скрывать») — то есть «прятать» (**abscondo**), следует писать через простую [букву] **e**. **CAELO, caelas** («расписывать»), когда относится к рисованию, пишется через дифтонг **ae**. Поэтому лучше считать, что небо (**caelum**) названо так оттого, что наподобие затейливого узора (**caelati**) украшено разнообразием звезд, а не оттого, что оно скрывает (**celet**) невидимые и неведомые смертным тайны.

CANTHARUS — «жук-скарабей»³⁷; **CANTHARUM** — «сводчатый потолок», «купол».

CLAMO, clamoris — [означает] просто «крик»; **CONCLAMO** — «кричать вместе с другими»; **ACCLAMO** — «бормотать». **PROCLAMO** — «восхвалять» или «громогласно проклинать». **DECLAMO** — относится к декламации. **EXCLAMO** — отдавать голос за неких мужей.

CURRO («бежать») — означает то, что пустившись в путь, я не делаю никакого промедления. **CURSO** — когда, подгоняемый какой-либо необходимостью, я вынужден поспешать немного быстрее; **CURSITO** — когда я убегаю от преследующего меня врага.

³⁷ *Κάνθαρος*.

- J 295
K 10 **CIRCA** ad uisibilem materiam uel locum pertinet¹⁵⁹; **ERGA** autem ad animum spectat, maxime cum aliquem propensio-
riorem affectum gerat proximorum¹⁶⁰. **CIRCA** ad tempus
refertur **CIRCITER** ad numerum¹⁶¹.
- M 130C **CARCER** ubi homines coercentur singulariter semper¹⁶².
CARCARES unde currus effunduntur pluraliter di-
cuntur¹⁶³, utrumque masculine.
- J 300 **CEPIT** de capiendo scribimus <per simplicem **e** scribimus>.
K 15 **COEPIT** de incipiendo¹⁶⁴ <per diphthongum **ae**>.
COEPTA per diphthongon; **INCEPTA** per simplicem **e**¹⁶⁵.
- COLUMBAE** quae <mansuetae fieri>¹⁶⁶ possunt et domibus
adsuescere; **PALUMBES** ferae et saxis silisque inhab-
itantes¹⁶⁷.
- J 305 **CONSCRIBERE** est multa simul scribere¹⁶⁸;
K 20 **EXSCRIBERE** quod <aliis sit transferre>¹⁶⁹. **TRAN-**
SCRIBERE, cum ius nostrum in alium transit; **IN-**
M 130D **SCRIBERE** accusationis est; **ADSCRIBERE** adsigna-
tionis <est>; **DESCRIBERE** dictionis uel ordinationis.
- J 310 **CONSUESCIMUS** bona; **INSUESCIMUS** mala; **AD-**
SUESCIMUS utraque¹⁷⁰.
- CRASSARI** corporis est et saginae; **GRASSARI** animi et
crudelitatis¹⁷¹. <...>

¹⁵⁹ Cp. CHAR. II (p. 232, l. 13); PRISC. XIV, 34 (III, p. 41, l. 3 – p. 42, l. 6)

¹⁶⁰ ...proximorum — om. (P^m).

¹⁶¹ CAPER (p. 96, l. 18); ISID., *De diff.* I, 93 (col. 21); CAPER (p. 104, l. 18);
cp. CHAR. I (p. 32, l. 16).

¹⁶² ...semper — om. (P^m).

¹⁶³ ...pluraliter dicuntur — om. (P^m).

¹⁶⁴ AGR. (p. 116, l. 13); ISID., *De diff.* I, 129 (col. 24).

¹⁶⁵ CHAR. I (p. 262, l. 4); *Orth. Einsidl.* (p. 298, l. 10).

¹⁶⁶ ...mansuefieri — P^l.

¹⁶⁷ AGR. (p. 118, l. 17).

¹⁶⁸ AGR. (p. 117, l. 7-10). См. также l. 1140 (JONES).

¹⁶⁹ ...alibi scriptum sit transferre — P^l.

¹⁷⁰ AGR. (p. 118, l. 21).

¹⁷¹ AGR. (p. 124, l. 1).

CIRCA («находиться подле») — говорится применительно к видимой материи или месту; **ERGA** («ради», «вследствие этого») относится к душе, особенно когда она находится в состоянии некоей склонности к ближним. **CIRCA** («около») — [также] относится ко времени. **CIRCITER** («около») — к числу.

CARCER («тюрьма») — [место] заключения людей; всегда [употребляется] в единственном числе. **CARCARES** («начальный барьер») — [линия,] от которой стартуют колесницы, — во множественном числе; оба [слова] мужского рода.

CEPIT («взять») — от **capiendo**; пишем через обычную **e**.

COEPIT («начинать») — от **incipiendo**; [пишем] через дифтонг **ae**.

COEPTA («начатое») — [следует писать] через дифтонг [oe]. **INCEPTA** («начинания») — через обычную **e**.

COLUMBAE — («голуби»), [те], которых можно приручить так, что они привыкнут к дому. **PALUMBES** — «голуби», — дикие, обитающие на скалах и в лесах.

CONSCRIBERE («вносить в список»), когда многое записывается совместно. **EXSCRIBERE** («копировать») — то, что будет передано другим [людям]. **TRANSCRIBERE** («уступать») — когда наше право переходит к другим. **INSCRIBERE** («клеить») в обвинении. **ASCRIBERE** («отписывать») по завещанию. **DESCRIBERE** («распределять») в речи или по порядку.

CONSUESCIMUS — «привыкать» к благу; **INSUESCIMUS** — «пристраститься» к дурному; **ADSUESCIMUS utraque** — привыкнуть к тому и другому.

CRASSARI («гучнеть») — о теле и о скоте [так говорят]; **GRASSARI** («свирепствовать») — о душе и жестокости.

<...>

В. В. ПЕТРОВ

ЭСХАТОЛОГИЯ БЕДЫ ДОСТОЧТИМОГО И ЕСТЕСТВЕННАЯ ФИЛОСОФИЯ ЕГО ВРЕМЕНИ*

В основе эсхатологических построений Беды Досточтимого (ок. 673–735) лежат естественнонаучные принципы. Некоторые из них были заимствованы из физики и космографии. Согласно унаследованной Средневековьем античной традиции, чувственный космос слагается из четырех стихий — земли, воды, воздуха и огня. Выше сферы Луны находится эфир, который разные авторы отождествляли либо с очень чистым воздухом, либо со смесью воздуха и огня, либо с огнем или эфиром. Ниже, от Луны до Земли, простирается область атмосферы — взбаламученного, сумеречного воздуха. Полагали, что в каждой стихии обитает свой род существ, соприродный данному элементу¹.

Другой важный принцип предоставляло эсхатологии учение о душе, сильно зависевшее от физики или физиологии². «Физики» считали душу чем-то вроде сгустка воздуха и огня. Принятие этой посылки делало психологическое учение частью античного естествознания. Не случайно, перефразируя Аристотеля, Цицерон заметил: «если мы не невежды в “физике”, то, без сомнения, способны узнать, что такое душа»³.

* Работа выполнена в рамках проекта (№ 11–01–00025а) «Сочинения Беды в контексте современного гуманитарного знания (исследование и переводы)», поддержанного РГНФ.

¹ Cf. PETROFF, Valery, “*Theoriae of the Return in John Scottus’ Eschatology*”, *History and Eschatology in John Scottus Eriugena and His Time. Proceedings of the 10th International Conference of the Society for the Promotion of Eriugenian Studies, Maynooth – Dublin, August 16-20, 2000*, eds. James MCEVOY and Michael DUNNE (Leuven: University Press, 2002), p. 527-579.

² Cf. ARISTOTELES, *De anima* I, 1, 402 a 4-6; *О частях животных* 641 a 21-31. Здесь и далее оригинальные тексты приводятся по: TLG; PHI 5; PL.

³ CICERO, *Tusculanae disputationes* I, 71, 1-2: “...in animi autem cognitione dubitare non possumus, nisi plane in physicis plumbei sumus”.

Что касается местопребывания душ после отделения от земного тела, то помимо традиционной локализации их в подземной области, уже платоники и стоики начинают располагать их в воздушном пространстве между Землей и Луной. Аргументы для обоснования этой точки зрения тоже приводились от «физики». Если для всех вещей имеются «естественные места», к которым они стремятся, то воздушная или эфирная душа, покинув тело, направляется в свое «естественное» место, каковым для нее будет нижняя атмосфера (воздух) или более высокая область (эфир)⁴. Таким образом, в ученой среде появляется теория «воздушной преисподней», в которой соединились две идеи: традиционная религиозная (согласно которой после смерти душа должна отправиться в Аид) и физическая (в соответствии с которой элементы, составляющие тело души, стремятся в соприродные им области). Аид в этой традиции становился надземной областью.

Христианское богословие добавило к этому комплексу идей представление о том, что ангелы, низвергнутые с высшего (чистого или эфирного) неба, заключены до Страшного суда в темнице, ко-

⁴ Cf. CICERO, *Tusculanae disputationes* I, 18 (42) – 19 (43): «...если душа есть одна из тех четырех стихий, из которых будто бы все состоит, то, несомненно, она состоит из воспламененного воздуха (так, кажется, преимущественно полагает [стоик] Панэтий), а стало быть, неизбежно стремится ввысь: ни огонь, ни воздух не имеют в себе ничего нисходящего, а всегда тянутся вверх. Поэтому, если эти души рассеиваются, то не иначе как высоко над землю, если же продолжают жить и сохраняют свой образ, то тем несомненное они возносятся к небу, прорезая и разрывая воздух более густой и плотный, который ближе к земле. Ибо душа — пламеннее и жарче, чем этот воздух, который я назвал густым и плотным... Стало быть, если только душа остается нерушимой и подобной самой себе, то неизбежно она несется так, что прорезает и пронизывает это небо, влажное и сумрачное от испарений земли, с его тучами, дождями и ветрами. Преодолев наконец эту область, душа встречает и узнает природу, подобную себе; тогда она останавливается среди огней, в которых тончайший воздух слился с нежарким солнечным теплом, и выше уже не движется. В самом деле: оказавшись среди такой же теплоты и легкости, как и у нее самой, она словно уравнивается на весах и более никуда не движется; здесь ее естественное место, здесь она окружена себе подобными, здесь она ни в чем не нуждается, а питает и поддерживает ее все то же самое, чем питаются и поддерживаются звезды». Характерно, что этот взгляд на природу души разделяет и эллинизированный иудей, автор библейской книги Премудрости (2-я пол. I в. до н. э.): «...тело обратится в прах, и дух рассеется, как мягкий воздух... и жизнь наша пройдет, как след облака, и рассеется, как туман, разогнанный лучами солнца и отягченный теплотою его» (Прем 2:3-4).

торая есть надземный, волнуемый ветрами и атмосферными осадками воздух. Основу для этой теории усматривали в новозаветных псевдоэпиграфах. Согласно 2 Петр 2:4: «Бог не пощадил согрешивших ангелов, но, низвергнув, как в Тартар, в узы мрака, отдал под стражу до суда (σραῖς ζόφου⁵ ταρταρώσας παρέδωκεν εἰς κρίσιν τηρουμένους)»⁶. В сочетании с Еф 2:2, где говорится о «владыке, властвующем в воздухе» (τὸν ἄρχοντα τῆς ἐξουσίας τοῦ ἀέρος), это стали интерпретировать в том смысле, что падшие ангелы вместе со своим предводителем были сброшены с высших, эфирных небес в низший, приземный слой воздуха, где они содержатся ныне, как в темнице, ожидая Судного дня. Как нечто общеизвестное, подобные теории подразумеваются у Климента Александрийского, Оригена, Тертуллиана, Иерони-ма, Августина, Иоанна Кассиана⁷.

⁵ Cf. HESIODUS, *Theogonia* 658: ὑπὸ ζόφου ἠερόεντος; 730–731: ἐνθα θεοὶ Τιτῆνες ὑπὸ ζόφῳ ἠερόεντι κεκρύφαται βουλῆσι Διὸς νεφεληγερέταο; *Hymni Homerici. In Cererem* 482: ὑπὸ ζόφῳ εὐρώεντι; HOMERUS, *Ilias* XXI, 56: ὑπὸ ζόφου ἠερόεντος.

⁶ Cf. PS.-APOLLODORUS, *Bibliotheca* 1, 2, 1-4: «...связав, он сбросил их в Тартар (δήσας εἰς Τάρταρον ἔριψε); это мрачное место находится в Аиде, на таком же расстоянии от земли, на каком земля от неба».

⁷ CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata* IV, 26; TERTULLIANUS, *De anima* 54 (PL 2, 742AB): “...apud illum (Platonem) in aetherem sublimantur animae sapientes; apud Arium, in aere; apud Stoicos, sub lunam... Reliquas animas ad inferos deiiciunt. Hos Plato uelut gremium terrae describit in *Phaedone*...”; ORIGENES (Hieronymi translatio), *Homiliae in Ezechielem* IV (PL 25, 721BC): “Aer quoque animalibus plenus est, secundum eiusdem Apostoli testimonium praedicantis: *In quibus aliquando ambulastis secundum saeculum mundi huius, secundum principem potestatis et aeris spiritus, qui nunc operatur operatur in filiis diffidentiae* (Eph 2:1-2)”; HIERONYMUS, *In Epistolam ad Ephesios* I (PL 26, 466A): “Princeps quippe aeris, et spiritus potestatis, qui in aere isto est, diabolus intelligitur, qui nunc operatur in filiis diffidentiae”, III (PL 26, 546BC): “...de daemonibus quod in aere isto uagentur, Apostolus ait: ‘... (Eph 2:2)’. Haec autem omnium doctorum opinio est, quod aer iste qui coelum et terram medius diuidens, inane appellatur, plenus sit contrariis fortitudinibus”; JOANNES CASSIANUS, *Collatio* 8, 12 (PL 49, 740 – 741): “Tanta uero spirituum densitate constipatus est aer iste, qui inter coelum terramque diffunditur, in quo non quieti nec otiosi peruolitant, ut satis utiliter humanis aspectibus eos Prouidentia diuina absconderit atque subtraxerit”; AUGUSTINUS, *Epistolae. Sex quaestiones contra paganos expositae* I, Ep. 102 (PL 33, 378): “...daemoniis, hoc est iniquae spirituali creaturae, quae in hoc proximo et caliginoso coelo habitans, tanquam in aereo carcere suo, praedestinata est supplicio sempiterno!”; *Sermones de tempore* 222 (PL 38, 1091): “Sunt ergo ista spiritualia nequitiae in coelestibus; non ubi sidera disposita effulgent, et sancti Angeli commorantur; sed in huius aeris infimi caliginoso habi-

Наконец, еще одним элементом эсхатологических представлений, восходящих к античной философии, является идея очистительного огня или потопа, в которые мир погрузится перед своим концом⁸. Представление о том, что конец мира наступит в огне, было весьма распространенным. Часто цитировали Гераклита: из огня все произошло, и в огонь все разрешится; огонь есть начало и конец всего⁹. Космос то обращается в огонь, то снова образуется из огня через определенные промежутки времени. Стоики связывали периодическое обогневание мира с повторяющимися астрологическими циклами¹⁰. При этом, в ходе мировых циклов происходит не уничтожение, а взаимопревращение элементов. Огонь, сгущаясь и охладевая, последовательно превращается в воздух, воду, землю, а затем начинается обратный процесс разогрева и разжижения элементов, в ходе которого всё опять превращается в огонь¹¹. У христианских авторов об этом подробно пишет уже Климент Александрийский¹². У стоиков появляется и идея о том, что некоторые души в мировом пожаре погибнут, а некоторые переживут его¹³.

Схожие представления о гибели мира от огня или воды фиксируются в иудаизме начала н. э. Так, Иосиф Флавий (37 – ок. 100) сообщает, что «Адам предсказал гибель мира частью от силы огня, а частью от мощи и обилия воды»¹⁴. Об эсхатологическом пожа-

taculo, *ubi et nebula conglobatur*: et tamen scriptum est...”; *De civitate Dei* X, 11 (PL 41, 288–289): “...iste Porphyrius, cum ad Anebontem scripsit Aegyptium... [daemones] dicit ob imprudentiam trahere humidum vaporem, et ideo non in aethere, sed in aere esse sub luna, atque in ipso lunae globo”.

⁸ Cf. PLATO, *Timaeus* 22cd; SENECA, *Quaestiones naturales* III, 38, 7.

⁹ PS.-PLUTARCHUS, *Placita philosophorum* 877CD.

¹⁰ NEMESIUS, *De natura hominis* XXXVIII (37, 76-91 EINARSON), пер. Ф. С. ВЛАДИМИРСКОГО. Cf. SENECA, *Quaestiones naturales* III, 39, 1.

¹¹ Это распространенное представление возводилось к Гераклиту (30, 31, 60 DIELS-KRANZ). Его повторяют Хрисипп, Диоген Лаэртий, Климент Александрийский, Арий Дидим, Стобей, Цицерон, Плиний, Марциан Капелла и др.

¹² CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata* V, 14, 103, 6, 1 – 105, 2, 1. ORIGENES, *De principiis* IV, 4, 6, (33), 236-238: “...ignem, aerem, aquam terramque mutari in semet ipsa inuicem ac resolui aliud in aliud elementum mutua quadam consanguinatione docuimus”.

¹³ DIOGENES LAERTIUS VII, 157; PS.-PLUTARCHUS, *Placita philosophorum* 899 C 3-6; OLYMPIODORUS, *In Platonis Phaedonem commentaria* 10, 2 (p. 57, 27 NORVIN).

¹⁴ JOSEPHUS FLAVIUS, *Antiquitates Judaicae* I, 70, 3-5.

ре повествуется также в гностической и манихейской литературе. О пожаре Судного дня говорится и в новозаветном псевдоэпиграфе 2 (кон. I в. н. э.)¹⁵. Христианские учителя видели генетическое родство между своей и языческой эсхатологиями¹⁶. Подобные параллели христиане объясняли тем, что греки заимствовали у иудеев их древнюю мудрость¹⁷.

Если мы говорим о Беде Досточтимом, то помимо континентальных авторов на его мысль оказали влияние ирландские источники. Начиная с VII столетия интерес к физическому миру и обсуждение космологических вопросов стали отличительной чертой ирландской научной мысли (в противоположность континентальной учености, для которой в целом характерен больший спиритуализм, подавлявший естественнонаучный подход¹⁸). Согласно анонимному ирландскому трактату *De ordine creaturarum* (680–700)¹⁹, пространство между небесной твердью и землей делится на две части. Верхняя область (*excelsum spatium*) — самая чистая и тонкая; там обитали до своего отступничества падшие ангелы со своим князем. Эту область Писание именует небесным раем²⁰. Здесь временный отдых получили души святых, ожидающих будущего воскресения²¹. Ангелы, которые согрешили в высоком и чистом слое воздуха, были

¹⁵ EHRMAN, Bart D. *The New Testament: A Historical Introduction to the Early Christian Writings* (N. Y., Oxford: Oxford University Press, 1997), p. 394–396.

¹⁶ CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata* V, 1; V, 9, 3; V, 14: «Эмпедокл упоминает о вознесении всех вещей, полагая, что некогда произойдет их превращение в субстанцию огня».

¹⁷ CLEMENS ALEXANDRINUS, *Stromata* I, 17; TERTULLIANUS, *Apologeticus adversus gentes* 47 (PL 1, 519B – 520B); 23 (PL 1, 415A).

¹⁸ SMYTH M., “The Physical World in Seventh-Century Hiberno-Latin Texts”, *Peritia* 5 (1986), p. 233 [201–234]; SMYTH, Marina, “The Body, Death, and Resurrection: Perspectives of an Early Irish Theologian”, *Speculum* 83 / 3 (2008), p. 531–571.

¹⁹ DIAZ Y DIAZ M. C., *Liber de ordine creaturarum. Un anónimo irlandés del siglo VII*. Monografías de la universidad de Santiago de Compostela 10 (Salamanca: Santiago de Compostela, 1972), далее — *De ordine*.

²⁰ *De ordine* VI, 5, 37 – 38: “...illud spatium primitus angelis qui lapsi sunt cum suo principe adserunt ad habitandum fuisse destinatum”; VI, 6, 42–44: “...hunc locum... paradisum caelestem scriptura pronuntiat”.

²¹ *De ordine*, VI, 9, 71 – 74: “...humano generi eundem locum animarum sanctarum interim quieti, dum resurrectionem expectant futuram idem putatores opinantur, quem etiam caelestem paradisum autumant esse nominatum”.

низвергнуты в нижнюю область околосемной атмосферы. Теперь у них воздушные тела, они обитают во взбаламученной и облачной среде²². В *De ordine* говорится, что некоторые преступления могут быть очищены в огне Страшного суда, а некоторые должны подлежать казни вечного огня²³. Вечный огонь — это телесное место, где терзаются тела грешников²⁴. Правда, ирландский автор помещает это место не в воздухе, а под землей, именуя его *infernus inferior*²⁵.

Рассмотрим, какое место указанные представления занимают в сочинениях Беды Досточтимого. Как и его предшественники, Беда полагает, что есть высшее и низшее небо. Когда в книге Бытия говорится о небесной тверди, то подразумевается эфирная область, где находятся звезды, а когда речь идет просто о небе — область воздушная, где летают птицы²⁶. В натурфилософском трактате *О природе вещей* Беда пишет:

Воздух есть всё, что, будучи схожим с пустотой²⁷, струит ниже Луны сей жизненный дух²⁸; этоместилище птиц, облаков и гроз²⁹.

²² *De ordine* VI, 7, 51-58: "...angelos, qui in superiore etiam aeris ipsius puriore spatio peccasse putantur, in inferiorem et ipsi aeris huius obscurioris et turbulentioris locum deturbati de superni et puri aeris suaeque dignitatis felicissima sede... dum aerea corpora habent et in aere nunc commorantur, non inconuenienter aestimantur etiam priorem suae beatitudinis sedem in aere sed puriore et subtiliore pridem habuisse"; VI, 8, 52-53: "[Satana] deiectus, in inferioris spatii, hoc est nebulosi ac brumosi aeris huius, infelicem ac miseram habitationem destinatus est".

²³ *Ibid.*, XIII, 1, 1-3: "...sunt quaedam crimina quae igne iudicii purgari possunt, quaedam uero aeterni ignis poena complectenda sunt".

²⁴ *Ibid.*, XIII, 7, 47-49: "De illius autem aeterni ignis loco, id est inferni ergastulo, multi dixerunt ut corporalis locus sit, ubi peccatorum corpora cruciabuntur".

²⁵ *Ibid.*, XIII, 8, 61-63: "...perspicue patet hunc locum qualemcumque sub terra esse, qui infernus inferior et terra obliuionis uocitatur".

²⁶ Cf. BEDA, *Hexameron* I (PL 91, 26CD): "...firmamentum coeli... hoc nomine etiam aether indicetur, hoc est, superius illud aeris spatium quod a turbulento hoc et caliginoso loco in quo aues uolant usque ad astra pertingit, et esse tranquillum prorsus ac luce plenum non immerito creditur. Nam et errantia sidera septem, quae in hoc aetheris spatio uaga ferri perhibentur, Scriptura in firmamento coeli esse posita dixit... Nec mirandum si aether firmamentum coeli nominetur, cum aer appellatur coelum, ut supra docuimus".

²⁷ Cf. HIERONYMUS, *In Epistolam ad Ephesios* III (PL 26, 546BC): "...aer iste qui coelum et terram medius diuidens, inane appellatur, plenus sit contrariis fortitudinibus".

²⁸ PLINIUS, *Naturalis historia* II, 102.

Кроме того, *воздушные силы, низвергнутые с высшего сиделища*, ожидают там в мучениях Судного дня, когда они будут *осуждены еще более сурово*³⁰. Являясь оттуда людям, они облачаются в воздушные тела, соответствующие своему достоинству³¹. *Выше Луны, которая движется по границе воздуха и эфира*³², *все полно чистого и дневного света*³³; этих пределов, говорят, касается гора Олимп... Но и сей [воздух] иногда называется небом, поэтому и [апостол] Петр говорит, что небеса погубили от потопа, когда взбаламученный воздух превратился в волны (2 Петр 3:6). А звездные небеса считаются *небесами небес* (Пс 148:4) для тех воздушных, как превосходящие их³⁴.

Беда составил этот отрывок из цитат, заимствованных из *Естественной истории* Плиния, 2-го Послания ап. Павла, *О граде Божием* Августина, *De ordine creaturarum*³⁵.

²⁹ AUGUSTINUS, *De Genesi ad litteram* III, 2 (PL 34, 279 – 280).

³⁰ *De ordine* VI, 7, 51-58.

³¹ Cf. BEDA, *De natura rerum* VII: De coelo superiore (PL 90, 200D – 201A): “Coelum superioris circuli... uirtutes continet angelicas; quae ad nos exeuntes, aetherea sibi corpora sumunt, ut possint hominibus etiam in edendo similari, eademque ibi reuersae deponunt”.

³² “Lunam quae **aeris aetherisque confinio** currit”. Это определение не раз встречается в сочинениях Беда, ср. *De temporum ratione* 7 (PL 90, 323A): “...umbram noctis ad **aeris usque et aetheris confinium** philosophi dicunt exaltari”; 26 (PL 90, 409B); а также *De ratione computi* 4 (PL 90, 582C); *In Evangelium Marci* 4, 13 (PL 92, 265A) (= *In Ev. S. Lucae* VI [PL 92, 590D]; *Hom. subdititiae* 25, PL 94, 322B).

³³ PLINIUS, *Naturalis historia* II, 48.

³⁴ BEDA, *De natura rerum* 25: De aere (PL 90, 244A – 246A): “Aer est omne quod inani simile uitalem hunc spiritum fundit infra lunam, uolatus auium nubiumque, et tempestatum capax. Vbi etiam potestates aereae superna sede deturbatae cum tormento diem iudicii durius tunc damnandae praestolantur. Ex quo hominibus apparentes, aerea sibi corpora meritis similia sumunt. Nam supra lunam, quae aeris aetherisque confinio currit, omnia pura ac diurnae lucis sunt plena, cuius uicinia tangere fertur Olympus... Sed et ipse aliquando coelum uocatur; unde et Petrus ait coelos in diluuiio periisse, cum aer turbulentus esset conuersus in undas. Et coeli coelorum dicuntur siderei coeli istorum aereorum, tanquam superiores inferiorum”.

³⁵ Cf. также: BEDA, *Hexameron* I (PL 91, 26CD), *De natura rerum* 25 (PL 90, 244A – 246A). Cf. AUGUSTINUS, *De civitate Dei* VIII, 22: “...daemones... esse spiritus... qui in hoc quidem aere habitant, quia, de coeli superioris sublimitate deiecti, merito irregressibilis transgressionis in hoc sibi congruo uelut carcere praedammati sunt”. Cf. AUGUSTINUS, *De Trinitate* III, 1, 5 (PL 42, 870): “Sed fateor excedere vires intentionis meae, *utrum angeli manente spiritali sui corporis qualitate per hanc occultius operantes, assumant ex inferioribus elementis corpulentioribus,*

Как сказано, для объяснения механизма протекания мировых катаклизмов обращались к теории *взаимопревращения* стихий друг в друга: это можно видеть и в рассуждениях о физических обстоятельствах Судного дня, и когда речь идет об изменениях тел людей и ангелов, и применительно к кругообороту элементов. Потоп или пожар не приходят извне — просто один элемент превращается в другой. Таким же естественным порядком низшие тела и элементы переходят в высшие³⁶.

Одним из важных источников соответствующих воззрений Беды является Августин, который в трактате *О книге Бытия* буквально встраивает свою ангелологию в натурфилософский каркас, говоря, что в ангелах и демонах преобладают два *действующих* элемента, *огонь и воздух*, а не два *претерпевающих*, *земля и вода*. По Августину, небесные тела ангелов в наказание *обращены* в воздушное качество, дабы они стали подвластны воздействию огня как элемента высшей природы³⁷.

quod sibi coaptatum, *quasi aliquam vestem* mutant et vertant in quaslibet species corporales, etiam ipsas veras, sicut aqua vera in verum vinum conversa est a domino (Ioh 2:9); *an ipsa propria corpora sua transforment* in quod voluerint, accommodate ad id quod agunt”.

³⁶ **О Судном дне:** AUGUSTINUS, *De civitate Dei* XX, 24 (PL 41, 697 – 698): “...aer iste uentosus... conuersus fuerat in humidam qualitatem”; BEDA, *De natura rerum* 25 (PL 90, 246A): “...aer turbulentus esset conuersus in undas”; BEDA, *Commentarii in Pentateuchum* (PL 91, 198BD): “...in aquarum natura pinguiore huius aeris qualitate conuersa”; **о телах людей и ангелов:** AUGUSTINUS, *De civitate Dei* XX, 16 (PL 41, 682): “...ipsa [nostra] substantia eas qualitates habebit, quae corporibus immortalibus mirabili mutatione conueniant”; *De Genesi ad litteram* III, 9 – 10 (PL 34, 283–285): “...coelestia corpora... conuersa sunt ex poena in aeriam qualitatem, ut iam possint ab igne, id est ab elemento naturae superioris aliquid pati”.

³⁷ AUGUSTINUS, *De Genesi ad litteram* III, 9 – 10 (PL 34, 284 – 285): “Nec ignoro, ita quosdam philosophos sua cuiusque elementi distribuisse animalia, ut... dicerent... aeria... animalia daemones esse; coelestia, deos... Quapropter, etsi daemones aeria sunt animalia, quoniam corporum aeriorum natura uigent; et propterea morte non dissoluuntur; quia praeualet in eis elementum, quod ad faciendum quam ad patiendum est aptius; duobus subterpositis, aqua scilicet et terra, uno autem superposito, id est igne sidereo: distribuuntur enim elementa ad patiendum duo, humor et humor; ad faciendum autem alia duo, aer et ignis... Aer autem a confinio luminosi coeli usque ad aquarum fluida et nuda terrarum peruenit... Superior uero pars aeris, propter puram tranquillitatem, coelo... coniungitur... In qua fortassis parte si fuerunt ante transgressionem suam transgressores angeli cum principe suo, nunc diabolo, tunc archangelo... non mirum si post peccatum in istam sunt detrusi caliginem; ubi

Обращение к учению о четырех элементах характерно и для других предшественников Беды — ирландских авторов. Это можно увидеть в *De ordine creaturarum*, в *De miraculibus sacrae scripturae*, в двух комментариях на Апостольские послания³⁸. В этих трактатах предполагается, что структура вселенной по вертикали в целом соответствует естественному порядку элементов, а природные явления объясняются в терминах возможных взаимопревращений элементов, посредством присутствия какого-либо элемента либо природными свойствами некоего элемента. Для трактата *De miraculibus sacrae scripturae* (*О чудесах святого Писания*) особенно характерна тенденция рационально объяснять библейские чудеса. Например, поясняется, что, когда Бог решил превратить жену Лота в соляной столп, он просто заставил распространиться по всему организму соль, всегда присутствующую в человеческом теле в виде малой его части³⁹. Через взаимопревращение элементов в трактате объясняется и ряд других чудес⁴⁰.

В русле этой авторитетной традиции находится и рассуждение Беды о мировом пожаре. Он замечает: в обогневении мира уничтожатся только два низших элемента (земля и вода), а два высших (воздух и огонь) перейдут в лучшее качество:

tamen et aer sit, et humore tenui contexatur, qui commotus uentos, et uehementius concitatus etiam ignes et tonitrua, et contractus nubila, et conspissatus pluuiam, et congelantibus nubilis niuem, et turbulentius congelantibus densioribus nubilis grandinem, et distentus serenum facit, occultis imperiis et opere Dei, a summis ad infima uniuersa quae creauit administrantis... Si autem transgressores illi antequam transgrederentur, coelestia corpora gerebant, neque hoc mirum est, si conuersa sunt ex poena in aeriam qualitatem, ut iam possint ab igne, id est ab elemento naturae superioris aliquid pati: nec aeris saltem spatia superiora atque puriora, sed ista caliginosa tenere permissi sunt, qui eis pro suo genere quidam quasi carcer est, usque ad tempus iudicii". Различение активное / пассивное применительно к элементам имеет стоические корни. Cf. NEMESIUS, *De natura hominis* V, 126 (PG 40, 625B): «Стоики говорят, что из стихий одни деятельны (δραστήκῃ), другие страдательны (παθητικῃ): к первым они относят воздух и огонь, ко вторым — землю и воду» (пер. Ф. ВЛАДИМИРСКОГО).

³⁸ SMYTH M., "The Physical World in Seventh-Century Hiberno-Latin Texts", *Peritia* 5 (1986), p. 215.

³⁹ *De miraculibus sacrae scripturae* I, 11 (PL 35, 2161 – 2162). Об этом см. CRÓINÍN D. Ó., *Early Medieval Ireland 400–1200* (L., 1995), p. 187-188.

⁴⁰ Объяснение превращения воды в вино см. в *De miraculibus sacrae scripturae* I, 18 (2164 – 2165), обсуждение свойств элементов — в II, 31 (2189 – 2190).

Стихии же, разгоревшись, разрушатся (2 Петр 3:10). Суть четыре стихии, составляющие сей мир: огонь, воздух, вода и земля, и все их пожрет сей великий огонь (Втор 5:25). Он поглотит всё не так, что их вовсе не будет, но полностью поглощены будут лишь две из них, тогда как две стихии огонь восстановит в лучшее. Поэтому далее говорится: *Новое небо и новую землю* (2 Петр 3:13; ср. Ис 65:16). Сказано не о другом небе и другой земле, но о старых и древних, пережившихся в лучшее... Ибо, как *проходит образ мира сего* (1 Кор 7:31), а не его сущность, так и у нашей плоти не сущность исчезнет, но образ изменится, когда то, что *сеется как тело душевное, восстанет как тело духовное* (1 Кор 15:44)⁴¹.

Как и Августин, Беда полагал, что только воздушные небеса уничтожатся в огне, как некогда они были поглощены водой потопа⁴². Следует отметить, что в христианской космографии, которую принимает Беда, выше телесного космоса — над небесной твердью — располагаются духовные небеса⁴³.

⁴¹ BEDA, *Super epistolas Catholicas* (PL 93, 82BD): “*Elementa uero calore soluentur. Quatuor sunt elementa, quibus mundus iste consistit: ignis, aer, aqua, et terra, quae cuncta ignis ille maximus absumet. Nec tamen cuncta in tantum consumet, ut funditus non sint, sed duo in tantum consumet, duo uero in meliorem restituet faciem. Vnde in sequentibus dicitur: Nouos uero coelos et nouam terram. Non dixit alios coelos et aliam terram, sed ueteres et antiquos in melius commutandos... Praeteriit enim figura huius mundi, non substantia, sicut et carnis nostrae non substantia perit, sed figura immutabitur, quando quod seminatur corpus animale, surget corpus spirituale*”.

⁴² BEDA, *Commentarii in Pentateuchum* (PL 91, 198BD); AUGUSTINUS, *De civitate Dei* XX, 18 (PL 41, 684); XX, 24 (697 – 698).

⁴³ BEDA, *De natura rerum* 8 (PL 90, 201A – 202A): “Aguas, firmamento impositas, **coelis** quidem **spiritualibus** humiliores, sed tamen omni creatura corporali superiores...” Cf. PS.-MACARIUS, *Sermones* 64 [*collectio B*] (ed. H. BERTHOLD) 33, 3, 1: «Как есть видимое небо (οὐρανὸς φαίνόμενος), называемое твердью (στερέωμα), так выше его есть другое небо, световидное (φωτοειδής), где полки ангельские и, конечно, Бог и ангелы... Все это божественно, несказанно и светозарно, потому что духовно и существенно (ύλοστατικά), будучи не от века сего, но от иного мира... Когда свернется эта [твердь], тогда то, невидимое (τὰ μὴ φαίνόμενα), принимает избранных»; GREGORIUS NYSSENUS, *Apologia in Hexaemeron* (PG 44, 121D): «[Апостол Павел] позади себя оставил воздух, прошел пути круговращения наполняющих среду звезд, миновал верхний свод эфирных пределов, и, быв в постоянном и **умопредставляемом естестве** (ἐν τῇ στασίμῳ καὶ νοητῇ φύσει), видел красоты **рая**»; *De vita Mosis* II, 178 (рус. пер. с. 302): «...самому апостолу, когда... восхищен он был в **пренебесные** святыни (ὕπερουρανόσ ἀδύτοίς), открыты были Духом тайны **рая**».

Развернутую картину Страшного суда, схожую с таковой у Августина, Беда изображает в трактате *Об исчислении времен (De temporum ratione)*. Он заявляет, что:

— нынешние воздушное небо и земля погибнут от огня, тогда как эфирное небо и небесная твердь останутся;

— место Страшного суда будет в воздухе: именно там встретят Господа святые, прочие воскресшие умершие и те, кто в то время будет жив во плоти на земле (1 Фес 4:17);

— неизвестно, поднимутся ли в воздух навстречу Судье также и отверженные, или же, хотя их тела и сделаются нетленными, они останутся на земле, не в силах подняться в воздух из-за отягощающих их грехов. Похоже, говорит Беда, отверженные будут дожидаться приговора, стоя на земле, охваченные пламенем; а праведникам, восхищенным в воздух, вселенский пожар не повредит:

Небеса, говорит [ап. Петр], прейдут... стихии же, разгоревшись, разрушатся (2 Петр 3:10). Какие небеса прейдут?.. Огонь последнего суда уничтожит не небесную твердь, на которой вращаются неподвижные звезды, не эфирное небо, то есть ту великую пустоту от звездного неба до нашего взбаламученного воздуха, всегда полную чистоты, покоя и немеркнущего света, в которой, как полагают, движутся семь бродячих, блуждающих светил, но то воздушное небо, ближайшее к земле, ...которое некогда погубила вода потопа, поглотившая исчезающую землю. Сие небо уничтожит огонь Последнего Суда, разрастаясь вплоть до него по мере захватывания пространства... А посему это воздушное небо съжигается в огне, а звездное пребудет нетронутым...⁴⁴

Когда после Суда будет *новое небо и новая земля* — это будут не одни [небо и земля] вместо других, но те же самые, но сияющие, обновленные огнем и прославленные силой воскресения...

[Из Писания] не ясно высохнет ли море от столь великого жара, или же оно тоже превратится в нечто лучшее...

Известно, что, когда Господь будет сходить на Суд, *во мгновение ока* (1 Кор 15:52) случится воскресение всех мертвых, святые тотчас будут восхищены *в сретение Господу на воздухе* (1 Фес 4:17)... Будут ли и нечестивые тогда легкими подняты ввысь от земли на сретение грядущему Судии или же грехи будут так отягощать их, что, хотя у них и будут бессмертные тела, они не смогут подняться? Скорее всего, когда Господь будет восседать на Суде, святые будут присутствовать наверху одесную его, нечестивцы же внизу ошуюю. Но тогда, если тот великий, простершийся ввысь огонь охватит всю

⁴⁴ Cf. AUGUSTINUS, *De civitate Dei* XX, 24, 1 (PL 41, 697).

поверхность земли, и если неправедные, воскресшие из мертвых, не смогут быть восхищены ввысь, то понятно, что, оставшись на земле, они будут дожидаться приговора Судии, охваченные пламенем...

Вполне ясно, что, если огонь печи, окруживший тела трех отроков, в то время еще смертные, не смог их затронуть (Дан 3:19-94), то вселенский пожар не повредит совершенным слугам Господа, восхищенным по зову трубы в *сретение Ему на воздухе*⁴⁵.

Это рассуждение Беды демонстрирует взаимопроникновение эсхатологии апостольских посланий, которая сама уже несет черты эллинистического философствования «согласно стихиям», и более поздних источников с их теориями относительно строения космоса и различий в телах воскресения у праведников и грешников.

⁴⁵ BEDA, *De temporum ratione* 70: De die iudicii (PL 90, 575A – 576C): “*Coeli, inquit... transient, elementa vero a calore solventur. Qui autem sint coeli qui transient?.. Non ergo firmamentum caeli, in quo sidera fixa circumeunt, non caelum aetherium, hoc est, inane illud maximum a coelo sidereo usque ad aera turbulentum, in quo puro et quieto, diurnaeque lucis semper pleno, errantia septem sidera vaga ferri creduntur, sed caelum hoc aerium, id est terrae proximum... quod aqua quondam diluuii deletis terrestribus transcendendo perdidit, hoc ignis extremi iudicii eiusdem mensurae spatio procrecens occupando disperdet... Nunc autem caelum quidem aereum igni marcescet, sidereum manebit illaesum... Cum autem, peracto iudicio, fuerit coelum novum, et terra nova, id est, non alia pro aliis, sed haec ipsa per ignem innovata, et quasi quadam resurrectionis virtute glorificata claruerint... Utrum maximo illo ardore siccetur mare, an et ipsum vertatur in melius non facile patet...*”

Cum descendente domino ad iudicium *in ictu oculi* fuerit omnium resurrectio celebrata mortuorum, sancti confestim *rapiantur obviam illi in aera*... Vtrum autem et reprobis tunc sublimius a terra leuentur obviam iudici venturo, an meritis peccatorum ita praegrauentur ut quamvis immortalia corpora habentes ad altiora nequeant elevari et praesidente ad iudicandum domino sancti in sublimi a dextris eius, ipsi autem in inferioribus adsistant a sinistris, tunc potius apparebit. Si vero tunc ignis ille maximus et altissimus universae terrae superficiem operit, et resuscitati a mortuis iniusti nequeunt in sublime raptari, constat eos ut pote in terra positos igni circumdatos iudicis exspectare sententiam... Satis autem clarum est, quia, raptis ad vocem tubae obviam Domino in aera perfectis servis illius conflagratio mundana non noceat, si trium puerorum mortalia adhuc corpora circumpositus camini ignis tangere nequivit”. Cp. BEDA, *Commentarii in Pentateuchum* (PL 91, 198BD); *Super epistolas Catholicas* (PL 93, 82AD). Cp. AUGUSTINUS HIBERNICUS, *De mirabilibus sanctae Scripturae* III, 8 (PL 35, 2197): “...resurrectionis corpora in tantum leuigabuntur, ut non solum crassa aqua, sed etiam nubibus et aere sustineantur, ut Apostolus ait, ‘Rapiemur ad occurrendum Christo in aera’ (1 Thes 4:16)”.

В целом, основные черты эсхатологических представлений Беды несут отчетливый оттенок естественной философии, что соответствует духу таких его источников, как *De Genesi ad litteram* Августина и ирландскому анонимному трактату *De ordine creaturarum*. Сам факт того, что рассуждение о Страшном суде составляет заключительный раздел натурфилософского сочинения Беды *De temporum ratione*, говорит о том, что эсхатологические теории рассматривались им как часть учений о мире, его происхождении и конце.

ПРИНЯТЫЕ СОКРАЩЕНИЯ

- PG — Patrologiae cursus completus. Series graeca, ed. J.-P. MIGNE, tt. 1 – 161 (Paris, 1957–1986).
- PHI 5 — The Packard Humanities Institute. Classical Latin Texts. Version 5.
- PL — Patrologiae cursus completus. Series latina, ed. J.-P. MIGNE, tt. 1 – 221 (Paris, 1844–1866).
- TLG E — The Thesaurus Linguae Graecae. CD ROM E (2000).

И. Г. КОНОВАЛОВА

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ГЕОГРАФИЯ НА СРЕДНЕВЕКОВЫХ ИСЛАМСКИХ КАРТАХ*

В последние двадцать лет, во многом под влиянием работ Дж. Б. Харли о картографии раннего Нового времени¹, был подвергнут кардинальному пересмотру статус карты как «объективного» научного продукта, единственной целью которого является максимально точное отображение поверхности земли, и тем самым был поставлен под сомнение взгляд на историю картографии как на поступательное движение ко все большей и большей точности карт². Карта стала рассматриваться как более или менее ангажированная концептуализация географического пространства, как культурный текст, наполненный смыслами, выходящими за рамки собственно пространственных отношений³. Сейчас признано, что не существует «картографии вообще» как единого научного предприятия; есть лишь различные способы картографирования, каждый из которых является частью более широкого национального контекста, в рамках которого формируется определенный способ ментального и технологического освоения пространства⁴.

Своя систематическая традиция землеописания сложилась в рамках средневековой исламской географии и картографии. Гео-

* Работа выполнена в рамках проекта РГНФ № 12-01-00098а и проекта «Географическая концептуализация государственного пространства: От Средневековья до Новейшего времени» Программы ОИФН РАН «Нации и государство в мировой истории».

¹ HARLEY J. B., "Deconstructing the map", *Cartographica* (1989), vol. 26, no 2, p. 1-20; IDEM, "Cartography, Ethics and Social Theory", *Cartographica* (1990), vol. 27, no 2, p. 1-23.

² EDNEY M. H., "Cartography without 'progress': Reinterpreting the nature and historical development of mapmaking", *Cartographica* (1993), vol. 30, no 2-3, p. 54-68.

³ WOOD D., FELS J., *The Nature of Maps: Cartographic Constructions of the Natural World* (Chicago, 2008).

⁴ KITCHIN R., DODGE M., "Rethinking maps", *Progress in Human Geography* (2007), vol. 32, no 3, p. 331-344.

графическая литература, созданная в странах Халифата, занимает совершенно особое место в истории мировой географии как по богатству заключенного в ней материала, так и по разнообразию дошедших до нас произведений арабо-персидских авторов. Мусульманские географы сумели собрать колоссальный объем информации о населявших землю народах. Географический горизонт арабо-персидских ученых обнимал не только собственно мусульманские страны, но также всю Европу (за исключением ее крайнего севера), Китай, Тибет, Индию, Малайский архипелаг, берега Восточной Африки (до южного тропика); описание исламскими авторами Центральной Африки оставалось непревзойденным вплоть до открытий европейских путешественников XIX в.⁵ Однако значение средневековой мусульманской географии заключается не только в гигантском объеме накопленных ею фактических данных, но и в разработке многочисленных способов их текстовой и картографической репрезентации.

Современные исследования в области средневековой мусульманской картографии показывают, что карты мусульманских географов вряд ли существовали в виде самостоятельных произведений: почти все они дошли до нас в составе нарративных сочинений и являлись неотъемлемой частью последних⁶. Именно с иллюстративной ролью мусульманских карт историки картографии связывают то обстоятельство, что в арабском языке длительное время отсутствовал точный термин для обозначения географической карты как таковой. Использовавшиеся для этой цели слова подходили для обозначения любых визуальных объектов: *ṣūra* («вид», «образ», «картина», «изображение», «копия»), *raṣm* («чертеж», «план», «рисунок», «изображение»), *naqsh* («рисунок», «украшение»)⁷. Термин же *ḫarīṭa* («географическая карта») в арабском языке является поздним заимствованием у европейцев⁸.

⁵ Крачковский И. Ю., «Арабская географическая литература», Крачковский И. Ю., *Избранные сочинения* (М. – Л., 1957), т. IV.

⁶ KARAMUSTAFA A. T., «Introduction to Islamic Maps», *History of Cartography*, ed. by J. B. HARLEY, D. WOODWARD (Chicago – London, 1992), vol. II, book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*, p. 4-6.

⁷ Эти термины также использовались и в наименованиях нарративных сочинений.

⁸ KARAMUSTAFA A. T., «Introduction», p. 7; MAQBUL A. S., «*Ḫarīṭa*», *EI, NE*, vol. IV, p. 1077-1083.

Отмеченная в историографии «несамостоятельность» исламских карт, как мы намерены показать, была весьма относительной и связанной отнюдь не только с их иллюстративно-декоративной функцией. Карты (в первую очередь, карты мира) представляли собой не просто генерализованную информацию географического толка, но являлись одной из форм политического дискурса: они служили манифестации власти через наглядное изображение мирового порядка, и в этом смысле были вполне самостоятельными произведениями.

Расширение географического кругозора арабов нашло свое первое отражение не в географических трудах и на картах, а в сочинениях исторического характера, появление которых было теснейшим образом связано с распространением и утверждением ислама. Сказания о прошлом, опирающиеся на богатую библейскую традицию, составляют значительную часть текста Корана. Именно историческая концепция Корана позволила вписать историю арабов и созданного ими государства в контекст мировой истории⁹.

Первые труды по истории на арабском языке были созданы в VIII в., но они не сохранились и известны лишь по упоминаниям в других источниках. От первой половины IX в. до нас дошел уже целый ряд сочинений исторического характера: жизнеописание Мухаммада Ибн Хишама (опиравшегося на несохранившийся биографический труд Ибн Исхака середины VIII в.) и сборник биографий сподвижников Мухаммада, труды об отдельных выдающихся событиях и военных походах. Сочинения, посвященные истории арабских завоеваний, были озаглавлены, как правило, *Книга походов* (*Kitāb al-magāzi*) или *Книга завоеваний стран* (*Kitāb futūḥ al-bulḍān*). Книги такого рода составлялись еще в VIII в., но первым сохранившимся трудом является *Книга походов* ал-Вакиди (ум. в 822 г.), написанная в начале IX в. Наиболее важными сочинениями этого жанра являются сочинения Абд ар-Рахмана ибн Абд ал-Хакама (ум. в 871 г.), ал-Балазури (ум. в 892 г.) и Ибн ал-Асама ал-Куфи (ум. в 926 г.). *Книги походов* содержали сведения о доисламской истории завоеванных арабами стран, подробные данные о ходе завоевания, детальные описания расселения арабов на новых землях, рассказы об административных мероприятиях халифов и наместников на захваченных территориях. Поэтому удельный вес ин-

⁹ Грязневич П. А., «Развитие исторического сознания арабов (VI–VIII вв.)», *Очерки истории арабской культуры V–XV вв.* (М., 1982), с. 75–155.

формации географического толка в *Книгах завоеваний* очень велик. Можно сказать, что жанр повествования об арабских завоеваниях явился эффективным способом ментального «присвоения» новых пространств, введения их в круг своей культуры.

К середине VIII в. завоевания новых земель прекратились и границы Халифата стабилизировались. Военные мероприятия халифов-Аббасидов (749–1258) против других государств были направлены, в первую очередь, на сохранение границ империи. В связи с прекращением масштабных внешних завоеваний на первый план вышли внутренние проблемы — прежде всего, обеспечение надежного контроля над провинциями, централизация и унификация управления, упорядочение налогообложения, консолидация входивших в империю народов на основе исламских ценностей. Все это создало благоприятные условия для развития исламской культуры и науки, в частности, географии.

В отличие от западноевропейской средневековой географии, идеи которой в значительной степени питались Священным писанием, арабская география выросла на почве чисто практических потребностей государства и общества. Создав в короткий срок огромную и населенную разными народами империю, арабы оказались лицом к лицу с проблемой эффективного управления государством. Для одного только упорядочения сбора налогов требовалось большое количество сведений о провинциях Халифата, о занятиях их жителей, о путях сообщения и т. п. Чтобы должным образом заботиться об охране границ государства, вести внешние войны или участвовать в международной торговле, надо было владеть знаниями о различных странах, как соседних, так и отдаленных. Не меньше, чем государственные чиновники, в сведениях географического характера нуждались и частные лица, для которых путешествия на дальние расстояния были привычным делом. Купцы по суше и по морю добирались до Индии и Китая, Кавказа и Поволжья, проникали в Центральную Африку и на остров Мадагаскар. Образованные люди совершали поездки из испанской Кордовы в среднеазиатскую Бухару, чтобы послушать знаменитых ученых. Паломники со всех концов Халифата стекались в Мекку — родину пророка Мухаммада. Выполнение строго регламентированных религиозных обязанностей, налагаемых на мусульманина, требовало познаний в области астрономической географии. Нужно было уметь точно определять начало и конец поста, время пяти ежедневных молитв, знать координаты Мекки и любых иных населенных пунктов мира, где мог оказаться

верующий. Средством удовлетворения всех этих общественных потребностей и служили разнообразные географические сочинения, обозначившие новый — по сравнению с трудами исторического характера — этап пространственного осмысления мира.

Благодаря арабскому завоеванию греко-эллинистических центров Сирии, Палестины, Ирана и Египта в Халифате появился весьма многочисленный слой образованных лиц, основной сферой деятельности которых были интеллектуальные занятия. Еще в доисламские времена сирийские монахи-несториане заложили основы перевода сочинений греческих авторов. Свою переводческую деятельность сирийские христиане продолжали и после образования Халифата, дополнив ее еще одним звеном: переводом с сирийского на арабский. Впоследствии переводчики появились и среди самих арабов.

При халифах из династии Аббасидов была развернута интенсивная переводческая деятельность. В учрежденном халифом ал-Ма'муном «Доме мудрости» при библиотеке трудилась коллегия переводчиков, переписчиков и переплетчиков. Неоднократно снаряжались археографические экспедиции в Византию за греческими рукописями. За сравнительно короткое время были переведены на арабский язык произведения почти всех основоположников греческой науки — Гиппократ, Аристотель, Эвклид, Архимед, Птолемей и многих других. Переводы осуществлялись также и с других языков — сирийского, пехлеви, латинского.

Традиция комментирования, уточнения и переработки данных Птолемея привела к формированию особого направления в арабо-персидской географии — математической, или астрономической географии, за которой закрепился в качестве названия греческий термин «география» (*джугрāфйя*) или описательные наименования: «наука о долготам и широтах» и «наука об определении положения городов».

Среди практических достижений арабо-персидской астрономии и географии следует назвать проведенное около 827 г. — впервые после аналогичных опытов Эратосфена и Птолемея — измерение величины градуса земного меридиана (ошибка составила менее 1 км); систематическую сводку географических координат *Проверенные ма'муновские таблицы* (*аз-Зидж ал-ма'мунī ал-мумтахан*), подготовленную в 829–832 гг. астрономами Багдадской и Дамаскской обсерваторий; составление так называемой *Ма'муновской карты* мира — первого арабского картографического произведения,

о котором мы имеем сравнительно достоверные сведения. Она была создана учеными «Дома мудрости» для халифа ал-Ма'муна в первой половине IX в. и известна по описаниям видевших ее более поздних авторов¹⁰. К сожалению, по этим весьма противоречивым описаниям трудно составить ясное представление о принципах построения *Ма'муновской карты*, что делает невозможным ее реконструкцию. По мнению видевшего ее арабского энциклопедиста середины X в. ал-Мас'уди, *Ма'муновская карта* превосходила карты Птолемея и Марина Тирского¹¹.

Однако основная масса исламской картографической продукции создавалась в контексте другой интеллектуальной традиции, связанной с так называемой описательной географией — «наукой о путях и странах», или «наукой о почтовых станциях». Этим направлением географии занимались в основном не представители точных наук, а ученые-филологи, ориентировавшиеся на более широкую читательскую аудиторию. В созданных ими сочинениях разных жанров (среди них — *Книги путей и государств*, в основе которых лежали маршрутные данные; книги об отдельных городах и областях; энциклопедии; описания путешествий; рассказы о диковинках Земли и т. п.) землеописание строилось на совершенно иных принципах, не связанных с сеткой координат. Соответственно и карты, которыми сопровождалась многие труды по описательной географии, не имели ничего общего с птолемеевской традицией.

По сообщению Ибн Абд ал-Хакама (ум. 871), арабские географы конца VII в. изображали Землю в виде птицы, пять частей которой соответствовали разным странам: голова — Китаю, правое крыло — Индии, левое — Хазарии, грудь — Мекке и в целом Аравии, а также Сирии, Ираку и Египту, хвост — всему, что лежит к западу от Египта. Центром мира считалась Мекка — древнее святилище арабов и родина основателя ислама, пророка Мухаммада¹².

Наиболее выдающимся картографическим произведением, сложившимся в рамках описательного направления в арабо-персидской географии, был так называемый *Атлас ислама*, разработанный в X в. учеными «классической школы».

¹⁰ Крачковский И. Ю., «Арабская географическая литература», с. 87; Тивветс G. R., «The Beginnings of a Cartographic Tradition», *History of Cartography*, vol. II, book 1, p. 95-96.

¹¹ *BGA* (Lugduni Batavorum, 1894), t. VIII, p. 33.

¹² 'Абд Ар-Рахман Ибн 'Абд Ал-Хакам, *Завоевание Египта, ал-Магриба и ал-Андалуса*, пер. с араб., предисл. и примеч. С. Б. Певзнера (М., 1985), с. 18.

Основателем этой школы географов считается среднеазиатский ученый ал-Балхи (ок. 850–934). Около 920 г. он написал сочинение, известное под разными названиями: *Картины климатов* (*Сувар ал-ақāлīm*), *Виды стран* (*Ашкāl ал-билād*) или *Упорядочение стран* (*Таквīm ал-булдāн*). Оно состояло из собрания географических карт, сопровождавшихся кратким пояснительным текстом. Труд ал-Балхи в подлиннике не дошел до наших дней, однако, послужил основой для произведений других ученых¹³.

В начале 30-х гг. X в. сочинение ал-Балхи обработал выходец из Южного Ирана ал-Истахри — первый по времени представитель «классической» школы географов, сочинение которого сохранилось. Вторую редакцию своей *Книги путей и государств* (*Китāб ал-масāлик ва ал-мамāлик*)¹⁴ ал-Истахри составил около 950 г. Она получила большое распространение в мусульманской историографии, где бытовала и в персидских переводах.

Продолжателем ал-Истахри был уроженец города Нисибина в Верхней Месопотамии Ибн Хаукал (X в.). В середине X в. он объехал почти весь мусульманский мир от Испании до Индии, причем сделал это, по некоторым свидетельствам, в качестве политического агента сначала египетских Фатимидов, а затем багдадских Аббасидов и испанских Омейядов. Свое сочинение *Книга картины земли* (*Китāб сūrāt ал-ард*)¹⁵ Ибн Хаукал начал писать под впечатлением от встречи с ал-Истахри и задумал его как исправленную переработку труда последнего. Однако работа над книгой, продолжавшаяся в течение 50–70-х годов X в., привела его к созданию вполне самостоятельного географического сочинения, хотя и включавшего многие материалы ал-Истахри.

Хотя представители «классической школы» писали на арабском языке, ее основоположники, ал-Балхи и ал-Истахри, были этническими персами, выходцами — о чем говорят их *нисбы*, — из иранских городов Балха и Истахра. Укорененность в персидской культуре повлияла на композицию их сочинений, в которых центральное место в структуре Халифата занимает Иран, а географиче-

¹³ TIBBETS G. R., “The Balkhī School of Geographers”, *History of Cartography*, vol. II, book 1, p. 108-111.

¹⁴ *BGA* (Lugduni Batavorum, 1870), t. I.

¹⁵ *BGA* (Lugduni Batavorum, 1873), t. II; *Opus geographicum auctore Ibn Haukal (Abū'l-Kāsim ibn Haukal al-Našībī)*... “*Liber imaginis terrae*”, ed. J. H. KRAMERS (Lugduni Batavorum, 1938–1939).

ское деление Земли, несмотря на формальное использование ими принятого большинством мусульманских географов греческого термина «климат» (араб. *иклим*), фактически основано на системе иранских областей-*кишваров*. Последнее обстоятельство даже вызвало в историографии предположение об административном происхождении карт *Атласа ислама*, возможно, восходящих еще к сасанидским образцам, в частности, к перечням почтовых станций¹⁶.

Сочинения географов «классической школы» сопровождалось собранием карт. Карты *Атласа ислама* предельно схематичны: градусная сетка и масштаб отсутствуют, моря и острова представлены в виде геометрически правильных кругов или эллипсов, береговые линии условны, а реки нанесены прямыми линиями. Как и подавляющее большинство арабских карт, карты *Атласа ислама* ориентированы на юг¹⁷.

Количество и тематика карт, а также их порядок в атласе были строго регламентированы. Полный комплект *Атласа ислама* включал в себя одну общую карту мира, карты трех морей — Средиземного, Персидского (Индийский океан) и Каспийского, а также 17 карт с изображением различных областей халифата: Аравии; Магриба; Египта; Сирии; ал-Джазиры (Верхней Месопотамии); Ирака; Хузистана; Фарса; Кирмана; Синда; Армении, Аррана и Азербайджана; Джибала; Дайлама и Табаристана; Персидской пустыни; Сиджистана; Хорасана; Мавараннахра¹⁸. Нетрудно заметить «ираноцентричность» *Атласа ислама*: из 17 изображенных областей халифата лишь четыре — Аравия, Магриб, Египет и Сирия — не являлись персоязычными.

Карты отдельных областей в *Атласе ислама* мыслились как самостоятельные изображения, не состыкованные друг с другом. Их предельный схематизм, отсутствие единого масштаба, а также ярко выраженный «иранский акцент» не позволяли составить из них в совокупности карту мира. В связи с этим последняя вычерчивалась специально и была призвана показать место ислама в мире [Илл. 1].

Хотя для «классической школы» арабских географов было характерно преимущественное внимание к описанию мусульманских стран, в сочинениях ал-Истахри и особенно Ибн Хаукала имеется немало сведений также о странах и народах Европы, а также немум-

¹⁶ TIBBETS G. R., “The Balkhī School of Geographers”, p. 114-115, 120, 129.

¹⁷ TIBBETS G. R., “The Balkhī School of Geographers”, p. 112-129.

¹⁸ TIBBETS G. R., “The Balkhī School of Geographers”, p. 114.

сульманских районах Азии и Африки. При этом, если в основном тексте их сочинений данные о немусульманских народах и государствах сообщаются лишь попутно, в связи с характеристикой тех или иных областей Халифата, то во введении к своим трудам, где дается общее описание всей ойкумены — стран, народов и морей, — географы излагают свои представления об устройстве мирового порядка и формулируют те принципы, на которых, с их точки зрения, этот порядок был построен.

Ал-Истахри и Ибн Хаукал выделяют четыре империи (*мамлака*), являющиеся, по их мнению, столпами миропорядка: это Халифат (*мамлакат ал-ислām*), которым управляет из Багдада повелитель правоверных (*амйр ал-му'минйн*); Византия (*мамлакат ар-Рӯм*), во главе которой стоит царь (*малик*), живущий в Константинополе; Китай (*мамлакат ас-Сйн*), правитель (*сәҳиб*) которого проживает в городе Кайфэн; Индия (*мамлакат ал-Хинд*) во главе с царем (*малик*), резиденцией которого является город Канаудж¹⁹.

Арабские географы сформулировали и принципы, которые позволяли отнести ту или иную страну к категории «империй», в отличие от простых «стран» и «земель»: имперскую государственность, по их мнению, создает органическое сочетание религии (*дйн*), культуры (*адаб*) и власти (*хуки*). И действительно, выделенные ими четыре империи в целом соответствовали цивилизационным ареалам, сложившимся на основе ислама, христианства, конфуцианства и индуизма.

Конечно, эта картина миропорядка, описанная арабскими географами во вводных частях их сочинений, имела умозрительный, идеальный характер, далеко не во всем соответствовавший реальному положению дел. Если очерченные арабскими авторами пределы Халифата в целом совпадали с границей распространения ислама, то их слова о том, что государством ислама управляет сидящий в Багдаде халиф, — для X в. уже не более, чем религиозно-политический идеал. Во времена ал-Истахри и Ибн Хаукала Халифат не был един. Реальная власть на местах в IX – начале X в. перешла в руки местных династий, а в самом Багдаде — к Бувайхидам (с 945 г.); наряду с Багдадским появились халифаты Фатимидов (с 909 г.) и испанских Омейядов (с 929 г.). Что касается Индии, то она вообще до прихода англичан не знала политического единства. В X в. она была раздроблена на множество соперничавших между собой

¹⁹ BGA, t. I, p. 4.

княжеств. Канаудж был важным политическим центром Северной Индии, в то время как на Декане и в Южной Индии были свои центры государственности. В Китае, к которому в схеме ал-Истахри и Ибн Хаукала относились также все области неисламизированных тюрок и часть Тибета, после падения в 907 г. династии Тан царил политическая раздробленность, а Кайфэн был столицей правителей, власть которых не выходила за пределы северных районов бывшей империи Тан.

Точно так же обстоит дело и с характеристикой Византийской империи. В той идеальной модели миропорядка, которая существовала в представлениях арабских географов, Византия включала в себя все известные арабским авторам X в. христианские народы от Атлантики до Кавказа: «Что касается государства ар-Рӯм, то к востоку от него страны ислама, к западу и югу — Окружающее море, а к северу — границы области ас-Сйн, так как то, что находится между тюнками и страной ар-Рӯм из славян и других народов, мы присоединили к стране ар-Рӯм»²⁰. Дано и более детальное определение, относящее западноевропейские страны к сфере влияния Византии: «Земля ар-Рӯм простирается от Окружающего океана до стран галисийцев (ал-джалāлиқа), франков (ал-ифранджа), Италии (Рӯмийа), Афин и до Константинополя, затем до земли славян»²¹. А вот что говорится о странах Восточной Европы и Закавказья:

В государство ар-Рӯм входят пределы славян и соседних с ними русов, ас-Сарйр, алан, армян и [других народов], исповедующих христианство²².

В мусульманском мире IX – середины X в., если судить по историко-географическим сочинениям этого времени, имелись довольно многочисленные сведения об организации власти и титулатуре владык у целого ряда европейских народов. Скажем, было известно, что делами Рима руководит владыка, называемый *ал-бāбā* (папа Римский), что у франков есть царь по имени *Қāрлук* (Карл Великий). Однако пестрота европейской политической карты представлялась арабским географам несущественной по сравнению с причастностью народов Европы к христианству:

²⁰ *BGA*, t. I, p. 5.

²¹ *BGA*, t. I, p. 8.

²² *BGA*, t. I, p. 4.

Что касается того, что мы присоединили к странам ар-Рума [земли] франков, галисийцев и других [народов], то язык их различен, однако религия и государство едины, подобно тому как в государстве ислама языки различаются, а владыка (*малик*) один²³.

Точно так же, имея представление о лингвистических различиях между жителями Китая и окружавшими его племенами тюрок, ал-Истахри и Ибн Хаукал считали их всех подданными одного государя — правителя Китая.

Для арабских географов образ немусульманских стран не самоценен. Он «встроен» в образ исламского мира, которому арабские географы отводили центральное место в системе миропорядка. По их словам

...столпов государств на земле четыре: самое населенное, благоденствующее, с наилучшим политическим строем, порядком заселения и обилием сборов — государство Ираншахр; его центр — вавилонский округ, оно же государство Фарса. Границы этого государства во времена персов известны; когда же появился ислам, оно у всех государств захватило часть. У государства румов оно захватило Сирию, Египет, Магриб и Андалус; у государства ал-Хинд — то, что примыкает к завоеванным землям, а также Мултан до Кабула и окраин горного Тохаристана; у государства синов — Мавараннахр и присоединило к себе эти обширные области. Государство ислама возросло, собрав к себе окраинные области этих упомянутых государств²⁴.

То есть Византия, Китай и Индия представлялись ал-Истахри и Ибн Хаукалу не только столпами мирового порядка, но и отчасти тем фундаментом, на котором вырос Халифат.

Таким образом, в исламской географии X в. наряду с астрономическим направлением, развивавшим античное наследие, сформировалась и своя оригинальная интеллектуальная традиция — административно-политическая география, в которой пристальное внимание к изображению отдельных областей халифата сочеталось с осмыслением места исламских стран и народов в мире.

²³ *BGA*, t. I, p. 9.

²⁴ *BGA*, t. I, p. 4.

Илл. 1.

Карта мира ал-Истахри по рукописи 1193 г. из собрания Библиотеки Лейденского университета (MS. Or. 3101, f. 4b–5a). Воспроизведено по: *History of Cartography*, ed. by J. B. HARLEY, D. WOODWARD (Chicago; London, 1992), vol. II, book 1: *Cartography in the traditional Islamic and South Asian societies*, plate 7.

СОКРАЩЕНИЯ

- BGA* — Bibliotheca geographorum arabicorum. Lugduni Batavorum.
EI, NE — Encyclopaedia of Islam. New edition. Leiden.

Е. В. ПЧЕЛОВ

СЕЛЕНОГРАФИЯ XVII ВЕКА

КАК «ОСВАИВАЛАСЬ» И «ЗАСЕЛЯЛАСЬ» ЛУНА

На рубеже XVI и XVII веков европейская астрономия переживала грандиозный подъём. Выдающиеся, точнейшие для своего времени наблюдения Тихо Браге, сформулированные на их основе гениальным Кеплером законы движения планет, звёздный атлас Байера, революционные телескопические наблюдения Галилея и исследования многих других замечательных учёных совершенно преобразили внеземной мир и заставили по новому взглянуть на его изменяющуюся буквально на глазах картину. Новые объекты и новые явления получали и новые имена. XVII век — это время создания десятков новых созвездий, впервые после Птолемеевой, позднеантичной астрономии карта звёздного неба начала пополняться с такой невиданной быстротой. Появились названия для новых тел — спутников Юпитера, а позднее и Сатурна. Наконец, «вооружённым» взором астрономов предстала и ближайшая соседка Земли — Луна, которая оказалась удивительно интересной с точки зрения своей поверхности. Началось ономастическое освоение этого пространства, карта Луны наполнялась всё новыми и новыми названиями и «населялась» всё новыми именами. Этот процесс заслуживает пристального внимания, ведь в нём отразились культурные традиции своего времени — Европа стояла на пороге новой эпохи, и эта эпоха во всём великолепии своих проявлений «отпечаталась» на лунных картах XVII в., как несколько раньше началось и подобное же ономастическое «освоение» Земли. Можно сказать, что на излёте эпохи Великих географических открытий, начался период Великих астрономических открытий. И так же как его предшественник, он сопровождался новыми наименованиями на картах, что фиксировало освоение новых пространств, пусть непреодолимо удалённых, но всё же наблюдаемых и тем самым узнаваемых. Именно в первой половине XVII в. были заложены те принципы наименования ряда внеземных объектов, которые стали определяющими для астрономии на несколько столетий вперёд. При этом некоторые из этих принципов были не вполне осознаны «потомками», но в основе своей они

сохранялись очень долго и даже в некоторых своих проявлениях сохраняются по сей день. Между тем, в отечественной историографии почти нет специальных исследований, посвящённых такому интересному явлению, как селенография и селенонимия первой половины XVII в., а имеющиеся работы лишь в самых общих чертах описывают этот процесс, без особенной детализации и анализа, а зачастую и с существенными ошибками.

Насколько можно думать, первая карта Луны была составлена ещё в дотелескопический период выдающимся английским учёным, энциклопедистом по своим интересам и занятиям, крупным физиком и придворным врачом Елизаветы I Уильямом Гильбертом (1544–1603). Временем около 1600 г. датируется незаконченная рукопись Гильберта *О нашем подлунном мире. Новая философия*, оригинал которой хранится в Британском музее. Рукопись была опубликована в 1651 г. в знаменитом амстердамском издательстве Эльзевиров. В этой рукописи есть и карта Луны¹. На ней переданы самые общие черты лунной поверхности, а именно тёмные пятна, выделенные контуром — то, что собственно и можно наблюдать невооружённым глазом. При этом участки эти переданы неточно и даже неверно, лишь в самых общих очертаниях, поэтому сопоставить гильбертовские названия деталей лунной поверхности с более поздними можно лишь приблизительно. Да и сама система названий Гильберта очень малочисленна и исключительно условна по своему содержанию. Так, среди названий есть Длинный остров, Южный континент, Западная страна, Северный остров, Средилунное море и т. п. Существенно отметить, что Гильберт счёл тёмные участки поверхности — суши, а светлые — водой. Иными словами, в удельном соотношении суши и моря на лунной поверхности он видел прямую аналогию с Землёй. Напомню, что после плавания Магеллана и других путешественников стало очевидно, что море занимает большую часть земной поверхности, нежели суша, а не наоборот, как думали раньше.

По-видимому, вторая по времени карта Луны принадлежит другому английскому учёному Томасу Гарриоту (точнее Хэрриоту) (1560–1621), математику, астроному и путешественнику. Есть сведения, что Гарриот проводил телескопические наблюдения Луны

¹ См. KROGT, P. VAN DER. “Das ‘Plenilunium’ des Michael Florent van Langren: die erste Mondkarte mit Namenseinträgen”, *Cartographica Helvetica*, Bd. 11–12 (1995), Heft 11, S. 44–45.

ещё до Галилея, а именно с 26 июля 1609 г. (Галилей начал наблюдения в конце ноября), и делал зарисовки её поверхности². Временем около 1611 г. датируется карта Луны, сделанная им, но так и не опубликованная³. В настоящее время рукописи Гарриота находятся в собственности лорда Эгремонта и хранятся в West Sussex Record Office in Chichester. Тёмные участки поверхности Луны Гарриот считал водным пространством, а кратеры на них — островами. Особенно интересно, что Гарриоту принадлежат первые попытки наименования деталей лунной поверхности: в рукописях упоминается Каспийское море и несколько названий в честь учёных — «Платон», «Гиппарх», «Тихо» и «Коперник», причём неясно, какие именно детали (по всей видимости, кратеры) получили эти имена. Самое поразительное, что названия, данные Гарриотом, встречаются на последующих картах Луны, в том числе картах Лангрена и Гримальди (о них речь впереди), хотя никаких сведений о том, что его последователи могли быть хоть как-то знакомы с его неопубликованными рукописями, нет. Тем не менее, Гарриота, вероятно, следует считать родоначальником селенонимии и даже первым селенографом (сам термин селенография был введён Гевелием спустя четверть века после смерти Гарриота).

Галилео Галилей (1564–1642) начал наблюдения Луны с 30 ноября 1609 г. и сделал пять рисунков лунной поверхности, видной в объектив телескопа. Эти рисунки были опубликованы в марте 1610 г. в *Звёздном вестнике* (*Sidereus nuncius* [Venezia, 1610]) [Илл. 1]. Никаких названий для деталей поверхности Луны Галилей не предлагал. Соперник Галилея по открытию пятен на Солнце, немецкий астроном-иезуит Христоф Шейнер (1575–1650) в 1619 г. опубликовал рисунок Луны в фазе первой четверти. Наконец, довольно подробную карту Луны издал в своей книге *Oculus Enoch et Eliae, sive Radius sidereomysticus* (Антверпен, 1645) чешский астроном Антониус Мария Рейта (Ширлеус де Рейта) (1604–1660). Однако на этой карте названия отсутствовали. Более схематичные рисунки Луны, сделанные в 1645 г., опубликовал итальянский астроном Франческо Фонтана (1580 – ок. 1656) в своей книге *Novae coelestium terrestriumq[ue] rerum observationes, et fortasse hactenus non vulgatae*. (Неаполь, 1646). В силу схематичности изображений о каких-либо наименованиях здесь и речи быть не могло.

² См. <http://www.federal-space.ru/main.php?id=2&nid=5212> (май, 2012).

³ См. <http://telescope400.org.uk/harriot-maps.htm> (май, 2012).

Первая же опубликованная подробная карта Луны с целой системой наименований принадлежит бельгийскому астроному Микаэлю Флоренту ван Лангрелу (1598–1675), служившему Королевским космографом и математиком испанского монарха Филиппа IV. В 1645 г. эта карта была издана в Брюсселе под названием *Plenilunium (Полнолуние)* [Илл. 2]⁴. Именно Лангрел (в противоположность Гильберту, о рукописи которого он, по-видимому, не знал) обозначил светлые участки лунной поверхности как Земли, а тёмные участки — как Моря. Иными словами соотношение водной поверхности и суши на Луне оказалось аналогично подобному соотношению на Земле, как это представлялось в домагелланов период.

Лангрел разработал первую масштабную номенклатуру «земель» и «морей». Названия земель были связаны с разного рода достоинствами и позитивными понятиями. Располагались они следующим образом: на севере Земля Славы, южнее её слева направо — Земля Труда и Земля Мужества (Доблести), у северо-восточного края — Земля Мудрости, затем в южной части, где, собственно говоря, преобладает светлая поверхность, слева направо — Земля Правосудия, Земля Достоинства (Благородства) (самая обширная из всех), Земля Умеренности и Земля Мира. Таким образом, Слава как бы увенчивала всю эту систему, а Мудрость считалась одним из наиболее значимых качеств, поскольку также занимала верхнее, «господствующее» положение. Правосудие и Мир окружали Благородство, а Мужество и Труд устремлялись к Славе, вместе с Мудростью оказываясь её источниками.

Номенклатура морей была более разнообразной. В ней сочетались названия нескольких типов — в честь личностей, в честь стран и народов, и в честь профессий и понятий. Самое крупное «водное» пространство, в западной части лунной поверхности, Лангрел назвал в честь своего покровителя, испанского короля Филиппа IV — Океан Филиппикус (ныне Океан Бурь). К океану с севера примыкало Море Австрийское (Море Дождей), а с юга — ещё три моря: Море Венецианское (Море Влажности), Море Народа (ныне не выделяемое) и Море Бурбонское (Море Облаков).

Через Католический Пролив (Залив Зноя и Море Паров) в центральной части лунной поверхности Океан соединялся с Морем Евгении (Морем Ясности), которое как бы служило парой к Океану в

⁴ KROGT, P. VAN DER, *op. cit.*, S. 45-49.

восточной части лунной поверхности. По-видимому, это море было названо Лангреном в честь инфанты Изабеллы Клары Евгении Испанской, которая была наместницей Испанских Нидерландов, т. е. правительницей той страны, где жил и работал учёный.

С севера к Моря Евгении примыкало Озеро Знания (Озеро Сновидений), которое соседствовало с Землёй Мудрости. А на севере между Океаном Филиппа и Морем Евгении простиралось Море Астрономическое (Море Холода), соседствовавшее с Землёй Мудрости на востоке и с Землёй Славы на севере.

Южнее Моря Евгении находились Море Бельгийское (Море Спокойствия), Залив Батавский (Море Нектара) и Море Лангрена (Море Изобилия).

Единственное название водной поверхности, идентичное географическому названию, находилось на крайнем востоке лунного диска — это овальное Море Кризисов, названное Лангреном Каспийским.

Итак, система Лангрена имела строгую логику: два центральных тёмных пятна, большое на западе и меньшее на востоке, были названы в честь августейших покровителей учёного — короля Филиппа и инфанты Евгении, к этим названиям примыкали названия географического характера, связанные с этими правителями, как бы объединённые католической верой (Католический Пролив занимает на карте центральное положение), и, наконец, в самом верху помещались названия, связанные со знаниями и астрономической наукой. При этом отмечу, что и самого себя Лангреном увековечил довольно очевидным образом, назвав своим именем один из сравнительно крупных тёмных участков лунной поверхности. Названия земель носили абстрактный, «качественный» характер, названия морей — индивидуальный и географический. Таким образом, между этими двумя типами названий существовала принципиальная разница.

Следующая система селенонимов, созданная Лангреном, это названия кратеров. Эти названия также неоднородны по своему характеру. В северной и северо-восточной части лунного диска, т. е. той, где обозначены Море Астрономическое, Земля Мудрости и др. наименования подобного рода, кратеры были названы Лангреном в честь учёных, преимущественно астрономов. Это учёные Античности, Средневековья и более позднего времени, вплоть до современников Лангрена: Пифагор, Архимед, Гиппарх, Птолемей, Фалес, Арат, Евклид, Гипатия и др.; Альбатегний (ал-Баттани); Региомон-

тан, Альфонс Мудрый, Коперник, Браге, Кеплер, Гюйгенс, Гассенди, Декарт и др. Некоторые кратеры в честь учёных встречаются и в южной части лунной поверхности, но преимущественно рядом с их «национальными» морями. Так, около Моря Венецианского есть кратеры Маджини и Галилей, а вокруг Моря Лангрена — кратеры Лангрена, Венделин и Снеллиус, названные в честь итальянских и голландских учёных соответственно. Важно подчеркнуть, что идеологические предпочтения не влияли на систему наименований Лангрена (Галилей уже тогда был осуждён инквизицией, почётное место в ряду учёных заняла и Гипатия, погибшая от рук христиан).

Центральную часть лунной поверхности занимали кратеры, названные в честь монархов и правителей: Филипп IV (ныне кратер Коперник), Изабелла (Манилий), Иннокентий X (Птолемей), Фердинанд III (Гиппарх), Людовик XIV (Альфонс), Анна (Австрийская) (Арзахель) и Мазарини (Альпетрагий), южнее Кристиан IV (Пурбах), королева Христина (Вальтер), Карл I Английский, Фарнезе, Владислав IV (Тихо), сбоку Иоганн Саксонский, Фридрих-Вильгельм Бранденбургский, Франц Лотарингский и др.

Нетрудно заметить, что эти кратеры располагались на Землях Достоинства, Правосудия и Мира, т. е. тем самым символизировали не только своих реальных «прототипов», но и в сочетании с названиями земель служили олицетворением хорошего, достойного правления.

Очень большое число кратеров было названо Лангреном в честь знатных фамилий и видных аристократов: Медичи, Барберини, Памфили (рядом с кратером Иннокентий X, который происходил из этого рода), Киджи, Пикколомини, Нассау, Изенбург, Аренберг, Конде, Дория, Вельф, Кроа, Сегюр, Оксеншерна, Конецпольский и др. Тем самым, номенклатура кратеров, созданная Лангреном, носила интернациональный характер и охватывала большую часть европейских стран, прежде всего, католических. Такое верноподданничество было вполне в духе времени и не выглядело чем-то оригинальным.

Любопытно, что один из крупных кратеров в северной части Луны был назван в честь столицы католического мира — Рим (ныне Архимед).

Итак, Лангрена предложил целый ряд важных нововведений, некоторые из которых впоследствии стали традицией в селенографии и селенонимии. Он распределил пространство суши и воды

между светлыми и тёмными участками Луны так, как оно сохраняется в лунной номенклатуре и сейчас. В системе наименований участков поверхности он разделил названия понятийные (высших качеств) и названия территориальные и кратологические (земной власти). Он предложил наименование кратеров в честь конкретных людей, в том числе и учёных. И, наконец, ввёл в селенонию элементы топонимии, т. е. названия географические, типа кратера Рим и Каспийского моря.

Всего карта Лангрена включала 322 наименования.

Совершенно иной характер носила карта Луны, созданная великим польским астрономом Яном Гевелием (1611–1687). Она, впрочем, не отличалась особой точностью, прежде всего, потому, что Гевелий использовал для наблюдений длиннофокусный телескоп (до 50 м) с одной линзой в объективе. Гевелию принадлежит первый специальный труд о Луне, который под названием *Selenographia sive lunae descriptio* (Селенография, или Описание Луны) увидел свет в Гданьске в 1647 г. Восьмая глава этой книги посвящена описанию лунной поверхности и лунной номенклатуре, сюда же относится и карта с обозначением новых названий [Илл. 3]⁵. Гевелий отдаёт должное своим предшественникам, учёным-астрономам, отмечая, что на лунной карте достойны находиться имена Коперника, Браге, Кеплера, Галилея и др., но предлагает совершенно иную систему селенонимов. В его интерпретации Луна является как бы «отражением» Земли, географической карты, причём ещё античных, птолемеевских времён. Эта карта повёрнута так, что юг Земли находится на западе Луны, а север — на востоке, но абсолютной топографической соотнесённости у Гевелия, разумеется, не получилось, да и получиться не могло. Поэтому он подыскивал приблизительные соответствия, в результате чего проекция земной поверхности на Луну оказалась не только искажённой, но и неоднократно как бы перевёрнутой с разных точек зрения. Следует признать, что это была самая неудачная попытка создания оригинальной селенонимической системы.

Огромный Океан Бурь Гевелий назвал Средиземным морем, в центре которого оказалась Сицилия с Этной (яркий, лучевой кратер Коперник). Северное Море Холода было названо Гевелием Гипер-

⁵ *Johannis Hevelii Selenographia sive lunae descriptio...* (Gedani, 1647), p. 226-227 (figura Q).

борейским. Центральное Море Паров получило наименование Пропонтида, Моря Ясности и Спокойствия на востоке лунной поверхности оказались Понтом Эвксинским. Роль Каспийского моря взяло на себя Море Изобилия, а овальное Море Кризисов «превратилось» в Меотиду (Азовское). В полном соответствии с античной традицией к ним примыкали Таврика, Херсонес и Сарматия — светлые участки Луны Гевелий считал сушей.

К северу от Средиземного моря располагались Альпы, сбоку от Сицилии — Апеннины, к северу от них — Карпаты. На северо-западе простиралась Мавритания, к юго-западу «тёк» Нил. На юге были обозначены Египет, Палестина, Персия, а сбоку от них — Кавказ. В центре лунной поверхности находились Пелопоннес и Олимп, а в самом низу — Ливия, Аравия и Скифия.

Всего на карте Гевелия было зафиксировано 271 название.

Следует отметить, что попытка перенести картину античной ойкумены на Луну оказалась непродуктивной. Единственное, что уцелело от селенонимии Гевелия до сего дня, это названия лунных гор, аналогичные географическим (Тавр, Кавказ, Альпы, Апеннины и др.). Однако традиция Гевелия не была полностью забыта. Во второй половине XIX в. итальянский астроном Джованни Скиапарелли (1835–1910), наблюдавший Марс во время великого противостояния 1877–1878 гг., присвоил участкам марсианской поверхности архаичные географические названия, опираясь, прежде всего, на античную географическую традицию. В какой-то степени это было возрождение, пусть и не в буквальном смысле, гевелиевской традиции лунной номенклатуры.

Та карта Луны, которая оказалась основополагающей для всех последующих (в смысле системы лунных названий) была опубликована в фундаментальном труде двух болонских астрономов Джованни Баттиста Риччоли (1598–1671) и Франческо Мария Гримальди (1618–1663), принадлежавших к ордену иезуитов (Обществу Иисуса) — *Almagestum novum* (*Новый Альмагест*), изданном в Болонье в 1651 г. (автором книги значится Риччоли, хотя в её создании принимал некоторое участие и Гримальди)⁶. Само название этой книги, отсылавшее к классическому труду Клавдия Птолемея, недвусмысленно свидетельствовало о цели автора создать энциклопедию астрономических знаний своего времени. Это и есть настоящая

⁶ RICCIOLI, G. B., *Almagestum novum*... (Bononiae, 1651), p. 168-169.

энциклопедия. Важно подчеркнуть, что Риччоли с огромным вниманием отнёсся к работам своих предшественников — *Новый Альмагест* стал, вероятно, первой энциклопедией по истории астрономии. В начале этого труда автор представил подробнейшую хронику астрономических исследований и масштабный биографический словарь-справочник астрономов в алфавитном порядке. Это, вероятно, и предопределило ту систему наименований лунных объектов, которая была отражена на страницах четвёртой книги первого тома грандиозной работы болонских учёных. Карта Луны для этого издания была выполнена Ф.-М. Гримальди [Илл. 4]. Поверхность спутника он разделил на 8 октантов (частей в 45 градусов), описав затем каждый из октантов в отдельности. Нужно сказать, что по степени точности и подробности карта Гримальди уступает и карте Лангрена и даже карте Гевелия. Однако в основу дальнейшей селенономии легла именно номенклатура Гримальди, причём она была соотнесена своим создателем с названиями Лангрена и Гевелия.

Так же, как и Лангрэн, и Гевелий, Гримальди разделил лунную поверхность на сушу и воду, и так же, как и предшественники, считал светлые участки сушей, а тёмные — водой. Однако в названиях он решительно отказался от системы Гевелия, но и существенно отошёл от системы Лангрена. В основу наименований лунных земель и морей легли на этот раз климатические понятия. Возможно, это было связано с представлениями о влиянии Луны на земной климат. Как бы то ни было, земли Луны оказались соотнесены с климатическими явлениями суши, а моря — с климатическими явлениями, сопряжёнными с водой. При этом часть названий носила не климатические, а более абстрактные названия, тем не менее, сопричастные климату.

На севере Луны располагалась Земля Засухи, к югу от неё, соседствующие с морями — Земли Града и Снега, на северо-востоке — Земля Жизни, и к югу от неё Земля Силы (Бодрости). Центральную часть Луны занимала Земля Здоровья, а южную светлую часть — Земли Зноя и Плодородия, в то время как крайний юго-запад относился к Земле Бесплодия. Названия земель не сохранились на последующих лунных картах, но в их расположении можно заметить определённую закономерность — крайние северные и южные части Луны оказались во власти Засухи и Зноя, а, следовательно, и Бесплодия. Территории, близкие к полюсам, как и на Земле (хотя и по другой причине), пустынно и непригодны для жизни.

Названия же «водных» объектов на Луне, данные Гримальди, остались на лунных картах до сего дня (за редким исключением). Надо заметить, что их классификация приобрела более дробный характер — помимо Океана и Морей Гримальди выделил Заливы, Озёра и даже Болота (последним «не повезло», по решению Международного Астрономического Союза, лишённому, вероятно, воображения, они почему-то были убраны с карты Луны). Главное водное пространство получило название Океан Бурь. С севера к нему примыкали Залив Росы и Море Дождей с Заливом Радуги, с юга — Море Влажности и Море Туч (Облаков). Любопытно, что между Морем Влажности и Морем Туч находился Залив Эпидемий. На востоке Море Дождей «растворялось» в двух Болотах — Туманов и Гнилом. С востока в Океан Бурь врезались два Полуострова — Молний и Безумия. А через Болото Облаков и Море Паров Океан Бурь соседствовал с Морем Ясности в восточной части лунного диска. Южнее располагалось Море Спокойствия с Болотом Сонным, а ещё южнее — Море Изобилия и Море Нектара.

Совсем иная ситуация «складывалась» на севере. Здесь от Океана Бурь к Морю Ясности тянулось Море Холода (Астрономическое море Лангрена) с Озёрами Смерти и Сновидений. А на крайнем севере «застыло» Озеро Льда. Наконец, овальное Каспийское море Лангрена получило новое наименование — Море Кризисов.

Всего названий частей поверхности Луны на карте Гримальди — 38. Гевелиевские названия гор на ней отсутствуют.

Итак, водные пространства Луны чётко разделены на три части. Западная часть — это царство опасности, страха, печали, здесь сосредоточены названия преимущественно негативного или тревожного характера. Восточная часть, напротив, наполнена позитивом и умиротворением (Ясность, Изобилие, Нектар и даже Сон здесь сопряжены со Спокойствием). Если учесть, что западная часть — левая по отношению к наблюдателю, а восточная — правая, то очевидна соотнесённость с извечным делением на левую, семантически отрицательную, и правую, семантически положительную, стороны. Эта дуальная структура, являющаяся архетипической культурной универсалией, отразилась и в ономастической топографии Луны.

Третья часть — север (как и вообще крайние пределы мира), это царство холода и смерти (с которой также связаны сновидения, забвение и тому подобные вещи). Край соотносится и с неустойчивостью, кризисами, о чём свидетельствует «преобразившееся» Кас-

пийское море Лангрена. Так, в самом расположении лунных названий проявляются важные черты, характерные для европейской культуры и имеющие древнее, архаическое происхождение.

Столь же системный характер носила и номенклатура кратеров, созданная Гримальди. Она также сохранилась до наших дней, но только в своей фактической части, утратив прежнюю системность и продуманность топографии. Всего Гримальди назвал 204 кратера. Причём все они носили имена учёных, преимущественно астрономов (за редким исключением нескольких мифологических персонажей, которые, впрочем, как Эндимион, традиционно считались отражением каких-то реальных лиц, действительно связанных с историей астрономии).

Три самых ярких, лучистых кратера получили имена трёх самых выдающихся европейских астрономов — Тихо (Браге), Коперника и Кеплера. Тем самым были сразу выделены имена первого ряда, осуществившие астрономическую революцию на пороге Нового времени. В целом же принцип расположения имён был прост: он шёл в приблизительной хронологической последовательности сверху вниз, т. е. с севера на юг — так, что учёные Античности располагались вверху, ниже шли имена астрономов Средневековья, а ближе к югу — учёных XVI–XVII вв. Затем это «движение» делало поворот к краям Луны, заканчиваясь с двух сторон на крайнем западе именами Гевелия, Риччоли и Гримальди. А на крайнем востоке — Лангрена (это единственное название кратера, оставшееся с карты самого Лангрена). Таким образом, имена создателей лунных карт оказались расположенными напротив друг друга с двух краёв лунной поверхности.

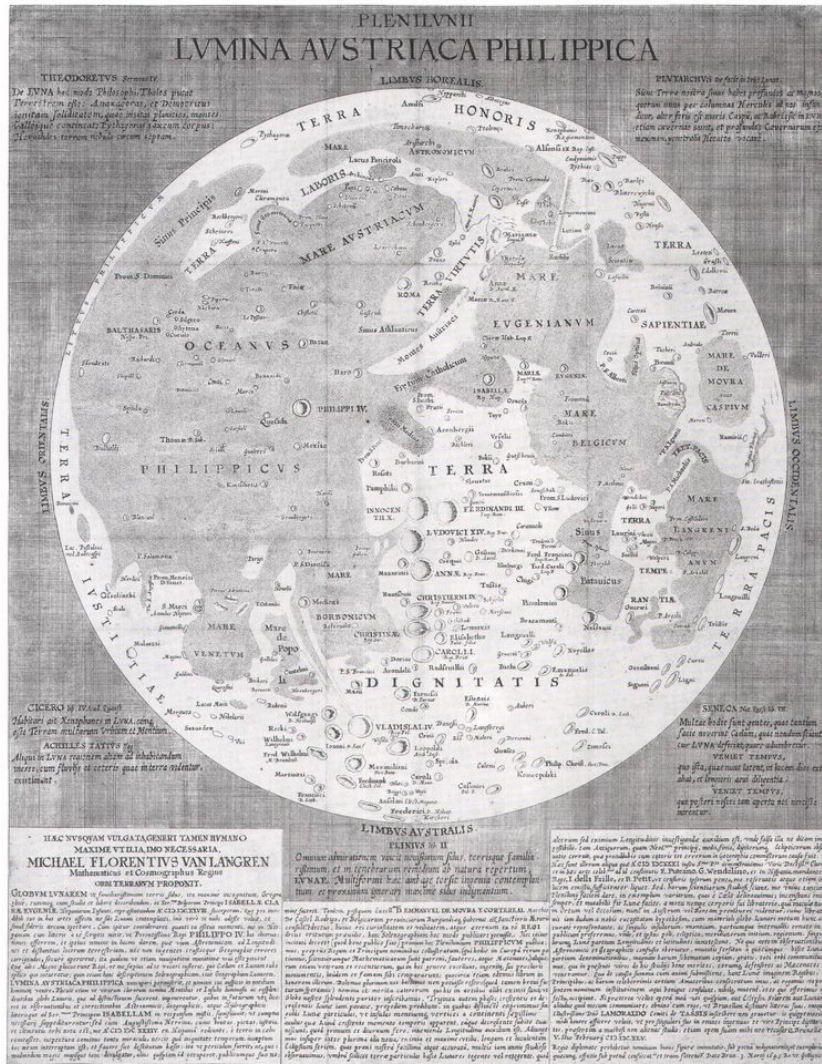
Существенно, что в расположении имён соблюдался до некоторой степени и национально-территориальный принцип. Так, после имён великих греков Платона и Аристотеля, зафиксированных в северной части Луны, к югу античное «пространство» делилось на две части. К левой, западной относились имена греческих учёных, а к правой, восточной — римских. Хронологическая последовательность приобретала естественное для себя движение слева направо. Центральную часть лунной поверхности занимали имена эллинистических греков (Гиппарх, Птолемей), арабских учёных (целая россыпь — Альбатегний [ал-Баттани], Азофи [ас-Суфи] и др.) и некоторых средневековых, типа Альфонса Мудрого. Несколько южнее шли немцы — Вальтер, Пурбах, Региомонтан. Большое пространство оказалось «в руках» итальянцев (Мавролик, Клавий,

Фракасторо, Маджини), к западу «возник» небольшой французский анклав (Гассенди, Виет, Мерсенн). Отдельные группы составляли датчане (Тихо, Лонгомонтан), голландцы (Стевин, Снеллиус), даже средневековые еврейские учёные (Рабби Леви, Сагут). Вокруг Моря Нектара три кратера были названы по какой-то причине именами христианских Святых (Катарина, Феофил и его племянник Кирилл Александрийский) и вместе с тем на лунной карте присутствовало и имя Гипатии (погибшей по вине Кирилла). Разумеется, национальный принцип не был жёстко выдержан на карте Гримальди (как и хронологический), но эта карта стала подлинным интернациональным пантеоном астрономической науки, визуальной энциклопедией истории мировой астрономии. И надо заметить, что и здесь создатели карты оказались выше каких бы то ни было идейных пристрастий. Да, значительная часть кратеров была названа именами учёных — братьев Общества Иисуса, но ведь и наука иезуитов в то время была на очень большой высоте. И, в опровержение утверждений некоторых отечественных авторов, на карте Гримальди присутствовало и имя осужденного инквизицией Галилея, наряду с другими именами его выдающихся коллег.

К сожалению, впоследствии те принципы, на которых основывалась система названий кратеров на карте Гримальди, были или не поняты или забыты. Сейчас на картах Луны в этом отношении нет ни малейшей системы. Символический характер лунной топографии и селенонимии, столь явственно проявившийся в XVII в., когда наука ещё не полностью освободилась от своего символического языка, а астрономия всё ещё «оставалась» под покровительством одной из Муз, уже не мог соответствовать духу науки последующих эпох, более приземлённому и рациональному, но, быть может, утратившему некую часть своего культурного ядра.

Илл. 1.
Рисунки лунной поверхности Г. Галилея.

Илл. 2.
Карта М.-Ф. ван Лангрена.

Илл. 3.
Карта Я. Гевелия.

Илл. 4.

Карта Дж.-Б. Риччоли и Ф.-М. Гримальди.

А. Ю. СЕРЕГИНА

ИСТОРИОПИСАНИЕ И ПАМФЛЕТНЫЕ ВОЙНЫ ЭПОХИ РЕФОРМАЦИИ

XVI век стал для Европы эпохой глубоких перемен, сопровождавшихся социальными потрясениями, порой доходившими до жестокого кровопролития. Отражением бурного столетия были не затихавшие памфлетные войны, вызванные конфессиональным противостоянием; они оказали огромное воздействие на общественную мысль и сознание европейцев. Поистине XVI век был веком полемики. Однако в той же мере он был и веком истории — периодом становления истории как дисциплины, а также и временем значительного роста интереса к ней как со стороны историков и теоретиков, так и образованной публики. Формировалась подлинная культура истории.

Можно выделить целый ряд факторов, предопределивших такое ее развитие. Одним из важнейших было развитие и распространение идей гуманистов с их новыми техниками анализа источника — обращением к языку оригинала, установлением подлинности текста и филологической его критикой, привлечением данных археологии, палеографии, эпиграфики и т. п. Другим фактором явилась информационная революция конца XV–XVI вв., а именно, распространение книгопечатания. Благодаря печатному станку доступность книжной продукции возросла во много раз, а исторические и полемические сочинения обрели большую аудиторию. Доступность обуславливалась не только тиражами книг и их (сравнительно) невысокой ценой, но также и тем обстоятельством, что издание сотен экземпляров одного и того же текста на национальных языках способствовало унификации их орфографии и сглаживанию диалектных различий. А унификация национальных языков, вместе с ростом грамотности, «открывала» тексты — исторические и полемические, — для широкой аудитории.

Однако наряду с инновациями методологического и технологического характера важную, во многом определяющую роль в формировании культуры истории сыграли факторы идеологического порядка. Религиозные движения рубежа XV–XVI веков за-

ставили многих европейских интеллектуалов обращаться к истории апостольской церкви в поисках путей выхода из кризиса, в котором, как они полагали, находилась современная им церковь. Эти тенденции усилились с началом Реформации и порожденными ею волнами религиозно-политической полемики. Протестанты и католики обращались к истории, чтобы найти там «истинную церковь», а также оспорить тот ее образ, что был представлен на страницах сочинений их оппонентов. Конечно, рост интереса к истории не объясняется исключительно Реформацией, однако именно она дала культуре истории религиозную санкцию, а тем самым — мощный толчок ее развитию.

Другой важный стимул — формирование у европейцев национальной / региональной идентичности, а также складывание национальных и региональных государств. Оба эти процесса оказывались тесно переплетенными с конфессиональными конфликтами и развитием у тех же общностей конфессиональной идентичности. Религиозный фактор воздействовал на национальное сознание различными способами. В одних случаях конфессиональная полемика, призванная очерчивать границы между «своими» и «чужими», способствовала формированию нации, одним из признаков которой становилась принадлежность к определенной конфессии (протестантизм в Англии, Шотландии и Скандинавии, католицизм во Франции, Испании, Португалии и т. п.). При этом складывались меньшинства (гугеноты во Франции, католики в Англии) с собственной конфессиональной идеологией и своей версией национальной истории.

Другим вариантом был «раскол» нации: в Германии конфессиональные и государственные общности формировались на региональном уровне и обладали собственной идентичностью. Однако во всех случаях складывание национально-государственного и конфессионального самосознания сопровождалось историко-правовыми штудиями, призванными выявить соотношение собственной правовой (и государственной) традиции с римской (континентальные страны), или же найти ее уникальные корни (Англия), а также и развитием национальных историографий.

Европейское историописание XVI столетия развивалось в тесном переплетении с религиозной полемикой. Результаты столь тесного взаимодействия проявились как в форме, так и в содержании исторических сочинений. Под влиянием яростных конфессиональных споров рождались новые историографические жанры и видоиз-

менялись традиционные. Церковные реформаторы — протестанты, и католики, — пребывали в поисках истинного христианского учения и древней церковной традиции, незамутненной позднейшими наслоениями, «римскими суевериями» или «ересями». Поиски истинного учения требовали обращения к истокам. Так появились издания Библии, подготовленные с учетом требований гуманистической филологии — греческий текст Нового Завета с новым латинским переводом Эразма Роттердамского (Базель, 1516), проект кардинала Сиснероса — Библия Полиглота с арамейскими, греческими и латинскими текстами (Алькала де Энарес, 1520), а также переводы Библии на национальные языки. Издавались и произведения отцов церкви и первых церковных историков.

Конфессиональные споры, начавшиеся с Реформацией, породили сочинения, призванные не только представить истину, но и показать процесс ее искажения. Так возник жанр полемической истории церкви. Для протестантов он был историей постепенного падения Римской церкви. Эту работу начал еще Филипп Меланхтон, издавший в 1539 г. свой труд *О церкви и власти слова Божия*. Однако самым масштабным проектом такого рода стало 13-томное издание *Церковной истории, изложенной по столетиям* (Базель, 1559–1574), более известное как *Центурии* и охватывающее период до 1298 г. Над ней работала группа лютеранских историков и богословов под руководством Матфея Флакка (Власича). Целью авторов было рассказать своим читателям историю «порчи» церкви и ее превращения в «царство Антихриста». Именно Флакку позднейшие поколения протестантов обязаны идеей уподобления папы римского Антихристу, а также закреплению в историческом воображении европейцев легенды о папессе Иоанне. На свет появился жанр полемической церковной истории, где богатейший документальный материал и тонкости гуманистического анализа текста соединялись с воспроизведением любых, самых недостоверных средневековых легенд, способных опорочить оппонентов. Католическим ответом на появление *Центурий* стали 12-томные *Церковные анналы* (Рим, 1588–1593) кардинала Чезаре Баронио, повествовавшие о жизни церкви с ранних времен по XII век включительно и демонстрировавшие неизменность учения и традиции церкви на протяжении всего периода.

Конфессиональные конфликты породили и полемические истории самой Реформации, принадлежавшие перу католиков и протестантов. Самым известным лютеранским историком, завоевавшим

европейскую известность, стал Иоганн Слейдан, опубликовавший в 1555 г. *Комментарии о состоянии религии и государства при императоре Карле V* (Страсбург)¹. Ученик и преемник Кальвина в Женеве Теодор де Без издал трехтомную *Религиозную историю реформированных церквей во Франции* (Женева, 1580)². Ее предшественницей стала *История мучеников* Жана Креспэна (Женева, 1554)³, повествовавшая об истории первых протестантских общин во Франции. В Англии вышло несколько изданий *Книги мучеников* Джона Фокса (Лондон, 1563, 1570, 1576, 1583)⁴. Все они представляли собой трансформации традиционных жанров историописания. Труд Слейдана — образец гуманистической эрудитской историографии; сочинение Беза следовало традиции средневековой хронистики, труды Креспэна и Фокса использовали жанры мученичества и образцы житийной литературы. *Книгу мучеников* Фокса вообще трудно однозначно отнести к тому или иному жанру, поскольку она сочетает в себе традиции хронистики, гуманистический метод работы с источниками и сознательную ориентацию на житийную литературу, что позволяло создать «новые святцы», в которых католические святые подменялись бы мучениками за «истинную» протестантскую веру⁵. Труд Фокса занимает особое место еще и потому, что он не ограничивается историей Реформации. Его охват гораздо шире: он представляет читателям полную версию английской церковной и светской истории, от крещения страны до середины XVI века. Фактически в нем представлена новая, протестантская история христианства в Англии в контексте вселенской церкви.

¹ SLEIDAN J., *De statu religionis et rei publicae Carolo V Caesare commentarii* (Strasbourg, 1555). Книга Слейдана быстро обрела популярность: в 1557 и 1559 гг. в Женеве появилось два новых издания, а в 1558 г. еще одно увидело свет в Страсбурге. В 1557 г. в Женеве были опубликованы французский и итальянский переводы *Комментария*; английский перевод Джона Дея вышел в 1560 г. в Лондоне. О Слейдане см.: KESS A., *Johann Sleiden and the Protestant Vision of History* (Aldershot, 2008).

² BEZA T., *Histoire ecclesiastique des Eglises reformes au Royaume de France* (Genève, 1580).

³ CRESPIN J., *Histoire des martyrs* (Genève, 1554).

⁴ FOXE J., *Actes and Monuments of these Latter and Perillous Days, Touching Matters of the Church [Book of Martyrs]* (London, 1563, 1570, 1576 and 1583).

⁵ NISSBAUM D., “Reviling the Saints or Reforming the Calendar? John Foxe and His ‘Kalendar’ of Martyrs”, eds. S. WABUDA & C. LITZENBERGER, *Belief and Practice in Reformation England* (Aldershot, 1998), p. 113-136.

Католики отвечали на вызов протестантского историописания своими историями Реформации, которая была представлена как история отпадения еретиков от истинной веры. Гонимыми (особенно если речь идет о ряде областей Германии и Англии) оказывались теперь католики, страдавшие за веру. Они уподоблялись первым христианским мученикам, кровью подтвердившим истинность своего учения. Европейскую известность приобрела книга немецкого гуманиста-католика Иоганна Кохля *Комментарии о деяниях и сочинениях Мартина Лютера* (Майнц, 1549)⁶. Позднее широкую известность приобрели труды английских католиков Николаса Сандера *Происхождение и распространение английской схизмы* (написан в 1570-х гг., издан после смерти автора в 1585 г. в Кёльне)⁷. Труд Сандера — это подробная история политических событий в Англии, начиная с середины правления Генриха VIII.

История Сандера очень быстро стала своего рода стандартной версией английской Реформации в католическом мире. Ее популяризации, помимо переводов, немало способствовали и адаптации. Самыми известными и влиятельными из них стали *Церковная история схизмы в Английском королевстве*⁸, опубликованная в 1588–1594 гг. (Лиссабон) испанским иезуитом Педро де Рибаденейрой, и вышедшая в 1599 г. *История английских гонений*⁹ (Мадрид), написанная епископом Тарасонским и духовником Филиппа II Диего де Хепесом.

Однако наиболее масштабным произведением, по сути, представлявшим собой католическую версию национальной церковной истории, написанным в ответ протестанту Джону Фоксу, стал *Трактат о трех обращениях Англии из язычества в истинную веру* (Сент-Омер, 1603–1604 гг.) иезуита Роберта Парсонса¹⁰. Этот трех-

⁶ COCHLAEUS J., *Commentarii de actis et scriptis Lutheri* (Moguntia, 1549).

⁷ SANDERS N., *De Origine ac progressu schismatic anglicanae* (Cologne, 1585). Текст был завершен и подготовлен к печати Эдвардом Риштоном. Книга была сразу же (1586 г.) переиздана в Риме и в Ингольштадте (1588 г.). Практически одновременно появился и французский перевод (1587 г.). Немецкий перевод был издан позднее, в 1594 г.

⁸ DE RIBADENEIRA P., *Historia Ecclesiastica del scisma del Reyno de Inglaterra*, 2 vols. (Lisboa, 1588–1594).

⁹ YEPES D., *Historia particular de la persecucion de Inglaterra* (Mardid, 1599).

¹⁰ PERSONS R., *A treatise of three conversions of England*, 3 vols. (St Omer, 1603–1604).

томный труд состоит из детальной истории распространения христианства в Англии, за которым следует краткий обзор состояния церкви в последующие столетия, вплоть до XVII в.

РЕЛИГИОЗНАЯ ПОЛЕМИКА И ИСТОРИЯ «ПРОИСХОЖДЕНИЯ» АНГЛИЙСКОЙ ЦЕРКВИ

В поисках «чистого», незапятнанного позднейшими искажениями (или «ересями») христианства историки-полемисты обращались к истокам — древней церкви, а также к историям обращения той или иной страны в христианство. Такие повествования фактически представляли собой историю «происхождения» национальной (или провинциальной) церкви. Связь мифов или истории «происхождения» с формированием национальной идентичности достаточно хорошо известна, в том числе и применительно к Англии¹¹. Истории «происхождения» национальной церкви были тесно связаны с подобными мифами; фактически они придавали национальной идентичности другое, конфессиональное измерение, связывая возникновение нации (как этнической и политической общности) с появлением церкви как общины христиан. Последняя совпадает с национальной общностью и одновременно соединяет ее с более широкой общностью — Вселенской церковью¹².

Впрочем, миф о «происхождении» далеко не всегда оказывал формообразующую роль при складывании конфессиональной /

¹¹ Подробнее см.: СЕРЕГИНА А. Ю., «Мифы о крещении Англии в религиозной полемике конца XVI века», *Диалог со временем* 12 (2004), с. 144-155; ОНА ЖЕ, «Мифы об обращении Англии в христианство и национальная / конфессиональная идентичность в XVI – начале XVII веков», *Диалог со временем* 21 (2007), с. 389-411.

¹² О влиянии религиозной мысли на формирование национальной идентичности англичан в XVI–XVII вв. см.: CURRAN J. E., *Roman Invasion: The British history, Protestant Anti-Romanism, and the Historical Imagination in England, 1530–1660* (Newark-L., 2002), ch. 2, p. 37-86; KIDD C., *British Identities before Nationalism: Ethnicity and Nationhood in the Atlantic World, 1600–1800* (Cambridge, 1999), ch. 5, p. 99-122; HASTINGS A., *The Construction of Nationhood: Ethnicity, Religion, and Nationalism* (Cambridge, 1997), ch. 2, p. 35-65; *Religion and National Identity* (Oxford, 1982) — особ. BOSSY J., “Catholicity and Nationality in the Northern Counter-Reformation”, p. 285-296; LOADES D., “The Origins of English Protestant Nationalism”, p. 297-307; FLETCHER A., “The First Century of English Protestantism and the Growth of National identity”, p. 309-317; SMITH A. D., *Chosen Peoples* (Oxford, 2003), p. 115-123.

национальной идентичности. Так, Реформатские (кальвинистские) церкви на континенте не спешили использовать исторические аргументы. Для них было достаточно отождествления с раннехристианскими общинами. Вопрос же об апостольском преемстве их не слишком интересовал, да и неудивительно: ведь мог возникнуть нежелательный вопрос о епископской власти¹³.

Англичане же искали в истории истоки происхождения своей особой церкви (отличающейся от всех протестантских), точно так же, как они искали истоки своей правовой и политической традиции. Ближайшей параллелью в данном случае, пожалуй, будут исторические экскурсы французских богословов, искавших в истории крещения Франции обоснования существования собственной церковной традиции (галликанства), находившейся в особых отношениях с Римом; тех вольностей, которые, как считалось, обусловили существование национального варианта католицизма¹⁴.

Согласно принятой средневековыми хронистами традиции, Англия / Британия была крещена трижды. В первый раз это произошло в I в. н. э., в правление императора Тиберия. Крещение I в. упоминалось у хрониста VI в. Гильдаса, сочинение которого (*Падение Британии*) в XVI в. считалось авторитетным источником по истории Британии. Что более важно, христианство на Британских островах в I в. упоминалось и Тертуллианом. Таким образом, наличие христианских общин в Британии не подлежало сомнению. Однако оставалась существенная проблема: кем и откуда христианство было туда занесено. Средневековые английские авторы, стремясь максимально удревить христианскую историю страны, весьма вольно истолковывали свидетельства отцов церкви, приходя к выводу, что первыми проповедниками христианства на островах могли быть Св. Петр, Св. Павел, Св. Симон Зилот, Аристокбул, или же Св. Иосиф Аримафейский. Поскольку упоминания о первых из них весьма кратки (и могут быть интерпретированы различными способами), авторы XVI века обходились с ними осторожно, ограничиваясь краткими упоминаниями.

Однако история проповеди Св. Иосифа Аримафейского вошла в средневековый историографический канон благодаря Уильяму

¹³ HEAL F., "What can King Lucius do for you? The Reformation and the Early British Church", *English Historical Review* 120 (2005), p. 593-614, особ. p. 596.

¹⁴ SALMON K. H. M., "Clovis and Constantine. The Uses of History in Sixteenth-Century Gallicanism", *Journal of Ecclesiastical history* 41 (1990), p. 584-605.

Мальмсберийскому (XII в.) и его истории Гластонбери. Из рассказа последнего явствовало, что Св. Иосиф был послан в Британию апостолом Филиппом¹⁵. Св. Иосиф Аримафейский считался также основателем британской монашеской традиции, так как с его именем связывалось основание первого монастыря (по преданию, находившегося на месте, где позднее возникло знаменитое бенедиктинское аббатство Гластонбери).

Именно Уильям Мальмсберийский сделал сюжет о Св. Иосифе Аримафейском популярным в английской хронистике. Опираясь на его труд, Полидор Вергилий включил повествование о Св. Иосифе в свою *Историю Англии* (книга 2)¹⁶.

Миф о повторном крещении Британии связан с легендарным королем бриттов Луцием, якобы правившем во II в. Этот миф обязан своим возникновением ошибке Беда Досточтимого. В его *Церковной истории народа англосаксов* присутствует краткое сообщение о том, как в 156 г. король Луций отправил в Рим послание папе Элевтеру с просьбой наставить его в христианской вере и крестить. Как пишет Беда, «эта благочестивая просьба была без промедления удовлетворена, и бритты сохраняли веру в целостности и невредимости, в мире и спокойствии, вплоть до времени императора Диоклетиана»¹⁷, гонения которого заставили их вернуться к язычеству. Беда при этом опирался на *Liber Pontificalis*¹⁸, где действительно упоминался некий правитель по имени Луций. Правда, речь шла о князе Эдесском Луции, который действительно принял христианство в понтификат папы Элевтера (174–189). Но поскольку Беда был признанным авторитетом в истории английской церкви, все позднейшие авторы воспроизвели сделанную им ошибку, а также расцвели сюжет красочными деталями. Это, прежде всего, относится к Гальфриду Монмутскому, который славился тем, что порой опирался не столько на хроники предшественников и документы, сколько на собственную богатую фантазию.

¹⁵ WILLIAM OF MALMESBURY, *The Early History of Glastonbury*, ed. and trans. J. SCOTT (Woodbridge, Suffolk, 1981), p. 44.

¹⁶ *Polidori Vergilii Urbinitis Anglicae Historiae libri vigintisex* (Basileae, 1546), p. 34.

¹⁷ *Bede's Ecclesiastical History of the English People* (Oxford, 1969), p. 24: "...et mox effectum piae susceptamque fidem Britanni usque in tempore Diocletiani principis inviolatam integramque quiescentem in pace servabant".

¹⁸ *Liber Pontificalis*, vol. II (Roma, 1978), p. 22: "Eleutherus... Hic accepit epistula a Lucio, Britannio rege, ut christinus efficeretur per eius mandatum".

Гальфрид использовал сочинение Беды, а также *Историю бриттов* Ненния (конец VIII в.). Последний труд датирует обращение Луция в Рим 167 г., и называет в качестве его адресата папу Эвариста (начало II в.)¹⁹. Повествование Гальфрида рисует читателю благочестивого короля Луция, еще до крещения прославившегося своей добродетельной жизнью. У Гальфрида же называются имена тех, кого папа Элевтер отправил в Британию проповедовать христианство — Фаган и Дувиан. Он повествует об искоренении язычества и создании системы диоцезов — трех архиепископств, 28 епископств и сети приходов. Крестив Британию, послы вернулись в Рим, но затем их отправили обратно вместе с множеством других проповедников «через поучение которых бритты... укрепились в Христовой вере»²⁰.

Изобиловавший деталями рассказ его потомки сочли вполне достоверным, так как в основных своих положениях он совпадал со сведениями, приведенными Бедой, хотя хронисты обычно по-разному датировали правление Луция. Полидор Вергилий в своем труде воспроизвел рассказ Гальфрида, однако иначе датировал события (182 г.)²¹.

С историей короля Луция связан еще один текст, активно дебатировавшийся в XVI в. В 1530-х гг. архивисты Генриха VIII, искавшие в исторических документах обоснования идее королевской супрематии (т. е. власти короля над английской церковью), обнаружили в рукописном своде обычаев Лондона письмо папы Элевтера королю Луцию, где, помимо прочего, папа именует короля «викарием Бога в своем королевстве»²². Историки XX века, опираясь на анализ лексики и грамматики, доказали, что так называемое письмо является фальшивкой начала XIII в., созданной, по всей видимости, в контексте конфликта короля Иоанна с Римским престолом (1213 г.).

Наконец, третье крещение Англии было связано с именем Св. Августина, первого исторического архиепископа Кентерберийского, который в 596 г. был отправлен с миссией в Англию папой

¹⁹ NENNIUS, *Historia Britorum*, с. 22.

²⁰ ГАЛЬФРИД МОНМУТСКИЙ, *История бриттов* 72, пер. с латинского А. БОБОВИЧА, в: *История бриттов. Жизнь Мерлина* (М., 1984).

²¹ Polidori Vergilii Urbinatis *Anglicae Historiae*, р. 41.

²² Письмо папы Элевтера было издано Уильямом Ламбардом в его сборнике саксонских законов. LAMBARDE W., *APXAIONOMIA, sive de priscis anglorum legibus libri* fo. 130^v (L., 1568).

Григорием I Великим. Миссия Св. Августина относительно хорошо документирована; кроме того, о ней известно из *Церковной истории* Беда Досточтимого, считавшегося в XVI в. абсолютно надежным и авторитетным источником, более того, образцом историка.

Нетрудно заметить, что три истории крещения Англии породили ряд проблем для интерпретаторов. Во-первых, необходимо было решить, откуда пришло христианство — из Рима, или же откуда-то еще (например, с христианского Востока). Ведь от ответа на этот вопрос зависело обоснование подчинения Римской юрисдикции или, наоборот, отказа от нее. Во-вторых, истории крещения по сути делились на истории крещения Британии и Англии. От выбора акцента зависел и выбор «этнической» идентичности древней церкви — она могла стать британской или же англо-саксонской. Необходимо учитывать, что в XVI – начале XVII вв. историки права были склонны находить истоки английской правовой и политической традиции в англо-саксонском прошлом, усматривая там зачатки общего права, парламента, смешанной монархии (т. е. тех институтов, которыми англичане гордились как своей национальной особенностью). Церковная история, таким образом, могла гармонически соединиться с этой традицией, или же вступить с ней в противоречие, вынуждая интерпретаторов проявлять чудеса изобретательности и, что для нас важнее, соединяя две «этнические» составляющие национального мифа.

Конфессиональное противостояние привело к возникновению параллельных версий церковной истории — протестантской и католической. Для протестантской церковной истории идея о том, что крещение Англии было организовано из Рима, была анафемой. Поэтому нас вряд ли удивит тот факт, что известная со средних веков легенда о том, как Св. Петр, временно изгнанный из Рима, в ходе своих странствий посетил Англию, протестантами не использовалась. Для средневековых хронистов она служила возвеличению нации; протестантам она только мешала. Да и другие проповедники, упоминавшиеся в хрониках — например, Св. Павел или Св. Симон Зилот, — тоже не привлекали большого внимания, в основном из-за состояния источников, не позволявших «развернуться» фантазии. Так, Джон Фокс во втором издании своей *Книги мучеников* (1570 г.) упоминает Св. Симона Зилота²³. Вслед за ним

²³ FOXE J., *Actes and Monuments* (London, 1570), p. 40.

его упоминает Рафаэль Холинshed²⁴, а также и другие историки, например, Джон Стоу²⁵.

Однако гораздо больше места уделялось истории Св. Иосифа Аримафейского. Так, Джон Бейл, которого можно назвать основателем протестантской традиции церковной истории, приписывал именно ему первую проповедь христианства в Англии, ссылаясь на хронику Гильдаса. Вслед за ним эту историю воспроизвел Джон Фокс в 1570 г. После этого она стала стандартным протестантским текстом; ее воспроизводят или хотя бы упоминают практически все протестантские полемисты XVI – начала XVII в. Ряд историков помещает ее элементы в свои повествования о британском прошлом. У Холиншеда мы читаем:

Около 53 г. Иосиф Аримафейский, тот, что похоронил тело нашего Спасителя, был послан апостолом Филиппом (как говорит Джон Бейл, следуя авторитету Гильдаса и других британских писателей), когда христиан изгнали из Галлии, и прибыл в Британию вместе с прочими благочестивыми христианами. Он проповедовал там Писание среди бриттов и наставлял их в вере и законе Христа, обратив многих в истинную веру и крестив их чистой водой возрождения. Так он и продолжал свою жизнь. Он приобрел у короля участок земли для жилья, не более чем в четырех милях от Уэллса. Там он вместе со своими спутниками заложил основание истинного и совершенного почитания Бога. Впоследствии на этом месте (или рядом с ним) было возведено аббатство Гластонбери²⁶.

Здесь видны все основные черты протестантской легенды о Св. Иосифе Аримафейском. Во-первых, благодаря ему устанавливается апостольское преемство английской церкви (от апостола Филиппа); во-вторых, апостольское преемство выводится не из Рима.

²⁴ HOLINSHED R., *Chronicles of England* (London, 1587), p. 37.

²⁵ STOW J., *Chronicles of England* (London, 1580), p. 52.

²⁶ HOLINSHED R., *Chronicles...* p. 37: "...about the yeare of Christ 53, Ioseph of Arimathia, who buried the body of our saviour, being sent by Philip the Apostle (as Iohn Bale following the authoritie of Gildas and other British writers reciteth) after that the Christians were dispersed out of Gallia, came into Britaine with divers other godlie Christian men & preaching the gospel there amongst the Britains, & instructing them in the faith and lawes of Christ, converted manie to the true beliefe, and bapised them in the wholsome water regeneration, & there continued all the residue of his life, obtaining of the king a plot of ground where to inhabit, not past a foure miles from Wells, and there with his fellows began to laie the first foundation of the true and perfect religion, in which place (or neere thereunto) was afterward erected the abbeie of Glastenburie".

Кроме того, Св. Иосиф проповедовал в Британии чистое учение древней церкви, не замутненное никакими римскими заблуждениями. Показательно, что стремясь превратить Св. Иосифа в протестанта, протестантские авторы опускали ту часть легенды, которая превращала его в основателя монастыря Гластонбери. Но в приведенном тексте Гластонбери не имеет отношения к Св. Иосифу. Поскольку монашество несовместимо с протестантской традицией, данную часть сюжета просто выбросили как недостоверную, продолжая ссылаться при этом на труды ее автора, Уильяма Мальмсберийского.

Что касается второй легенды — о крещении Британии при короле Луции, то отношение протестантов к ней было двойственным. С одной стороны, она свидетельствовала о крещении всей страны и принятии христианства как официальной религии — впервые! — что автоматически делало бриттов и их потомков избранным народом. Кроме того, письмо папы Элевтера говорило о подчинении церкви государю, т. е. о преемственности устройства древней церкви и Англиканской церкви XVI века. Однако налицо были и явные проблемы. Прежде всего, король Луций обратился в Рим, откуда были присланы миссионеры. Кроме того, надежность самого источника — Гальфрида Монмутского, — была поставлена под сомнение Полидором Вергилием в начале XVI в. Хотя критика Полидора и не затрагивала легенду о короле Луции (она касалась только легенды о короле Артуре), она, тем не менее, несколько «подмочила» репутацию Гальфрида. К тому же существовала проблема с датировкой: как мы видели, большинство авторов не могло сойтись во мнениях относительно того, когда правил Луций, и когда, собственно, произошло крещение. А это не могло не бросить тень сомнения на всю историю.

Первые протестантские авторы обращались к легенде о короле Луции вполне в духе средневековых хронистов. Так, Роберт Барнс использовал ее, чтобы подчеркнуть, что бритты первыми из всех приняли христианство²⁷. Джон Бейл пошел несколько дальше: он подчеркивал важную роль, которую сыграли Элван и Медвин — придворные короля, посланные им в Рим для того, чтобы получить наставления в христианской вере. Однако Бейл не пытался принизить роль Рима в обращении бриттов, поскольку по его представлениям, Рим во II в. был еще далеко не так плох, как в средние века, и его учение не было запятнано никакими новшествами²⁸.

²⁷ BARNS R., *Vitae Romanorum Pontificum* (Vasileae, 1555), p. 13-14.

²⁸ BALE J., *Illustrum maioris scriporum Britanniae* (Vasileae, 1557), p. 23.

Позднее протестантские богословы всячески старались обойти вопрос о миссионерах из Рима. Так, в предисловии к изданию Библии 1568 г. (так называемой *Епископской Библии*) архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер писал, что король Луций, побуждаемый любовью к истинной вере, попросил совета в Риме и получил оттуда знаменитое письмо, наставлявшее его руководствоваться в своих делах божественным законом. Посланники же — Элван и Медвин, ставшие соответственно епископом и проповедником, «ради своего красноречия и знания Св. Писания вернулись домой, к королю Луцию; благодаря их святой проповеди Луций и знать всей Британии приняли крещение». Роль римских же миссионеров была сведена к минимуму: они были «помощниками этих ученых людей в проповеди Писания»²⁹.

Джон Фокс избрал другую стратегию. Перечислив уже упоминавшиеся доводы в пользу того, что Британия во времена Луция уже знала христианство, принесенное туда с Востока, он последовал примеру Бейла. В его версии проповедники Фугаций и Дамиан присланы из Рима в ответ на обращение короля:

Добрый епископ Элевтер, узнав о просьбе короля и радуясь его благочестивому рвению, послал к нему учителей и проповедников, а именно, Фугация или, как говорят некоторые, Фагана, и Дамиана, или Димиана. Сначала они обратили короля и народ Британии и крестили их святым крещением христианской веры. Они подчинили языческие храмы и все другие капища, обратив людей от поклонения многим Богам служению одному истинному Богу. Так распространилась истинная религия и искренняя вера, а суевие и идолопоклонничество пришли в упадок³⁰.

²⁹ *The Holy Bible conteynyng the Olde and Newe Testament, set forth by authoritie* (London, 1568), Preface. Sig. Avi: "...who for the eloquence and knowledge they had in the holy Scriptures, repaired home again to King Lucius, and by their holy preaching, Lucius, and the noble men of the whole of Britaine, received their Baptism"; "...coadjutors with those learned men, to the preaching of the Gospel".

³⁰ *Foxe J. Acts and Monuments*, p. 107: "Eleutherius the good Bishop, who hearing the request of this king, and glad to see the godly towardnes of hys well disposed minde: sendeth hym certayne teachers and preachers, Faganus Damianus called Fugatius, or by some Faganus, and Damianus, or Dimianus: which conuerted first the king and people of Britaine, and baptised them with the baptisme & sacrament of Christes fayth. The temples of idolatrie and all other monumentes of gentilitie they subuerted, conuerting the people from theyr diuers and many Gods to serue one liuing God. Thus true religion with sincere fayth increasing, superstition decayed, with al other rites of idolatry".

Фокс здесь не отрицает роли Рима; он лишь подчеркивает, что Рим при папе Элевтере еще исповедовал истинное учение.

Вариации версии Паркера и Фокса стали стандартными для историков XVI века. Так, у Холиншеда и у Стоу упоминаются посланники короля Луция Элвин и Медвин, посланные королем в Рим и вернувшиеся вместе с римскими миссионерами. Фугаций и Дамиан проповедовали бриттам христианство, им также отводилась важная роль создателей системы диоцезов в Британии³¹. Впрочем, все это оставалось в рамках средневековой традиции. Однако под влиянием Фокса Холиншед вводит в свой текст упоминавшееся выше послание папы Элевтера; у Стоу упоминание о послании отсутствует.

Отношение к англо-саксонскому прошлому и крещению, совершенному Св. Августином, у протестантских авторов было неоднозначным. Саксонский период создавал очевидные проблемы для интерпретации, ведь тогда крещение происходило из Рима и по инициативе папы. Можно выделить два подхода к решению проблемы. Один из них был сформулирован Джоном Бейлом. По его мнению, чистая церковь с незамутненным никакими искажениями учением — это британская церковь. Саксонская же церковь в лице «суеверного монаха» Августина принесла в Англию римскую мессу, веру в чудеса святых, монашество и т. п. А сами саксы были жестокими завоевателями и тиранами по отношению к бриттам³².

Мэтью Паркер и авторы его круга использовали две стратегии интерпретации источников. Одна — и наиболее уязвимая — заключалась в том, что роль Св. Августина в обращении англосаксов ограничивалась рамками Кента. Предполагалось, что за пределами королевства миссионерской деятельностью занимались бритты. Эта теория подчеркивала преемство британской и англо-саксонской церкви. Проблема заключалась, однако, в отсутствии источников, которые могли бы подтвердить ее. Другая стратегия заключалась в обращении к англо-саксонским источникам (посланию Эльфрика и т. п.). Подобающее (и отнюдь не беспристрастное) толкование этих текстов призвано было показать, что во времена Св. Августина англо-саксонская церковь не знала мессы, трансубстанции и прочих католических нововведений³³.

Именно этот подход был фактически канонизирован в *Книге мучеников* Фокса. Фокс опирался в основном на текст Беды, но ис-

³¹ HOLINSHED R., *Chronicles*, p. 51-52; STOW J., *Chronicles*, p. 36-37.

³² BALE J., *Englysh Votaryes*. Sig. C7^v.

³³ PARKER M., *De antiquitate Britanniae Ecclesiae* (London, 1572), p. 10-11.

пользовал также и собранные Паркером и его группой англо-саксонские тексты. Он признавал, что англосаксы были крещены из Рима, однако доказывал, что Римская церковь времен Августина не была еще испорчена, и уж во всяком случае совсем не напоминала католическую церковь позднейших эпох.

Рафаэль Холинshed в своей популярной хронике использовал материал Фокса и точно следовал его версии³⁴. Благодаря ему данная версия приобрела огромную популярность.

Однако в целом протестантские авторы испытывали серьезные затруднения при интерпретации саксонского прошлого. Слишком большими оказывались натяжки в толковании источников. Неудивительно поэтому, что католические авторы чувствовали себя на саксонской почве гораздо увереннее. Многие из них предпочитали полемизировать, используя исключительно англо-саксонский материал и с удовольствием толковали текст Беды.

Что же касается британского прошлого, то нетрудно отметить два подхода к нему. Одни католические полемисты утверждали, что каким бы оно ни было, оно не имеет отношения к англичанам. Ведь их предки — англосаксы; а они, как известно, были крещены Св. Августином по инициативе Рима. Таким образом, история английской церкви изначально связана с Римом, а не с британской церковью непонятного происхождения³⁵. Так, Стэплтон писал в 1566 г.: «Со временем вся страна стала называться Англией, а народ — англами. Эти народы — англы и саксы оставались язычниками... на протяжении ста пятидесяти лет. За все это время британские христиане (как горько жаловался Гильдас) ни разу так и не попытались проповедовать им Евангелие». Поэтому позднее Господь «послал народу англол долее достойных проповедников, нежели эти безжалостные бритты»³⁶. Таким образом, британский период просто вымарывался из истории Англии и английской церкви.

³⁴ HOLINSHED R., *Chronicles*, p. 99-103.

³⁵ HAMILTON D. B., "Catholic Use of Anglo-Saxon Precedents, 1565–1625", *Recusant History* 26 (2003), p. 537-555.

³⁶ STAPLETON T., *A return of untruths upon M. Jewells replie* (Antwerp, 1566), Sig. LL4^v-LL1^f: "...the whole country was called England and the people English. These peoples English or Saxons continewed heathen... for... a hundred and fifty years. All which time the Britain Christians (as Gildas... bitterly complaineth) never vouchsafed to preache the gospel of Christ unto them... God provided for the English people much more worthy preachers... then those unmercifull Brittaines".

Данный подход оставался популярным у католиков долгое время. Он проявлялся отнюдь не только в откровенно полемических текстах. В 1605 г. католический издатель и антиквар Ричард Верстеган опубликовал в Антверпене свой труд *Восстановление пришедшего в упадок знания*³⁷. Этот текст был воспринят многими учеными (в том числе и протестантами) как авторитетный труд, посвященный англо-саксонским древностям. Он содержал высоко оцененный раздел, посвященный древнеанглийскому языку — происхождению слов, этимологии имен собственных, названий должностей и т. п. Опираясь на Тацита, Верстеган доказывал происхождение англичан — англосаксов — от древних германцев, подобно другим благородным народам Европы. Он оспорил миф о Бруте и троянском происхождении англичан. Однако при внешнем беспристрастии текст Верстегана содержал полемический заряд³⁸. Ведь в нем было показано, что древние бритты являются предками валлийцев, но никак не англичан. Следовательно, все истории о крещении бриттов не из Рима не имеют равным счетом никакого значения для англичан, живших в XVI и XVII вв.: это просто не их история! А история крещения собственно Англии (не Британии) изложена Верстеганом очень кратко, с отсылками к тексту Беда.

Второй подход заключался в (порой выборочном) включении британской составляющей в рассказ о крещении страны. По вполне очевидным причинам католические полемисты предпочитали обращаться к истории короля Луция. Сообщения о более ранних миссионерах либо вообще опускались, либо отбрасывались как слишком отрывочные и противоречивые.

Крещение же короля Луция имело совсем иной статус. Оно упоминалось католиками достаточно часто, начиная с 1559 г., когда парламент обсуждал елизаветинское религиозное законодательство, сделавшее страну еще раз официально протестантской. Так, аббат Фекенхэм на заседании палаты Лордов заявил, что католическая вера была принесена в Англию из Рима впервые еще при короле Луции. Тогда же архиепископ Йоркский Николас Хит назвал крещение страны при короле Луции первым из трех; вторым, естест-

³⁷ VERSTEGAN R., *A Restitution of decayed intelligence* (Antwerp, 1605). Об этом сочинении см. HAMILTON D. B., "Richard Verstegan's *A Restitution of Decayed Intelligence* (1605): A Catholic Antiquarian Replies to John Foxe, Thomas Cooper, and Jean Bodin" *Prose Studies* 22 (1999), p. 1-38.

³⁸ VERSTEGAN R., *op. cit.*, p. 89-95; 139-147 etc.

венно, было крещение VI века, а третьим — возвращение Англии к католической вере при Марии Тюдор³⁹.

В 1560-е гг. католическая версия истории короля Луция получила свою стандартную форму в *Церковной истории Англии* Николааса Харпсфилда. Двумя ее основными составляющими являлись, во-первых, утверждение о том, что это было первое крещение страны, осуществленное римскими миссионерами, а, во-вторых, подчеркивание апостольского преемства через основание системы диоцезов. Тем самым подтверждалось, что английская церковь должна подчиняться Риму⁴⁰. Вслед за ним короля Луция упоминали многие католические авторы — Томас Хардинг, Джон Мартиалл, Ричард Бристоу, Николас Сандер⁴¹ и Томас Фицгерберт⁴².

Однако полное и развернутое опровержение протестантской версии легенды о короле Луции было представлено в *Трактате о трех обращениях Англии* (1603) Роберта Парсонса. Хотя большая часть сочинения Парсонса была посвящена истории англосаксонской церкви, он тем не менее уделил внимание и остальным историям крещения. Детально и придирчиво рассматривая и сопоставляя источники (и критикуя по ходу Гальфрида за недостоверность), Парсонс подтверждает принятую католическую версию. Хотя крещение при короле Луции не было хронологически первым, оно было все же первым публичным принятием христианства в масштабах страны. Парсонс отметил как не имеющие основания в источниках рассказы о том, что Луций якобы был крещен еще до отправки посольства в Рим. Он подчеркивает, что миссионерская деятельность Фугация и Дамиана была тесно связана с Римом. Ссылаясь, подобно Фицгерберту, на отцов церкви II–IV вв., иезуит опровергает утверждение своих протестантских оппонентов о том, что римская вера, принесенная в Британию во времена Луция, была не той, что в XVI в.⁴³

Обратился Парсонс и к письму папы Элевтера. Он первым высказал сомнения в подлинности письма, однако приписал под-

³⁹ HEAL F., "What can King Lucius do for you...", p. 601.

⁴⁰ HARPSFIELD N., *Historia Anglicana ecclesiastica* (Douaci, 1622). В XVI в. текст Харпсфилда был известен в рукописях. См. HEAL F., "What can King Lucius do for you...", p. 602.

⁴¹ HEAL F., "What can King Lucius do for you...", p. 601-602.

⁴² FITZHERBERT T., *A Defence of the Catolyke Cause* (St Omer, 1602), p. 17-70.

⁴³ PERSONS R., *A Treatise of Three Conversions of England from Paganism to Christian Religion*, vol. I (St Omer, 1603), ch. 3 – 7.

делку Фоксу или историкам, писавшим под его влиянием — Холиншеду и Харрисону. Парсонс сравнил версии письма, опубликованные Фоксом и Холиншедом, и обнаружил в них текстологические несовпадения.

Спустя три десятилетия другой католический автор, Ричард Брутон в своей *Церковной истории Великобритании* (Дуэ, 1633) указал на то, что письмо является свидетельством короля Луция вверить себя руководству Рима не только в духовных, но и в светских делах (т. е. получить совет относительно новых законов для теперь уже христианской страны). В целом его версия истории короля Луция похожа на версию Парсонса.

Парсонс и Брутон в своих трудах включили британское прошлое в христианскую историю своей страны. Не обошли они вниманием и легенды о крещении Британии в I в.

Согласно тексту Парсонса, следующего средневековой традиции, первыми проповедниками христианства на Британских островах были не кто иные, как Свв. апостолы Петр и Павел. Таким образом, римское преемство устанавливается самым непосредственным образом. При этом Парсонс совершенно не смущается тем обстоятельством, что данное утверждение, во-первых, противоречит его собственному мнению о недостоверности всех сведений о первых христианских учителях в Британии, а во-вторых, основывается на столь же произвольном толковании выдернутых из контекста фраз, которое он критикует у своих оппонентов. Так, говоря о проповеди Св. Петра, он опирается на слова из послания папы Иннокентия I: «первые церкви Италии, Франции, Испании, Африки, Сицилии и островов, что лежат между ними, были основаны Св. Петром, либо его учениками и преемниками»⁴⁴. Непредвзятому глазу нетрудно заметить, что во фразе нет прямого указания на то, что речь идет о Британских островах, и именно о проповеди Св. Петра, а не кого-то еще из пап, но эти несообразности не смущают Парсонса. Помимо послания, он использует также хронику аббата Альреда, где речь приводится сообщение о явлении Св. Петра отшельнику — в нем Св. Петр говорит о том, как проповедовал в Британии⁴⁵. Точно так же говорится о Св. Павле: Парсонс цитирует слова Блж. Феодорита

⁴⁴ *Ibid.*, p. 19: "...the first churches of Italy, France, Spaine, Africa, Sicilia, and the Ilands that lay betwixt them, were founded by saint Peter, or his schollers, or successors".

⁴⁵ *Ibid.*, p. 20.

о том, что Св. Павел оправлялся проповедовать в Испанию и на острова, лежащие в море рядом с ней⁴⁶.

Такой двойной стандарт, характерный для сочинений эпохи, вполне объясним: применяя против своих оппонентов все тонкости гуманистического анализа текстов, Парсонс одновременно выстраивал свой текст в соответствии с собственными полемическими целями:

Ведь если первая проповедь, и вера, впервые принесенная в Англию первыми проповедниками, была римской верой и была исходила в основном из города и церкви Рима через проповедь Св. Петра и Св. Павла... тогда все это еще увеличивает наше подчинение Риму⁴⁷.

Брутон в своем тексте еще подробнее (и с гораздо меньшим скепсисом) рассмотрел все свидетельства о крещении Британии в I в. и установил хронологию появления проповедников в стране. Первым из них оказался Св. Петр⁴⁸. Он рукоположил архиепископов, епископов и священников и в Британии; таким образом, английская церковь изначально подчинялась римской юрисдикции⁴⁹. Говоря о Св. Иосифе Аримафейском, Брутон утверждал, что тот не мог быть рукоположен в епископы и послан в Англию апостолом Филиппом, так как того не было тогда в Галлии; соответственно, Св. Иосиф мог быть отправлен в Англию только Св. Петром⁵⁰.

Сравнив между собой две версии христианского прошлого Англии — католическую и протестантскую, нетрудно заметить, что они представляют собой альтернативные варианты истории об избранном народе. В одном случае этот народ избран, так как его вера изначально чиста и незапятнана римскими суевериями. В другом случае избранность подчеркивается особой связью с Римским престолом, возникшей с момента появления в стране первых христианских общин. И в обеих версиях быть англичанином означает при-

⁴⁶ *Ibid.*, p. 21-22.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 27: "For yf this first preaching, and first faith taught in England by our first preachers, was the Roman faith & derived principally from the city and church of Rome by the preaching of Saint Peter and Saint Paul.... then all this rather multiplieth our bounds to Rome...".

⁴⁸ BROUGHTON R., *The Ecclesiastical historie of Great Britain* (Doway, 1633), p. 89.

⁴⁹ *Ibid.*, p. 90-92.

⁵⁰ *Ibid.*, p. 121.

надлежать к истинной вере. Таким образом, перед нами два варианта отождествления нации и конфессии. Протестантская версия благодаря влиянию *Книги мучеников* Фокса и популяризации в елизаветинских хрониках стала канонической и оказывала воздействие на представление англичан о себе и своем прошлом в течение столетий.

Полемические цели вызвали к жизни настоящие «исследовательские проекты», требовавшие архивных изысканий, перевода и публикации источников — хроник, посланий и других документов. Уже говорилось о том, какую важную роль историки и полемисты отводили англосаксонскому периоду истории страны. Католики и протестанты, — и те, и другие имели гуманистическую выучку, — были готовы представить «беспристрастные» документы в подтверждение истинности своих позиций. Католические богословы взяли в свидетели Беду Досточтимого; его *Церковная история народа англов* была переведена на английский язык католиком-эмигрантом Томасом Стэплтоном (Лувен, 1565). Теперь каждый образованный англичанин мог сам увидеть, что англосаксонская церковь была генетически связана с Римом.

В ответ на это начались изыскания протестантов. В конце 1560 х – 1570-е гг. архиепископ Кентерберийский Мэтью Паркер и его собратья занимались поисками рукописей и публикацией англосаксонских документов, хроник и других текстов, способных служить доказательством того, что истины протестантской веры были известны в Англии до инспирированного Римом нормандского завоевания. Благодаря проекту Паркера увидело свет издание *Жизни Альфреда Великого* Асера, *Большая хроника* Матвея Парижского и многие другие.

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ МИФОЛОГИЯ

Полемические сочинения представляли новую, протестантскую версию национальной истории, или католические отклики на нее. Историки отзывались на эти новые версии, инкорпорируя их в собственные тексты, или же подвергая их сомнению. Выше уже шла речь о том, как протестантский вариант историй крещения Англии был освоен историками (особенно Холинshedом). Однако протестантская интерпретация не ограничивалась сюжетами, так или иначе связанными с церковной историей. Толкования ряда других, «светских» эпизодов, которые в средневековых хрониках неизменно трактова-

лись в политическом и моральном контексте, изменились под воздействием новой протестантской мифологии. В качестве примера можно использовать истории конституционных конфликтов, в частности, конфликта короля Иоанна Безземельного с баронами⁵¹.

В средневековой английской традиции король Иоанн представлялся как «образец» тирана, угнетавшего своих подданных (всех сословий, мирян и клириков), облагавшего их незаконными налогами и подвергавшего их несправедливым арестам. Он, не колеблясь, собственноручно убил собственного племянника, Артура Бретонского, являвшегося его соперником в борьбе за корону Англии. Наконец, Иоанн был некомпетентным правителем, утратившим наследные земли династии в Нормандии. Восстание баронов и приглашение на престол французского принца Людовика, следовательно, выглядело если и не полностью оправданным, то, по крайней мере, вполне понятным.

Однако Реформация принесла с собой новый образ короля Иоанна — прото-протестантского героя и мученика. Этот образ мы впервые находим в пьесе Джона Бейла *Король Иоанн*. Здесь незадачливый монарх был назван «благородным королем Иоанном, который, как верный Моисей / противостоял гордому фараону ради страдающего Израиля»⁵². В пьесе Бейл фокусирует внимание на конфликте Иоанна с папой Римским Иннокентием III из-за назначения нового архиепископа Кентерберийского, приведшего к наложению на Англию интердикта и объявлению короля Иоанна низложенным. Что для средневековых хронистов было очевидной историей королевской жадности и стремления наложить руку на церковные имущества, стало историей борьбы короля Иоанна со злоупотреблениями Рима. У Бейла Иоанн пытался освободить английскую церковь от римского суеверия, и умер за это, поскольку именно папа и английские прелаты побудили баронов восстать против законного монарха. Позднее же король был отравлен мона-

⁵¹ Подробнее см.: СЕРЕГИНА А. Ю., «Подданные и тиран: король Иоанн в полемических произведениях английских католиков конца XVI – начала XVII веков», *Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени*, под ред. Л. П. РЕПИНОЙ (М., 2003), с. 204-222; Она же, «История и английская религиозная полемика XVI – начала XVII веков», *История и память: Историческая культура Европы до начала Нового времени*, под ред. Л. П. РЕПИНОЙ (М., 2006), с. 506-553.

⁵² John BALE, *King Johan*: “This noble Kynge Johan, as a faythfull Moses / Withstode proude Pharao for his poore Israel”.

хом Саймоном (что превращало монарха в мученика за дело истинной веры).

История отравления имеет средневековые корни. Многие хронисты и историки (включая Полидора Вергилия) сомневались в ее аутентичности, однако она была воспроизведена в *Хронике* Уильяма Кокстона⁵³; отсюда ее заимствовали авторы XVI века.

Повествование сводится к следующему: осенью 1216 г., когда король Иоанн остановился в аббатстве Свайнсхед, один из монахов — Саймон — решил убить короля за все преступления, совершенные тем против духовенства. Монах исповедался аббату, который одобрил его намерения, сказав, что лучше одному умереть, нежели погибнуть многим. Саймон поднес королю отравленный напиток; чтобы успокоить подозрительного монарха, он сам первым отпил из кубка. Таким образом, его действия одновременно являлись убийством и самоубийством, двумя смертными грехами, совершенными при соучастии аббата, узнавшего о заговоре на исповеди.

Эта история — хотя и выдуманная — имела огромный полемический потенциал, поскольку ее можно было использовать против монастырей — рассадников смуты, а также против таинства исповеди. Неудивительно, что ее использовал Бейл (и другие авторы).

Впрочем, даже авторам — протестантам оказалось трудно принять превращение тирана в героя. Историки середины XVI века не принимали радикальную версию Бейла, хотя они и рассматривали конфликт короля и папы как ключевое событие царствования Иоанна. В *Краткой хронике* Томаса Ланкета и Томаса Купера (1549, 1559, 1560 и 1565) король Иоанн представлен как «классический» тиран средневековой традиции. Впрочем, повествование Купера имеет и протестантские коннотации. Его король Иоанн — полемическое отражение истории Бейла. Здесь Иоанн не только не герой, он на самом деле не соответствует ожиданиям протестантов. Он борется с Римом, но совсем по другим причинам — желая забрать церковное имущество себе. Тем самым он упускает возможность стать поистине великим правителем:

Он восстал против власти римского епископа. Если бы он сделал это на основании разумного суждения, с целью устранить суеверия и злоупотребления, уничтожить идолопоклонство, насадить истинную веру, аннулировать присвоенную папой власть, а не из

⁵³ *The Chronicles of England, by Douglas, a monk of Glastonbury, continued by W. SAXTON (Westminster, 1480).*

алчности и своеволия, он, несомненно, был бы достоин высшей похвалы. Его трусость и лень привело к великому упадку королевства Англии⁵⁴.

Несостоятельность Иоанна превращает его в тирана; следовательно, он заслуживает наказания, принимающего форму восстания баронов. Поскольку Иоанн здесь вовсе не протестантский герой, Купер не упоминает историю отравления.

Приведенная выше характеристика Иоанна воспроизводилась во всех изданиях хроники Купера, а также и в кратких хрониках 1550–1570-х гг. — в *Краткой хронике* Томаса Мичелла (Кентербери, 1551), и *Сокращенном изложении английских хроник* Ричарда Графтона (1563)⁵⁵. Однако в *Расширенной хронике* (1568) Графтон рассказывает другую историю. В этом тексте король Иоанн представлен не как алчный тиран, но скорее, как государь, сознательно восставший против папской власти. В хронике приводится письмо короля Иоанна Иннокентию III, якобы написанное во время конфликта. В нем король фактически очерчивает программу реформ: запрет апелляций в Рим, уплаты первых плодов и прочих церковных налогов Риму. По сути, это — декларация независимости английской церкви под властью короля⁵⁶. Письмо было призвано напомнить читателю о королевской супрематии, как она понималась при Генрихе VIII и Елизавете I.

Таким образом, Графтон возвращается к протестантской интерпретации короля Иоанна, хотя и не в столь радикальной форме, как Бейл. Неудачи Иоанна-правителя, особенно его конфликт с баронами, объясняется махинациями папы и прелатов. В хронике вполне предсказуемо появляется и рассказ об отравлении. В данной версии король Иоанн — неудачливый правитель, но не тиран. Более того, есть искупающие его вину обстоятельства. Это, во-первых, его

⁵⁴ LANQUET T., COOPER T., *An Epitome of Chronicles* (London, 1549), p. 215: "...he contemned the bishop of Romes auctoritee, whiche if he had doen constantly with iudgement, to the entent to take awaie supersticion, to refourme abuses, to pull downe idolatrie, to set up true religion, to disannull his usurped power. as he semed to dooe for covetousnes ad of froward mynd, undoubtedly he had ben worthy high commendacion. By his cowardise and slouthfull negligence the signorie of England greatly decayed".

⁵⁵ MYCHELL T. *A Briefe of Chronicles* (Canterbury, 1551), unpaginated; GRAFTON R., *Abridgement of the Chronicles of England* (London, 1563).

⁵⁶ GRAFTON R., *A Chronicle at Large* (London, 1568), p. 106.

выступление против Рима. Во-вторых, ему была дарована «благая смерть»: отравленный король умирает не сразу, он имеет достаточно времени, чтобы покаяться в грехах, признать политические ошибки и призвать сына, принца Генриха, стать справедливым и милостивым правителем⁵⁷.

Перечисленные детали повествования указывают на источник, оказавший большое влияние на Графтона. Им, что неудивительно, является *Книга мучеников* Джона Фокса. Фокс не заходил так далеко, как Бейл; его король Иоанн уж точно не герой. Напротив, он — жертва Иннокентия III, подлинного тирана и злого гения (если судить по комментариям Фокса на полях). Причиной наложения интердикта оказывается не попрание Иоанном прав и привилегий клириков, а «гордыня и тиранья папы», желавшего подчинить себе всех светских государей⁵⁸.

Фокс делает все духовенство ответственным за восстание знати против Иоанна. Эта часть его повествования была воспроизведена Графтоном, как мы видели. Когда же бароны осознали свою ошибку и пожелали примириться с королем, последний был отравлен монахом. Фокс приводит детальный рассказ об отравлении Иоанна и даже предоставляет читателю визуальный образ: во втором, третьем и четвертом изданиях *Книги мучеников* есть иллюстрация, повествующая о смерти короля. Фокс приводит дополнительную информацию, чтобы связать Иоанна с протестантизмом. Во-первых, король не был суеверным. Ссылаясь на хронику Матвея Вестминстерского, Фокс рассказывает следующую историю:

...во время охоты король оказался там, где разделяли большого и жирного оленя. Король, видя, каким здоровым и жирным был олень, сказал: смотрите, как счастливо он жил, а ведь он никогда не слышал мессы!⁵⁹.

Таким образом то, что для средневекового автора было свидетельством нечестивости, у Фокса превращается в доказательство принадлежности короля Иоанна к «невидимой церкви» истинно ве-

⁵⁷ *Ibid.*, p. 111-116.

⁵⁸ FOXE J., *Acts and Monuments*... p. 327.

⁵⁹ *Ibid.*, p. 335: "...the kyng upon a tyme in in his hunting, coming where a very fat stag was cut uppe & opened... the kyng beholding the fatnes & the liking of the stagge: see sayth he, how easily and happely he hath lived, and yet for all that he never heard anye masse".

рующих. Другим доказательством стала его смерть; ее Фокс имену-ет «благой»⁶⁰.

Книга мучеников представляет образ слабого правителя, павшего жертвой заговоров своих врагов-клириков, но одновременно отличавшегося личным благочестием и истинной верой. У Фокса король Иоанн — это не образец для подражания; его образ служит как увещание государям — даже благочестивые могут пасть жертвой злобы католических клириков. Намек на католических «изменников» времен Елизаветы совершенно прозрачен.

Рассказ Фокса оказал большое воздействие и на самый популярный исторический труд XVI века — *Хронику* Холиншеда. Его версия, впрочем, не совсем идентична версии Фокса: Холинshed не полностью отбросил прежнюю традицию, представив «великую жестокость и неразумную алчность» в качестве одной из главных причин восстания баронов. Однако он приводит и другую причину, теперь уже следуя Фоку: «папа и все прелаты были против короля»⁶¹. У Холиншеда король Иоанн — тиран, однако он небезнадежен. Холинshed упоминает об отравлении короля и его предсмертном покаянии. Он также говорит и о религиозном рвении Иоанна, а также и том, что тот был лишен суеверий, приводя в качестве подтверждения историю об олене, взятую у Фокса⁶². Как мы видим, версия Холиншеда представляет собой смешение двух образов — Иоанна — тирана средневековых хроник и благочестивого Иоанна протестантской полемики.

Сходным образом трансформировалась и еще одна история политического конфликта, а именно, сюжет о смещении короля Ричарда II⁶³. Средневековая и раннетюдоровская историография рассматривала историю Ричарда II как правовой конфликт, сосредоточившись на конституционных и моральных сторонах конфликта государя-тирана и подданных. Религиозный же аспект был привнесен полемистами-протестантами.

⁶⁰ *Ibid.*

⁶¹ HOLINSHED R., *Chronicles of Englande* (London, 1577), p. 587: "...king's great crueltie & unreasonable avarice"; 'Pope and all the Prelates were against the king'.

⁶² *Ibid.*, p. 606-607.

⁶³ Подробнее см.: СЕРЕГИНА А. Ю., «История короля Ричарда II в английской религиозной полемике второй половины XVI – начала XVII веков», *Диалог со временем* 10 (2003), с. 85-111.

Авторы-протестанты, начиная с Уильяма Тиндейла, представляли Ричарда II как несостоявшегося защитника проповедников слова Божия — лоллардов, и именно то, что король не оказал им поддержки, и привело к его смещению и всем прочим бедствиям, постигшим Англию в XV в.:

Уиклиф незадолго до того проповедовал покаяние среди наших предков. Они не покались... Они убили своего истинного и настоящего короля, и поставили на престол троих ложных королей одного вслед за другим, при которых вся знать [Англии] была убита, и к тому же половины простолудинов, кто во Франции, кто от собственного меча, сражаясь между собой за корону; большие и малые города пришли в упадок, а половина возделанных земель превратилась в пустошь, по сравнению с тем, что было раньше⁶⁴.

Образ Ричарда здесь противоречив. С одной стороны, его собственный отказ следовать проповеди Уиклифа (хотя он и не преследовал лоллардов) навлек на него кару. С другой стороны, он предстает в роли монарха-мученика, правителя, погубленного гонителями истинной веры — католическими прелатами (и прежде всего, архиепископом Кентерберийским Арунделом), использовавшим его смещение для того, чтобы начать гонения на последователей Уиклифа⁶⁵. Джон Бейл, писавший под непосредственным влиянием Тиндейла, прямо относил Ричарда II к прото-протестантским мученикам на том основании, что в его правление не было преследований лоллардов (доказательство особого благочестия короля и его благоволения сторонникам Евангелия!)⁶⁶.

⁶⁴ TYNDALE W., “Prologue to the Prophet Jonas (1531)”, in: TYNDALE W., *Doctrinal Treatises and Introductions to Different Portions of the Holy Scriptures*, ed. H. PARKER, vol. I (Cambridge, 1848), p. 458: “Wickliffe preached repentance unto our fathers not long since. They repented not. ...They slew their true and right king, and set up three wrong kings a row, under which all the noble blood was slain up, and half the commons thereto, what in France, and what with their own sword, in fighting among themselves for the crown; and the cities and towns decayed, and the land brought half into a wilderness, in respect of what it was before”.

⁶⁵ TYNDALE W., “An Answer to Sir Thomas More’s Dialogue”, in: TYNDALE W., *Doctrinal Treatises...* vol. II (Cambridge, 1850), p. 186.

⁶⁶ См. LEVY F. J., *Tudor Historical Thought* (San Marino, 1967); PINEAS R., “William Tyndale’s Influence on John Bale’s Polemical Use of History”, *Archiv für Reformationsgeschichte* 53 (1962), S. 79-96; ASTON M., “Richard II and the Wars of the Roses”, in: EADEM, *Lollards and Reformers: Images and Literacy in Late Medieval Religion* (L., 1984), p. 273-315.

Однако «классическая» протестантская интерпретация истории Ричарда II появилась позднее, во второй половине XVI в.; она принадлежит, как нетрудно догадаться, автору «английского протестантского мифа», Джону Фоксу. Фокс характеризует падение короля Ричарда как событие странное и достойное сожаления:

Странное, так как подобные примеры довольно редки для королевских престолов. Достойное сожаления, ибо сердце любого доброго человека не может не сокрушаться при виде того, что он [Ричард] заслужил то, что с ним случилось, если он был смещен по праву, либо же, если он был смещен несправедливо, видеть, что королевский титул неспособен сохранить свое право, когда он силой принужден уступить место могуществу⁶⁷.

Главной причиной падения Ричарда Фокс, в соответствии с мнением Тиндейла, называет его отказ поддержать учение Уиклифа:

Он сошел с пути своих предков и перестал искать общества тех, кто стремился к истине Евангелия. Поэтому так и случилось, не из-за слепого колеса фортуны, но благодаря тайному вмешательству Того, кто направляет все сословия: итак, после того как он первым оставил дело Евангелия Божия, Господь оставил его⁶⁸.

Кара Господня проявилась в том, что законный король впал в тиранию. Непосредственными причинами смещения Ричарда с престола стали, согласно давно устоявшейся историографической традиции, действия дурных советников короля, навязанный жителям Лондона заем, а также преследование собственных родственников и представителей знати⁶⁹.

Версия Фокса оказала большое влияние на позднюю тюдоровскую историографию. Большинство же читателей и авторов до середины XVI в. следовало в русле традиций средневековой историографии и ее трактовок истории Ричарда, рассматривая ее как

⁶⁷ FOXE J., *Acts and Monuments* (London, 1583), vol. I, p. 512-513: "Strange, for that the like example hath not often [513] bene seene in seates royall. Lamentable, for that it cannot be but grievous to any good mans hart, to see him eyther so to deserve, if he were iustly deposed; or if he were iniustly deprived, to see the kingly title there not able to hold his right, wher by force, it is compelled to geve place to might".

⁶⁸ *Ibid.*, p. 513: "...he starting out of the steps of hys progenitors, ceased to take part with them, whiche tooke part in the gospell. Wherupon, it so fell, not by the blinde wheele of fortune, but by the secret hand of him, which directeth all estates: that as he first began to forsake y mayntayning of the Gospell of God, so the Lord began to forsake him".

⁶⁹ *Ibid.*, p. 514.

конституционный конфликт⁷⁰. Да и позже средневековые традиции сохранялись. Так, в хронике Джона Стоу король Ричард предстает не в образе тирана, но как молодой и неопытный политик, доверившийся дурным людям⁷¹.

Сочетание средневековой традиции и протестантского мифа представлено на страницах хроники Рафаэля Холиншеда. В его изложении событий конца XIV в. вроде бы отчетливо прослеживается объяснение того, что подданные Ричарда имели все основания быть недовольными своим государем и желать его смещения⁷². Но когда Холиншед возвращается к причинам постигшей Ричарда судьбы, проявляется иной образ:

Он был распутным, исполненным гордыни и предан радостям плоти. Он содержал самую большую свиту и самый пышный двор, нежели какой-либо король Англии до него или после⁷³.

Однако не распутство и мотовство оказываются главными причинами гнева Господня, а пренебрежение благом церкви и ду-

⁷⁰ См. HALL E., *The union of the two noble and illustre famelies of Lancastre & Yorke* (London, 1559), sig. Aii – Bii; GRAFTON R., *A Chronicle at large* (London, 1569), p. 363-406.

⁷¹ STOW J., *A Summarie of our Englysh Chronicles* (London, 1566), p. 134: “In bountie and liberalite he farre passed all hys progeniors: but he was over much geven to rest and & quietnes, and loved litle dedes of armes, and marcial prowesse, & for he was yong, he was moste ruled by young counsayle, and regarded nothyng the advertysementes of the sage and wyse menne of hys Realme, for the chyese about hym were of now wisdome nor estimacon: whyche thyng tourned this land to great trouble, and himselfe in fine to extream miserie”.

⁷² HOLINSHED R., *Chronicles of Englande* (London, 1577), p. 1005: “The king so wrought and brought things about, that he obtained the whole power of both houses to be granted to certeine persons... These were appointed to heare and determine certeine petitions and matters yet depending and not ended: but by vertue of this grant, they proceeded to conclude upon other things, which generallie touched the knowledge of the whole parlement, in derogation of the states therof, to the disadvantage of the king, and perillous example in time to come. Ibid.: Manie other things were doone in this parlement, to the displeasure of no small number of people; namlie, for that diverse rightfull heires were disherited of their lands and livings, by authoritie of the same parlement: with which wrongfull dooings the people were so much offended, so that the king and those that were about him, and cheefe in councill, came into great infamie and slander”.

⁷³ *Ibid.*, p. 1117: “He was prodigall, ambitious, and much given to the pleasure of the bodie. He kept the greatest port, and mainteined the most plentiful house that ever any king in England did either before his time or since...”.

ховным благом подданных — распространением Слова Господня и злоупотребления клириков, которым не был положен предел:

...на епископские кафедры и другие церковные бенефиции назначались такие, кто не только не могли учить или проповедовать, но ничего не знали из Писания Господня, и могли лишь требовать свои десятины и доходы. Таким образом, они были совершенно недостойны называться епископами, будучи распутными и тщеславными людьми, облаченными в епископский пурпур. Далее, здесь царили плотские грехи распутства и прелюбодеяния, отвратительной супружеской измены, подчинившей себе короля, но особенно епископов, вследствие чего все королевство было заражено их дурным примером, и постоянно взывало к Господнему гневу, призывая отомстить за грехи государя и его народа⁷⁴.

Здесь мы явно имеем дело с протестантским образом короля Ричарда, грехи которого выразились, прежде всего, в слабости плоти и пренебрежении своим долгом «главы церкви».

Более того, поскольку наиболее испорченной частью «политического тела» оказываются прелаты, Ричард под конец рисуется не в столь мрачном свете. Напротив, в соответствии с традицией Тиндейла — Бейла, он (в худшем случае) всего лишь правитель, подверженный понятным юношеским слабостям, и оказавшийся под дурным влиянием.

От этого вывода уже остается один шаг до признания короля Ричарда мучеником, жертвой амбиций подданных и козней прелатов. Впрочем, Холинshed так и не делает этого шага, не ставя тем самым под сомнение легитимность новой династии Ланкастеров. И хотя в его хронике именно Генрих IV Ланкастер (а не Ричард), оказывается ответственным за развязывание войны Роз, Холинshed связывает ее начало не с наказанием за смещение Ричарда как таковое, а за его убийство, не мотивированное никакими законными причинами⁷⁵.

⁷⁴ *Ibid.*: "...such were preferred to bishoprikes, and other ecclesiasticall livings, as neither could teach nor preach, nor knew any thing of the scripture of God, but onelie to call for their tithes and duties; so that they were most unworthie the name of bishops, being lewd and most vaine persons disguised in bishops apparell. Furthermore, there reigned abundantlie the filthie sinne of leacherie and fornication, with abhominable adulterie, speciallie in the king, but most cheefelie in the prelacie, whereby the whole realme by such their evill example, was so infected, that the wrath of God was dailie provoked to vengeance for the sins of the prince and his people".

⁷⁵ *Ibid.*

Возвращаясь к уже сказанному, следует констатировать, что вплоть до 1560-х гг. хронисты рассматривали смещение короля Ричарда II исключительно в контексте политико-правового конфликта. Однако появление *Книги мучеников* Фокса существенно изменило ситуацию, популяризовав «протестантский миф» о короле Ричарде-мученике. Как мы видели, те или иные аспекты мифа воспроизводились в хрониках.

Необходимо, впрочем, оговориться: не все историки XVI века были склонны принимать новые, протестантские версии национальной истории. Ярким исключением был Джон Стоу. На страницах его произведений *Суммы английских хроник* (1565) и *Анналов* (1592) отсутствуют повествования, восходящие к Фоксу или другим протестантским полемистам. Его источники — средневековые хроники, считавшиеся «достоверными». Как уже было отмечено выше, Стоу следовал источникам и тогда, когда речь шла о происхождении английской церкви. В его текстах не прослеживаются «протестантские» элементы.

Умолчание Стоу выглядит как сознательное избегание определенных сюжетов. Протестантская версия истории его явно не устраивала. Религиозные взгляды самого Стоу давно являются предметом спора историков. Скорее всего, он был церковным папистом или, по крайней мере, симпатизировал католикам⁷⁶. Если учитывать это обстоятельство, его умолчания приобретают совсем иной смысл. Пожалуй, они были способом ведения полемики в период, когда открыто оспаривать версию истории, предложенную Фоксом, было бы смертельно опасно, особенно для того, кто, как Стоу, считался тайным католиком. Читатели Стоу знали, какие именно исторические эпизоды могли быть использованы для доказательства того или иного положения в ходе религиозной полемики. Таким образом, присутствие (или отсутствие) какого-либо эпизода было красноречивым. Игнорируя протестантские коннотации истории короля Иоанна или Ричарда II, Стоу делал утверждение, понятное его аудитории. Таким образом, полемический потенциал исторических эпизодов (использованных или опущенных автором) превращался в своеобразный код.

⁷⁶ WILSON J., “A Catalogue of the ‘Unlawful’ Books Found in John Stow’s Study on 21 February 1568 / 9”, *Recusant History* 20 (1990), p. 1-30; ARCHER I. W., “John Stow, Citizen and Historian”, in: *John Stow and the Making of the English Past*, eds. I. GADD and A. GILLESPIE (L., 2004), p. 20-21.

«ИСТОРИЧЕСКИЙ» КОД В РЕЛИГИОЗНОЙ ПОЛЕМИКЕ

Наличие «исторического» кода характерно и для полемической литературы, ощущавшей на себе серьезное воздействие исторических сочинений. Речь идет не столько о том вполне очевидном факте, что полемисты использовали в своих трудах исторический материал. Полемические трактаты принадлежали к вполне традиционному жанру богословских сочинений, и строились по созданному схоластами канону, согласно которому доводы автора должны были подкрепляться ссылками на божественный закон (=Библию), естественное право и человеческие законы. Человеческие законы представляли в виде казусов канонического и гражданского права, а также исторических примеров. История в этой схеме стоит на последнем месте, как в композиционном плане, так и в отношении значимости. Средневековые богословы обычно не слишком интересовались аргументами «от истории», если речь не шла о правовых прецедентах (но тогда и статус этих примеров менялся). Такое пренебрежение историей легко объяснить, если принять во внимание, что в эпоху средневековья богословские споры разворачивались в области метафизики и / или юриспруденции. Что же касается католической традиции и авторитета папы, то они, как правило, не подвергались сомнению. Реформация изменила ситуацию, что, в свою очередь, привело к росту значения исторических аргументов в полемике. Исторический материал занимал гораздо больше места в тексте, а работе с ним уделялось серьезное внимание.

В Англии, как и в других странах Европы, рожденное Реформацией стремление создать конфессиональную (католическую или протестантскую) церковную историю привело к определению круга дискутируемых сюжетов. К этим проблемам в Англии относился вопрос об истоках христианства (о чем уже шла речь выше): кто, когда и при каких обстоятельствах принес христианскую религию на остров, и произошло ли это с санкции папы Римского, или же помимо его контроля. Другая группа проблем относилась к соотношению между властью папы и королевской супрематией и историей взаимодействия властей духовной и светской. Третья, порожденная политическими и династическими проблемами страны, формировалась вокруг вопроса о наследовании престола и связанных с ним представлений о светской власти и ее пределах.

При обсуждении каждой из данных тем привлекался определенный набор исторических примеров; их наличие или отсутствие в

тексте, а также то, каким образом они были там представлены, позволяло читателю понять даже те идеи автора, которые по каким-либо причинам не проговаривались. Таким образом, исторические примеры, подобно библейским цитатам, становились кодом, при помощи которого автор обращался к своей аудитории.

Примером здесь может послужить история смены династии во франкском королевстве, а именно смещение последнего короля-Меровинга Хильдерика и воцарение Пипина Короткого (751 г.), использовавшейся в полемических сочинениях на протяжении столетий. Впервые он был использован в контексте споров о соотношении светской и духовной властей в XI в., в эпоху конфликта папы императора и появлялся на страницах памфлетов вплоть до XVII столетия включительно⁷⁷.

Полемисты, обосновывавшие так называемую «иерархическую» теорию взаимодействия двух властей, считали их неравноценными. Церковь (*ecclesia*) отождествлялась с миром (*mundus*), христианским сообществом, телом Христовым (*corpus Christi*). Душу этой общины-церкви составляло священство, тело же — миряне. Подобно тому, как душа и тело выстраивались во вполне понятную иерархию, духовная власть достоинством превосходила светскую.

Главой церкви — *corpus Christi* — является Христос, а на земле — его наместник, папа. Согласно наиболее радикальной версии, выраженной в посланиях папы-реформатора Григория VII (1073–1085), власть римского понтифика распространялась на все сферы жизни христиан. Светская же власть в рамках данной теории низводилась до инструмента защиты церкви: во-первых, она создавалась папой. Со времени восстановления империи на Западе папская курия представляла коронацию императора как конституционный акт, создававший императора и совершавшийся по воле папы, передававшего ему светский меч⁷⁸. Поскольку духовенство не имеет права

⁷⁷ Подробнее см.: СЕРЕГИНА А. Ю., *Политическая мысль английских католиков второй половины XVI – начала XVII вв.* (СПб., 2006), с. 92-96, 99, 106-107, 110-111, 112-116, 122-123, 140-145.

⁷⁸ Образ двух мечей имеет своим истоком евангельские тексты: «Они [ученики] сказали: “Господи! Вот, здесь два меча”. Он сказал им: “Довольно” (Лк 22:38) и фразу из Евангелия от Св. Иоанна: “Иисус сказал Петру: вложи меч в ножны”» (18:11). В средневековой традиции толкования Библии меч стал символом власти. Под духовным мечом подразумевалось слово Божие, с помощью которого действуют пастыри. Меч светский — орудие защиты христиан и искоренения зла. Таково наиболее общее значение образа. В более узком

проливать кровь, этот меч передавался светским государям (хотя и принадлежал церкви)⁷⁹. По мнению Григория VII, государь, вступивший в конфликт с главой церкви, автоматически исключал себя из христианского сообщества, и поэтому его следовало лишить власти⁸⁰. Более того, высшая власть папы предполагала возможность вмешательства понтифика в светский конфликт и отстранения государя от власти. Перечисляя случаи отстранения от власти светских правителей, Григорий VII упоминает смену династии во Франкском королевстве (смещение последнего короля-Меровинга и воцарение Пипина Короткого в 751 г.):

Другой же Римский понтифик, Захарий, сместил с царства короля франков, и не из-за его преступлений, а потому, что тот был непригоден для власти, и поместил на его место Пипина, отца императора Карла Великого, и всех франков освободил от ранее принесенной присяги на верность⁸¹.

Позднее текст послания был дословно процитирован в *Декрете Грациана*⁸², и таким образом, исторический пример превратился в казус канонического права. Благодаря этому впоследствии ни один автор, обращавшийся к вопросам взаимоотношений двух властей, не мог обойтись без толкования действий папы Захария. На протяжении столетий выработалось несколько вариантов интерпретации (и описания) этого казуса, которые напрямую указывали на принадлежность автора к той или иной политической традиции, начиная с радикальной версии Григория VII.

смысле меч мог пониматься как символ власти карающей. В сфере духовной таким карающим мечом были отлучение от церкви и проклятие, в светской — смертная казнь и война.

⁷⁹ См. STICLER A. “Il ‘gladius’ nel registro di Gregorio VII”, *Studi Gregoriani*, vol. III (1948), p. 95.

⁸⁰ ULLMANN W., *The Growth of Papal Government in the Middle Ages: a Study in the Ideological Relation of Clerical to Lay Power*, 2nd ed. (London, 1970), p. 281; *The Cambridge History of Medieval Political Thought, 350–1450* (Cambridge, 1988), p. 299.

⁸¹ GREGORIUS VII, *Registrum* VIII, 21, in: *Patrologia Latina*, vol. 148, col. 597: “Alius item Romanus pontifex, Zacharias videlicet, regem Francorum, non tam pro suis iniquitatibus quam eo quod tantae potestati non erat utilis, a regno deposuit, et Pippinum, Caroli Magni imperatoris patrem, in ejus loco substituit, omnesque francigenas a juramento fidelitatis quod illi fecerant absovit”.

⁸² *Gratiani Decretum* c. 15, q. 6, c. 3.

Действующими лицами в данном сюжете являются король Хильдерик, папа Захарий, и бароны Франции⁸³. Король, впрочем, всегда оказывается совершенно пассивным, назвать его собственно *действующим* лицом можно лишь с большой натяжкой. Что же касается остальных «героев», то описание их действий становится ключом для понимания позиции автора того или иного текста. В послании Григория VII единственным действующим лицом является папа Захарий, сместивший короля из-за его «профессиональной непригодности»; подданные же пассивно принимают решение понтифика. Такое толкование сюжета полностью вписывается в «иерархическую» теорию подчинения светской власти духовной. В течение многих столетий ее принимали многие авторы; их описание истории смещения Хильдерика, соответственно, напоминало (или воспроизводило) послание Григория VII. В XVI в. ее можно встретить в трудах известных канонистов Томмазо Боцио⁸⁴ и Алессандро Карреро⁸⁵, а также у кардинала Барония. Последний, описывая казус смещения короля Хильдерика папой Захарием в *Церковных Анналах*, употреблял применительно к папе красноречивые глаголы *mandavit* и *iussit*⁸⁶.

В XIV в. взаимоотношения двух властей подверглись переоценке под влиянием распространения в Европе аристотелизма в толковании Св. Фомы Аквинского. Согласно взглядам Св. Фомы (основанным на *Политике* Аристотеля), государство существует изначально, но создается людьми, а не Богом; от Бога исходит лишь принцип власти, реальное же воплощение этого принципа зависит от народа, который сам определяет форму правления, прерогативы государей и т. п.⁸⁷ Светская власть возникает во имя обеспечения физического благополучия человечества. Следовательно, она необходима; ее появление не связано с волей папы, но полностью независимо от него.

⁸³ В текстах раннего Нового времени употреблялись анахронистические термины и географические названия — Франция вместо Франкии, Франкского королевства. В данной статье воспроизводится терминология источников.

⁸⁴ См. BOZIO T. *De iure status, sive de iure divino et naturali ecclesiasticae libertatis et potestatis* (Coloniae Agrippinae, 1600); *idem, De huius gentium et regnorum adversus impios politicos* (Moguntiae, 1598), особ. p. 693-698.

⁸⁵ CARERIO A., *De potestate Romani Pontificis adversus impios politicos* (Patavii, 1599).

⁸⁶ BARONIUS C., *Annales Ecclesiastici* (Moguntiae, 1623), anno 751, pars II, p. 151.

⁸⁷ AQUINAS T., *Opuscula philosophica* (Roma, 1954), *De regimine principum* I, 1, 4.

Идея о независимом существовании двух властей получила дальнейшую разработку у полемистов начала XIV в., писавших в контексте конфликта французского короля Филиппа IV Красивого (1285–1314) и папы Бонифация VIII (1294–1303). Наиболее ярко она выражена в трактате доминиканского монаха Иоанна Парижского *О власти монарха и папы* (1302–1303 гг.). Он настаивал на полной независимости светской власти в силу ее естественного происхождения⁸⁸.

Иоанн Парижский последовательно развивал идею разделения сфер компетенции духовной и светской власти. Однако он сознавал, что в реальности полное разделение невозможно, да и не нужно. В его схеме обе власти взаимно обуздывают и исправляют злоупотребления друг друга. В случае же, если государь совершает светские правонарушения, не подлежащие суду папы, последний не имеет права вмешиваться до тех пор, пока его не призовут на помощь подданные (*barones et pares de regno*). Но и в такой ситуации папа должен ограничиться отлучением или же просто вынести свое суждение, предоставляя смещение тирана мирянам, и не выходя за рамки духовной власти⁸⁹.

Все эти выводы прекрасно иллюстрирует толкование, данное Иоанном Парижским упоминавшемуся ранее казусу смещения с престола короля Хильдерика:

Что же до того, как папа Захарий сместил короля франков и поставил на его место Пипина, отвечаю... в хронике говорится, что Хильдерик царствовал во Франции, пребывая в праздности и отдохновении; Пипин же один управлял государством франков и именовался майордомом... Бароны Франции послали к папе Захарию, чтобы он разрешил их сомнения: кому более подобает быть королем — тому, кто, будучи предан праздности, царствует лишь по имени, или тому, кто несет на себе все бремя правления. На это папа ответил, что подобает тому, кто более подходит для управления королевством, и после этого франки, заключив короля Хильдерика и его жену в монастырь, сделали своим королем Пипина, которого святой Бонифаций, архиепископ Майнцский, помазал на царствие... Из чего следует, что папа никогда не смещал короля Франции, но всего лишь высказал предположение, или объявил, что согласится на его смещение⁹⁰.

⁸⁸ JEAN DE PARIS, *De potestate regia et papali* X, in: *Jean de Paris et l'Écclesiologie du XIIIe siècle*, ed. J. LECLERCQ (P., 1942), p. 199.

⁸⁹ *Ibid.*

⁹⁰ *Ibid.* XIV, p. 218-219: "Quod autem dicitur quinto Zacharias papa deposuit regem francorum et instituit loco eius Pipinum, respondeo... legitur in Chronicis

В версии Иоанна Парижского активной стороной является не столько папа, сколько бароны королевства. Именно им принадлежит инициатива (поскольку речь идет исключительно о светских делах).

Теория Иоанна Парижского оказала существенное влияние на дальнейшее развитие политической мысли позднего Средневековья, поскольку оно представляло собой первый последовательно томистский вариант трактовки проблемы взаимоотношений папства и светских государей. Она многократно воспроизводилась полемиками; в XVI в. оплотом ее сторонников оставалась Сорбонна.

Парижские теологи Жак Альмэн (1480–1515) и уроженец Шотландии Джон Мэйр (1469–1550) в своих произведениях, созданных в 1510–1520-е гг., заключали, что носители как светской, так и духовной власти получают ее от сообщества (граждан или верующих), каковое, соответственно, обладает правом смещения недостойных правителей (государя-тирана или папы-еретика)⁹¹. Толкуя знаменитый пример смещения короля Хильдерика, Мэйр предлагает следующее рассуждение:

Когда Хильдерик, совершенно слабый и непригодный, царствовал у галлов, а Пипин держал бразды правления государством, знать Франции отправили посла к высшему понтифику, *поскольку тогда еще не существовало Парижского университета* [курсив мой. — А. С.], желая узнать у него, кому должно царствовать: тому, кто пребывает в праздности, или же тому, кто трудится. И после того, как понтифик ответил, что царствовать должен последний, знать

quod Hildericus regnabat in Francia totus deses et remissus, Pipinus vero solus gubernabat francorum principatum et maior domus dicebatur... Miserunt ergo barones de Francia ad papam Zachariam ut discernet de eorum dubio, quis potius deberet esse rex an ille qui deditus otio solo nomine regebat vel ille qui omne pondus regni sustentabat. Quibus cum dominus papa respondisset quod ille potius qui regni gubernacula utilius ageret, franci mox incluso rege Hilderico et uxore sua in monasterio sibi Pipinum regem constituerunt, quem sanctus Bonifacius maguntinus archiepiscopus in regem unxit... Ex quibus patet quod nunquam papa regum Francie deposuit, nisi exponatur id est deponentibus consensit...”.

⁹¹ ALMAINIUS J., “Quaestio resumptiva de dominio naturali, civili, & Ecclesiastico”, in: GERSON J., *Opera* (P., 1606), p. 687-704; особ. p. 687-696; ALMAINIUS J., “De potestate ecclesiastica et laica”, *Ibid.*, p. 751–876; особ. p. 772; MAIOR I., “Disputatio de potestate papae in rebus temporalibus”, *Ibid.*, p. 675-686. См. также: OAKLEY F., “On the Road from Constance to 1688: The Political Thought of John Major and George Buchanan”, *The Journal of British Studies* 2 (1962), p. 11-31; IDEM, “Almain and Major: Conciliar Theory on the Eve of the Reformation”, *American Historical Review* 70 (1964–1965), p. 673-690.

королевства сделала королем Пипина. Так Захарий сместил [Хильдерика. — А. С.], то есть стал побудительной причиной⁹².

Оговорка о Парижском университете весьма красноречива. Она отчетливо указывает на то, что Мэйр считал папскую власть ограниченной сферой церковной юрисдикции. Если же речь шла о сфере компетенции светской власти (как в случае со смещением Хильдерика — правителя, не запятнанного ересью, или иным подобным преступлением), папа приравнивался к богословам Сорбонны — корпорации весьма авторитетной, но не имевшей никакой власти над светскими властями вообще и монархом Франции в частности.

В XVI в. к уже упомянутым схемам прибавилась теория так называемой «косвенной власти папы в светских делах», сформулированная иезуитами Роберто Беллармино и Франсиско Суаресом. Данная теория подчеркивает превосходство духовной власти над светской — во-первых, в силу происхождения (светская власть исходит от Бога, но не непосредственно, как духовная, но при посредстве общества), по сути и по объекту власти, по конечной цели. Отсюда выводится необходимость власти папы над светскими государями. Однако эта власть не имеет ничего общего с высшей светской властью, которой якобы обладает глава церкви; напротив, эта власть духовная, она направляет и исправляет светскую в делах спасения. Крайняя мера, на которую может пойти папа — отлучение нечестивого монарха от церкви, влекущее за собой освобождение подданных от присяги на верность и смещение такого правителя⁹³. Примечательно, что в рамках данной теории вмешательство папы в дела светской власти в вопросах светских (престолонаследие

⁹² MAIOR I., “Disputatio de potestate papae in rebus temporalibus”, p. 684: “...cum Hildericus totus defes & inutilis regnaret apud Gallos, & Pipinus habenas reipublicae strenue moderaretur, optimates Franciae miserunt legationem ad Pontificem Maximum, quia universitas Parisiensis nondum florebat, sciscitantes ab eo an ille deberet regnare qui otio torpebat, an ille qui aestum diei portabat. Quibus cum respindisset Pontifex, quod posterior regnare daberet, promores regni Pipinum Regem creaverunt, & sic Zacharias deposuit, hoc est, erat aliqua causa motiva...”.

⁹³ О политических взглядах П. Беллармино см. DE LA SERVIÈRE J., “Les idées politiques du Cardinal Bellarmin”, *Revue des questions historiques* 82 (1907); 165 (1908); MURRAY J. C., “St. Pobert Bellarmine on the Indirect Power”, *Theological Studies* 9 (1948); BRODRICK J., *Robert Bellarmine, Saint and Scholar* (London, 1961); MOLINA MELIA M., *Iglesia y estado en el siglo de oro español: el pensamiento de Francisco Suárez* (Valencia, 1977); HAMILTON B., *Political Thought in 16th-century Spain* (Oxford, 1963).

или отношения между государем и его подданными) было несколько ограниченным, так как речь не шла напрямую о делах спасения. Поэтому предполагалось, что в подобных ситуациях подданные (как представители светской сферы) должны обращаться в Рим, и уже в ответ на их апелляцию папа может вмешаться. На этом свобода действий подданных, как она виделась Беллармино и Суаресу, заканчивалась: они не могли сами выступить против своего государя, но являлись лишь орудием приведения в жизнь решения папы. Именно в таком ключе описывалась и история смещения Хильдерика.

Данный исторический пример, как мы видим, является своего рода индикатором, указывающим, к какой теории склонялся тот или иной автор. Соответственно, обращение к тому, как выстроена история о Хильдерике в тексте, помогает понять позицию памфлетиста, а порой и скорректировать закрепившиеся в историографии заблуждения. Так, принято считать, что большинство английских памфлетистов-католиков XVI – начала XVII в. в целом, и лидеры католической эмиграции кардинал Уильям Аллен (1532–1594) и иезуит Роберт Парсонс разделяли взгляды Беллармино на проблему взаимоотношения двух властей⁹⁴. По отношению к кардиналу Аллену такое утверждение верно. Позиция Парсонса, однако, представляется более сложной.

В своих памфлетах Парсонс затрагивал комплекс проблем, связанных со светской властью папы и взаимоотношениями папы и монархов. Подобно Беллармино и его сторонникам, он отмечал независимое происхождение духовной и светской властей⁹⁵, и превосходство духовной власти в соответствии с иерархией целей их существования⁹⁶. Парсонс признавал также и необходимость вмешательства папы в светские дела, когда того требуют интересы веры⁹⁷, отличая при этом прямую власть папы в духовных делах от

⁹⁴ CLANCY T. H., “English Catholics and the Papal Deposing Power”, *Recusant History* 7 (1963), p. 211-212; IDEM, *Papist Pamphleteers: The Allen-Persons Party and the Political Thought of the Counter-Reformation in England, 1572–1615* (Chicago, 1964), p. 91-92; HOLMES P., *Resistance and Compromise: The Political Thought of Elizabethan Catholics* (Cambridge, 1982), p. 153-157.

⁹⁵ PERSONS R., *An Answer to the Fifth Part of reportes... by syr Edward Cooke* (St Omer, 1606), p. 24; IDEM, *The Iudgment of a Catholicke man* (St Omer, 1608), p. 104; IDEM, *A Quiet and Sober Reckoning with Mr Thomas Morton* (St Omer, 1609), p. 329.

⁹⁶ *Ibid.*, p. 32.

⁹⁷ *Ibid.*, p. 73, 85, 95, 131; PERSONS R., *A Treatise tending to Mitigation* (St

косвенной (в светских)⁹⁸ и выводя последнюю из духовного примата главы церкви. Парсонс писал, что право папы отлучать и смещать государей (в чем, собственно, и проявляется его косвенная власть в светских делах) является прямым следствием этого примата⁹⁹. Однако внимательный анализ используемых Парсонсом исторических примеров рисует другую картину. Повествуя о смещении короля Хильдерика в трактате 1594 г. (*Рассуждение о наследовании английского престола*), он пишет следующее: «Отрешение короля от власти было осуществлено ими [знатью и духовенством. — А. С.], а подтверждено папой, перед которым они изложили причину своих действий»¹⁰⁰. Подобным же образом Парсонс трактует и смещение короля Португалии Санчо II, одобренное папой Иннокентием IV¹⁰¹. Очевидно, что автор старается подчеркнуть инициативу подданных в принятии подобных решений, а санкция папы, данная *post factum*, не является обязательной сама по себе.

Подобное толкование казуса Хильдерика не вписывается в теорию Беллармино, однако оно близко интерпретациям, характерным для сорбонских богословов начала XVI в. — Жака Альмэна и Джона Мэйра. Такой вывод увязывается с тем, что мы знаем о влиянии данных авторов на другие аспекты политической теории Парсонса: его представлениях о правах подданных, смещении тирана и т. п. Поскольку теория Беллармино разделялась большинством в римской курии конца XVI в., Парсонс не желал публично заявлять о своем неполном согласии с нею. Однако внимательный читатель, используя код исторических *exempla*, мог понять, в каком направлении развивалась мысль автора.

Omer, 1607), p. 23-25, 68, 62; IDEM, *A Discussion of the Answere of Mr William Barlow* (St Omer, 1612), p. 73, 76, 95.

⁹⁸ PERSONS R., *A Treatise tending to Mitigation*, p. 168; IDEM, *A Discussion...* p. 390.

⁹⁹ PERSONS R., *An Answere to the Fifth Part...* p. 153; IDEM, *A Judgment of a Catholicke man*, p. 19, 54, 56, 91; IDEM, *A Quiet and Sober Reckoning...* p. 353.

¹⁰⁰ DOLEMAN R. [R. PERSONS], *A Conference about the next succession to the Crown of England* (Antwerp, 1594), part I, p. 49: "...his deprivation was by them, and confirmed by the pope; to whom they alleaged this reason for their doing in that behalf".

¹⁰¹ *Ibid*, part I, p. 53: "This Don Sancho... was deprived for his defects in goverment by the universal consent of al Portugal, & this his deprivation from al kingly rule and authority... was approved by a genegal councel in Lions, pope Innocentius the 4 being ther present, who at the petition & instance of the whole realme of Portugal... did authorize the saide state of Portugal, to put in supreme goverment one Don Alonso, brother to the said king Don Sancho".

ИСТОРИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ КАК ИСТОЧНИКИ ДЛЯ ПОЛЕМИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

Использование исторического материала требовало тщательной с ним работы. *Exempla* должны были опираться на источники, считавшиеся аутентичными, и быть верифицируемыми. Поэтому на протяжении XVI в. выработывались правила работы с источниками и их цитирования, близкие к тем, что и сейчас используются историками.

Лингвистические познания полемистов, их бравирование знанием древних и новых языков, непосредственно отражались в способе прямого цитирования. Pamphlets изобилуют цитатами. Стремясь к максимальной достоверности, авторы часто приводили их на языке оригинала; вслед за оригинальным текстом шел его перевод. На полях указывался автор книги, ее заголовок и номер главы. Некоторые памфлетисты (например, Парсонс) иногда приводили и номер цитируемой страницы. Если приводимая цитата была длинной, на языке оригинала цитировалась только ее начальная фраза (что позволяло найти ее в тексте), а затем следовал перевод. Авторы памфлетов стремились к точности перевода и близости к синтаксической структуре оригинальных текстов (насколько это было возможно). Обильное цитирование на языках оригиналов словно бы выставляло на первый план лингвистические таланты писателя и его исследовательскую добросовестность: читатель получал возможность лично сверить переводы и убедиться в их высоком качестве.

Методика «работы» с цитатами, т. е. способы манипулирования ими и их инкорпорирования в систему аргументации, также менялась на протяжении столетия. В качестве примера здесь может послужить цитирование английскими памфлетистами труда Беда Досточтимого *Церковная история народа англов*¹⁰². В 25-й главе III книги Беда писал о спорах относительно расчета пасхалии, имевших место в Нортумбрии — северном королевстве, где клирики — выходцы из других англосаксонских государств, придерживавшихся римской традиции, сталкивались со скоттами, сохранявшими обычаи британской церкви. Беда описывает столкновение двух традиций, приводившее к тому, что в Нортумбрии Пасха праздновалась два раза, так как король Осви и его супруга Энфледа (уроженка Кента) придерживались разных

¹⁰² Подробнее см.: СЕРЕГИНА А. Ю., «Религиозная полемика и хронология: расчет пасхалии в английской религиозной полемике XVI в.», *Диалоги со временем. Память о прошлом в контексте истории*, под ред. Л. П. РЕПИНОЙ (М., 2008), с. 222-238.

календарей. Наконец, спор был разрешен в 664 г. на специально созванном соборе в пользу принятого Римом метода Дионисия Малого. В труде Беда аргументация противоборствующих сторон представлена речами ирландца Колмана (Св. Колмана, епископа Линдисфарнского в 661–664 гг.) и священника Вилфрида (св. Вилфрида, епископа Йоркского в 664–678 гг.), обучавшегося в Кентербери и в Риме. Беда не пытался соблюсти беспристрастность: Вилфрид у него предстает очевидным победителем, раскрывающим все ошибки и заблуждения своего оппонента.

В средневековой и ренессансной Англии (да и сейчас) Беда считался главным авторитетом по истории национальной церкви, поскольку его обстоятельное сочинение почиталось «достоверным». Спорить с авторитетом Беда оказывалось сложным, если не невозможным. На него постоянно ссылались (даже если цитаты были более чем неточными). Католические памфлетисты считали, что сам по себе труд Беда подтверждает их правоту — а именно, что церковь на Британских островах всегда была католической и сохраняла связь с Римом.

Уже упоминавшийся перевод Томаса Стэплтона был опубликован в Антверпене (1565 г.) и быстро обрел популярность. Целью публикации было сделать текст Беда доступным для широкого читателя, т. е. для тех, кто не владел латынью. Тем самым Беда был поставлен на один уровень с полемической и наставительной литературой, контрабандно ввозившейся с континента.

Доступность перевода читателю изменила и способы работы полемистов с *Церковной историей*. Безнаказанно перевертывать цитаты в хорошо известном тексте стало невозможным, и необходимо было выбирать более тонкие пути его использования в собственных полемических построениях. Это отчетливо видно при сравнении цитирования Беда авторами-протестантами в первой половине XVI в., т. е. до публикации перевода, и после него. Само использование текста Беда в качестве источника было неизбежным, каким бы неудобным для их полемических целей он ни оказывался. «Неудобство» Беда (или же его достоинство, если речь идет о католических авторах) заключалось в его стремлении показать английскую церковь частью вселенской церкви с центром в Риме. Собирая исторический материал, который помог бы обосновать новую версию церковной истории, протестантские полемисты хватались за любую соломинку. Одной из таких соломинок и стал спор о Пасхе, упомянутый у Беда: ведь там говорилось о традиции апостола Иоанна.

Джон Бейл писал свои труды¹⁰³ до появления перевода Беды. Поэтому хотя Бейл ссылается на *Церковную историю*, его способ цитирования напоминает многих средневековых хронистов: это не прямое цитирование, а пересказ (отчасти обусловленный жанром сочинения, требовавшим краткого изложения всех упоминаемых эпизодов). Кроме того, этот пересказ часто переиначивает текст, радикально меняя акценты.

У Беды Вилфрид оказывается однозначным победителем в споре благодаря неодолимой силе своих аргументов. Однако Бейла это не могло устроить, ведь его целью было показать независимую от Рима христианскую традицию, существовавшую в Британии до англосаксов, а также постепенную узурпацию власти римской кафедрой. Поэтому в его версии история выглядит совсем по-другому. Добрый пастырь и ученый богослов Колман заявил, что бритты придерживаются традиции азиатских церквей¹⁰⁴ (об этом у Беды ни словом не упомянуто), и в качестве обоснования своей позиции сослался на авторитет Св. Анатолия и Евсевия Памфила¹⁰⁵. Возражения Вилфрида (относительно того, что апостол Иоанн, соблюдая иудейский обычай, стремился избежать скандала) у Бейла названы глупыми¹⁰⁶. Другую часть его аргументации (связывавшую «правильный» способ исчисления Пасхи с римской традицией и с авторитетом Св. Петра) он назвал измышлениями. По его версии, победу в диспуте Вилфриду удалось одержать лишь благодаря откровенной манипуляции: а именно, убедив короля Осви в том, что нельзя противоречить авторитету Св. Петра, держащего в своих руках ключи от рая¹⁰⁷. Примечательно, что последний абзац — это

¹⁰³ BALE J., *Illustrium majoris Britanniae scriptorium, hoc est, Angliae, Cambriae, ac Scotiae Summarium* (Ipswich, 1548). Первое и второе (1549 г.) издания охватывали первые столетия британской истории; переработанная и дополненная версия, вышедшая в Базеле (*Scriptorium illustrium majoris Britanniae... [Catalogus, 1557–1559]*) включала в себя историю островных государств вплоть до XV в.

¹⁰⁴ BALE J., *Illustrium majoris Britanniae scriptorium...* f. 41: “Asiaticae ecclesiae consuetudines”.

¹⁰⁵ *Ibid.*

¹⁰⁶ *Ibid.*: “Stulte respondit Wilfridus”.

¹⁰⁷ *Ibid.*, f. 42: “Addiditque consuetudines Romanas, pontificum decreta, atque non interpretabilem papae auctoritatem per, Tue es Petrus & c. temporum calculatores Evangelistis opponens. In fine, suis prevaluit imposturis dementatis qui aderant regibus, stolidissimeque concludentibus, mo tuum Petrum coeli esse ostiarium, nec velle eis referare fores, nisi consciant”.

парафраз текста Беды¹⁰⁸, однако истолкован он в прямо противоположном смысле.

В своем стремлении обнаружить связь британской церкви с восточной (не-римской) христианской традицией Бейл обошелся с текстом Беды не слишком бережно, перекраивая его в соответствии с собственными потребностями. Однако позднее такие вольности оказывались уже недопустимыми, как в силу распространения гуманистического стандарта историописания, так и потому, что читателям стал доступен перевод *Церковной истории* Беды.

Более тонкая интерпретация этого текста предстает на страницах *Книги мучеников* Джона Фокса. Фокс не пытался, вслед за Бейлом, пересказать *Церковную историю* на свой лад. Напротив, рассказывая о споре относительно пасхалии, Фокс словно бы отказывается от собственного голоса, предоставляя говорить Бедо. Он приводит большую, в некоторых местах сокращенную, но в целом точную цитату из *Церковной истории*¹⁰⁹.

Тем не менее, интерпретация Фокса отнюдь не является нейтральной. Его мнение ясно прочитывается в маргинальных комментариях и небольших фразах-вставках, направляющих внимание читателя в нужное автору русло. Так, приводя речь Вилфрида и в частности, его пассаж относительно установлений Св. Петра, Фокс на полях замечает: «Приведен пример Св. Петра, но не предоставлено никаких доказательств»¹¹⁰. Далее на той же странице Фокс пишет на полях: «Петр и Иоанн не согласны между собой относительно празднования Пасхи»¹¹¹, тем самым указывая на существование двух, независимых друг от друга апостольских традиций. Более того, Фокс в начале своего рассуждения четко оговаривает: Колман придерживался традиции Св. Иоанна¹¹², и ссылается далее на Беду, хотя, как мы видели, в *Церковной истории* подобного утверждения нет.

Приводя слова Вилфрида о том, что правильный способ рассчитывать пасхалию (т. е. Римский способ) был определен Никейским собором, Фокс замечает на полях: «На Никейском соборе об этом не говорили»¹¹³. Тут Фокс откровенно лукавит. Никейский собор запретил следовать иудейскому обычаю. Однако он не предписал

¹⁰⁸ См. примеч. 10.

¹⁰⁹ FOXE J., *Acts and Monuments...* (London, 1570), p. 164-166.

¹¹⁰ *Ibid.*, p. 165: "Example of Peter alleaged, but no prooffe brought therof".

¹¹¹ *Ibid.*: "Peter & Iohn did not agree in the celebrating of Easter".

¹¹² *Ibid.*, p. 164.

¹¹³ *Ibid.*, p. 165: "In the councell of Nice no such matter appeareth".

определенного способа расчета пасхалии как единственно верного, но даровал епископу Александрийскому привилегию ежегодно сообщать римской курии дату Пасхи. Таким образом, формально Фокс прав. А то обстоятельство, что на момент описываемых Бедой событий римский способ расчета пасхалии фактически был александрийским, Фокса совершенно не смущало. Его задачей было посеять у читателя сомнение в правоте слов Вилфрида, чего он и добивался своими комментариями. Примечательно, что все эти комментарии набраны тем же шрифтом, что и вынесенные на поля рубрики текста, обозначающие начало разделов, или новые темы (например, «Вилфрид говорит» и т. п.). Так не подозревающий подвоха читатель воспринимает отнюдь не нейтральные высказывания автора.

И наконец, цитируя завершающие дебаты слова короля Осви, Фокс называет довод короля «простым и грубым»¹¹⁴. Таким образом, он, как и Бейл, показывает, что решение в пользу римской пасхалии было принято не потому, что доводы Вилфрида оказались более убедительными, но из-за того, что на его сторону встал король (намек на умение «прелатов» манипулировать правителями, добиваясь своей цели — власти). Фокс рассказывает ту же историю, однако пользуется при этом иными методами, направляя восприятие читателем текста.

Другим способом манипуляции читателем было сокращение цитат: при умелом подходе технически точный, но аккуратно «нарезанный» перевод отрывка текста мог изменить смысл на прямо противоположный.

Обратимся к некоторым цитатам из *Рассуждения о наследовании английского престола* Роберта Парсонса. Так, в рассказе Парсонса о смещении короля Ричарда II последний выглядит своего рода «образцовым» тираном. Чтобы усилить впечатление, Парсонс приводит цитату из *Анналов* Джона Стоу, в которой речь идет о том, что король и его приближенные замыслили убить герцога Глостера и других знатных дворян:

Находясь в Бристолу вместе с Робертом де Виром, герцогом Ирландским, и Майклом де ла Полем, графом Саффолком, король размышлял о том, как устранить герцога Глостера, графов Арундела, Уорика, Дерби и Ноттингэма, и других, о чьей смерти они сговаривались¹¹⁵.

¹¹⁴ *Ibid.*, p. 166: "...this simple and rude reason of the kyng".

¹¹⁵ DOLEMAN R., *Conference*, part II, p. 65: "...the king being at Bristow with Robert de Vere Duke of Ireland, & Michael de la Pole Earle of Suffolke, devised

Оригинал Стоу выглядит несколько иначе:

Герцог Ирландский искал способ устранить герцога Глостера со своего пути. Пасха уже прошла, а к этому времени герцог Ирландский должен был уже отправиться в Ирландию. Чтобы избежать волнения среди лордов королевства, король словно бы для того, чтобы проводить его к побережью, отправился с ним в Уэльс, и не оставлял его там, но пребывал вместе с ним, чтобы они могли придумать, как устранить герцога Глостера, графов Арундела, Уорика, Дерби и Ноттингема, вместе с прочими. С ними там были граф Саффолк, Майкл де ла Пол, судья Роберт Тресилиан и многие другие; они вместе с герцогом Ирландским злоумышляли смерть упомянутых дворян¹¹⁶.

Парсонс сократил цитату, но дело не только в этом. У Стоу роль главного злодея отдана герцогу Ирландскому; вина за смерть герцога Глостера распределяется поровну между ним, королем и другими приближенными. И неудивительно: Стоу должен был считаться с тюдоровской цензурой, болезненно реагировавшей на упоминания о монархе, смещенном лордами и парламентом за дурное управление. Парсонс же возлагал всю ответственность на Ричарда II, настаивая на оправданности и законности действий парламента. Поэтому он не просто сокращает, но редактирует цитату, смещая в ней акцент.

Другой случай более интересен. Приводя примеры действий представительных органов в истории Франции, Парсонс апеллирует к началу правления Карла Великого и Карломана, ссылаясь на *Большие анналы* Франсуа Бельфоре. Он пишет:

Сословия Франции на большой ассамблее избрали в короли двух принцев с условием разделить королевство поровну¹¹⁷.

how to take away the duke of Glocester, the earles of Arundel, Warwick, Darby and Nottingham, and others whose death they conspired”.

¹¹⁶ STOW J., *Chronicles of England* (London, 1580), p. 501-502: “The Duke of Ireland studied how to take the Duke of Glocester out of the way. Easter was now past, the time in whiche the Duke of Ireland should have transported into Ireland, but least there should be too muche sturre in the Realme among the Lords, the king as it were to bring him to the water side, goeth with him into Wales, as not leave him but there to keep him, that they might devise how to take away the D. of Glocester, the Earles of Arundell, Warwike, Darby, & Notingham, with other. There were with them the Earle of Suffolk, Michaell at Pole, Robert Tresilian Justice & many others wichi no more slowly than the D. of Ireland conspired the death of the said noble men”.

¹¹⁷ DOLEMAN R., *Conference*, part I, p. 167: “...the French state in a publique assembly did chose two princes to be their kings, with expresse condition to devide the realme equally”.

При этом Парсонс довольно точно переводит фразу Бельфоре, но опускает ее продолжение. В полном виде оригинальный текст выглядит следующим образом:

Французы на публичной ассамблее сделали этих принцев государями с тем условием, чтобы они поделили между собой поровну все тело государства... Хотя вы видите, что утверждение этих государей королевством зависело (по причине новизны) от воли сословий, которые также пожелали его разделить, однако впоследствии, когда они были признаны, и им были принесены присяга и оммаж, их владения зависели только от воли королей¹¹⁸.

Перевод первой фразы Парсонсом достаточно точен, с одним немаловажным нюансом: он использует слово «*избрали*», которое Бельфоре в своем тексте вообще не употребляет применительно к королям. Дальнейший комментарий Бельфоре и вовсе опущен, и дело тут не в желании Парсонса сократить цитату. Текст Бельфоре предполагает, что хотя при утверждении у власти государей из новой династии (Каролингов) конституирующую роль и сыграли сословия Франции, последние потеряли свою власть над монархами после принесения присяги. Подобная трактовка была неприемлема для Парсонса, отстаивавшего в своем трактате совсем другую идею — о том, что сословия (или другие представительные органы) сохраняют право признать наследника престола («*утвердить*» или «*избрать*» его), а также и сместить государя из-за дурного управления.

Аккуратно опущенная фраза меняет значение отрывка, превращая Бельфоре из абсолютиста в тираноборца. Ведь *Большие анналы* отнюдь не являются политически нейтральной исторической компиляцией. Это сочинение было написано французским историком как ответ на *Франко-Галлию* монархомаха-протестанта Франсуа Отмана. Бельфоре стремился показать приоритет власти монарха над правами сословий. Парсонс же по своим идеям близок именно Отману. Однако аккуратная «работа» с цитатами и «правильная» их подборка позволила превратить оппонента в противника, по крайней мере, для многих английских читателей.

¹¹⁸ BELLEFOREST F., *Les Grandes annals et histoire generale de France*, t. 1 (Paris, 1579), f. 151: "...les François en une publique assamblea se feirent ces dues Princes Poys avec telle condition qu'ils se partageroient esgallement tout le corps du Royaume ensemble... Ainse vous vouyez que tout ainsi que le confirmation de la Royauté de ces Princes dependoit (à cause de la nouvelleté) de la volonté des Estats, qu'aussi faisoit le partage: mais depuis qu'ils furent recognens, & qu'on leur eut presté les foy, & hommage, les appennages ont dependu de la seule volonté des Roys".

* * *

Переплетение истории и полемики позволило истории (и историописанию) обрести широчайшую аудиторию и повысить свой статус в рамках европейской культуры. Истории стали уделять больше внимания и в преподавании, хотя до обретения ею ранга самостоятельной дисциплины в университетской программе было еще далеко. История изучалась в рамках риторики (в курсе искусств); неудивительно поэтому, что многие полемисты, обладавшие выраженным «вкусом» к истории, были университетскими преподавателями риторики. С ростом значения истории для богословской полемики ее значение возрастало и в учебных программах. В первую очередь это затронуло те учебные заведения, которые готовили богословов, готовых к проповеди и полемике, т. е. католические семинарии и иезуитские коллегии. Их программы уделяли большое внимание полемическому богословию, в рамках которого изучалась церковная история. Англия сыграла здесь важную роль, так как Английские коллегии в Дуэ, Риме и Испании стали первыми образцами такого рода учебных заведений. Их выпускники должны были в любой момент быть в состоянии ответить на вызов протестантских оппонентов — проповедью, диспутом или полемическим трактатом. О роли истории в их подготовке наглядно говорят фрески из Английской коллегии в Риме, представлявшие собой серию, посвященную истории английских мучеников за веру — от Св. Альбана до современных им католиков, казненных при Елизавете I. Этот образ соединял в себе проповедь и историю, т. е. историю полемическую. Неслучайно из среды иезуитов XVI–XVII вв. вышло так много церковных историков.

В протестантской Англии история оставалась в рамках университетского курса, однако многие богословы осознавали необходимость углубленных занятий. Так возник и «исследовательский проект» Паркера, не связанный университетскими рамками. А в начале царствования короля Якова I Стюарта в Лондоне появился новый колледж Челси, члены которого занимались исключительно полемикой и необходимыми для того изысканиями, в том числе и в области церковной истории.

Повышение статуса истории в XVI–XVII вв. было тесно связано с процессом национальной и конфессиональной идентификации Англии. История оставалась (по происхождению и по сути) историей полемической. Стремление теоретиков истории XVI в. (начиная с Жана Бодена) к объективизму было неслучайным. Оно представляло собой реакцию на господствовавшую в то время полемическую модель историописания.

А. В. СТОГОВА

НАСТАВЛЕНИЯ О ДРУЖБЕ ЕПИСКОПА ДЖЕРЕМИ ТЕЙЛОРА В КОНТЕКСТЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ АНГЛИИ XVII ВЕКА

Джереми Тейлор (1613–1667) — один из англиканских священников, чья жизнь и пастырская деятельность пришлась на сложное время политической и религиозной неопределенности и конфронтации. В молодости волею судеб он был замечен архиепископом Кентерберрийским Уильямом Лодом как талантливый проповедник. Перед самым началом революционных волнений Тейлор стал капелланом короля, за что вскоре и поплатился. В период Гражданской войны, очень непростой с религиозной точки зрения и для пастырей, и для паствы, Тейлор становится сторонником идеи веротерпимости. Именно в это время он пишет свои самые известные теологические труды, предназначенные главным образом для прихожан-англикан, лишенных, в силу обстоятельств военного и религиозного противостояния, священников в своих приходах (как и сам Тейлор был отстранен от выполнения своих пастырских обязанностей). Его приверженность идее веротерпимости и Карлу I предreshают его дальнейшую судьбу в эпоху Реставрации. Карл II делает Тейлора епископом и отправляет в одну из самых проблемных точек королевства — Ирландию. Но эта монаршья милость не принесла Тейлору умиротворения. Веротерпимость как идея оказалась совершенно чужда как ирландским католикам, так и уже освоившимся здесь англиканам. Тейлору так и не удалось завоевать авторитет у своей паствы. Но, несмотря на постоянные просьбы перевести его в другое место, он до конца жизни оставался в Ирландии.

Печальная судьба непонятого своим временем человека, прекрасный литературный стиль и пристальное внимание к теме смерти (особенно в *Правилах святого умирания*) прославили Тейлора в первой половине XIX в. как одного из самых знаменитых меланхо-

ликов, наряду с Джоном Донном, чья поэзия также оказывается востребованной в это время. Именно литературные достоинства его сочинений вызвали наибольший интерес в этом столетии. Затем, уже во второй половине XX в. его трудами заинтересовались в контексте Английской революции с одной стороны и распространения идей неоплатонизма — с другой¹.

*Рассуждение о природе, обязанностях и пределах дружбы в ответ на письмо искуснейшей и превосходнейшей М. К. Ф. (миссис Кэтрин Филипс)*² — единственное светское произведение Джереми Тейлора. Оно было написано и опубликовано в 1657 году по просьбе поэтессы миссис Кэтрин Филипс. *Рассуждение* не привлекло особого внимания исследователей, изучавших труды Тейлора, но зато оказалось включено в полемику авторов, занимающихся творчеством Кэтрин Филипс³.

В *Рассуждении*, по словам самого автора, он отвечает на три вопроса поэтессы: (1) насколько дружба согласуется с принципами

¹ Вот некоторые из посвященных ему исследований: HEBER R., *The Life of Jeremy Taylor* (L., 1824–1832), v. 1–2; STEPHANS J., *Horae Sabbaticae* (L., 1892); GOSSE E., *Jeremy Taylor* (L., 1904); WORLEY G., *Jeremy Taylor: a Sketch of his Life and Times with a Popular Exposition of his Works* (L. –NY., 1904); MERRIMAN D., “Jeremy Taylor and Religious Liberty in the English Church”, *Proceeding of the American Antiquarian Society* 17 (1905), p. 93–124; STEFFAN T. G., “Jeremy Taylor’s Criticism of Abstract Speculation”, *Studies in English*, v. 20 (Odense, 1940), p. 96–108; ANTOINE S. M. S., *The Rhetoric of Jeremy Taylor’s Prose: Ornament of the Sunday Sermons* (Washington, 1946); BROWN W. J., *Jeremy Taylor* (L., 1925); BENTLEY G. B., “Jeremy Taylor’s Ductor Dubitantium”, *Theology* 1 (1947), p. 182–186; BRUSH J. “‘The Liberty of Prophesying’: A Tercentenary Essay of Appreciation”, *Crozier quarterly* 25 (1948), p. 216–223; ROSS W. H., *Jeremy Taylor. A Pegasus Biography* (L., 1952); STRANCKS C. J., *The Life and Writings of Jeremy Taylor* (L., 1952); WILLIAMSON H. R., *Jeremy Taylor* (London, 1952); KING J. R., “Certain Aspects of Jeremy Taylor’s Prose Style”, *English studies* 37 (1956), p. 197–210; HUNTLEY T. L., *Jeremy Taylor and the Great Rebellion. A Study of his Mind and Temper in Controversy* (Ann Arbor, 1970); GEORGAS M., “Little Nell and the Act of Holy Dying: Dickens and Jeremy Taylor”, *Dickens Study Annual: Essay on Victorian Fiction* (NY., 1991), v. 20, p. 35–56; ASKEW R., *Muskets and Altars. Jeremy Taylor and the Last of Anglicans* (L., 1997).

² TAYLOR J., *Discourse of the Nature, Offices and Measures of Friendship with Rules for Conducting it* (L., 1657).

³ Подробнее см.: СТОГОВА А. В., «История одного непонимания: Кэтрин Филипс и Джереми Тейлор», *Адам & Ева. Альманах гендерной истории* 19 (2011), с. 199–222.

Христианства; (2) как долго она может продолжаться; (3) каковы обязанности в присутствии и отсутствии друзей, может ли друг наслаждаться другом так же, как и дружбой. Настоящая статья сопровождается переводом третьей части *Рассуждения*, наиболее интересной с точки зрения предписаний, касающихся собственно дружеского общения.

Текст Тейлора связан с очень многими традициями восприятия дружеских отношений. Он изобилует отсылками не только к Священному Писанию, как и подобает сочинению священника, но и ко многим античным авторам, чьи суждения о дружбе продолжали оставаться определяющими. Но поскольку об истории идеи дружбы в Античности написано довольно много работ⁴, я остановлю свое внимание на тех интеллектуальных традициях, которые имели значение непосредственно для культуры Англии XVII в.

Во второй половине XVII столетия категория дружбы вновь оказывается связанной со сферой этического, что выразилось, в частности, во все возрастающем к концу столетия числе прескриптивных текстов, посвященных правилам и нормам дружеского общения. Во многом этому способствовало распространение неостоицизма. На протяжении всего века Просвещения будет доминировать именно этический дружеский дискурс, который сойдет на нет только к началу XIX века. Тогда в наставительной литературе тема дружбы исчезнет, уступив место семейным отношениям, зато станет очень популярной в художественной литературе. Все это, конечно же, неразрывно связано и с трансформацией самого образа дружбы.

⁴ См., например, несколько общих работ: DIRLMEIER F., *Philos und Philia im vorhellenistischen Griechentum* (München, 1931); HUTTER H., *Politics as Friendship: The Origins of Classical Notions of Politics in the Theory and Practice of Friendship* (Waterloo, 1979); RIST J. M., "Epicurus on Friendship", *Classical philology* 75 / 2 (1980), p. 121-129; HERMAN G., *Ritualized Friendship and the Greek City* (Cambridge, 1987); PRICE A. W., *Love and Friendship in Plato and Aristotle* (Oxford, 1990); STERN-GILLET S., *Aristotle's Philosophy of Friendship* (NY., 1995); *Greco-Roman Perspectives on Friendship*, Hg. J. T. FITZGERALD (Atlanta, 1997); KONSTAN D., *Friendship in the Classical World* (Cambridge, 1997); SCHULZ P., *Freundschaft und Selbstliebe bei Platon und Aristoteles. Semantische Studien zur Subjektivität und Intersubjektivität* (Freiburg – München, 2000); NICOLS M., *Socrates on Friendship and Community: Reflections on Plato's Symposium, Phaedrus, and Lysis* (Cambridge, 2010).

Сочинение Тейлора находится у истоков этой традиции, и его появление вызвано совершенно иным контекстом, который не будет иметь такого значения полвека спустя.

Во-первых, нужно вспомнить о приверженности Тейлора идеям неоплатонизма, поскольку в учении Платона дружба является одним из значимых понятий. Тейлор был родом из Кембриджа и учился в Гевилл-энд-Каюс колледже, уже потом Лод перевел его в Оксфорд. В Кембридже же существовала группа профессоров, известная как «кембриджские платоники» (Р. Кедворт, Г. Мор, Д. Смит, к ним были близки и Дж. Гленвилл и Д. Норрис из Оксфорда), которые пытались дать рационалистическое обоснование христианской веры, используя идеи неоплатонизма. К числу «кембриджских платоников» причисляют Анну Конвей, супругу лорда Конвея, одного из покровителей Тейлора. Порой и самого Тейлора включают в эту группу, или, по меньшей мере, упоминают в числе близких к «кембриджским платоникам» религиозных мыслителей⁵. Кэтрин Филипс, по чьей инициативе и было написано *Рассуждение*, также была знакома с идеями Платона, в частности, относительно природы любви и дружбы, что очень ярко проявилось в ее творчестве. Если для Оринды (таков был литературный салонный псевдоним Кэтрин Филипс) наиболее значимым был эмоциональный аспект дружбы, воспринимаемой как сильная привязанность, то Тейлор, явно старавшийся несколько смягчить эту экспрессивность у молоденькой поэтессы, выдвигает на первый план другой аспект платонического учения о дружбе — ее духовно-нравственную основу, делающую дружеские отношения порождением общего стремления человека к нравственному совершенству.

Эта идея была очень близка Тейлору как представителю церкви. Здесь нужно отметить один феномен: в Англии XVII в., приблизительно до 1670–1680 гг. многие, если не большинство рассуждений о сущности и нормах дружеского общения выходили из-под пера священников, хотя никогда раньше дружеский дискурс не был характерен для религиозных текстов. Тема дружеских отношений, хотя и появлялась у отдельных церковных авторов, не была доминантной, сильно уступая «милосердию» и «христианской любви к

⁵ См., напр., BROWN S., *British Philosophy and the Age of Enlightenment* (Oxford, 2003), p. 23.

ближнему». Однако появление нового идеала дружбы — эмоциональной, духовной привязанности — и новой протестантской доктрины «спасения верой», также акцентировавшей «привязанность» к Богу, создали условия, когда дружеский дискурс стал восприниматься проповедниками как адекватный способ объяснения тех отношений, которые должны существовать между праведниками и Богом⁶. Задействование дружеского дискурса в религиозных трактатах и проповедях, привело к трансформации образа идеального друга, в роли которого стал выступать Господь: «Где бы ни были ваши друзья, Бог всегда рядом, чтобы быть самым полезным, достойным и приятным предметом ваших мыслей»⁷, «любовь всех друзей на земле ничто в сравнении с его любовью»⁸. С другой стороны, истинный друг мог даже сопоставляться с Богом:

Но мой друг — достойный человек, если он может вместо Бога стать для меня советчиком и поддержкой, глазом или рукой, посохом или кормилом⁹.

Бесспорно, это способствовало распространению таких рассуждений о дружбе, в которых она рассматривалась как нравственная ценность. При этом апелляция к Богу как к идеальному другу не способствовала восприятию роли верного друга как одного из достоинств добродетельного человека. Бог все равно оказывается более совершенным другом, чем грешный от природы человек. И сама дружба, как это хорошо видно у Тейлора, не рассматривается в этот

⁶ Для самих реформаторов XVI в. этой аллюзии еще не существовало. Напротив, как показывают исследования, для Кальвина новый образ взаимоотношений с Богом принципиально противопоставлялся человеческой системе патронатных взаимоотношений (как раз описывавшихся в рамках дружеского дискурса), в которых для обеспечения расположенности к себе необходимо постоянно льстить и оказывать услуги, т. е. действовать в рамках экономики дарений. См. MONHEIT M. L., “‘The ambition for an illustrious name’: Humanism, Patronage, and Calvin’s Doctrine of the Calling”, *The Sixteenth Century Journal* 23 / 2 (1992), p. 267-287. Хотя уже у Кальвина в *Наставлении в христианской вере* возникает понятие «дружелюбия», выражающее подлинно бескорыстное рвение, стремление к помощи и к соучастию в жизни другого.

⁷ BAXTER R., *The Christian Converse with God, or the Insufficiency and Uncertainty of Human Friendship and the Improvement of Solitude in Converse with God* (L.: John Salisbury, 1693), p. 89.

⁸ *Ibid.*, p. 115.

⁹ TAYLOR J., *Discourse of the Nature and Offices of Friendship*, p. 78.

период как своего рода «привилегия» добродетельных людей. К дружбе способны все и все несовершенно перед лицом Господа.

Одним из самых существенных аспектов этой трансформации, хотя и несколько парадоксальным, если принимать во внимание изначальные интенции реформаторов, особенно Кальвина, стало акцентирование и легитимация полезности дружеских отношений. Ведь Бог является идеальным другом именно в силу своей безграничной способности оказывать благодеяния и бесконечной потребности их оказывать своим возлюбленным чадам.

«Хороший человек» это благодетельная, полезная особа и в этом — узы эффективной дружбы. Ибо я не думаю, что дружбы это метафизическое ничто, созданное для созерцания, или что мужчины или женщины должны уставиться друг другу в лицо и вести беседу о новостях и прелестях, и выглядеть детьми в глазах друг друга. Дружба есть уменьшение наших скорбей, успокоение наших страстей, облегчение нашей подавленности, прибежище наших бедствий, советчик для наших долгов, просветление наших умов, выход для наших мыслей, осуществление и улучшение того, чему мы способствуем. И хотя я люблю своего друга, поскольку он достойный человек, все же он не будет достойным, если не сможет принести никакого блага. Лишь тот может быть выбран в друзья, кто может оказывать те услуги, которые делают дружбу превосходной. Ибо (не заблуждайтесь) ни один человек не может быть любим из-за него самого; наше совершенство в этом мире не может достичь таких высот; хорошо если мы будем любить Господа на таких условиях, и я очень опасаюсь, что если бы Господь не делал нам никакого добра, мы могли бы восхищаться его достоинствами...¹⁰.

Надо оговориться, что и раньше польза была одной из важнейших составляющих тех отношений, которые именовались дружескими. Однако появление нового эмоционального идеала дружбы, начиная с эпохи Возрождения, а также развитие деловой активности, которая осуществлялась в рамках дружеского дискурса, выступающего в качестве регулятора надежности деловых отношений, все больше проблематизировали наличие корыстного интереса в дружеских отношениях. Разные культуры находили различные способы разрешения этого противоречия. Во Франции мысль стала развиваться в направлении идеализации дружеских отношений и полного исключения интереса из этоса дружбы. В Англии на основе

¹⁰ *Ibid.*, p. 77.

протестантской теологии, проповедующей горячую любовь как основу взаимоотношений человека с всеблагим Богом, активно жаждущим его спасения, формируется другой идеал дружбы, в котором польза является не помехой, но, напротив, — основным поводом для развития сильной эмоциональной привязанности.

И хотя существует масса причин любить каждого человека, — писал Тейлор, — все же есть еще больше поводов любить одних сильнее, чем других. И если я должен любить, так как тому есть причины, то я *должен любить тем сильнее, чем больше этих причин*¹¹.

Только с потерей значимости религиозного дружеского дискурса к концу столетия дружба превратится в Англии в составляющую образа истинного джентльмена и, соответственно, в отношения недоступные для порочных людей.

В немалой степени этому способствовала еще одна интеллектуальная традиция, связанная с идеей дружбы. В течение XVII в. можно отметить тенденцию политизации образа дружбы. Идея эта также не нова и, как показал Ж. Деррида, понятие дружбы изначально очень тесно увязано с идеей политики и социума. Однако ренессансное увлечение дружбой как духовной привязанностью несколько оттеснило эту идею на второй план. Но вот приблизительно с середины XVII в., когда природа и функционирование и государства, и социума начинают все больше и больше занимать умы людей, политический дружеский дискурс приобретает все большее значение. В частности, как отмечают многие исследователи, дружеский дискурс оказывается очень востребованным в роули-стской литературе периода гражданской войны и Реставрации¹².

¹¹ *Ibid.*, p. 75.

¹² Здесь приведены лишь несколько работ на эту тему: CHALMERS H., *Royalist Women Writers, 1650–1689* (Oxford, 2004); CORNS T. N., *Uncloistered Virtue. English Political Literature, 1640–1660* (Oxford, 1992); *The English Civil Wars in the Literary Imagination*, ed. C. J. SUMMERS, T. L. PEBWORTH (Columbia, 1999), p. 174–185; GROOT J. DE, *Royalist Identities* (Basingstoke, 2004); *Literature and the English Civil War*, ed. by T. HEALY and J. SAWDAY (Cambridge, 1990); LOXLEY J., *Royalism and Poetry in the English Civil Wars* (Basingstoke, 1997); MACLEAN G. M., *Time's Witness. Historical Representation in English Poetry, 1603–1660* (Wisconsin, 1990); *Politics of Discourse: The Literature and History of Seventeenth-Century England*, ed. by K. SHARPE and S. N. ZWICKER (Berkeley – Los Angeles, 1987); POTTER L., *Secret Rites and Secret Writings. Royalist Literature, 1641–1660* (Cambridge, 1989); WILCHER R., *The Writing Royalism, 1628–1660* (Cambridge, 2001); WISEMAN S., *Drama and Politics in the English Civil War* (Cambridge, 1998).

Исследователи выделяют его среди многих других, активно использовавшихся авторами-роялистами для выражения своей лояльности. В силу этого в роялистской литературе были акцентированы прежде всего этические, а не онтологические проблемы дружеских отношений, вопросы долга и обязанностей в отношении друзей, понимаемых как политические сторонники. В частности, один из исследователей, Хиро Чалмерс, считает одним из проявлений «политизированной» идеи дружбы у Тейлора и Филипс (также роялисткой, несмотря на брак со сторонником Кромвеля) подчеркнутую необходимость сохранения секретов, что, по его мнению, демонстрирует, что для них дружба представляла собой одну из форм политических связей¹³. Такая идея «инструментальной» дружбы также всегда была неразрывно связана с приносимой ею пользой.

Однако очевидно, что акцентируемая полезность отношений почти автоматически исключала из них женщин. Тейлор очень четко соотносит пользу, приносимую дружбой, с тем, что мы назвали бы публичной сферой:

Может ли рассердить мудрого и хорошего человека, если я скажу: «Я выбираю этого человека себе в друзья, потому, что он может подать мне совет, сдержать мои скитания, успокоить меня в скорби; он приятен мне в частных делах и полезен в публичных; он удвоит мои радости и разделит со мной мое горе?». За что еще я должен выбрать его? За глупость и бесполезность? За приятное личико или гладкий подбородок? Признаю, что возможно быть другом тому, кто невежественен и жалок, приятен и ни на что не годен, который отменно ест и жадно пьет, но он не может быть другом для меня. И я буду любить его с нежностью или жалостью, но это не может быть благородной дружбой¹⁴.

Здесь мы имеем дело с еще одним, гендерным контекстом, также очень важным, поскольку дружеская поэзия Кэтрин Филипс акцентирует именно эту проблематику. Соотнесение публичного с пользой, а частного — с удовольствием у Тейлора хорошо вписывается в исследовательскую концепцию Алана Брея, изучавшего изменения отношений к мужской интимности. Брей приходит к выводу, что до конца XVII века интимные выражения дружбы между мужчинами (поцелуи, объятия) рассматривались как символический

¹³ CHALMERS H., *Royalist Women Writers, 1650–1689*, p. 68.

¹⁴ *Ibid.*, p. 79.

дар и потому оказывались приемлемыми для общества. Женские же отношения были лишены такой коннотации в силу того, что они не имели никакой социальной пользы. И потому язык дружбы был совершенно неприменим к женщинам, в историях о дружбе женщины всегда выступают как «враги дружбы»¹⁵. Женщины не могли быть друзьями, так как они не публичны в силу своей не-полезности, а потому можно сказать, что новый образ дружбы, выводящий эту полезность дружбы на первый план, оказался еще более маскулинным.

И здесь возникает конфликтная ситуация. С одной стороны, появляются тексты мужчин, которые как Джереми Тейлор хотели бы говорить о женской дружбе (например, *Дружба* Фрэнсиса Финча, посетившего кружок К. Филипс¹⁶) — тексты, написанные в поддержку способностей женщин и в этом смысле встраивающиеся в еще одну традицию XVII в. Однако в связи с отсутствием женского дружеского дискурса, они использовали традиционные, т. е. мужские дискурсы, при этом не пытаясь приспособить их под гендерные особенности женщин; они говорили о женской дружбе, встраивая женщин в мужские дискурсы. И это создавало эффект неадекватности, который отмечают многие современные исследователи¹⁷.

Такое переплетение очень разных по своей сути интеллектуальных традиций делает текст Тейлора необычайно интересным для изучения функционирования культуры того времени.

* * *

Перевод выполнен по изданию: TAYLOR J., *A Discourse of Nature and Offices of Friendship with Rules for Conducting it* (London, 1662).

¹⁵ BRAY A., *The Friend* (Chicago – London, 2006), p. 175.

¹⁶ FINCH F., *Friendship* (London, 1654).

¹⁷ Например: «Вновь подтверждая традиционные взгляды, Тейлор отрицает способность женщин к истинной дружбе и игнорирует дружбу между женщинами», — пишет одна из исследовательниц. См. ANDREADIS H., *Sappho in Early Modern England: Female same-sex Literary Erotics, 1550–1714* (Chicago – L., 2001), p. 76.

ДЖЕРЕМИ ТЕЙЛОР

**РАССУЖДЕНИЕ
О ПРИРОДЕ И ОБЯЗАННОСТЯХ ДРУЖБЫ
В ОТВЕТ НА ПИСЬМО
НАИИСКУСНЕЙШЕЙ И ПРЕВОСХОДНЕЙШЕЙ
М. К. Ф. (МИССИС КЭТРИН ФИЛИПС)**

<...>

3. Последний вопрос: *как следует выстраивать дружбы, то есть, каковы обязанности в присутствии и отсутствии, может ли друг не желать получать выгоду от друга, равно как и от дружбы?* Ответ на него в значительной степени зависит от того, что я уже сказал. И если дружба существует как милосердие в обществе, и не для изучения и разговоров, а для материального комфорта и благородного обращения и пользы, тогда нет никаких сомнений, что если я покупаю землю, то могу есть фрукты, а если снимаю дом, то могу жить в нем, то и когда я люблю достойного человека, я могу наслаждаться его обществом. И здесь нет исключений, кроме дружбы между людьми разных полов, ибо тогда не только интересы религии и забота об их чести, но достоинство их дружбы требует того, чтобы их общение было благоразумным и свободным от подозрений и упреков. И если друг принужден переносить какое-то бедствие, то, чтобы уберечь честь своей подруги, ему следует выстраивать свои взаимоотношения в русле добродетельного благоразумия — так, чтобы он скорее потерял собственное спокойствие, нежели пострадала хоть в чем-то ее честь. И в этом случае людские толки должны приниматься в расчет как следующие по важности за невинностью. Но когда осторожным и благоразумным, и строгим поведением друг сделал все, что он или она может сделать, чтобы сохранить репутацию и почетную молву, после этого эти толки можно презреть. Они не должны отпугивать нас ни от наших дружб, ни от ее прекраснейших связей. *Я могу законно сорвать гроздь моего собственного винограда, даже если прохожий назовет меня вором.*

Но между прочим (Мадам), вы могли заметить, насколько я отличаюсь от тех мрачных циников, которые не допустили бы Ваш пол в сообщество благородных дружб. Я верю, что некоторые жены были лучшими друзьями на свете. И немногие истории могут превзойти благородство и милосердие той Леди, которая отсасывала ядовитое гнойное вещество из раны нашего славного принца в Святой земле, когда убийца пронзил его ядовитой стрелой¹. И если скажут, что женщина не может нанять адвоката и потому не может быть отважным другом, я прекрасно опровергну их историей о Порции, которая, будучи преисполнена опасений за слабость своего пола, сама себя ранила в бедро, чтобы узнать, как она может переносить боль, и, обнаружив, что достаточно стойка по отношению к этому страданию, мягко упрекала своего Брута за то, что он не рискует доверять ей, ибо теперь поняла, что никакие мучения не смогут вырвать у нее тот секрет, который, как она надеялась, мог быть ей доверен. А если бы больше не было вещей, которые можно было бы сказать для вашего удовлетворения, я мог бы подискутировать о том, кто более прославлен своей дружбой, женщины или мужчины. Я не могу сказать, что женщины способны на все те высокие качества, которыми мужчины могут угодить миру. И потому женщина-друг, в некоторых случаях, не является таким же хорошим советчиком, как мудрый мужчина, и не может ни отстаивать мою честь так же хорошо, ни оказывать утешение и помощь, если находится под властью другого. Но женщина может любить так же страстно, и беседовать столь же приятно, и хранить тайны так же верно, и быть полезной в своем собственном пастырстве, и она может умереть за друга, так же, как и храбрый римский рыцарь. И мы находим, что некоторые люди подвергали себя смертельному риску, ради меньшей выгоды, чем это того стоило. Таким были *εὐολταῖοι*, как их называют греки, приверженцы принца или генерала, ассасины среди сарацин, *devoti* среди старых галатов: они делали столько, сколько только могут сделать друзья. И раз величайшие дружеские услуги могут быть оплачены постыдной ценой, мы не можем выразить недовольство добродетельным и прекрасным женщинам, что они являются партнерами в достойной дружбе, коль скоро их беседы и ответы могут добавить столь многие моменты к блаженству нашей

¹ Речь идет об Элионоре, супруге Эдуарда I.

жизни. И потому, хотя нож не может проникнуть так же глубоко, как меч, но нож может быть более полезен для некоторых целей и в любых случаях, кроме употребления против врага. Мужчина — лучший друг в волнениях, но женщина может быть равной ему в дни радости: женщина столь же успешно может увеличивать наш комфорт, но не может так же хорошо приуменьшить наши печали. И потому мы не берем с собой женщин, когда идем сражаться, но в мирных городах и в мирное время добродетельные женщины составляют украшение общества и прелесть дружбы. И когда мы примем во внимание, что в мире немного людей, обладающих всеми теми достоинствами, благодаря которым дружба может быть полезной и прославленной, то мы можем позволить женщинам, как и мужчинам быть друзьями, поскольку *те* могут обладать всем тем, что необходимо и существенно для дружбы, а *эти* не могут иметь всего, благодаря чему дружбы могут непредумышленно налаживаться. Во всем должно быть сделано некоторое снисхождение, и мы окажем слишком большую честь женщинам, если отлучим их от дружбы за то, что они несовершенно. Ибо если к дружбе мы допускаем несовершенно людей, так как совершенных людей не существует, то тот, кто отказывает (в этом) женщинам, придирается к ним, что они не являются более совершенными, чем мужчины, что либо в тайне подтверждает, что они могут и должны быть лучше, либо открыто обвиняет мужчин в несправедливости и пристрастности.

Я надеюсь, что Вы простите мне, что я немного отступил от своих обязательств, я отошел в сторону, дабы угодить женщинам и выразить одобрение их нежным добродетелям. Теперь я возвращаюсь, и если бы я должен был выполнять обязанности гида для неведущих друзей, я бы добавил в честности следующее. Вам, Мадам, нет необходимости читать это сейчас, но когда какие-нибудь друзья придут к вам за советом или примером, как вести себя в благороднейших отношениях, Вы можете облачить это в лучшие слова и сказать им:

1. Что первым законом дружбы является то, что они не должны ни спрашивать у своих друзей ничего нескромного, ни допускать, чтобы спрашивали у них самих. Ибо сделать моего друга более порочным или более глупым — это плохая услуга; я стану сдерживать его глупость, а не нянчить ее. Я не сделаю из своего грума служителя собственной похоти или тщеславия. Есть негодяи, которые про-

дают собственные души за хлеб (насущенный), всякому, кто даст высокую цену за грех и тщеславие. Я должен желать, чтобы мой друг не знал, что я порочен, если же его можно уговорить содействовать этому, то он недостойн быть моим другом. А если я могу предложить это ему, я не заслуживаю того, чтобы пожимать руку добродетельному человеку.

2. Никому не позволяй выбирать себе в друзья того, кого он, возможно, когда-нибудь возненавидит. Ибо хотя общение может справедливо быть прервано, то любовь все же вещь бессмертная, и я никогда не стану презирать того, кого однажды счел достойным любви. Легче вынести друга, который не приносит никакого добра, чем поддерживать любую вражду. Ведь есть некоторые поверхностные обязанности дружбы на подобии нудной работы, к которой привлекают наименее достойных, так пусть он лучше будет под лестницей, нежели выгнанным за дверь.

3. Есть две вещи, которые друг никогда не должен прощать — предательский удар и разглашение секрета, поскольку это противно природе дружбы. Они являются ее адюльтерами и расторжением союза. И в делах дружбы, которая есть брак душ, это подходящие причины для развода. И потому, я добавлю лишь то, что соблюдение тайны это целомудрие дружбы, а ее обнаружение — это проституция и прямой разврат. Тайный же, предательский удар — это подлинная и непростительная измена. Я помню прелестную басню, которую рассказал Бромиар². В пронзительно морозное утро птицелов, набрав много маленьких птичек, которых он долгое время выслеживал, начал сматывать свои сети и, отрезая птичкам головы, клал их вниз. Молодая синица³ заметив слезы, текущие по его щекам, по причине чрезвычайного холода, сказала своей маме, что этот мужчина несомненно очень сострадательный и жалостливый, раз он так горько плачет над бедствием несчастных птичек. Но ее мама мудро ответила, что о мужском расположении лучше судить не по глазам, а по рукам, и если руки наносят предательский удар, то тот, кто красиво говорит и жалостливо рыдает, никогда не может быть принят в дружбу. Дружба — это величайшая в мире честность и внимательность.

² Иоганн Бромиар (или Джон де Бромтард) — английский теолог XII в.

³ В тексте “thrush”, что переводится на русский язык в мужском роде — дрозд.

4. Никогда не обвиняй своего друга, и не верь тому, кто это делает: поступив так, ты поцарапаешь покров дружбы, но тот, кто сердится из-за малейшей ошибки, разрушает сам ее остов. И когда мы обдумываем это в обществе и в каждодневных происшествиях, в которых ни один человек не может быть постоянно доволен или недоволен одними и теми же вещами, нам стоит набраться здравомыслия, чтобы приписать изменение себе (*sic!* — *A. C.*). Ведь солнечное сияние остается столь же великолепным, даже когда наши глаза воспалены, и у нас нет никаких причин сердиться на неиссякаемый свет, из-за того, что наши способности изменчивы и смертны. Но, однако, не думай, что ты вступишь в союз с ангелом, если примешь друга в свое сердце. Он, может быть, так же слаб, как ты, и ты, может быть, так же нуждаешься в прощении, как и он. И «тот человек любит лесть больше дружбы, который хочет, не только использовать самого своего друга, но и вводить его в неподвижные расходы, чтобы ублажить себя»⁴.

5. Давай другу совет мудро и щедро, но оставь ему свободу следовать ему или нет, и не сердись, если совет будет отвергнут, *ибо совет не есть господство*, и тот, кто будет судить, что я должен делать, а что нет, не является моим другом. Неоптолем никогда не смог бы победить и ограбить Трою, если бы был внимателен к слезам и советам Ликомеда, который, боясь рисковать молодым человеком, был рад усыпить его дома в безопасности на своем маленьком острове. Тот, кто дает совет своему другу и требует следовать ему, тот проявляет не доброту и изобретательность друга, а обязанность и дерзость школьного наставника.

6. Никогда не будь судьей между своими друзьями в любом вопросе, где оба очень хотят добиться победы: если незнакомец или враг будет тяжущейся стороной, какую бы сторону ты не поддержал, ты приобретешь друга, но если сторонами являются друзья, ты потеряешь одного.

7. Никогда не веди себя таким образом, чтобы друзья тебя боялись: ибо когда меняется основа отношений, то наступают новые и волнительные страсти. «Совершенная любовь изгоняет страх»⁵, и ни один человек не может быть другом тирану, но такая дружба является тиранией, где любовь сменяется страхом, равенство — вла-

⁴ *Theogn. lin. 328.*

⁵ 1 Ин 4:18.

дычеством, общество — подчинением, ибо тогда вся моя доброта к нему будет не лучше лести.

8. Когда ты делаешь замечание другу, сделай его не горьким, когда ты бранишь его, то без позора, когда хвалишь — то с достойными намерениями и заслуженно, и с дружеской мерой. Но когда другие хвалят его, радуйся, хотя они не хвалят тебя, и помни, что если ты расцениваешь похвалу ему как недооценку себя, то ты будешь завистлив, но никогда справедлив или добр.

9. При прочих равных, предпочитай старого друга новому. Если ты намереваешься растратить друга, и получать от него выгоду, пока он не потеряет терпение, то будешь ценить его как вьючное животное, притом худшее из всех в силу своего возраста. Но если твое уважение основано на благородных критериях, тебе будет полезнее быть использованным им, при испытаниях и случайностях, во взаимности и привязанности и привычном достоинстве. Старый друг подобен старому вину, если человек его пил, то он уже не станет пробовать новое, ибо знает, что старое лучше. Но каждый старый друг был когда-то новым, и если он достойный, то сохраните его, пока он не станет старым.

10. После всего этого обращайся с другом благородно, люби бывать с ним, воздавай ему все почести любви и прекрасной привязанности, в соответствии с твоими и его способностями. Выноси его несовершенства, покуда они не приближаются к преступным, но никогда не лицемерь с ним, никогда не пренебрегай им, никогда не оставляй его.

Дари ему подарки и не порицай его, и не отвергай его доброты, и будь уверен, что никогда не станешь презирать его за ограниченность и неуместность. Подарок (сказал Соломон) ускоряет дружбу. Ибо как взгляд, долгое время устремленный на звезду, должен освежаться меньшими красотами и усиливаться зеленью и зеркалами, чтобы позволить глазу восхититься еще большим великолепием, так и дружеская любовь иногда освежается материальными и простыми ласками, чтобы, стремясь стать *слишком божественной*, она не стала *менее человеческой*. Нужно позволить, чтобы она соединяла в себе и то, и другое: она *человечна* в прощении и ясном устройстве, и в открытости и оригинальности, в сохранении секретов; в ней есть и *что-то божественное*, поскольку она *благодетельна*, но много больше из-за того, что она *вечна*.

Перевод и примечания А. В. Стоговой

В. В. ПЕТРОВ

СЕМЬ ПИСЕМ ИЗ НЕВОЛЬНОГО ПЕРЕУЛКА

К ПУБЛИКАЦИИ РАССКАЗА С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

Рассказ С. Д. Кржижановского *Невольный переулок* публикуется впервые. По неизвестным причинам, он не попал в корпус рукописей и документов, которые А. Г. Бовшек, вдова писателя, передала в 1965 г. в ЦГАЛИ. Нет его и в материалах, которые она забрала с собой, уехав через год из Москвы в Одессу (ныне они образуют фонд С. Д. Кржижановского в Центральном государственном архиве-музее литературы и искусства Украины).

Копия с машинописным текстом *Невольного переуллка* поступила в РГАЛИ много позже, в 1995 г., — из Центрального архива ФСБ России (акт передачи от 19. 09. 1995 г.). Теперь уже не важно, каким образом она попала туда: вероятно, от кого-то из ближнего круга писателя (изъята или передана)¹. Загадкой остается, почему

* Сочинения С. Д. Кржижановского цитируются по изданию В. Г. Перельмутера: Сигизмунд Кржижановский, *Собрание сочинений в 6 томах*, тт. 1 – 5 (СПб. – Москва: Symposium – b.s.g.-press, 2001–2010), т. 6 — в печати.

¹ Ср. примеры слежки за гостями М. Волошина в Коктебеле в годы, когда туда приезжал С. Д. Кржижановский, из кн. В. П. Купченко, *Труды и дни Максимилиана Волошина. Летопись жизни и творчества. 1917–1932* (СПб.: Алетейя; Симферополь: Сонат, 2007). Кржижановский приезжал в Коктебель трижды. В 1926 г. он жил у Волошина с середины июня по начало августа (читал *Странствования странно, В зрачке*). И тогда же «в ГПУ направлен “персональный список граждан”, проживающих на даче МВ (29 имен) — с указанием возраста, национальности, профессии и места постоянного жительства», *Независимая газета* от 18.09.1997 (Купченко, с. 305–312). В 1927 г. писатель гостил в Коктебеле в июле (читал *30 серебряников, Якоби и якобы*). Тогда же: «Сексот ОГПУ пишет справку “Дом поэтов”, отмечая: “Чуть ли не до прошл. года на дверях” дома МВ “была прикрепленна гордая надпись”, что помещение “свободно от реквизиций и обысков”. Комнаты с примитивной обстановкой предоставляются совершенно бесплатно; среди гостей (большую часть которых составляют женщины и дети) Гениева, Пазухина, А. Габричевский, Т. И. Сорокин (бывший эсер), В. Я. Эфрон, С. Соловьев (“теперь, кажется, католическ. священник”), О. Головина — так сказать, “интеллигентные попутчики”. В доме — тяга к религии и мистике: у МС “во всех углах — иконы и лампадки”, мно-

рассказа не оказалось в материалах, поступивших в московский и киевский архивы от самой А. Г. Бовшек (сохранился же неподцензурный *Красный снег*).

Экземпляр *Невольного переулка*, находящийся ныне в РГАЛИ (ф. 2280, оп. 2, ед. хр. 14), представляет собой фотокопию, сделанную со сброшюрованного машинописного текста: на всех листах у левого края видна линия переплета, от которой снизу, влево и право, отходят дуги страниц. Возможно, сброшюрованный оригинал — это личное дело писателя в КГБ, и тогда *Невольный переулок* занимает в этом деле стр. 105-119 (размашисто пронумерованы карандашом). Впрочем, исходно машинопись представляла собой независимую единицу: титульный лист и последующие 14 страниц рассказа имеют отдельную пагинацию (номера страниц от 2 до 14 набиты при печати, титул и первая страница без номера). На титульном листе: «С. Кржижановский. Невольный переулок. 31 / VIII-33 г.»

Вероятно, текст перепечатан самой А. Г. Бовшек (или по её поручению) и, похоже, — после смерти С. Д. Кржижановского. Предполагать это заставляют два обстоятельства. Машинопись сделана не под диктовку (как предпочитал работать сам писатель), но с рукописи, поскольку сохраняются характерные для Кржижа-

гие дачницы ходят в церковь, а детей учат “ветхому завету”. Сам МВ пишет поэму о св. Серафиме, “заговаривает” от ожогов, лечит головную боль возложением рук. Подчеркнутая индифферентность к политике, пренебрежение к газетам, тоска и тяга к “Европе”. По мере своей возможности гости стараются оплатить свое пребывание посылками с материей, конфетами, красками и бумагой, подарками на дни рождения и именин, а также сбором по подписке — то “на зубы”, то на шубу, то на ванну, то на ремонт крыши» (КУПЧЕНКО, с. 349-354). В 1928 г. Кржижановский останавливался у Волошина в августе. Читал две главы из *Возвращения Мюнхгаузена* и *Неукушенный локоть*. На праздновании именин Волошина 17 августа разыгрывался спектакль. «В речи Мюнхгаузена в прологе (в исполнении Стрелкова) объявлялось место действия: страна, где люди проводят большую часть жизни в гробах...». Месяцем позже (26.09.28) «сексот пишет начальнику Секретного отдела ОГПУ т. Дерибасу об «обществе» на даче МВ: академики Костычев и Розанов, профессор Шервинский, поэты Ланн, Рождественский, Шенгели, Остроумов, Шервинский-сын, певица З. Лодий, актер Потоцкий, а также адвокаты, студенты. Состав текуч (большинство живет недели по две), так что нет оснований видеть у МВ «антисоветский салон». Его библиотека для гостей закрыта; есть «шкап с переводным чтивом, открытый для всех». К изданию своей книги *Стихи о терроре* МВ относится с негодованием, считая «величайшим свинством со стороны неизвестного лица» отправить его стихи в Берлин» (КУПЧЕНКО, с. 392-400).

новского орфографические особенности, которые были бы утрачены при записи с голоса («итти», «почталион», «и так», написание двухзначных чисел цифрами), ненормативное отсутствие дефисов («по моему», «какое то», «какнибудь») или, напротив, их наличие («на полпь-янии», «тот-же», «тот-час»), особенности пунктуации (отсутствие вопросительных знаков, непарное число кавычек). Текст не был вычитан автором и не везде был понятен машинистке: в нем содержатся опечатки («слодившись», «ни на ндиный грамм», «рюмке за рюмкой», «человек не марке», «поднянитесь», «телевке») и синтаксические нестыковки («когда тьма перевалит через зенит сотен окон вашего нелепого, облого дома потухнет...», «и в сне в яве»). Первое и второе «письма» слились воедино, у второго письма отсутствует порядковый номер.

Точная датировка рассказа сомнительна. Как правило, для сочинений Кржижановского в лучшем случае известен год создания. Если верно предположение, что А. Г. Бовшек перепечатывала текст уже после смерти мужа, то она же и проставила дату, сверившись с письмом, которое он адресовал ей много лет назад: «Написал еще три рассказа — *Окно*, *Гулливер ищет работы* и *Невольный переулоч* (последний еще не вполне закончен — он довольно длинный)». Письмо точно датировано: 30.08.1933. Возможно, несмотря на слова автора о незавершенности рассказа, А. Г. решила, что читателям лучше иметь хотя бы какой-то хронологический ориентир, и датировала рассказ следующим днем, указав на титуле: 31.08.1933.

При публикации мы старались ограничить вторжение в авторский текст, чтобы в максимальной степени сохранить особенности авторского стиля. Для последнего характерна, в частности, относительная скудость пунктуации (минимум тире, кавычек, ударений, прописных букв). Большей частью, нарратив представляет собой внутренний монолог персонажа, приближенной к литературно необработанной устной речи с её эллиптическими конструкциями и неправильностями.

Проза *Невольного переулоча* фонтанирует языковой игрой. Здесь есть уникальные находки, вроде фразы «он ждет óну», напоминающей о «нет влечется к нёте» из *Страны нётов*. В то же время, придумываются слова (шестизвонковый, отодиноченный, на отодвиге, оддумать, бездвигиться) и словосочетания (ходильная работа, ходить в полшума, будкий сон, дёрги шагов, на полпьянии, гражданин кто-бы-то-ни-было), которые вполне могут встретиться в чьей-либо устной речи.

Велико стилистическое разнообразие. Используется канцелярит и советизмы (отработчик, сверхпаек), задействуется устаревшая лексика (облый) и правила дореформенной орфографии (наречия на ять). Стилизуется «простонародный» говор («Занозил он меня. Обидно») и неправильности (спозаранками, рывкость, дёрги шагов, заадресовать). Подобная сырая, терпкая лексика характерна для прозы Кржижановского. Примечательно, что в процессе последующей переработки он подчас снижал градус письма, уменьшал языковую насыщенность путем приведения к литературной норме². Неоднократны усеченные формулы, усиливающие впечатление того, что рассказчик бормочет себе под нос («все двадцать четыре в сутки»; «года два тому»; «с первым брезгом»).

В пандан к упоминаемым народным обрядам (общинная свеча) ставятся пословицы («хоть на вей-ветер швыряй», «скачу задом и передом»), поговорки («хоть шаром», «руки плетью», «палки в колеса») или отсылки к ним («горбатого могила»). Эта «народность» не должна вводить в заблуждение. Одна из формул («и в сне, и в яви»), быть может, заимствована автором из примечаний В. Н. Карпова к шеститомному изданию сочинений Платона (2-е изд., 1863–1879)³. Кржижановский хорошо знал это издание Пла-

² Это видно в тех редких случаях, когда сохранившаяся машинопись содержит правку писателя, как, например, в сб. *Сказки для вундеркиндов*. См. *Квадрат Пегаса*, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 1, л. 29: «звездным по тьмову» → «звездным по тьме»; *Грайи*, л. 80: «посреди всей цветени, по колению в словах» → «по колению в словах»; *Спиноза и паук*, л. 92 «колючую сложногрань глаз» → «колючий гранёный глаз», л. 93: «волюменов» → «печатных томов»; *Четки*, л. 98 «желтыми обжинками оброненные лучи» → «оброненные лучи», л. 100 «такая полнь» → «такая наполненность»; *Поэтому*, л. 107 «сведенные писчим спазмом» → «сведенные спазмом», л. 118 «ничего-не-надная форма anaesthesia poetica» → «anaesthesia poetica»; *Старик и море*, л. 132: «высердцованный червь» → «червь, вынутый из сердца»; *Итанесиэс*, л. 137: «на зигзаге пути» → «на пути», «дальнюю наорбитную поступь светил» → «дальнюю поступь светил»; *Некто*, л. 149: «к поблескивающему медью горизонтальному толстому стержню» → «к горизонтальному стержню»; *Проданные слезы*, л. 166: «давнул» → «нажал»; *Кунц и Шиллер*, л. 193: «рукопись, с лоскотом, стала... сворачиваться» → «рукопись стала... сворачиваться»; *Страна нетов*, л. 205: «сон просыпается явью, — и входит, явя» → «сон просыпается явью».

³ Ср. *Сочинения Платона, переведенные с греческого и объясненные проф. Карповым*, ч. I–VI, изд. 2-е, испр. и доп. (СПб., 1863–1879). В примечаниях к переводу В. Н. Карпов неоднократно разъясняет греческую пословицу «во сне и наяву», ср. т. 4, с. 112, примеч. 2 (к *Phaed.* 277D): «τὸ ἀγνοεῖν ὄλαρ τε

тона и использовал примечания Карпова в своих теоретических работах. Иногда, писатель сочиняет поговорки «под Даля»⁴.

Большое внимание в рассказе уделяется фонетической стороне. Подбираются и обыгрываются уже существующие в языке созвучные пары (писатель / записыватель; Господу Богу / ей-богу; от нахлеста / нахлестался; письмо в ящик / и меня в ящик), придумываются новые (вскоре / невякоре; суразить несуразицу; перепротивню противное), конструируются омофоны («только у них и темы, что, мол, не те мы») и шуточные этимологии («между словами “почта” и “почтенная” есть даже какое-то родство»).

Отличительной чертой *Невольного переулка* является его кумулятивность. Рассказ начинен афоризмами, годами копившимися в *Записных тетрадях* (см. ниже ПРИЛОЖЕНИЕ), и поговорками, почерпнутыми, вероятно, из *Пословиц русского народа* В. Даля⁵. В не-

каі ѓвар. — Это греческое выражение есть пословица, буквально соответствующая русской поговорке: «**во сне и наяву**»; *оѣт' ѓвар оѣт' ѓлар*, ни во сне, ни наяву»; т. 3, с. 137, примеч. 1 (к *Ремп.* II, 382E): «*Оѣт' ѓлар оѣт' ѓвар* — пословица, совершенно соответствующая нашему наречию *никогда*»; т. 3, с. 454, примеч. 1 (к *Ремп.* IX, 576b): «*Овар* и *ѓлар* у греков в соединении имели силу пословицы: *оѣте ѓвар оѣте ѓлар*, **ни во сне, ни на яву**, то есть никогда. Но в настоящем месте эти слова берутся отдельно, как понятие противоположные, и под словом *ѓвар* разумеется представление о предмете... а словом *ѓлар* выражается та мысль, что предмет, о котором мы только размышляли или мечтали, теперь осуществился»; т. 5, с. 103, примеч. 2 (к *Phil.* 36E): «*Н и н а я в у*, *н и в о с н е*. *Оѣте дѣ ѓвар оѣт' ѓлар* есть выражение собственно про-вербальное и значит: **н и к о и м о б р а з о м**».

⁴ В. Г. Перельмутер указывает на примеры того, как Кржижановский придумывает поговорки в стиле Даля: *Путешествие клетки* 7 (СС, т. 5, с. 185), и примеч. с. 185, или переименовывает их («Бог не в стиле, а в правде»): *Записные тетради* 3 (СС, т. 5, с. 408) и примеч. с. 617. Интерес к народному словотворчеству и фонетической стороне языка у писателя был давним. Уже в раннем сочинении он пишет: «В наивной народной речи, не знающей пресса книги и “буквы”, гербаризирующей слова, можно еще наблюдать пережитки свободного, как бы “хозяйского” отношения к формам звука... Например: “звери всяки, и такѣ, и таки” (из сказки). Парадоксальность и прихотливость свободного словообразования ярко ощущается при чтении “Толкового словаря живого великорусского языка” Даля», *Идея и слово* (1912), СС, т. 5, с. 494-495. А также, *Арго и Ergo* (ок. 1918), СС, т. 5, с. 508: «В словаре Даля есть такой пример фразеологии: “Далеко ли до ***?” — “Близко”. — “А далеко ли до близка?”».

⁵ Ср. письмо Кржижановского к А. Г. Бовшек от 11.04.1940: «Сегодня утром раскрыл Даля и загадал. Вышло: “Ушел завтра — вернулся вчера”». См. также, *Писаная торба* II (СС, т. 5, с. 35): «притащи-ка мне словарь Даля. На Букву “Д”. Он там, на нижней полке... Ну вот, посмотрим... “Дурак — глу-

которых местах текст представляет собой прозаические центоны (ср. пассажи из наречий на ять, из поговорок или переиначенных пословиц).

Рассказчик сыплет горькими афоризмами («лучше красный нос, чем нос по ветру», «уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу»). Текст полон приметам времени (почтовые марки; иерархия жильцов в коммуналке; очереди за водкой и пр.), жизненных зарисовок (неспящий старик), автобиографических деталей (авторские внешность, пристрастие к алкоголю, образ мыслей и жизни), топонимических наблюдений (переулки, примыкающие к Варгунихинской горе)⁶.

пый человек, тупица». Гм, дальше: «от черта крестом, от медведя постом, от дурака — ничем». Устарело: найден способ. (*Перелистывает страницу.*) «Всяк дурак красному рад»... (*записывает, скользя глазами по строкам книги.*) «На дурака и смех плачем прет». «Смех плачем» — полезный штрих, запишем». Н. Семпер упоминает о том, что в 1940-х подарила Кржижановскому *Пословицы и поговорки* В. Даля. Возможно, с ее стороны это был отклик на то, что писатель упоминал об этой книге. Пространное рассуждение об использовании пословиц в литературе см. в докладе Кржижановского *Пьеса и её заглавие* (9. 12. 1939), СС, т. 4, с. 628: «Лев Николаевич в своих дневниках пишет дважды, по крайней мере, о значении русской пословицы, поговорки и загадки. Он находит, что в каждой почти, — не скрою, что у него написано «почти», — русской поговорке скрывается сюжет... Каждая пословица это есть «S есть P». Она всегда двусторонняя, двусторчатая, она всегда звучит равновесно, она всегда страшно конкретна. Я много работал над Далем, о котором существует такое предание. Он даже это рассказал в одном из своих писем, так что это факт. Когда-то он, путешествуя со своим словарем по Узбекистану, потерял верблюда, верблюд издох. Даль вез на нем кипу материалов для словаря плюс кларнет. В течение двух суток он сидел на своем словаре и играл на кларнете. Я думаю, что есть что-то общее между русскими пословицами и этой игрой на кларнете. Пословица зовет к себе, вторгается в мышление и музыкой, и логикой. Пословица, в которой только логика без музыки, или наоборот, никуда не годится. Пословицы можно создавать. Суворов создал целый ряд пословиц... Конкретность поговорок заключается в том, что берут скалку, косу или прялку из рук женщин и объединяют с образом той, которая держит это в руках... «Два братца купаются, сестрица надсмехается». Два братца — ведра, а сестрица — коромысло. Переверните его — как улыбка. Как страшно конкретно. Цель моя — указать только на это, а не на мудрость народную, потому что, если притащить все четыре тома Даля, мы отсюда не ушли бы до нового года и т. д. ».

⁶ В автобиографии Кржижановский указывает, что в 1933 г. издательством Интурист был принят в печать его *Путеводитель по Москве* (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 75, л. 13).

Большей части адресов, по которым направлялись письма из Невольного переуллка, уже не существует⁷. Четные дома в начале Тверской улицы, к которым относился и № 4, были взорваны в 1938 г. во время расширения проезжей части (да и сама улица с 1932 г. стала именоваться ул. Горького). Старообрядческая церковь Николы Чудотворца снесена в 30-х (Илл. 1), а в 50-х были скрыты остатки Варгунихиной горы. Под новой застройкой погребен Варгунихинский (Кривой) пер., в три колена соединявший Шубинский (Долгий) пер. и Смоленскую улицу. Снесена малоэтажная застройка между Смоленской набережной и 1-м Смоленским переулком. Давно исчез вместе со своими 16-ю домами Невольный переуллок (хотя на картах Москвы он продержался до конца 90-х). Как кажется, от него сохраняется проезжая часть: она поднимается параллельно Шубинскому пер. вдоль пятиэтажной стены типографии «Наука» из двора д. № 2, что на Смоленской набережной, а затем поворачивает влево, в сторону 1-го Николощеповского переуллка. Выстоял лишь «облый» дом по адресу Арбат, 51.

Композиционно *Невольный переуллок* (как и повесть *Штемпель: Москва*, имеющая подзаголовок «13 писем в провинцию») оформлен в виде серии писем, из которых последнее имеет признаки обрамляющего (автор выходит за пределы монолога в рамочное повествование). Однако, если письма *Штемпеля* предназначались одному лицу (оставшемуся в Киеве «милому другу»), то модернистская эстетика писем из *Невольного переуллка* определила целый ряд необычных адресатов: упоминается письмо, выброшенное в форточку (на вей-ветер), письма, адресованные «шести длинным дверным звонкам», гражданину Кому-бы-то-ни-было (или его окну), почтальону, жильцу еще не построенного дома, красноармейцу на почтовой марке, опять негаснущему окну.

⁷ Ср. *Штемпель: Москва* (1925), СС, т. 1, с. 538-539: «Вчера попался в руки “Арбат” Белого; очерк говорит о совсем недавнем, о только-только отсутствовавшем; но когда я, полный еще образов “Арбата”, вышел на настоящий Арбат, я сразу же увидел, что отыскать хотя бы бледную проступь отсутствовавшего почти невозможно. Я был раздосадован. В конце концов... камень не тверже воска: каких-нибудь тридцать лет, и все перелеплено заново. Слова, те крепче... Имя, крепко сцепив буквы, сквозь пять веков пронесит свой корень, не отдавая ритма (кленники — клинники — блинники) и меняя звук лишь у красзвучья».

Илл. 1.
Ц. Николая Чудотворца на Варгунихинской горе. Фото 1925 и 1935 гг.
(фото с сайта oldmos.ru [июль, 2012]).

Таким образом, во всех случаях монологи обращены в пустоту, адресатом исповеди является некое не проявляющее себя зияние. Похоже, что семь писем из *Невольного переулка* Кржижановский уподобляет семи монологам Гамлета, которые, как он замечает в другом месте, тоже обращены в пустоту и молчание:

«Метод последних слов ...Вспоминая в своем диалоге *Федон* о смерти учителя, обвиненного в развращении юношества и отрицании бытия богов, Платон приписывает Сократу, уже принявшему цикуту, следующую заключительную фразу всей его жизни: “Не забудь принести в жертву Эскулапу петуха”. Петуха приносили в жертву богу-целителю в благодарность за излечение... Если вы хотите узнать тональность музыкального произведения, достаточно, заглянув в ее последнее тактовое разделение, отметить последнюю ноту: обычно нота эта и является тоникой, т. е. опорным звуком того звукоряда, на котором построена вся вещь. То же самое... говорят нам завершительные сцены шекспировских трагедий. Возьму, для начала, самую известную. “Гамлет”. Протагонисту дано автором семь монологов. Любопытно отметить, что все они обращены не к живым персонажам, а к персонажам, я бы сказал, абстрактным, находящимся за чертой пьесы... От собеседников этих Гамлет не получает в ответ ничего, кроме молчания, — и только умирая, пораженный ударом отравленного меча, он говорит, точнее, повторяет единственную глухую реплику, которую получал в ответ на все свои монологи: “Остальное — молчание” — “The rest is silence”»⁸.

Характерно, что в приведенном отрывке, как и в заключительной фразе *Невольного переулка*, тоже говорится о яде.

Финал *Невольного переулка* — о смерти, свободе, праве оставаться собой в ситуации, когда «коленчатым Невольным переулком» сделалась вся Россия. В пятом письме упоминается изображенный на марке красноармеец, который своей смертью загородил «свое от чужого» (Илл. 2). Его «свое» победило.

Но протагонист *Невольного переулка* ощущает себя посторонним в этом «прекрасном новом мире» («с февралевой душой да в октябрьские дела»). Он вытеснен из бытия, и это угнетает его. «Приклеиться», «держат нос по ветру» — значит существовать в виде «и я» (так Кржижановский именуется голос безликого представителя толпы, имитацию бытия). Вести незаметное существование, быть пустым местом — это еще один вид не сущего: отчужденная

⁸ *Фрагменты о Шекспире* (1939), СС, т. 4, с. 363-364.

жизнь «перегораживает дорогу своему к своему», лишает идентичности (здесь Кржижановский говорит на языке экзистенциализма⁹).

Илл. 2.
Человек на марке.

Схожая проблематика — свобода и детерминизм, личность и социум, революция и индивид — неоднократно обсуждается в прозе Кржижановского. Достаточно указать на рассказы *Штемпель: Москва, Красный снег*¹⁰, *Разговор двух разговоров*. Последний пред-

⁹ Ср. САРТР, ЖАН-ПОЛЬ, *Бытие и ничто* (1943), пер. с фр. В. И. Колядко (М.: Республика, 2004): «Наша жизнь является только долгим ожиданием, ожиданием реализации наших целей... особенно ожиданием себя... Это происходит... из самой природы для-себя, которое “есть” в той степени, в какой темпорализуется... Быть собой — значит идти к себе» (с. 543). Однако для Сартра и Камю самоубийство и пассивность тождественны в том, что являются торжеством экзистенциального абсурда над смыслом и целеполаганием. Камю говорил: «самоубийство — ошибка», «я отвергаю самоубийство» (*Миф о Сизифе* [1941]). САРТР, *Бытие и ничто*: «Сделаться пассивным в мире, отказаться от воздействия на вещи и Других — это значит еще выбирать себя, и самоубийство является одним из способов бытия-в-мире» (с. 560); «Самоубийство является абсурдностью, которая погружает мою жизнь в абсурд» (с. 545). Для Сартра самоубийство является признанием своей неудачи и передачей себя в руки Другого. В философской системе координат Кржижановского, сформированной в кантовско-фихтевской парадигме, подобная аргументация не работает. Всякий Другой есть лишь мозговой конструкт.

¹⁰ Между ними, вообще, имеется ряд перекличек. Например, в финале *Красного снега* появляется философ-кефалофор, и в *Разговоре двух разговоров* тоже упоминается фреска со святым, несущим в руках свою голову, как фонарь. (Изображение святого Кржижановский ошибочно относит к панно «Ал-

ставляет собой диалог, в котором бледный (незагорелый) пляжник¹¹ отстаивает идею свободы и права личности, а загорелый их отрицает. Характерно, что и здесь имеется отсылка к шекспировскому *Гамлету*. На аргументы защитника свободы его оппонент-детерминист отвечает: «Слова, слова, слова». Тогда первый парирует: «Только интонацию принца по нынешним временам приходится заменять интонацией нищего: слов, слов, слов»¹².

Шестое и седьмое письма адресованы жителю «облого» дома, высившегося напротив дома самого Кржижановского. Вначале приведены несколько образчиков *Galgenhumor*. Затем следуют две зарисовки: воспоминание о старике, в буквальном смысле приравнявшем жизнь к бодрствованию, а смерть — к сну¹³, и случай с попавшим под колеса псом, до последнего боровшимся за жизнь.

легория Сорбонны» Пюви де Шаванна, но, скорее всего, образ инспирирован скульптурным изображением св. Дионисия, покровителя Парижа, из Нотр-Дам де Пари. Всего во французской агиографической литературе упоминается более 134 кефалофоров, см. NOURRY, Émile, “Les saints céphalophores. Étude de folklore hagiographique”, *Revue de l’Histoire des Religions* 99 [1929], p. 158-231. Сравнение отсеченной головы с фонарем указывает на второй источник Кржижановского — *Божественную комедию* Данте — *Ад*, Песнь 28, 118-142. В восьмом кругу ада путники встречают Бертрама де Борна:

Я видел, вижу словно и сейчас,
Как тело безголовое шагало
В толпе, кружащей неисчетный раз,
И срезанную голову держало
За космы, как фонарь, и голова
Взирала к нам и скорбно восклицала.

Я связь родства расторг пред целым светом;
За это мозг мой отсечен навек
От корня своего в обрубке этом...

Пер. М. Лозинского, 1932–1945.

К этой сцене существует иллюстрация Гюстава Доре).

¹¹ Ср. *Штемпель: Москва* (1923), СС, т. 1, с. 531: «На Крым мне не хватает червонцев, объяснять же вернувшимся друзьям, почему не загорел, долго и скучно».

¹² Ср. тот же прием в *Красном снеге*, где опустившийся философ предстает в виде нищего, умоляя «подать на философему».

¹³ Зарисовка следует за признанием повествователя в том, что он оказался чужд революции («с февралевой душой да в октябрьские дела»). Схожее рассуждение, представляющее Октябрь (революцию) как ликвидацию ночи (сна) имеется в повести *Штемпель: Москва* (СС, т. 1, с. 526-527).

Парадоксальным образом этот акт проявления животной воли подталкивает рассказчика, не желающего мириться со статусом заложника исторических событий, к решению добровольно оборвать свое существование. Выбор неоднозначный, но легитимизированный стоической философской традицией¹⁴. А возможно, пример с псом демонстрирует разницу между животным и человеком: пес цепляется за жизнь, а человек, которого переехало колесом истории, способен от нее («жизни собачьей») отказаться¹⁵. Это его единственная возможность распорядиться собственной судьбой. Чтобы выйти из Невольного переуллка, нужно покончить с его небытием.

¹⁴ СЕНЕКА, *Нравственные письма к Луцилию* LXX: «Благо — не сама жизнь, а жизнь достойная. Так что мудрый живет не сколько должен, а сколько может. Он посмотрит, где ему предстоит проводить жизнь, и с кем, и как, и в каких занятиях, он думает о том, как жить, а не сколько прожить. А если встретится ему много отнимающих покой тягот, он отпускает себя на волю... Хорошо умереть — значит, избежать опасности жить дурно. По-моему, только о женской слабости говорят слова того родосца, который, когда его по приказу тирана бросили в яму и кормили, как зверя, отвечал на совет отказаться от пищи: “Пока человек жив, он на все должен надеяться”. Даже если это правда, не за всякую цену можно покупать жизнь. Пусть награда и велика, и надежна, я все равно не желаю прийти к ней через постыдное признание моей слабости... Самая грязная смерть предпочтительней самого чистого рабства... Кто захочет, тому ничто не помешает взломать дверь и выйти. Природа не удержит нас взаперти...» (пер. С. А. ОШЕРОВА).

¹⁵ Ср. BOSSUET, Jacques-Bénigne, *Traite de la connaissance de Dieu et de soi-même* (1677) V, 9: «Великая власть воли над телом состоит в том необыкновенном явлении... что только человек является господином своего тела, и может даже пожертвовать им ради большего блага, которое он перед собой полагает... Способность сознательно и разумно решиться на смерть, несмотря на все стремления тела, которое противится такому намерению, указывает на нечто превышающее тело; из всех живых существ это нечто находится только в человеке. Здесь хороша мысль Аристотеля о том, что только у человека есть разум, поскольку лишь он может превозмочь и природу и [общественные] установления». BROCA, Paul, “Discours sur l'homme et les animaux”, *Bulletins de la Société d'anthropologie de Paris*, IIe Série, tome 1 (1866), p. 67: «Согласно Локку, в наибольшей степени людей от животных отделяет способность абстрагирования. Однако, что как не спесивую абстракцию создает пес, когда ласкается к хорошо одетому незнакомцу, но лает на нищего?.. В качестве сущностной характеристики человека многие авторы предлагают свободу. Так, цитируя Боссуэ, мсье Флуран (с. 104) считает, что только человек свободен настолько, чтобы совершить самоубийство... Что до меня, мне вовсе не кажется доказанным, что животное неспособно на самоубийство...». См. FLOURENS, Pierre, *De l'instinct et de l'intelligence des animaux* (4ème éd., Paris, 1861), p. 104.

ПРИЛОЖЕНИЕ

МАТЕРИАЛЫ ИЗ *ЗАПИСНЫХ ТЕТРАДЕЙ*, ИМЕЮЩИЕ СООТВЕТСТВИЯ В *НЕВОЛЬНОМ ПЕРЕУЛКЕ*

Первая тетрадь

СС, т. 5,

- с. 329 ... в натянутых отношениях с жизнью (V. о натяжении веревки висельника).
- с. 329 Жить — это значит втыкать палки в колеса катафалка, на котором меня везут.
- с. 329 Дел по горло, — сказал палач, прилаживая веревку к виселичной перекладине.

Вторая тетрадь

- с. 342 С февралевой душой да в октябрьские дела...
- с. 344 Лъстюга.
- с. 349 Письмо адресовано: «До востребования Господу Богу». Не востребовали. Назад с надписью: «За ненахождением адресата».
- с. 353 Общество трезвости «Красный нос»
- с. 357 Лучше уж красный нос, чем нос по ветру.
- с. 358 *Невольный переулоч* (заглавие).
 - 1. О том, что все письма не доходят.
 - 2. Человек на марке.
 - 3. Невольный переулоч.
 - 4. Перлюстраторы.
 - 5. Самому не-ближнему.
-
- Почтенный (от — почта).
- с. 359 Все мы живем в Невольном переулке.

- с. 361 Эпиграф из Тредьяковского¹.
- с. 365 Нев<ольный> пер<еулок>. Клепсидра (водян<ые> часы), наполненная спиртом: пить время².
.....
Дергающаяся стрелка.
- с. 366 Слова персонажа: «Вихрь революции сшиб с меня шляпу: будем считать это за поклон»

Третья тетрадь

- с. 372 — Надо подтянуться, — сказали человеку.
— Пожалуй.
Человек намыллил петлю и... подтянулся.
.....
Мир есть сюжет.
Несюжетно нельзя создавать.
Бессюжетность бытия.
- с. 384 Совет висельнику: без мыла в смерть не лезь.
- с. 388 Год — 365 шагов к смерти. Все мы живем на верную смерть.
- с. 389 «Исчезла мелочь» — исчезновение мелочи в широком смысле (мелкого, гибель пустыков)
(К *Невольн<ому> переул<ку>*).
- с. 395 Алкоголь дает недоданную человеку жизнь, правда, начисляя 40% с его реальной жизни.
- с. 403 М (средний термин): человек.

¹ Эпиграфом к *Путешествию из Петербурга в Москву* (1790) А. Н. Радищева служат слегка измененные строки из *Тилемахиды* Тредьяковского: «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя». См. ТРЕДЬЯКОВСКИЙ В. К., *Тилемахида* (1766) XVIII, 514-516.

² См. *Клепсидра*, СС, т. 5, с. 303-306.

Сигизмунд Кржижановский

НЕВОЛЬНЫЙ ПЕРЕУЛОК

(ПАЧКА ПИСЕМ — ОТ ОДНОГО ЛИЦА РАЗНЫМ АДРЕСАТАМ)

1.

Тверская 4 и, кажется, 3.

4-й этаж, слева.

— Шести продолжительным звонкам.

Я познакомился с Вами, проделывая зигзаг вашей узкой и достаточно темной лестницы. На квартирной доске — по белому, вкрапленному в красное — внизу стояла ваша фамилия. Но я забыл ее, простите. Помню только, что вы шестизвонковый. Это — уже характеристика¹. Первый, по возможности короткий звонок, забирает себе наиболее почтенный жилец квартиры. Обычно, это отработчик, человек с портфелем. Ему некогда вслушиваться и пересчитывать звонки. После первого металлического толчка о слух, он перестает считать и возвращается к своим цифрам и докладам. Человек о двух звонках уже не существо с портфелем, а существо при портфеле. Оно достаточно почтенно, состоит на сверхпайке², но работает и в сне и в яви³, все двадцать четыре в сутки. Ну, а шестизвонковый жилец, он и не в счет. Это терпеливый человек, которого терпят за терпение. И только. И я знаю, что вы, терпеливо отсчитывающий ваши шесть, настолько покорны, что долистнете эти страницы непрошеного письма до последней. Это единственное, что мне в сущности надо. Быть выслушанным.

Странная болезнь, скажем — письмомания, овладела мной вот каким образом. Это началось года два тому, когда водка создавала внезапные и длинные очереди, а сдачу с рублей давали почтовыми марками⁴. Я пью⁵. Что меня заставляет пить, спросите вы. Трезвое отношение к действительности⁶. Я стар⁷ — у меня рыже-серые волосы и рыжие зубы, а жизнь юна — следовательно, меня надо смыть, как пятно, вытравить водкой начисто. Вот как.

Утро свое я начинал тогда так. Встав спозаранками, я выходил к перекрестку и ждал. Как охотник на току. Вскоре, а иной раз и невскаре, с той или иной улицы перекрестка показывалась телега, груженная деревянными ящиками. В ящиках — запрятанный под стекло и пробки алкоголь. Я выходил из неподвижности и шел за телегой — куда бы она не поворачивала — вплоть до остановки и разгрузки. Чувство такое, будто почтительно шествуешь за катафалком, на рессорах которого твой же собственный прах.

Но не в этом дело. Дело в марках, которыми платили тогда, по недостатке мелочи, сдачу. Что делать человеку, живущему на отшибе от людей, отодиноченному от всех, с марками? Эти клейкие рубчатые прямоугольнички для общающихся, сросшихся сердцами, клеивающихся друг в друга. Марок у меня накопилось препорядочное количество. Они лежали в стороне, на отодвиге, у края стола. И просили работы, осмысления. Я как-то — на полпьянии это было — оторвал рубчики от рубчиков и решил (мы, пьянчуги, знаете, не злы) доставить удовольствие марке.

Но кому писать? хоть шарóm. И ни конверта, ни почтового листа⁸. Но все-таки я набросал мое первое письмо, сложил бумагу лодочкой, приклеил марку и сверху: «Первому, кто подымет». Затем оставалось открыть форточку и бросить в нее, как в почтовый ящик.

Ну вот, так и повелось. Мы, я и мой соавтор, водка, постепенно пристрастились к эпистолярному делу. Нечто вроде духовной закуски. Не обижайтесь. Впрочем вы, шестизвонковые, и не должны слишком быстро обижаться. Кстати, на каком звонке у вас возникает волнение? На четвертом, или может быть на пятом? Ведь если вы он, то ждете óну, а если óна, то ждете óна⁹. А я вот стар и никого уже не жду. И ходит ко мне только проклятое онó: вонзится в душу безглазием в глаза, холодом в кровь — и иногда так станет тошно, так захладеет сердце, что вот бы... впрочем, к чему это я. Бутылка до конца. Пойду за другой. По дороге брошу в ящик письмо. А там и меня в ящик. Ну, пока. Точнее — навсегда.

2.

Арбат, 51.

3-й этаж, первое окно слева, у правого подъезда.

Кому бы то ни было.

Нарочно наклеил в шесть раз больше марок, чем нужно, — их у меня хоть на вей-ветер швыряй¹⁰. Авось, почталион смилостивится и не испугается странного адреса.

Я про вас знаю, гражданин кто-бы-то-ни-было только одно: что над подворотней вашего дома цифра 51, и что в самую глубокую ночь, когда тьма перевалит через зенит, и сотня окон вашего нелепого, облого¹¹ дома потухнет, только ваше окно горит¹², пряча свет за белой занавеской.

Я это знаю, потому что люблю гулять по ночам. Очевидно, вы не в дружбе со сном. И когда все уже оддумали свои дневные мысли и расцепили контакты мозговых полушарий¹³, вы продолжаете идти вслед за мыслью. И я тоже. Нас только двое. Знаете, среди многого множества побратимств, есть и такое: братья по свече. Это из старины. Когда людям не хватает полушек¹⁴, чтобы купить обетную свечу¹⁵, они покупают ее, сладившись¹⁶, и держат ее вместе, пальцы к пальцам. Так вот, мы с вами братья по свече. Друзья по негаснущему думанию. Хотя и не знаем друг друга, ни разу не видели один другого, и вряд ли увидим.

Итак: люблю гулять по ночам. Днем, когда пространство заполнено лучами солнца и по всем излучиям города кружение колес и дёрги шагов, время слабо ощутимо. Оно — лишь тень пространства. Но вместе с ночью, когда вещи, живые и мертвые, бездвижутся, тень выступает на место вещи, тем самым оттесняя ее в сны, в тенеподобную жизнь¹⁷. Над пустыми улицами горят циферблаты часов. И время, шевеля остриями черных стрел, как вот я сейчас острием пера, вписывает свои мысли в тьму.

Наше время — это время времени. Мы отказались от захвата пространств, от аннексии территорий. Но мы захватили себе время, аннексировали эпоху. И эта новая социалистическая собственность должна быть тщательно и додонно изучаема. Я это делаю, как умею.

Глубокоуважаемое негаснущее окно, я часто беседую с вами, стоя на противоположном тротуаре. Никто нам не мешает, кроме

редких голосов пьяниц и набегающего грохота ночных грузовиков. Время мне представляется то вихрем секунд, то водопадом, падающим вниз: в грядущее¹⁸. Если у ветра секунд хватило баллов, чтобы сорвать с меня шляпу (а иным это стоило сорванной головы), то значит ли это, что я раскланялся с революцией? Вот в этот вопрос — как капля в камень — и вдалбливаются все мои мысли.

Сейчас надо жить, распрямясь во всю душу. Уровень жизни так поднялся, что подбирается к горлу. Легко стать утопленником смысла. Но что делать тем, чья душа старчески ссутулена? Или горбатуму? Обращаться — как консультирует пословица — за помощью к могиле?¹⁹ Очевидно, так.

Вы не отвечаете, окно. Вы молчите светом. Хотя как-то на днях мне показалось, что я получил от вас, именно от вас, строку в три слова. Строка золотилась круглыми буквами по черной дощечке: «Уходя, погаси свет»²⁰.

3.

Почтальону.

Товарищ почтальон, это письмо не надбавит шагов к вашей ходильной работе и не сделает вашу сумку тяжелее ни на единый грамм. Боюсь, только, что привычка носить письма заставит вас отнести и эти строки к себе на квартиру. Но я советовал бы вскрыть его немедленно, прочесть и выбросить: в ближайшую урну.

Я очень уважаю труд почтальона. По-моему, между словами «почта» и «почтенная» есть даже какое-то родство. И всё-таки, я утверждаю — только не торопитесь обижаться — что ни одно письмо ни до кого, никогда и ни разу не дошло. Полностью. До последнего своего смысла.

Разумеется, я не хочу этим хоть в самой малой степени порочить работу почтальона. Почтальон добросовестно стучится в дверь. Но стучать в сердце и достучаться до него — это не входит в круг обязанностей письмоносца.

Почтальон вручает конверт. Но уверяю вас, что письму со штемпелем «Владивосток», врученному в Москве, предстоит гораздо более длинный путь, чем тот, который оно уже проделало.

Мы ликвидировали, или почти ликвидировали неграмотность. Это очень хорошо. Кто спорит? Но что мы сделали для ликвидации духовной неграмотности? Ведь все мы понимаем друг друга по слогам, еле-еле, не умеем читать чужое чувство, суть, спрятанную в букве.

И всё-таки, я угадываю в вас, мой случайный адресат, некое ощущение обиды, а то и скуки, которая вот-вот — через секунды — швырнет мое письмо прочь. Потерпите еще пару строк. Дело в том, что по мере того, как в чернильнице — капля за каплей — убывают чернила, в пишущем — рюмка за рюмкой — прибывает водки. Вы сами, вероятно, иной раз не прочь. Ваше здоровье. Недавно, после двух флаконов, я взял да и написал открытку Господу Богу. Так и заадресовал: «Богу. В собственные руки». Ей-богу. И идя за третьей склянницей²¹ опустил открытку в ящик. Проспавшись я и забыл о ней, но она обо мне нет. Через два дня получаю письмо обратно со штемпелем: «За ненахождением адресата». Скажите после этого, что наша почта не четко работает. Ваше здоровье.

Но о чем бишь мы? Ах, да, о конвертах. Мысли боятся солнца, одергиваются от нахлеста лучей. Впрочем и я, кажется, нахлестался. Перед глазами рябь какая-то и прыг пятен. Да, сперва мысль под теменем, в костяном конверте, потом в бумажном конверте. И легче проломить костяной, чем вскрыть — пойми ты, вскрыть — бумажную кожуру до... Фу ты черт, мысли шатаются, как пьяные. И чернильница почему-то на полу. Чернильница. Не догнись. А перо всхт-²².

4.

Невольный переулок, д. 16, кв. 1.

Госспирты²³ стали открываться почему-то только в 11. Вышел в 10 и принужден был бродить, пока не снимут железной решетки. Сперва пошел по Варгунихиной горе и постоял рядом с обезглавленной единоверческой церквушей²⁴. Внизу, где раньше был голый берег, теперь веселый зеленый сквер. Если всмотреться, за Москвой-рекой и за Бережками виден черный циферблат Брянского²⁵. Золотая стрела тянула по его кругу минуты медленно и натужно, как носильщик, работающий сразу на двоих пассажиров. Потянуло

ветром. Я повернул ему спину и вошел в Варгунихинский переулок. Несколько коленчатых поворотов²⁶ и неожиданно для себя я очутился в незнакомой улочке, обставленной одно и двухэтажными домиками. Ничего в ней не было, останавливающего внимание. Как и все другие. Только вот название — белыми буквами по синему фону: «Невольный переулок».

Вас еще нет здесь, человек, которому пишу. Нет уже потому, что домов у переулка всего четырнадцать, а № 16 только строится, растет кирпичами вверх. Мне не хочется, чтобы это письмо дошло слишком скоро. Пусть оно доберется до ваших глаз вместе с будущим, о котором сейчас думаю.

Невольный переулок: четырнадцать с половиной домов, а вот мне показалось — на минуту показалось — будто длиннее он²⁷, выкручивая колена из колен, сквозь всю Россию, и будто не счесть невольных вселенцев его, таких вот как я. Ведь я и мне подобные, а нас не так уж мало, все мы живем в Невольном переулке истории.

Что мы сделали, чтобы пришла Она, вы знаете о чем я говорю. В лучшем случае мы выкликали ее, как в деревнях выкликали весну. Веснянками²⁸. И веснянкам нашим нужна была в сущности так, веснишка. А пришла весна, пугающе юная, настоящая весна. Цветение её слишком ярко для наших глаз. И мы прячем глаза под консервы²⁹. «Оханьем поля не перейти»³⁰ — а мы хотели перейти его именно... оханьем. В то время, как другие, подымая на плечи тяжелые плиты дней, мостили ими дорогу в революцию, подлинную дорогу гигантов, мы отрывали календарю легонькие листочки, изредка лишь взглядывая на сколько секунд прибавилось солнце и что на сегодня предлагает отрывной: бульон с гренками или раковый суп.

Да, какой может быть праздник в Невольном переулке. Невольный. Какая радость? «Нечаянная», как озаглавил её еще Блок³¹. А жить можно только чайным, бытие с чужого плеча — небытию сосед. И все мы, как это учили нас в школе, — «возле», «ныне», «подле». А что подлее «подле»? Из него «вчуже». Это для меня стало теперь — «после» — «въяве», и исход лишь в том, что — «вкратце», «вскоре»³²... Но зачем об этом так вот, «вообще»...

5.

Человеку на марке.

Вот я вижу вас в вашем зеленом бумажном окошечке. Ваши плечи выдвинуты над рубчатым подоконником, а поднятая вверх голова охвачена суконным шлемом³³. Вот я вас приклеиваю к письму вам же адресованному. Я, человек не умеющий ни к чему приклеиться. Безклейное существо. Безклейное, но келейное.

Я завидую вам. Это благородная профессия: отдавать жизнь не минутами и не часами, а сразу всю, не раздробью, а целиком. Загородить своим трупом свое от чужого. Я тоже, собственно, кандидат в трупы. Потому, что живой перегораживаю дорогу своему к своему. Логика требует: убрать³⁴. Но кроме логики есть еще и...

Сперва, когда это случилось, пробовал вместе с другими. С вами. Голосовал, заседал, говорил речи, одним словом — во все открытые двери. Но как-то рабочий один, лицо у него было похоже на ваше, отслушал одну из моих речей и сказал: «с февралевой душой, да в октябрьские дела»³⁵. Занозил он меня. Обидно. Но обиднее обиды то, что верно.

Конечно, было много и другого. Не сразу я понял, что вот скачу задом и передом, а дело своим чередом³⁶. Ну а там руки плетью³⁷. И к чему, в самом деле, вставлять палки в колесо катафалка, на котором тебя везут. От людей я отошел и завел дружбу с бутылкой. Пью.

Теперь даже детишки с нашего двора, увидев меня, кричат: «дяденька красный нос».

Ну что ж, лучше красный нос, чем нос по ветру. Как вы полагаете, человек на марке?

6.

Арбат, 51. 3-й этаж.

Негаснущее окно у правого подъезда.

Я опять к вам, окно. Наверное, вы писатель. Кому другому бодрствовать у ночной лампы. Признаться, я не люблю наших писателей. Одинаковые какие-то и все про одно. Жизнь выбросила уйму тем, сюжет на сюжете и сюжетом погоняет. А они трусят сюжета. Только у них и темы, что, мол, не те мы³⁸. Правильно. Ну а дальше?

Чернильницей, вы, писатели, пользуетесь так, как осьминог своим чернильным мешком: для самозащиты. Замутит свое вокруг и «отмежевался». И каждая последующая книга удирает от предыдущей. С осьминогим проворством.

В общем не то литература, не то игра в пёрышки³⁹ и пятнашки: чуть пошалил пёрышком, сейчас тебя и запятнают. И опять сначала.

Но у вас, наверное, свое окно в мир и вы поймете меня.

Сам я, разумеется, никакой не писатель, а так... записыватель. Если какой-нибудь образ увяжется за мозгом и начинает преследовать меня, я иду на него с пером, как с рогатинкой. Вот, например, выписываю подряд⁴⁰, не пробуя суразить несуразицу:

— Подтянитесь, — сказали человеку. «Хорошо», ответил тот, пошел и повесился.

Покойный был лстыога. Он даже и в петлю попробовал без мыла пролезть.

Сначала повесничал, а после повесился.

Не будет преувеличением, если сказать о висельнике: он в натянутых отношениях с жизнью.

Ну и так далее, около дюжины вариантов: вроде вариаций Шуберта на тему⁴¹. Сижу и придумываю, пока не перепротивню противное. Тогда легче как-то. Но вам, другу бессонниц, я хочу предложить одну тему. Пожалуй, даже две. Не откажитесь от скромного подарка. Ведь всякая мысль, всякий замысел тянется к форме. У меня её нет. Но там, под желтым светом вашей лампы, авось замыслам не будет отказано в том, о чем они просят.

Первая тема, в сущности, и не придумана, а наблюдаена. Ещё в молодости я знавал одного любопытного старика крестьянина. Звали его Захар. Про свою старость — а было ему под 80 — он говорил, что она обижает его. Именно обидчивое отношение к своей немочи, к грузу годов, отнявшему возможность работать в поле и по хозяйству, заставило Захара покинуть избу и разросшуюся семью и уйти в сторожа. Сторожил он где-то под городом, на складах⁴². Работа не требовала мускульной силы (тряси колотушкой и только). Нужна была лишь способность бодрствовать: от всех вечерних до

всех утренних зорь. Старик и так спал чрезвычайно мало, легким и будким сном. Теперь, честно выполняя обязанность, он стал жить на сплошном бдении.

Во время ночной работы он иной раз как бы прикручивал фитиль сознанию, но никогда не гасил его. С первым брезгом⁴³ старик проделывал несколько вёрст, отделявших склады от его дома. Здесь он тоже никогда не ложился. То присядет на завалинке, подставляя голову теплему солнцу, то помогает сыну в какой-нибудь легкой работе, то подшивает лапоть, штопает валенок или одежду. А с вечерними сумерками опять на работу.

Я был тогда молод, платил сну третью жизни — полностью, и для меня был крайне занимателен и непонятен этот своего рода феномен. Не раз я спрашивал Захара, как ему удастся жить врозь со сном. Старик, ясно улыбаясь, отвечал: «А что спать-то по мелочам? как-нибудь завалюсь и сразу на веки веков».

Взгляд у Захара был очень зоркий, острый. Он различал породы птиц, присаживающихся на дальних нитях телеграфных проводов. Казалось, несмежаемость глаз надбавляла им силы, а непрерывность сознания уменьшает его рывкость, дает какое-то преимущество перед другими сознаниями, каждодневно обрываемыми сном и снова стягиваемыми узлом при пробуждениях.

Захар говорил мало, но всегда веско и точно. Если ему прекословили, зомолкал. Молчал он как-то сверху вниз.

И вот однажды, отсторожив ночь, Захар вернулся — как обычно — к своим. Сперва он посидел под стылым осенним солнцем. Потом, по просьбе сына, взялся за одну из ручек пилы, чтобы помочь ему распилить тележку⁴⁴. Зубья заходили было, разрывая древесные нити, как вдруг старик отвел руку, отошел к крыльцу и только с порога повернулся к удивленному сыну:

— Иди за попом. Сегодня засну.

Сын стоял оторопело на месте.

— Ну чего испугался, дурак? Делай, что говорят.

Вскоре пришел священник. Захар, успевший одеть чистую рубаху, исповедался и причастился. Сделал распоряжения по хозяйству: починить свинную кровлю до дождей, подоткнуть забор, чтобы ветром не сносило. Затем сел на завалинке. Домашние и соседи опасно оглядывали старика. Ходили в полшума. Кто-то спросил его: не перейти ли в избу. Старик не ответил. Он слегка поклевывал носом, и

тугая зевота растягивала ему рот. Сперва он подоткнул голову локтями. Но так было неудобно. Прилег вдоль завалины и разогнул ноги. Лицо его было повернуто к холодному осеннему солнцу.

Жена робко подошла к спящему:

— Захар Егорыч, пошел бы на полати. Захолодит тут тебя.

Не слыша ответа, она притронулась к опавшей руке спящего. Действительно, его уже захолодило: смертью.

Ну вот вам одна тема. Может, не побрезгуете. Ну, а другая, не знаю, стоит ли... Лучше отложим. Устал. Если факт мой подойдет вам, советую подлитурировать его, кое-что соскоблить, убрать. А то еще какой-нибудь дурак скажет: мистика.

Кстати, давно собираюсь спросить: соседи ваши — за то, что жжете столько электричества — наверно учиняют вам склоку?

7.

Адрес тот же.

Другая моя тема: обо мне. Прилагаю несколько копий моих писем. Написал их по памяти: большинство завалилось в беспамьять. Материала, конечно, мало. Но всё-таки. Заглавия не подсказываю, сами лучше моего придумаете, но мне, персонажу, хотелось бы: Невольный переулок.

Письмо это — последнее. Больше не буду беспокоить. Всё бы это, может быть, тянулось бы и тянулось, если б не один пустячайнейший случай.

Сегодня утром видел, как в сумятице колес раздавило автомобилем пса. Выдавило кишки и... но не в этом дело. Пес был еще жив. Ему оставалось несколько секунд. Породистый, сильный зверь. Он встал на качающихся ногах, вытянув вперед залитые кровью глаза. Хозяин бросился к нему. Вслед за ним и еще несколько прохожих. И в ответ на протянутые руки пес стал кусать, яростно кусать всё что ни попадало под зубы. Круг людей испуганно расширился. Пёс, издыхая, продолжал лязгать зубами. Его слепнувшие глаза видели перед собой смерть, неминуемую смерть, и он защищался. Защищался до последнего. Мудрый зверь. Потом короткая конвульсия, и все.

Я тотчас же вернулся домой, так и не дойдя до госспиртовой вывески. Невольный переулок пройден. Теперь я не неволен. И сегодня я чокнусь с судьбой. Но в рюмке моей будет не водка: другое⁴⁵.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ср. *Красный снег* (СС, т. 5, с. 148): «На двери дощечка: «врачу Бухгалтеру — три раза, Ю. Ю. Тишашеву — два раза, Безносенко — один раз, И. Я. — ни разу». Рука Шушашина в нерешительности описала круг около звонковой кнопки: интересно бы взглянуть на этого И. Я.; только как до него добраться?».

² *Сверхлаек* — обычный паек плюс дополнительные продукты.

³ В машинописи «и в сне в яве». Быть может, эта поговорка заимствована из Собр. соч. Платона в пер. В. Н. Карпова (об этом см. в нашей статье *выше*).

⁴ Ср. Чехов А. П., *Письма* (1886): «В редакцию “Радуги”... Имею честь просить уважаемого г. Мансфельда сочинить мне для домашнего обихода четыре комедии, три драмы и две трагедии погамлетистее, на каковой предмет по изготовлении их вышлю три рубля. Сдачу прошу переслать почтовыми марками... Полковник *Кочкарёв*». В России, как правило, почтовые марки заменяли мелкую монету во время нехватки последней. Так, во время Крымской войны марками выдавали сдачу с рубля. В годы Первой мировой и до 1917-го г. для этого использовались почтовые марки копеечных номиналов из юбилейной серии, выпущенной в 1913 г. к 300-летию юбилею династии Романовых. Надпись на них гласила, что они имеют хождение наравне с медной или серебряной разменной монетой. Следующий разменный кризис относится к началу 1920-х и, в основном, был преодолен к началу 1925 г. В 1942 г. магазины в Красноярске, Ачинске, Канске, Абакане давали сдачу почтовыми марками.

⁵ Ср. написанное в 1920-х гг. письмо Л. Крюгер, киевской знакомой Кржижановского (РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 87): «Я так рада, что Вас повидала, что познакомилась с очаровательной Анной Гавриловной. Но как я Вас не люблю, я нахожу, что Вы ее не стоите, а не стоите из-за Вашей отвратительной (простите откровенность) склонности. Вы знаете, о чем я говорю. Зима, милый, бросьте это, возьмите себя в руки, ведь Вы себя губите...». См. письма Кржижановского к А. Г. Бовшек: «Мыслям (в летние месяцы) вход в мою голову строго воспрещается, — если какие и протиснутся под темя, немедленно заливаю их водкой» (19. 07. 1931); «В магазинах по-прежнему ни капли водки: а ведь мозгу необходим хоть какой-то малый % иллюзий» (16. 07. 1932); «Пью значительно меньше, стараясь заменять водку легким столовым вином. Я понял, что это необходимо, иначе нервы не выдержат и работа кракнет» (04. 08. 1933); «Пью микстуру — и самочувствие мое значительно лучше. Стараюсь помогать этому, переходя с водки на красное вино. Это стоит дороже, но здоровье еще дороже» (20. 06. 1938).

⁶ Ср. Бовшек А. Г., *Глазами друга* XII, о Кржижановском во втор. пол. 1930-х гг.: «Ни явь, ни сон не давали ему покоя, алкоголь стал для него необходимостью. Когда его спрашивали, что привело его к вину, он говорил, отшучиваясь: “Трезвое отношение к действительности”». Тот же каламбур см. в музыкальной комедии *Поп и поручик* (1934–1938), РГАЛИ, ф. 2280, оп. 2, ед. хр. 22 и 23.

⁷ К 1930-му г. автору исполнилось 43 г.

⁸ *Почтовый лист* — специальный лист бумаги, который можно было сложить и отправить без конверта.

⁹ В машинописи ударения отсутствуют. Скорее всего, автор склоняет местоимение «он» по образцу существительного «дон» (им. пад., м. р. «дон», ж. р. «дѡна»; вин. пад., м. р. «дѡна», ж. р. «дѡну»). Ср. Пушкин А. С., *Каменный гость*: Дон Гуан: «...Он Дону Анну взаперти держал». В теоретических работах Кржижановский пишет о доне Армадо из комедии Шекспира *Бесплодные усилия любви*. Как и в *Невольном переулке*, «дон» ассоциируется с эпистолярной активностью, которая достойна смеха, выпренна, глупа и пр. Ср. *Комедιοграфия Шекспира*, СС, т. 4, с. 180-181: [Костард] «сует любовное письмо № 1 не в те руки... В той же пьесе... странствует, тоже не попадая по своему адресату, другое письмо (№ 2), сочиненное выпренне глупым доном Армадо... Многозначность дон Армадо опережается более краткими любовными предложениями его соперника...»; *Фрагменты о Шекспире*, СС, т. 4, с. 381: «Раскроем письмо великолепного дон Армадо, написанное полуграмотной простушке... Пока выпренный автор пишет это письмо... он превращается в человека, перед которым откатывается трап, ему уже не взойти на корабль». В то же время, фонетически слово «ѡну» отсылает к ц.-слав. местоимению — личному (ѡнѡ) или краткому указательному (ѡна), что создает дополнительные смысловые обертоны в контексте прочих случаев использования в рассказе старых лексических форм («ѡбло» или правила на правописание ятей). Рассматриваемые строки могли бы выглядеть так: «Если вы ѡнѡ, то ждете ѡнѡ, а если ѡна [или ѡнѡ], то ждете ѡного... И ходит ко мне только проклятое ѡно [или ѡнѡ]» (благодарю А. И. Грищенко за консультации относительно церковно-славянского языка). Схожее словотворчество встречается у Кржижановского в рассказе *Страна нетов*, в котором повествуется о несуществующих жителях несуществующей страны: «нѣт влечется к нѣте, не зная, что нѣты нѣту» (СС, т. 1, с. 266). Заметим, что здесь тоже присутствуют дополнительные смысловые отзвуки, поскольку «Нетой» в письмах Кржижановский именует свою жену Анну (ср. Аннета, Неточка Незванова у Ф. М. Достоевского).

¹⁰ Ср. Даль В. И., *Пословицы русского народа в двух томах*, изд. 2-е, т. 1, раздел «Язык-речь» (СПб. – М., 1879), с. 522: «Это на вей-ветер сказано»; *там же*, с. 530: «Он на мах (на ветер, на вей-ветер) слѡва на молвит»; *там же*, т. 2, с. 430: «Вей по ветру».

¹¹ *Облый* — тучный, неповоротливый. См. Третьяковский В. К., *Тилематиха* (1766) XVIII, 514-516:

И напоследок, нежели тотъ преужасный-Песь Керверъ,
Чудище обло, озорно, огромно, съ тризъвной и-Лаей,
Из челюстей что-своихъ кровь-блюеть ядовиту и-смольну...

(*Сочинения Тредьяковского*, т. 2/2, издание Александра Смирдина [СПб.: В типографии Императорской Академии Наук, 1849], с. 576).

Вариацией на эти строки является эпитафия, которым А. Н. Радищев предварил свое *Путешествие из Петербурга в Москву* (1790): «Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лайя».

¹² О горящем ночью окне см. в рассказе *Красный снег*.

¹³ Ср. *Красный снег* (СС, т. 5, с. 155): «Лежа лбом к стенке, он пробовал слабеющими мыслями развязать и сбросить с себя день... Но связи путались и стягивались узлами, и тесный день продолжал охватывать мозг».

¹⁴ *Полушка* — название мелкой монеты (чаще всего равнялась 1/4 копейки). Последние полушки отчеканены в России в 1916 г.

¹⁵ *Обетную свечу* — по народному календарю на Украине, в Белоруссии и в западных областях России 15 февраля отмечали «Громницы», праздник встречи зимы с весной, посвященный языческому богу весны Громовнику. Весну в этот день встречали песнями-**веснянками**. Праздник, связанный с культом огня, совпадал с православным праздником Сретения Господня, заменившим поклонение огню на чествование свечи. Несколько дворов в деревне объединялись, чтобы топить воск на общинную свечу, которая именовалась также обетной. В праздничную ночь процессия с общей иконой и общей обетной свечой по очереди обходила все избы. Громничная, или сретенская, свеча обычно наращивалась несколько лет подряд. Когда она достигала пуда... ее сдавали в церковь. Свечу могли попросить, чтобы отслужить молебен на дому, причем за очередностью таких просьб строго следили. Громницу давали в руки покойнику в минуту кончины, чтобы ее пламя помогло человеку в загробных мытарствах. Дольше всего почитание свечей сохранялось в Белоруссии, у русских этот обычай утрачен. — См. «Громницы», *Википедия* (ru.wikipedia.org [июль, 2012]).

¹⁶ В машинописи: «слодившись», что допускает вариант «сложившись».

¹⁷ Ср. стихотворение С. Д. Кржижановского *Magnus Contemplator* (ок. 1918): «Quod est finalis Causa? — он пишет, / И видит: тени пали от идей; / Из теней мы. И нас в волнах колышут / Удары Логоса немеркнущих лучей», написанное под влиянием строк Вл. Соловьева (1895): «Милый друг, иль ты не видишь, / Что все видимое нами — / Только отблеск, только тени / От незримо-го очами?» Тема противостояния и переплетения нумена и феномена, вещи и тени, реальности и сна проходит сквозь все творчество Кржижановского. Ср. *Страна нетов* (1922), СС, т. 1, с. 266: «...нельзя сказать с уверенностью, существует ли тенное тело или не существует. Правда, неты учат своих малых нетиков, что тени отбрасываются какими-то там вещами, но если рассудить здраво, то нельзя с точностью знать, отбрасываются ли тени вещами, вещи ли

теньями — и не следует ли отбросить, как чистую мнимость, и их вещи, и их тени, и самих нетов с их мнимыми мнениями»; *там же*, с. 276: «Я покинул нетовую страну, где тени отбрасываются вещами, а вещи отброшены теньями... Снова пересек я миры: мир теней без вещей; мир вещей, оброненных теньями; мир теней, трусливо дрожащих у подножия вещей (здесь я окончательно простился с моими знакомцами нетами), — и наконец достиг страны, где вещи без теней: здесь все было залито не покидающим зенита светом»; *Философема о театре* (1923), СС, т. 4, с. 50-51: «Но вещи, которые легко мыслимы без теней, которым тени для их бытия не нужны и излишни, все же неизменно обрастают движущимися пятнами теней. Нумен, вещь в себе, которой достаточно себя для себя, все же вопреки всяким логикам и мыслимостям, обрастает феноменами... Брошенные из мира сутей в мир возникающих и никнущих явлений, мы продолжаем относиться к ним, как к сутям: свои представления принимаем за вещи. Но переставив их с земли на помост сцены, из мира явлений в мир явления явлений, мы и относимся к представлениям, как к “представлению”, не ища за этим сном во сне никаких вещей»; *Штеммель: Москва* (1925), СС, т. 1, с. 532: «Тени, в отрыве от вещей, быт в отрыве от бытия — бессильны и мнимы. Ведь быт — “и я” бытия; своим “я” он не богат. И если уж отрывать от вещи тень, от бытия быт, то незачем останавливаться на полпути; надо, взяв быт, оттяпать ему его тупое “т”: бы — чистая сослагательность, сочетанность свободных фантазмов, которые так любит А. Грин, — вот первый выход из мира теней в мир прихотливой романтики; бытие, в которое, как слог, как ингредиент, включен быт, — вот второй выход из “обители теней”: он известен, пожалуй, лишь одному Андрею Белому»; *Боковая ветка* (1927–1928), СС, т. 1, с. 491: «Леди и джентльмены, сны и сны, / Солнце — лишь грош из рваной сумы... / Жизнь — стлань теней, лёт лет над Летой. / Уснуть-умереть: “За власть поэтов”»; *Швы VI* (1927–1928), СС, т. 1, с. 407-408: «Мне позволены только тени от вещей; вещи вне моих касаний... Мне невыгодно, понимаете, невыгодно повторять вслед за всеми: тень отброшена вещью. Нет, в моем минус-городе, в призрачном, минусовом мирке имеют смысл лишь минус-истины, — лишь упавшая на свою вершину правда. Следовательно: вещь отброшена тенью... Если оттуда, из иного мира, не дано мне ничего, кроме поверхностей, теней, лжей и обложек, то и я вправе заподозрить, что под всеми их обложками — лжи, и что все их вещи — тени моих теней»; *Сэр Джон Фальстаф и Дон-Кихот 4* (1936), СС, т. 4, с. 346: «Дон Кихот бьется за иллюзии, за сны против яви. Сэр Фалстаф... знает, что пробуждение всегда побеждает сон, что не тени, как бы ни прекрасны были они в своем силуэтном контуре, отбрасывают вещи, а вещи отбрасывают тень... Иллюзии Фальстаф противопоставляет иронии, теням — реальные... вещи»; *Фрагменты о Шекспире* (1939), СС, т. 4, с. 375: «Дон Кихот рассказывает раскрывшим рты от изумления слушателям о тенях людей, населяющих таинственную пещеру. Тени эти, однако, действуют по закону солнца»; *там же (Шекспир и пятиклассник)*, с. 383: «Раньше казалось все так просто: вещи отбрасывают тени, а теперь получилось: тени отбрасывают вещи, а может быть, вещей и вовсе нет, а есть лишь “вещи в себе”. Но как же тогда существуют тени? И значит, “я” — тень...».

¹⁸ Таким образом, в представлении автора время течет из прошлого в будущее, сверху вниз.

¹⁹ Ср. «Горбатого могила исправит». — Даль В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 445: «От старости зелье — могила», *там же*, с. 551: «От старости — могила лечит...», *там же*: «Упорного вылечит дубина, а горбатого могила».

²⁰ Ср. *Фрагменты о Шекспире*, СС, т. 4, с. 358: «В сущности, все сокращенные заглавия, которые мы читаем над входом в автобус, в магазин, в библиотеку, в музей, — всегда содержат в себе момент заглавности: “Уходя, гаси свет” (пригодно для новеллы о фашистском режиме) — ... “Столовая закрыта на обед” (комедийный сюжет времен НЭПа) — “Остановка по требованию” (тема самоубийства)». Ср. *Красный снег*, СС, т. 5, с. 152: «Шушашин хотел было толкнуть дверную ручку, но дорогу ему перегородил кусок картона, подвешенный на шпагате: “Столовая закрыта на обед”».

²¹ *Скляница* — штоф, бутылка для вина или водки. Ср. Даль В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 277: «Охоча старіца до скляницы».

²² Автор намеренно сделал это последнее слово на стр. 6 машинописи неразборчивым и оборванным. Оно составлено из четырех случайных букв и добавленного к ним знака переноса. Следующая, пронумерованная седьмая страница исправно начинается следующим, четвертым письмом.

²³ Центральное управление государственной спиртовой монополии (Госспирт) ВСНХ РСФСР (1918–1925 гг., Москва). В 1918–1921 гг. именовалось Центроспиртом и Главспиртом, с 17. 12. 1921 г. переименовано в Госспирт. Учреждено для того, чтобы на началах государственной монополии производить, хранить и реализовывать этиловый спирт и спиртопродукты. Ликвидировано 8. 07. 1925 г. Ср. газета *Псковский набат* (6. 10. 1925): «Продажа водки началась вчера в городе... У магазинов Госвинсиндиката и Госспирта стояли громадные очереди».

²⁴ *Единоверческой церквушей* — ц. Николая Чудотворца Николо-Смоленской старообрядческой общины, построенная в 1914–1915 гг. Закрыта в 1931 г. (здание передано под клуб завода «Напильник»), снесена в конце 30-х годов. Варгунихина гора находилась на Смоленской набережной рядом с Бородинским мостом (скрыта после войны).

²⁵ *Брянский вокзал* — после 1934 г. переименован в Киевский.

²⁶ Ср. ветер, несущий рассказчика по переулкам, в *Красном снеге*.

²⁷ Ср. Белый А., *Африканский дневник* (1911): «На желтеющем башенном кубе рождается в небе песков — удлинение башенки...; то — все минарет; он трехъярусен: принадлежит он, должно быть, мечети, которой второй минарет (одноярусный) просто **длиится** под бурое облако пыли».

²⁸ *Веснянки-заклички* — календарные обрядовые песни у украинцев, белорусов и части русских. Ср. *выше*, примеч. 15.

²⁹ *Консервы* — очки-консервы (goggles), защитные, облегающие очки.

³⁰ Ср. *Мухомолон*, СС, т. 1, с. 219: «Душа мухи порешила так: “Оханьем поля не перейти”».

³¹ Блок А., *Нечаянная Радость. Второй сборник стихов* (М.: Книгоиздательство «Скорпион», 1907).

³² Обыгрываются наречия на букву ять, которые гимназисты должны были заучивать наизусть. Ср. *Материалы к биографии Горгиса Катафалаки 2* (1929), СС, т. 2, с. 267: «Никакие отсихпоры и досихпоры, “*возль – нынъ – подль – послъ*”, заколачиваемые учителями, точно тугие пыжи, в мозг Горгиса, не держались в нем никак». Ср. также ГОВОРОВА Вера Андреевна, *Из дневника* (о годах обучения в гимназии уездного города Севска): «Хорошие учителя у нас были редкостью. Вот, например, Венедиктова, учительница русского языка, гроза гимназисток 1-4 классов... Требует зубрежки всех правил грамматики. В классе мёртвая тишина. Вот она открывает журнал, поднимает руку с пером и держит её над фамилией вызванной, как дамоклов меч над головой девочки. Потом вопрос к ученице, например, “Назови наречия на букву ять”. Наверное, до смерти все её ученицы будут помнить это правило из грамматики Пуцьковича. Помню его и я: “*Возль, нынъ, подль, послъ, вчужъ, въявь, вкратцъ, вскоръ, вгрно, ргьдко, непремгнно, гдъ, отмгнно, внъ, совсъм, слъва, нъкогда, нигдъ, нигдъ кромъ, вдалекъ и вдвойнъ, вчернъ, соборнъ да пшником, наединъ. Оттолъ, отселъ, отколъ, дотолъ, доселъ, доколъ*”. Стоило девочке на секунду остановиться или переставить слова, как уже в журнале стояла жирная единица, и вызывалась следующая жертва», — публ. http://blogs.mail.ru/mail/bookmg/163134C01_BA8AEE5.html (июль, 2012); ЗАЗУБРИН В. Я. (1895–1938), *Два мира* (1921): «Колпаков лежал в беспамятстве... [Он] плакал в бреду, как мальчик. — Иван Иванович, за что вы мне двойку поставили? — умоляющим голосом, всхлипывая, спрашивал больной. — Ведь я же знаю все наречия на ять. Колпаков бормотал, как школьник, хорошо выученный урок: — *Возль, нынъ, подль, послъ, гдъ, отмгнно, внъ, совсъм, вдвойнъ, тройнъ, вчернъ, наединъ*. Иван Иваныч, я и на “е” знаю, поставьте мне три, ну хоть с минусом. Иван Иваныч, — молил больной офицер. — *Вовсе, прежде, еще, крайне, втуне, вообще*. Коренные слова знаю, знаю, — вдруг весело закричал Колпаков и зачастил: — *Бгльый, блгьдный, бгьдный бгсь побгжал за ргьдкой в лгсь...* Ой, папа, не бей! Я не останусь на второй год. Я выдержу переэкзаменовки. Больной снова заплакал. Мотовилов молча ел. Бред Колпакова напомнил ему то время, когда он учился в кадетском корпусе»; ВАСИЛЕНКО И. Д. (1895–1966), *Жизнь и приключения Заморыша* (М.: Дет. лит., 1964): «Я сел за уроки. Решал задачи, переписывал в особую тетрабочку наречия с буквой ять — *возль, нынъ, подль, послъ, вчужъ, въявь, вкратцъ, вскоръ*»; СКРЕБИЦКИЙ Г. А. (1903–1964), *От первых проталин до первой грозы*: «Ну, дурёха, вызубрила? Отвечай наречья! — *Возль, нынъ, подль, послъ, вчужъ, въявь...* — начала взрослая девица сначала громко, потом всё тише и тише».

³³ Скорее всего, имеется в виду марка «Красноармеец» — одна из первых стандартных марок СССР. Выпускалась в 1923–1927 гг. номиналом от 1 коп. до 5 руб. золотом. На марке — профиль красноармейца (изображение основано

на бюсте работы И. Д. Шадря, запечатлевшего характерный физиогномический тип, см. <http://kapuchin.livejournal.com/553117.html> [июль, 2012]). См. также: *Почтовые марки России и СССР (1857–1991 г.г.). Специализированный каталог, т. 2 (РСФСР, СССР 1923–1960 г.г.)*, сост. и ред. В. Ю. СОЛОВЬЕВ [Ред. 2006 / 07] (М.: ИздАТ, 2006), с. 22–27.

³⁴ Ср. *Бернард Шоу, его образы, мысли и образ мыслей* 5 (1935), СС, т. 4, с. 536: «Вывод, умозаключение “S” есть “P” несет в себе все термины посылок, за исключением среднего (M), из вывода как бы выпадающего... В школьном примере первой фигуры силлогизма: все люди смертны (большая посылка), Кай — человек (малая посылка), следовательно, Кай смертен (вывод). В выводе выпадают “люди, человек”»; *Красный снег* (1930), СС, т. 5, с. 158: «Если ваш талон M не отрезан, можно получить средние термины. Торопитесь, термина может не хватить... Средний термин предположено, в целях рационализации, унифицировать... Ведь M в “S есть P” все равно никогда не попадает, следовательно, не все ли равно, какое оно там».

³⁵ Противопоставлены Февральская (буржуазно-демократическая) и Октябрьская (большевистская) революции 1917 г.

³⁶ Даль В. И., *Пословицы*, т. 1, с. 239: «...скачет баба и задом и передом, а дело идет своим чередом».

³⁷ *Руки плетью [повесить]* = смириться с обстоятельствами, отказаться от сопротивления.

³⁸ Кржижановский любит словесную игру, используя анаграммы, логогрифы и пр. Здесь — пример омофонии. Ср. *Якоби и якобы* (1919), СС, т. 1, с. 117: «Фихте... значит “сосна” и придуманное точно со-сна напрасно трактуется им как действительность»; там же, с. 118: «...грядет вера с севера и возглаголят языцы: се вера». Ср. Достоевский Ф. М., *Братья Карамазовы*, ч. 2, кн. 5. 1. Сговор: «“Мама, говорит, я помню эту сосну, как со сна” — то есть “сосну, как со сна” — это как-то она иначе выразилась, потому что тут путаница, “сосна” слово глупое, но только она мне наговорила по этому поводу что-то такое оригинальное, что я решительно не возьмусь передать».

³⁹ Труд «работников пера» приравнивается к забаве гимназистов и школьников — игре «в пёрышки» (перья от перьевых ручек). Правила игры требовали с помощью своего пера щелчком перевернуть перо противника на «спинку», а потом тем же приемом вернуть его в исходное положение. Если это удавалось, перо выигрывалось.

⁴⁰ *Выписываю* — скорее всего, Кржижановский в буквальном смысле приводит здесь выписки из своих *Записных тетрадей*.

⁴¹ Ср. ШУБЕРТ, Франц, *Forellenquintett*, IV часть. Тема и вариации на тему песни *Форель*.

⁴² Под Киевом, на кооперативных складах работал сторожем сам Кржижановский. Видимо, это его личное наблюдение: «...я тогда был молод». Ср. «Если *факт* мой подойдет вам, советую подлитературить его». Ср. Кржижановский С. Д., Заявление Тройке Фрунзенского района по выдаче паспортов

от 22. 03. 1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 1: «В Москве проживаю с 1922 г.; до того времени жил по преимуществу в Киеве. Моя политическая безупречность за все время с Октября ни разу не ставилась под подозрение. Никогда и нигде меня не только не арестовывали и не судили, но не привлекали даже к опросу по каким либо политическим делам. Служил только в советских учреждениях, в период же захвата Киева белыми, отказываясь от какого-либо с ними сотрудничества, предпочел работать сторожем на складах кооперативных учреждений (в общем, в течении около 1 1/2 лет)»; МСТИСЛАВСКИЙ С. Д., Справка от 21. 03. 1933, РГАЛИ, ф. 2280, оп. 1, ед. хр. 99, л. 4-4об: «При вступлении моем, в 1919, в должность Председателя Всеукр. Литературного Комитета, мне указали на Сигизмунда Доминиковича Кржижановского, как на высоко культурного человека, обладающего крупными литературными способностями, — до того времени не использованными им, т. к., уклоняясь от сотрудничества с белыми, он служил сторожем на одном из пригородных кооперативных складов... С лета 1919 года, он зарекомендовал себя чрезвычайно добросовестным работником и никаких, малейших даже проявлений нелояльности к Советской власти я никогда в нем не наблюдал. Ни при денкинцах, ни при поляках Кржижановский не состоял на службе у них, несмотря на крайне тяжелое материальное положение».

⁴³ Ср. *Материалы к биографии Горгиса Катафалаки 2* (1929), СС, т. 2, с. 322: «Осенью 1917-го один из практикантов Гринвичской обсерватории, работавший под раздвинутым в звезды сводом главного павильона, с первым брезгом утра, закончив наблюдение и запись, остановил часовой механизм трубы и направился к выходу».

⁴⁴ В машинописи: «телевку». Возможно, речь идет о тележке дров.

⁴⁵ Ср. *Фрагменты о Шекспире* (1939), СС, т. 4, с. 363-364.

Подготовка текста к публикации и примечания
В. В. Петрова.

М. С. ПЕТРОВА

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ АНТИЧНОСТИ И СРЕДНИХ ВЕКОВ

ПРОГРАММА ДИСЦИПЛИНЫ ДЛЯ ПОДГОТОВКИ МАГИСТРОВ ПО НАПРАВЛЕНИЮ «ИСТОРИЯ»

Дисциплина «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков», являющаяся вариативной частью Профессионального цикла предметов подготовки студентов по направлению «История» (030600.68), реализуется кафедрой Теории и истории гуманитарного знания Российского государственного гуманитарного университета (РГГУ, Москва). Ее содержание охватывает круг вопросов, связанных с интеллектуальными традициями Античности и Средних веков.

Предметом дисциплины «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков» является рассмотрение круга проблем, связанных с возникновением и становлением интеллектуальных традиций в Античности, их трансформацией и усвоением в эпоху Средних веков; ее *целью* служит изучение основополагающих интеллектуальных традиций Античности и Средних веков, путей и форм их развития. *Задачи* дисциплины сводятся, во-первых, к ознакомлению студентов с основными интеллектуальными традициями Античности (напр., философской, теологической, комментаторской, риторико-грамматической, литературной и др.), их восприятием и видоизменением средневековыми авторами; во-вторых, к обозначению формы рецепции и усвоения интеллектуальных традиций Античности в Средние века и выявлению способов возникновения «новых» (средневековых) традиций; в-третьих, к определению основных подходов к проблематике, связанной с интеллектуальными традициями Античности и Средних веков; в-четвертых, к изучению типов и жанров письменных средневековых источников, отражающих античное знание; в-пятых, к формированию у студентов навыков самостоятельной работы с источниками (включая оригинальные тексты).

Дисциплина «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков» является курсом по выбору (КПВ-1) вариативной

части Профессионального цикла дисциплин и читается во втором семестре. Логически и содержательно-методически она связана с такими специальными курсами, как: «Междисциплинарные подходы в современной исторической науке», «Актуальные проблемы исторической науки», «Диалог культур и цивилизаций», «История гуманитарных наук».

Программой курса предусмотрены текущий (промежуточный) контроль успеваемости (в форме письменных изложений) и итоговый контроль в форме письменной работы (реферата). Общая трудоемкость освоения дисциплины составляет 1 зачетную единицу, 72 часа. Лекционные, практические и семинарские занятия рассчитаны на 18 часов, самостоятельная работа студента — на 54 часа [в том числе подготовка к практическим и семинарским занятиям, и аттестационным письменным работам (промежуточным) и итоговым (зачётным)].

**Компетенции обучающегося,
формируемые в результате освоения дисциплины**

Дисциплина формирует следующие компетенции: владение культурой мышления (способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения) [ОК–1]; способность логически верно, аргументировано и ясно строить устную и письменную речь [ОК–2]; использовать основные положения и методы гуманитарных наук при решении профессиональных задач [ОК–9]; способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы [ОК–10]; способность использовать навыки работы с информацией из различных источников для решения профессиональных задач [ОК–12]; способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области всеобщей и отечественной истории [ПК–1]; способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области источниковедения, специальных исторических дисциплин¹, историографии и ме-

¹ См. также: ПЕТРОВА М. С., *Просопография как специальная историческая дисциплина на примере авторов Поздней Античности: Макробий Феодосий и Марциан Капелла*. Спецкурс для студентов государственных ВУЗов (СПб.: Алтейя, 2004), 230 с. Его расширенную программу см.: ПЕТРОВА М. С., «Биографии античных и средневековых авторов в ракурсе гуманитарного знания», *Диалог со временем* 32 (2010), с. 373-382.

тодов исторического исследования [ПК-3]; способность использовать в исторических исследованиях базовые знания в области теории и методологии исторической науки [ПК-4]; способность понимать движущие силы и закономерности исторического процесса; место человека в историческом процессе [ПК-5]; способность понимать, критически анализировать и использовать базовую историческую информацию [ПК-6]; способность к критическому восприятию концепций различных историографических школ [ПК-7].

В результате освоения дисциплины обучающийся должен знать современное состояние проблемы, связанной с выявлением, сосуществованием и трансформацией различных интеллектуальных традиций в Античности и Средние века; получить представление о месте интеллектуальных традиций в системе исторического знания; освоить основные способы изучения конкретной интеллектуальной традиции, существовавшей в Античности, в Средние века; уметь «читать» источник, отбирать, сопоставлять и тщательно анализировать полученную информацию; распознавать специфику источника; использовать аналитические методы в историческом исследовании; создавать реконструкцию развития, рецепции и трансформации конкретной интеллектуальной традиции; самостоятельно определить принадлежность античного или средневекового автора к интеллектуальной традиции (или их совокупности).

Разделы дисциплины «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков», виды учебной работы (включая самостоятельную), трудоемкость в часах, а также формы текущего контроля и формы аттестации приведены в Табл. 1.

Настоящий курс отражает авторский подход к рассмотрению проблемы, находящейся в отечественной историографии в стадии осмысления и разработки. Источниковой базой курса служат латинские тексты (и их переводы на русский язык). Основные методы изучения дисциплины — аналитическая работа с источниками и дискуссии по рассматриваемым проблемам.

Таблица 1

ВИДЫ УЧЕБНОЙ РАБОТЫ, ТРУДОЕМКОСТЬ В ЧАСАХ,
ФОРМЫ ТЕКУЩЕГО КОНТРОЛЯ И ФОРМЫ АТТЕСТАЦИИ

№ п/п	Раздел дисциплины «Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков»	Семестр	Неделя семестра	Виды учебной работы, включая самостоятельную работу студентов и трудоемкость (в часах)				Формы текущего контроля успеваемости (по неделям семестра) Форма промежуточной аттестации (по семестрам)
				лекции	практ. зан.	семинары	самост. работа	
1	I. Введение. Инструментарий. Библиографический гид. Периодизации Античности и Средних веков. II. Античность и ее интеллектуальное наследие. Своды античного знания и способы его сохранения. Существование различных интеллектуальных традиций в Античности. Способы выявления интеллектуальных традиций Античности.	2	1-3	2	2	2	12	Выбор темы письменной работы; составление списка источников и литературы, плана работы, подготовка к практическому занятию, работа с источниками в библиотеке.
2	III. Трансформация античного знания в Средние века.	2	4-6	2		2	8	Выбор темы письменной работы; подготовка к

	Культурные центры и их деятельность. Становление «новых», средневековых интеллектуальных традиций.							семинарскому занятию, работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации.
3	IV. Существование интеллектуальных традиций в Средние века: общее и особенное.	2	7-9	2		2	8	Подготовка к семинарскому занятию; работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации.
4	V. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков. VI. Место интеллектуальных традиций в европейском гуманитарном знании.	2	10-12	2		2	8	Подготовка к семинарскому занятию, работа с источниками и литературой в библиотеке. Подготовка к докладу-презентации.
			14				18	Зачёт (письменная работа).
	Всего			8	2	8	54	

Содержание дисциплины

I. *Введение*. 1. Инструментарий (манускрипты, их обозначения; систематизация манускриптов и ее необходимость; семейства манускриптов, способы составления стемм; критические издания латинских текстов; работа с критическим аппаратом). 2. Библиографический гид (базовые издания латинских текстов, серийные издания; отечественные серийные академические издания переводов текстов и способы работы с ними; словари, справочные пособия; электрон-

ные ресурсы, способы их использования). 3. Античность и Средние века. Историческая ситуация. 3. 1. Общепринятая периодизация Античности: Ранняя Античность (VIII в. до н. э. – II в. до н. э.) — зарождение Римской империи; Классическая Античность (I в. до н. э. – I в. н. э.) — «золотой век» античного мира (время единства греко-римской цивилизации); Поздняя Античность (II–V вв.) — распад Римской империи. Новая периодизация, построенная с учетом объединения и синхронизации принципиально значимых процессов исторического развития, общих для Греции, Рима и всей античной ойкумены. Первый период — возникновение и упадок государственных образований эгейского мира, время расцвета критской, кикладской, троянской и микенской культур. Второй период — «темные века» (предполисное время), формирование государств в форме полисов, колонизации (греческая, финикийская), расцвет полисного строя, начало его кризиса и объединение полисов Балканского и Апеннинского полуострова Македонией и Римом. Третий период — Средиземноморский мир и эллинистическая эпоха (после завоеваний Александра Македонского и политических перемен), создание крупных эллинистических держав. Четвертый период — образование римской мировой державы в ходе войн в Средиземноморье. Пятый период — кризис и падение Римской республики, расширение, реорганизация римской державы и установление диктатуры Цезаря. Шестой период — эпоха принципата (правление Юлиев-Клавдиев, Флавиев, Антонинов и Северов). Седьмой период — кризис III в. и трансформация поздней Римской империи. 3. 2. Различные периодизации Средних веков, принятые отечественными и зарубежными специалистами, причины их различия и способы выбора одной из них применительно к собственным исследованиям: 1) Периодизация, охватывающая V–XV вв. (V–IX вв. — Раннее Средневековье; X–XIII вв. — Высокое Средневековье; XIV–XV вв. — Позднее Средневековье). 2) Периодизация (принятая историками СССР), охватывающая V – сер. XVII вв. (V–XI вв. — Раннее Средневековье: время формирования в Европе феодального способа производства; кон. XI–XVI вв. — Классическое Средневековье: период развитого феодализма; XVI – сер. XVII вв. — Позднее Средневековье: период разложения феодализма и зарождение капиталистического способа производства). 3) Периодизация (принятая в зарубежной историографии), охватывающая V–

XV вв. (V–VII вв.: период возникновения новых королевств, рожденных из синтеза двух культур — варварской и римской; VIII–X вв.: период создания германцами Каролингского мира; X–XIII вв.: период формирования единой Европы; XIV–XV вв.: период кризиса, представляющего собой мутацию и трансформацию культуры); 4) Эпоха «Долгого Средневековья» (выдвинутая в зарубежной историографии), начинающаяся с II–III вв. (с нашествия варварских племен на территорию Римской империи и начала кризиса империи) и длящаяся до начала XX в.). 4. Классификация источников (природно-географические, этнографические, вещественные, художественно-изобразительные; письменные); классы, виды, типы и разновидности письменных источников Античности и Средних веков, их общая характеристика.

II. *Античность и ее интеллектуальное наследие*. Своды античного знания (на примере текстов Калкидия, Макробия, Марциана Капеллы) и способы его сохранения. 1. Калкидий и его *Комментарий на 'Тимей'* Платона». Реконструированная биография Калкидия. Содержание и построение трактата, греческие источники, основные темы сочинения (о сотворении мира; о мире и о том, что содержится в нем; о времени; о душе, ее частях и месте; о свойствах и качествах человека; о материи, о судьбе, о демонологии). Экзегетический метод составления текста (традиционный для греческих и латинских авторов — Александра Афродисийского, Порфирия, Сириана, Прокла, Макробия. Текст Калкидия как компендий представлений позднеэллинистических школ: платонической, перипатетической, стоической). Влияние Калкидия на средневековых авторов. 2. Макробий и его *Комментарий на 'Сон Сципиона'*. Реконструированная биография Макробия. Содержание и построение трактата; греческие и латинские источники; способы компоновки текста. Основные темы сочинения (о мироздании, о душе), традиционный метод составления текста (имеющий место у Ямвлиха, Калкиди, Прокла). *Сатурналии* Макробия и античная литературная традиция. Основные темы *Сатурналий* (творчество Вергилия, литературная критика Вергилия; солнечный монотеизм). Работа Макробия *О различиях и свойствах греческих и латинских глаголов* и латинская грамматическая традиция. Тексты Макробия как компендий античного знания. Макробий как систематизатор предшествующего знания. Влияние Макробия на средневековых авторов. 3. Марциан Ка-

пелла и его сочинение *О свадьбе Филологии и Меркурия*. Принадлежность сочинения к римской риторической традиции (а не философской греческой). Реконструированная биография Марциана. Содержание и построение сочинения; греческие и латинские источники (*Мениппевы сатиры* как образец сочетания стиха и прозы; *Метаморфозы* Апулея как образец аллегорического изложения, *Девять наук* Варрона как образец изложенного свода дисциплин); метод составления текста; основные темы (мироздание, демонология, человеческая душа) в сочетании с изложением устоявшегося знания по семи дисциплинам (грамматике, риторике, диалектике, арифметике, астрономии, геометрии [географии], гармонии). Сочинение Марциана как характерный пример состояния позднеимперской науки. Влияние текста Марциана на средневековых авторов. 4. Семь свободных искусств как канон научного знания. Становление канона (на примере Августина, Макробия, Марциана Капеллы, Боэция, Исидора Севильского). Существование различных интеллектуальных традиций в Античности. Способы их выявления. Латинская грамматическая традиция (Донат, его предшественники [Диомед, Харисий], комментаторы [Сервий, Сергей, Кледоний, Помпей, Палемон] и последователи [Присциан]).

III. *Трансформация и усвоение античного знания в Средние века*. 1. Латинский язык в Средние века и способы его изучения. Трансформация латинского языка (орфография и произношение, морфология и синтаксис; вокабуляр, образование слов, лексикография; метрика и прозаический стиль; латинский язык и становление национальных языков). 2. Теодориканское возрождение (литература [Драконтий] и наука [Боэций, Кассиодор, Исидор Севильский]: традиции и новации). 3. «Темные века»: мировоззрение и образование (на примере естественнонаучных и дидактических сочинений Беда (*О природе вещей*, *Комментарий на 'Апокалипсис'*, *О правописании*). Общее и особенное в античной комментаторской и раннесредневековой глоссографической традициях. Средневековые глоссарии. Этапы эволюции средневековых глосс. 4. Каролингское возрождение: основные представители (Алкуин, Фридугис, Эйнхард, Дунгал, Валафрид Страб, Серват Луп, Рабан Мавр, Эриугена, Ремигий) и их тексты. Литература и наука в эпоху Каролингов. Методы и способы комментирования и анализа античных текстов каролингскими учеными. Синтез грамматического анализа, теологии

и логики в работах каролингских авторов (Алкуин, Годскалк). Средневековое образование и античные традиции в дисциплинах тривия и квадривия (Рабан Мавр). Школьные тексты и комментаторская традиция. Использование *Ars Grammatica* Доната в Средние века и грамматическая традиция (Седулий Скотт, Ремигий). Средневековые академические кружки (Карла Великого и Карла Лысого) и культурные центры (Школа в Лане, Скрипторий в Корби). Традиция переписывания и распространения школьных текстов (на примере Сервата Лупа). Становление «новых» интеллектуальных традиций (на примере франкской идеологии): способы конструирования истории и способы передачи прошлых событий авторами эпохи Каролингов; идеологическая составляющая; создание мифа о Карле Великом.

IV. *Сосуществование интеллектуальных традиций в Средние века: общее и особенное.* Глоссографическая, комментаторская, теологическая, натурфилософская, грамматическая, поэтическая традиции: общее и особенное. Взаимопроникновение традиций (на примере анализа сочинений Беда, Исидора Севильского, Ремигия, Эриугены). 1. Беда. Экзегетические сочинения (комментарии и гомилии). Риторико-грамматические сочинения (*О правописании, О метрическом искусстве, О фигурах и тропах священного Писания*). Натурфилософские сочинения (*О природе вещей, О временах*). Исторические и агиографические сочинения (*Церковная история англов, Житие святых аббатов Вермута и Ярроу*). Поэтические сочинения (*Книга гимнов, Книга эпиграмм*), молитвы, письма. 2. Исидор Севильский (*О природе вещей*). 3. Эриугена (*Гомилия на 'Евангелие от Иоанна', Примечания к Марциану, Перифюсеон*). Античные элементы научного знания, воспринятые в эпоху Каролингов (слово и точные языковые формулы; категории и вопросы логики; рассуждения о душе; природа «ничто»). 4. Ремигий (*Комментарий на 'Ars grammatica' Доната*).

V. *Преимственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков* (на примере воображаемого; культура героев и святых). 1. Воображаемое. А) Возникновение науки о снах и сновидениях в Древней Греции (Демокрит, Гиппократ, Аристотель). Б) Античная традиция объяснения и изучения снов (первые сонники; *Онейрокритика* Артемидора). В) Различные классифика-

ции снов и попытки их систематизации. Г) Традиция восприятия снов и сновидений в Поздней Античности (дискуссии о снах: Макробий и Артемидор; Макробий, Цицерон и Филон; Макробий и Тертуллиан; Макробий и Калкидий). Д) Сны — сновидения — видения в Средние века: традиция восприятия сновидений. Средневековые способы и принципы систематизации и классификации видений, основанные на текстах предшествующих авторов (*Карловы книги*, *Видение Веттина* Хейтона и Валафрида Страба, *Жизнь Хатмоды* Агия, *Философия мира* Гильома из Конша, *Поликратик* Иоанна Солсберийского). Литературная традиция описания сновидений (*Роман о розе* Гийома де Лорриса и Жана де Мёна, поэмы Джеффри Чосера). 2. Культ героев и святых. Мир «живых» и «мертвых». Традиция почитания героев в Античности и святых в Средние века. «Святые мертвецы» в Поздней Античности (герои и боги) и раннем Средневековье. Идеологическая составляющая культа святых в Средние века. Перенесение мощей как стимул экономического подъема отдельной местности Франкского государства. Способы «добывания» останков святых. Идеологическое и экономическое значение переноса останков святых на территорию Франкского государства. Описания переноса святых каролингскими авторами; укрепление идеологии о культе святого; чудеса: их фиксация и восприятие (на примере сочинения Эйнхарда *Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра*).

VI. *Заключение*. Место интеллектуальных традиций в европейском гуманитарном знании. Роль античных и средневековых ученых в развитии науки.

Образовательные технологии

Лекции — проблемные, лекции-визуализации, лекции-беседы, лекции с применением техники обратной связи. *Практическое занятие* направлено на работу с латинскими текстами. *Семинары* предполагают развернутую беседу на основании плана, предложенного преподавателем, а также чтение фрагментов оригинальных текстов, их анализ и обсуждение. *Доклады* готовятся письменно, по выбранным темам, с последующим обсуждением. Курс предполагает использование студентами в рамках самостоятельной работы сети Интернет и иных информационных технологий для поиска и анализа информации, а также работу с электронными базами данных.

Критерии оценки работы студентов состоят в корректной формулировке цели и задач работы, полноте раскрытия темы, правильности выбора методов исследования, четкости изложения и корректности выводов, уместном оперировании терминологией, использовании источников (включая оригинальные тексты) и исследовательской литературы, не входящей в основной список, в том числе литературы на иностранных языках, в качестве ответов на вопросы аудитории и соблюдении регламента презентации.

Оценочные средства для текущего контроля успеваемости, промежуточной аттестации по итогам освоения дисциплины и учебно-методическое обеспечение самостоятельной работы студентов

Текущий контроль успеваемости студентов проводится в форме: 1) подготовки к практическому и семинарским занятиям (1+4). — Максимальное количество баллов за одно занятие — 6; максимальная сумма баллов за работу на практическом и семинарских занятиях — 30 баллов. 2) Письменного доклада-презентации (1 доклад-презентация — 25 баллов [максимум]). 3) Итоговой письменной (зачетной) работы по основным проблемам курса (1 вопрос — 45 баллов [максимум]).

Промежуточные аттестации проводятся в рамках семинарских занятий по результатам ответов и выступлений обучающихся. Итоговая аттестация проходит в форме зачёта (с подготовкой письменной работы). Для получения зачёта необходимо получить минимум 60 баллов из 100 возможных. Студенты, не набравшие необходимый минимум баллов, сдают устный зачёт по контрольным вопросам.

Контрольные вопросы

1. Своды античного знания (на примере Калкидия, Макробия, Марциана Капеллы). — Автор выбирается учащимся.
2. Комментаторская традиция в Поздней Античности (на примере Макробия).
3. Грамматическая традиция Античности и раннего Средневековья (на примере Доната, его предшественников и последователей [комментаторов]).

4. Глоссографическая традиция Раннего Средневековья (на примере сочинений Беда Досточтимого).
5. Становление «новых», средневековых интеллектуальных традиций (на примере франкской идеологии).
6. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков (на примере «воображаемого»).
7. Преемственность и разрывы в интеллектуальных традициях Античности и Средних веков (на примере культа героев и святых).
8. Традиции и новаторство в образовании эпохи Каролингов.
9. Систематизация предшествующего знания (на примере Макробия, Исидора Севильского).
10. Античные традиции в научном знании эпохи Каролингов (проблема «ничто» у Фридугиса).
11. Античные традиции в научном знании эпохи Каролингов («мироздание» у Эриугены).
12. Элементы античного знания в натурфилософской традиции раннего Средневековья (на примере Эриугены).
13. Культ святых в эпоху Каролингов и его связь с культом героев в Античности (на примере сочинения Эйнхарда *Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра*).
14. Теодориканское возрождение: традиции и новации (на примере Кассиодора, Боэция, Драконтия).
15. Мировоззрение и образование в «Темные века» и их связь с предшествующей эпохой (на примере естественнонаучных и дидактических сочинений Беда).
16. Этапы эволюции средневековых глосс.
17. Методы и способы анализа античных текстов Каролинскими учеными (на примере Сервата Лупа и Годскалка).
18. Образование: дисциплины тривия и квадрия.
19. Школьные тексты и комментаторская традиция.
20. Деятельность средневековых академических кружков (на примере кружков Карла Великого и Карла Лысого) и культурных центров (Школа в Лане, Скрипторий в Корби).
21. Традиция переписывания и распространения школьных текстов (на примере деятельности Сервата Лупа).

22. Новые способы конструирования истории и передачи прошлых событий авторами эпохи Каролингов (на примере сочинений Эйнхарда).

Примерные темы письменных работ

1. Интеллектуальная культура эпохи правления Каролингов.
2. «Оракулы Запада»: Калкидий, Макробий, Марциан Капелла, Боэций.
3. Развитие грамматической науки в Средние века: Донат и его трактат *Ars grammatica*.
4. Натурфилософские теории Макробия о мироздании и душе (на примере *Комментария на 'Сон Сципиона'*).
5. Научное знание в эпоху Каролингов: природа «ничто» у Фридрихса.
6. Представления о сновидениях в Поздней Античности и их восприятие средневековыми авторами (на примере Макробия и Гильома из Конша).
7. Образование и воспитание в Средние века и античные традиции.
8. Идеология и письменная культура в Античности и в Средние века (на примере двух текстов по выбору).

**Учебно-методическое и информационное
обеспечение дисциплины**

а) Источники

- АВГУСТИН, *О Книге Бытия*, в: Блаженный АВГУСТИН, *Творения. Том второй: Теологические трактаты*, составление и подг. текста С. И. ЕРЕМЕЕВА (СПб. – Киев, 1998).
- АВГУСТИН, *О количестве души*, в: Блаженный АВГУСТИН, *Творения. Том первый: Об истинной религии*, составление и подг. текста С. И. ЕРЕМЕЕВА (СПб. – Киев, 1998).
- АВЛ ГЕЛЛИЙ, *Аттические ночи* (Кн. I – X), пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова (СПб.: Гуманитарная Академия, 2007).
- АВЛ ГЕЛЛИЙ, *Аттические ночи* (Кн. XI – XX), пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер (СПб.: Гуманитарная Академия, 2008).
- АНОНИМ, *Карл Великий и папа Лев* (1–176), пер. Е. Заруцкой, Н. Клещевой, под ред. М. С. Петровой, в: Эйнхард, *Жизнь Карла Великого* (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).

- АПУЛЕЙ, *Метаморфозы*, пер. М. А. КУЗЬМИНА, ред. С. П. МАРКИША, А. Я. СЫРКИНА, в: АПУЛЕЙ, *Апология. Метаморфозы. Флориды* (М.: АН СССР, 1958).
- АРАТ СОЛИЙСКИЙ, *Явления*, пер. с древнегреч. К. А. БОГДАНОВА (СПб: Алетей, 2000).
- АРИСТОТЕЛЬ, *Собрание сочинений в четырех томах* (М.: Мысль, 1976–1984).
- АФИНЕЙ, *Пир мудрецов* (Кн. I – VIII), пер. с древнегреч. Н. Т. ГОЛИНКЕВИЧА, под ред. М. Л. ГАСПАРОВА, в: АФИНЕЙ, *Пир мудрецов в пятнадцати книгах* (М.: Наука, 2003).
- АФИНЕЙ, *Пир мудрецов* (Кн. IX – XV), пер. с древнегреч. Н. Т. ГОЛИНКЕВИЧА, в: АФИНЕЙ, *Пир мудрецов в пятнадцати книгах* (М.: Наука, 2010).
- БЕДА ДОСТОПОЧТЕННЫЙ, *Книга о природе вещей* (фрагмент), пер. с лат. и примеч. Т. Ю.БОРОДАЙ, в: *Вопросы истории естествознания и техники 1* (1988).
- БЕДА ПРЕПОДОБНЫЙ, *Жизнеописание пяти отцов-настоятелей* (Кн. I – II), пер. с лат. и примеч. М. Р. НЕНАРОКОВОЙ, в сб.: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)*, под общ. ред. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Кругъ, 2010).
- БОЭЦИЙ, *Утешение философией*, пер. В. И. УКОЛОВОЙ, в: БОЭЦИЙ, *Утешение философией и другие трактаты* (М.: Наука, 1990).
- ВАЛАФРИД СТРАБ, *Пролог* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (М.: Институт Философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).
- ВЕРГИЛИЙ, *Буколики. Георгики. Энеида* (М.: Художественная литература, 1979).
- ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, *Жизнь двенадцати Цезарей*, пер. М. Л. ГАСПАРОВА (М.: Наука, 1993).
- ГЕРВАРД, *Посвящение Людовику* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, в кн.: ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).
- ГЕСИОД, *Теогония*, пер. В. В. ВЕРЕСАЕВА, О. П. ЦЫБЕНКО, в: ГЕСИОД, *Полное собрание текстов* (М.: Лабиринт, 2001).
- ГОМЕР, *Илиада*, пер. Н. И. ГНЕДИЧА (Л.: Наука, 1990).
- ГОМЕР, *Одиссея*, пер. В. А. ЖУКОВСКОГО (М.: Наука, 2000).
- ДОНАТ, *Краткая наука о частях речи* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, *Диалог со временем 1* (1999).
- ДОСТОЧТИМЫЙ БЕДА, *Гомилия на праздник благовещения всеблаженной Богородицы Марии*, пер. с лат. и примеч. М. Р. НЕНАРОКОВОЙ, *Альфа и Омега 4 / 18* (1998).
- ДОСТОЧТИМЫЙ БЕДА, *Житие блаженного Феликса*, пер. с лат. и примеч. М. Р. НЕНАРОКОВОЙ, *Диалог со временем 8* (2002).

- ИОАНН СКОТТ (ЭРИУГЕНА), *Гомилия на Пролог Евангелия от Иоанна* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. В. В. ПЕТРОВА (М.: ГЛК, 1995).
- ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ, *Этимологии, или Начала в XX книгах* (Кн. I – III: семь свободных искусств), пер. с лат. Л. А. ХАРИТОНОВА (СПб: Евразия, 2006).
- ИСИДОР СЕВИЛЬСКИЙ, *О природе вещей* (фрагмент), пер. Т. Ю. БОРОДАЙ, в сб.: *Социально-политическое развитие Пиренейского полуострова при феодализме* (М.: ИВИ РАН, 1985).
- ЛУКРЕЦИЙ КАР ТИТ, *О природе вещей*, пер. с лат. Ф. А. ПЕТРОВСКОГО (М.: АН СССР, 1958).
- ЛУЦИЙ АННЕЙ СЕНЕКА, *Нравственные письма к Луцилию*, пер. С. А. ОШЕРОВА (М.: Ладомир – Наука, 1993; репринт. воспр. 1977).
- МАКРОБИЙ, *Комментарий на 'Сон Сципиона'* (Кн. I: гл. 1–4, 8–14 и 17; Кн. II: гл. 12–13 и 17 — с параллельным латинским текстом), пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: ПЕТРОВА М. С., *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании* (М.: Круг, 2007).
- ОВИДИЙ, *Метаморфозы* (М.: Художественная литература, 1977).
- ПЕТРОНИЙ, *Сатирикон*, пер. А. К. ГАВРИЛОВА, Б. И. ЯРХО, в: *Римская сатира* (М.: Художественная литература, 1989).
- ПЛАТОН, *Собрание сочинений в четырех томах* (М.: Мысль, 1990–1994).
- ПЛИНИЙ МЛАДШИЙ, *Письма*, пер. с лат. М. Е. СЕРГЕЕНКО, А. И. ДОВАТУРА, в: *Письма Плиния Младшего* (Книги I – X) (М.: Наука, 1982).
- ПЛУТАРХ, *Застольные беседы* (Л.: Наука, 1990).
- ПЛУТАРХ, *Сравнительные жизнеописания*, в: ПЛУТАРХ, *Сравнительные жизнеописания в двух томах*, изд. подг. С. С. АВЕРИНЦЕВ, М. Л. ГАСПАРОВ, С. П. МАРКИШ (М.: Наука, 1994).
- РАБАН МАВР, *Эпитафия Эйнхарду* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (М.: Институт Философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).
- СВЕТОНИЙ, *О грамматиках и риториках*, пер. М. Л. ГАСПАРОВА, в: ГАЙ СВЕТОНИЙ ТРАНКВИЛЛ, *Жизнь двенадцати Цезарей* (М.: Наука, 1993).
- ФРИДУГИС, *О субстанции ничто и тьмы*, пер. с лат. В. В. ПЕТРОВА, в сб.: *Историко-философский ежегодник '96* (М.: Наука, 1997).
- ЦИЦЕРОН, *О государстве*, пер. с лат. В. О. ГОРЕНШТЕЙНА, в: ЦИЦЕРОН, *Диалоги: О государстве. О законах* (М.: Ладомир – Наука, 1994).
- ЦИЦЕРОН, *О дивинации*, пер. с лат. М. И. РИЖСКОГО, в: ЦИЦЕРОН, *Философские трактаты* (М.: Наука, 1985).
- ЦИЦЕРОН, *Об ораторе*, пер. Ф. А. ПЕТРОВСКОГО, в: ЦИЦЕРОН, *Три трактата об ораторском искусстве* (М.: Наука, 1972).
- ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (с параллельным латинским текстом), пер. с лат. и примеч. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).

ЭЙНХАРД, *Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра* (Кн. I), *Средние века* 65 (2004).

б) Исследования, монографии, статьи

- АРЬЕС, Филипп, *Человек перед лицом смерти* (М., 1992).
- БИЦИЛЛИ П. М., *Элементы средневековой культуры* (СПб., 1995).
- БОРОДАЙ Т. Ю., «De natura rerum (Предисловие к переводу)», *Вопросы истории естествознания и техники* 1 (1988).
- БРАУН, Питер, *Культ святых. Его становление и роль в латинском христианстве* (М., 2004).
- ВАСИЛЬЕВ Т., «Философия и поэзия перед загадкой природы», в: ТИТ ЛУКРЕЦИЙ КАР, *О природе вещей* (М., 1983).
- ВАСИЛЬЕВА Т. В., *Афинская школа философии: философский язык Платона и Аристотеля* (М., 1985).
- ГОЛЕНИЩЕВ-КУТУЗОВ И. И., *Средневековая латинская литература* (М., 1972).
- ГОРЕЛОВ М. М., «Войны Карла Великого: создание империи», в сб.: *Карл Великий. Реалии и мифы* (М., 2000).
- ДЮБИ, Жорж, *Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе* (М., 2000).
- ЗВЕРЕВА В. В., «Беда Достопочтенный в историографической культуре XIX–XX вв.: четыре интерпретации», *Диалог со временем* 1 (1999).
- ЗВЕРЕВА В. В., «Христианизация Британии в сочинениях Беда Достопочтенного», *Средние века* 63 (2002).
- ЗВЕРЕВА В. В., «Новое солнце на Западе»: *Беда Достопочтенный и его время* (М., 2008).
- КАРСАВИН Л. П., *Культура Средних веков* (Киев, 1995).
- КЁНИГСБЕРГЕР Г., *Средневековая Европа 400–1500 годы* (М., 2001).
- КИСЕЛЕВА Л. И., *Письмо и книга в Западной Европе в Средние века* (СПб., 2003).
- ЛЕ ГОФФ, Жак, *Цивилизация средневекового Запада* (М., 1992).
- ЛЕ ГОФФ, Жак, *Другое Средневековье. Время, труд и культура Запада* (М.: 2000).
- ЛЕВАНДОВСКИЙ А. П., *Карл Великий: через империю к Европе* (М., 1995).
- ЛОСЕВ А. Ф., «Эстетическая терминология Платона», в сб.: *Из истории эстетической мысли Древности и Средневековья* (М., 1961).
- ЛОСЕВ А. Ф., «Творчество Боэция как переходный антично-средневековый феномен (некоторые уточнения)», в сб.: *Западноевропейская средневековая словесность* (М., 1985).
- ЛОТ, Фердинанд, *Последние Каролинги* (СПб., 1999).
- МАЙОРОВ Г. Г., *Формирование средневековой философии* (М., 1979).

- МАЙОРОВ Г. Г., «Северин Боэций и его роль в истории западноевропейской культуры», *Вопросы философии* 4 (1981).
- МАЙОРОВ Г. Г., «Судьба и дело Боэция», в: БОЭЦИЙ, «Утешение Философией» и другие трактаты (М., 1990).
- МАРРУ А-И., *История воспитания в Античности (Греция)* (М., 1998).
- МЕЛЬНИКОВА Е. А., *Образ мира* (М., 1998).
- МИЛЛЕР Т. А., «Литературная критика поэзии Вергилия в период 'языческого возрождения': Сервий, Макробий», в сб.: *Очерки истории римской литературной критики* (М., 1963).
- НЕНАРОКОВА М. Р., *Досточтимый Беда — ритор, агиограф, проповедник* (М., 2003).
- НЕНАРОКОВА М. Р., «Текст и его источник: Беда и его 'Жизнеописание пяти отцов настоятелей'», в сб.: *Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (исследования и переводы)* (М., 2010).
- ПЕТРОВ В. В., «Эпилог 'Aulae siderae' Иоанна Скотта (vv. 72-101) и предшествующая поэтическая традиция», *Диалог со временем* 1 (1999).
- ПЕТРОВ В. В., «Каролингские школьные тексты: глоссы из круга Иоанна Скотта и Ремигия из Осерра», в сб.: *Философия природы в Античности и в Средние века* (М., 2000).
- ПЕТРОВ Ф. В., «'Мужское' и 'женское' в учении Августина о душе», *Адам & Ева* (Альманах гендерной истории) 16 (2008).
- ПЕТРОВ Ф. В., «'Учение' о душе у Кассиодора и его зависимость от Августина», *Диалог со временем* 26 (2009).
- ПЕТРОВА М. С., «Грамматическая наука в Поздней Античности и в Средние века. Ars Minog Доната», *Диалог со временем* 1 (1999).
- ПЕТРОВА М. С., «Эйнхард — биограф Карла Великого», в сб.: *Карл Великий. Реалии и мифы* (М., 2000).
- ПЕТРОВА М. С., «Эйнхард и его святые мертвецы», *Средние века* 65 (М., 2004).
- ПЕТРОВА М. С., «Каролингские ритмы (к публикации фрагмента поэмы 'Карл Великий и папа Лев' III, 1-176)», *Диалог со временем* 14 (2005).
- ПЕТРОВА М. С., *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании в Поздней Античности* (М., 2007).
- ПЕТРОВА М. С., «История частной жизни: Эйнхард и Имма», *Диалог со временем* 23 (2008).
- ПЕТРОВА М. С., «Эйнхард и власть: жизнь при дворе», *Адам & Ева* (Альманах гендерной истории) 17 (2009).
- ПЕТРОВА М. С., «Рецепция 'Грамматической науки' Элия Доната Кассиодором, Исидором Севильским и Бедой», в сб.: *Восточная Европа в древности и средневековье. Автор и его источник: восприятие, отношение, интерпретация. XXI Чтения памяти члена-корреспондента В. Т. Паицито. Москва 14-17 апреля 2009. Мат. конф.* (М., 2009).

- ПОПОВ И. В., «Личность и учение блаженного Августина (фрагмент)», в: *Августин: Pro et Contra* (СПб., 2002).
- СКВОРЦОВ К. И., «Августин Иппонийский как психолог», в: *Августин: Pro et Contra* (СПб., 2002).
- ТЕЙС, Лоран, *Наследие Каролингов: IX–X века* (М., 1993).
- УКОЛОВА В. И., «Бозций и средневековая культура», *Византийский временник* 43 (1982).
- УКОЛОВА В. И., «Последний римлянин» *Бозций* (М., 1987).
- УКОЛОВА В. И., «Макробий и его ‘Сатурналии’», *Культура и общественная мысль: Античность. Средние века. Эпоха Возрождения* (М., 1988).
- УКОЛОВА В. И., *Античное наследие и культура раннего Средневековья* (М.: 1989).
- УКОЛОВА В. И., *Поздний Рим. Пять портретов* (М., 1992).
- УКОЛОВА В. И., «Ареал распространения, периодизация и материальная основа Античной цивилизации», *Всемирная история. Том 1: Древний мир*, отв. ред. тома В. А. ГОЛОВИНА, В. И. УКОЛОВА (М.: Наука, 2011).
- ФОКИН А. Р., «Аврелий Августин», *Православная энциклопедия*, т. 2 (М., 2001).
- ФОКИН А. Р., «Беда Достопочтенный», *Православная энциклопедия*, т. 4 (М., 2002).
- ХЕЙЗИНГА Й., *Осень Средневековья* (М., 1988).
- ШЕРВИНСКИЙ С., «Вергилий и его произведения», в: *ВЕРГИЛИЙ, Буколики. Георгики. Энеида* (М., 1971).

в) *Хрестоматии и сборники переводов*

- Антология педагогической мысли христианского Средневековья в двух томах*, сост. В. Г. БЕЗРОГОВ, О. И. ВАРЬЯШ (М., 1994).
- Памятники средневековой латинской литературы IV–VII века* (М., 1998).
- Памятники средневековой латинской литературы IV–XI века*. (М., 1970).
- Памятники средневековой латинской литературы X–XII века* (М., 1972).
- Памятники средневековой латинской литературы VIII–IX века* (М. 2006).
- Памятники средневековой латинской литературы X–XI века* (М., 2011).
- Хрестоматия по истории Средних веков в двух томах*, под ред. С. Д. СКАЗКИНА (М., 1961–1963).

г) *Электронные ресурсы* (март, 2012)

- Библиотека латинских текстов — <http://www.thelatinlibrary.com/>.
- Библиотека античных и средневековых текстов — <http://www.intratext.com/latina/>.

— Коллекция средневековых манускриптов — <http://bookline-03.valenciennes.fr/bib/fondsvirtuels/Cataloguemanuscrits/introd.asp>.

д) Электронные базы данных (март, 2012)

— Patrologia Latina Database — http://www.documentacatholicaomnia.eu/1815-1875_Migne_Patrologia_Latina_01_Rerum_Conspectus_Pro_Tomis_Ordinatus_MLT.html.

— Monumenta Germaniae Historica — http://bsbdmgh.bsb.lrz.de/dmgh_new/.

Материально-техническое обеспечение дисциплины

Материально-техническое обеспечение дисциплины предполагает доступ к Интернету в аудиторное и внеаудиторное время; использование на занятиях компьютерного проектора и интерактивной электронной доски².

План практического и семинарских занятий

На практическом и семинарских занятиях предполагается обсуждение студентами сочинений античных и средневековых авторов; чтение докладов по обсуждаемым проблемам и выполнение заданий, направленных на работу с оригинальными текстами. При подготовке к семинарскому занятию студент должен прочитать текст, ответить на вопросы и составить конспект по тексту, раскрыв предложенные к обсуждению положения.

1) Практическое занятие «Наш инструментарий»

Вопросы:

- манускрипты и способы их обозначения;
- методы и способы систематизации манускриптов;

Задание.

Объяснить принципы составления критического аппарата; уметь его прочитать (по 3 стр. издания по выбору).

Источники³.

МАКРОБИЙ, *Комментарии на 'Сон Сципиона'* (Кн. I: гл. 1–4, 8–14 и 17; Кн. II: гл. 12–13 и 17 — с параллельным латинским текстом

² Отсутствующие в Интернете оригинальные тексты, критические издания предоставляются преподавателем.

³ Предложенные тексты могут быть заменены любыми другими критическими изданиями по выбору преподавателя, желанию студентов.

и критическим аппаратом), пер. с лат. М. С. ПЕТРОВОЙ, в: ПЕТРОВА М. С., *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании* (М.: Кругъ, 2007).

ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (с параллельным латинским текстом и критическим аппаратом), пер. с лат. М. С. ПЕТРОВОЙ (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005).

2) Семинарское занятие
«Реконструкция учения Августина
о природе мира (по трактату *О Книге Бытия* III)
и его зависимость от античных представлений»

Задание.

1) Составить конспект, раскрыв следующие положения:

- области мира (высшая и низшая);
- небесные тела и земные существа;
- пространство мира и населяющие его сущности;
- состав нижней области мира;
- обитатели нижней области мира (животные, растения, человек);
- четыре элемента в составе мироздания;
- природа четырех элементов, их смешение;
- связь четырех элементов с человеком и его пятью чувствами;
- связь четырех элементов с животными.

2) Составить схему представлений Августина о мироздании.

Вопросы.

- Возможно ли поместить текст Августина в натурфилософскую традицию Античности, раннего Средневековья.
- Каковы античные элементы в учении Августина и к каким традициям они восходят.

Источник.

АВГУСТИН, *О Книге Бытия* (Кн. III, гл. 1-24), в: БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН, *Творения. Том второй: Теологические трактаты*, составление и подг. текста С. И. ЕРЕМЕЕВА (СПб. – Киев, 1998), с. 363-385 [или: <http://www.ccel.org/contrib/ru/Augustine/content.htm>] (март, 2012).

Литература.

ТРУБЕЦКОЙ Е. Н., «Мирозерцание блаженного Августина», в: БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН, *Творения. Том второй: Теологические*

трактаты, составление и подг. текста С. И. ЕРЕМЕЕВА (СПб. – Киев, 1998), с. 681-750.

СТОЛЯРОВ А. А., «Аврелий Августин. Жизнь, учение и его судьба», в: АВРЕЛИЙ АВГУСТИН, *Исповедь*, изд. подг. А. А. СТОЛЯРОВ (М., 1991), с. 5-50.

3) Семинарское занятие

«Реконструкция учения Августина о душе
(по трактату *О количестве души*) и его связь
с психологическим учением античных авторов

Задание.

Составить конспект, раскрыв следующие положения:

- душа и способы ее описания;
- происхождение души;
- количество души (способы объяснения и примеры);
- качество души (способы объяснения и примеры);
- душа в теле и вне его (способы объяснения и примеры);
- уровни души.

Вопросы.

- Каковы схожие элементы в учении о душе у Августина и Кассиодора.
- Что общего и особенного в психологическом учении Августина и представлениях авторов, принадлежащих языческой традиции.
- Каковы христианские элементы в тексте Августина.

Источник.

АВГУСТИН, *О количестве души*, в: БЛАЖЕННЫЙ АВГУСТИН, *Творения. Том первый: Об истинной религии*, сост. и подг. текста С. И. ЕРЕМЕЕВА (СПб. – Киев, 1998), с. 183-263 [или: http://aleteia.narod.ru/august/quantity_of_soul.htm] (март, 2012).

Литература.

ПОПОВ И. В., «Личность и учение блаженного Августина (фрагмент)», в: АВГУСТИН: *Pro et Contra* (СПб., 2002), с. 242-384.

СКВОРЦОВ К. И., «Августин Иппонийский как психолог», в: *Августин: Pro et Contra* (СПб., 2002), с. 20-89.

ФОКИН А. Р., «Аврелий Августин», *Православная энциклопедия*, т. 1 (М., 2001), с. 93-106.

ПЕТРОВ Ф. В., «‘Мужское’ и ‘женское’ в учении Августина о душе», *Адам & Ева (Альманах гендерной истории)* 16 (2008), с. 7-14.

ПЕТРОВ Ф. В., «Учение» о душе у Кассиодора и его зависимость от Августина», *Диалог со временем* 26 (2009), с. 63-93.

4) Семинарское занятие

«Кульτ святых и житийная литература
(на примере сочинения Эйнхарда

Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра)»

Задание.

Составить конспект, раскрыв следующие положения:

- способы добывания мощей;
- христианская мораль и перенесение святых (способы подачи событий Эйнхардом);
- чудесное и вера в чудеса.

Вопросы.

- Каковы связующие элементы античного культа героев и средневекового культа святых.
- Какова роль Каролингов в распространении культа святых.
- Каковы средневековые представления о святых, умерших за веру.

Источник.

ЭЙНХАРД, *Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра* (Кн. I), в: *Средние века 65* (2004), с. 295-310.

Литература.

АРЬЕС, Филипп, *Человек перед лицом смерти* (М., 1992), гл. 2. «У святых, при церкви»; гл. 4. «Гарантии для потустороннего мира».

БРАУН, Питер, *Кульτ святых. Его становление и роль в латинском христианстве* (М., 2004), гл. 2. «Славное семейное место»; гл. 3. «Невидимый спутник».

ПЕТРОВА М. С., «Эйнхард и его святые мертвецы», *Средние века 65* (2004), с. 289-295.

5) Семинарское занятие

«Способы систематизации античного знания
(на примере *Комментария на 'Сон Сципиона'* Макробия)»

Задание.

Составить конспект, раскрыв следующие положения:

- систематизация мифов и сказаний;
- систематизация снов и сновидений;
- систематизация добродетелей.

Вопросы.

- Античные представления о снах и сновидениях и их трансформация в Средние века.
- Античные добродетели и христианская мораль: общее и особенное.
- Сказки и сказания в Античности; чудесное в Средние века.

Источник.

МАКРОБИЙ, *Комментарий на 'Сон Сципиона'* (гл. 2, 3, 8), в: ПЕТРОВА М. С., *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании* (М., 2007), с. 180-199 и 202-209.

Литература.

ПЕТРОВА М. С., *Макробий Феодосий и представления о душе и о мироздании* (М., 2007), с. 123-172.

**Методические рекомендации студенту
по организации самостоятельной работы**

Трудоемкость освоения дисциплины составляет 72 часа, из них 18 часов аудиторных занятий и 54 часа отводятся на самостоятельную работу студента (см. Табл. 2).

Таблица 2

ТРУДОЕМКОСТЬ ОСВОЕНИЯ ДИСЦИПЛИНЫ

Вид работы	Содержание Основные вопросы	Трудоемкость самостоятельной работы (в час.)	Рекомендации
<i>Подготовка к практическому занятию № 1.</i>	Инструментарий. Работа с критическим аппаратом.	6	<i>Список источников:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме практического занятия №1). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками (см. перечень заданий к практическому занятию). Консультация преподавателя.

<i>Подготовка к семинарскому занятию № 2.</i>	Реконструкция учения Августина о природе мира (по трактату <i>О Книге Бытия</i> III) и его зависимость от античных представлений.	6	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 2). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 3.</i>	Реконструкция учения Августина о душе (по трактату <i>О количестве души</i>) и его связь с психологическими учениями античных авторов.	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 3). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 4.</i>	Культ святых и житийная литература (на примере сочинения Эйнхарда <i>Перенесение мощей и чудеса святых Марцеллина и Петра</i>).	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 4). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и литературой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к семинарскому занятию № 5.</i>	Способы систематизации античного знания (на примере сочинения Макробия <i>Комментария на 'Сон Сципиона'</i>).	8	<i>Список литературы:</i> см. раздел Рабочей программы «Планы семинарских занятий» (по теме семинарского занятия № 5). <i>Вопросы для самоконтроля:</i> см. раздел Рабочей программы «Контрольные вопросы». Работа с источниками и лите-

			ратурой (см. перечень заданий к семинарскому занятию). Консультация преподавателя.
<i>Подготовка к зачету.</i>		18	Написание письменной работы и подготовка к зачету. <i>Темы для письменных работ:</i> см. в соответствующем разделе Рабочей программы. <i>Список источников и литературы:</i> см. соответствующий раздел Рабочей программы. Консультация преподавателя.
<i>Итого по дисциплине</i>		54	

Программа составлена в соответствии с требованиями «Образовательного стандарта» (ОС) РГГУ по специальности «История» (030600.68).

А. В. СТОГОВА

ИДЕЯ ЕВРОПЫ — ТРАДИЦИИ И ТРАНСФОРМАЦИИ

Спецкурс «История “Европы”» на протяжении ряда лет читается в Российском государственном гуманитарном университете (РГГУ, Москва) студентам-культурологам старших курсов. Он адресован, прежде всего, тем, кто специализируется на изучении культуры Европы, и призван расширить их представления об изменчивости концепта «Европа», представлений о внутренних и внешних границах и своеобразии этого региона, об особенностях иных коллективных идентичностей, объединявших его жителей и интеллектуальных традициях, способствовавших поддержанию старых или формированию новых представлений.

Отдельной целью данного спецкурса является освоение студентами методов работы с географическими картами как источником информации по истории и культуре. Для этого спецкурс снабжен авторской базой картографических источников (на электронном носителе), относящихся к Средневековью и раннему Новому времени. Подобный спецкурс, несомненно, может быть полезен и интересен студентам любых исторических специальностей, связанных с изучением прошлого Европы.

Ниже мы публикуем программу спецкурса, с перечнем источников и основной литературы на русском языке, сопровождая ее необходимой информацией о цели и задачах курса.

ПРОГРАММА СПЕЦКУРСА «ИСТОРИЯ “ЕВРОПЫ”»

Программа спецкурса¹ разработана для студентов высших гуманитарных учебных заведений, изучающих историю, культуру, литературу Европы, и уже прослушавших общие курсы по истории,

¹ Библиографический перечень работ см. в конце Программы.

истории культуры и литературы, знакомых с методикой построения исследования и имеющих навыки работы с визуальными источниками.

Дисциплина направлена на формирование общекультурных и профессиональных компетенций выпускника:

- владение культурой мышления, способность к обобщению, анализу, восприятию информации, постановке цели и выбору путей её достижения (ОК-1);
- умение логически верно, аргументированно и ясно строить устную и письменную речь (ОК-2);
- готовность к полемике с коллегами, работе в коллективе (ОК-3);
- использование основных положений и методов социальных, гуманитарных и экономических наук при решении социальных и профессиональных задач, способность анализировать социально-значимые проблемы и процессы (ОК-9);
- владение теоретическими основами и методами культурологии, категориями и концепциями, связанными с изучением культурных форм, процессов, практик; способность применять культурологическое знание и критически использовать методы современной науки о культуре в профессиональной деятельности и социальной практике (ПК-1);
- способность представлять освоенное знание, системные взаимосвязи внутри и между дисциплинами в контексте профессиональной культуры; готовность к участию в экспертно-консультационной работе (ПК-11).

Основная цель спецкурса состоит в том, чтобы представить в целостном виде идею европейской общности как исторически изменчивую и противоречивую систему ценностей и смыслов, механизмы ее становления и развития; познакомить с историко-культурными факторами, оказывавшими влияние на основные характеристики идеи Европы, формы ее бытования и реализации; определить содержание ее количественных и качественных преобразований в процессе формирования и эволюции; рассмотреть многообразие культурных форм и смыслов, отмечаемых в истории и в современном мире.

Задачи курса — продемонстрировать студентам формирование и трансформацию наднациональных идентичностей на территории современной Европы с Античности до начала XXI века, и среди них — идеи Европы как выражения особой исторической, культур-

ной и политической общности народов данного региона; проследить функционирование базовых категорий и понятий, возникших в связи со складыванием основ европейской общности, обозначить историко-культурную вариативность и изменчивость смыслового и географического наполнения понятия «Европы», а также содействовать освоению понятийно-терминологического аппарата, которым оперирует современная культурология, и исследовательских подходов к разработке отдельных проблем истории культуры Европы.

Спецкурс построен на сочетании лекционных и семинарских занятий, деловых игр и коллоквиумов. Задачей спецкурса является вовлечение учащихся в процесс исследования, самостоятельное «добывание» ими новых знаний, предполагающее активную работу с рассматриваемым материалом². В силу этого особое внимание уделяется умению слушателей самостоятельно работать с источниками разного типа и анализировать полученную информацию. Для итоговой аттестации студентам предлагается провести самостоятельный анализ любого письменного или визуального источника с целью выявления особенностей зафиксированных в нем стереотипов, предрассудков и идей, определяющих наднациональную идентичность жителей Европы³.

² Примерные темы докладов и курсовых работ: 1) Место и роль [страна по выбору учащегося] в Европе в контексте истории идей европейской общности. 2) Репрезентация [страна по выбору учащегося] на картах Европы и мира VIII–XVII вв. 3) Представления о жителях [страна по выбору учащегося] в сочинениях европейских авторов. 4) Представления жителей [страна по выбору учащегося] о своем национальном своеобразии и о месте и роли своей страны в истории Европы. 5) Репрезентация «европейскости» в современных СМИ. 6) Современные СМИ об «общих исторических и культурных корнях» европейцев. 7) Конструирование европейской идентичности в современных СМИ.

³ Также проводятся промежуточные аттестации, призванные оценить степень усвоения лекционного курса и современной исследовательской литературы. Примерный список вопросов для промежуточных аттестаций: 1) Понятие «Европа» и основные проблемы его изучения в истории культуры. 2) Концепция «Истории Европы» Ж. Ле Гоффа. 3) Имперская идея и ее роль в истории европейской идеи. 4) Основные аспекты средневековой идеи христианского мира. 5) Исламский мир как «Другой» в концепции Ф. Кардини. 6) Крестовые походы и их роль в истории формирования европейской идентичности. 7) Географическое измерение Европы в конце Средневековья – начале Нового времени: основные проблемные поля. 8) Основные проекты единой Европы раннего Нового времени: сходства и отличия. 9) Суть «изобретения»

* * *

ВВЕДЕНИЕ К КУРСУ

Актуальность и проблемы исследования истории идеи Европы. Предмет, характер, цель и задачи курса. Европа как географическое и историко-культурное понятие.

Тема 1

«ЕВРОПА» И АНТИЧНЫЙ МИР

Термин «Европа», его происхождение; изменение значения термина. «Европа» в Античном мире. Понятие «Эллада» в древне-греческой культуре. Римская идея.

Семинарское занятие по теме: римская идея.

Вопросы: 1. Идея «Вечного города» в сочинениях римских авторов. 2. Границы, структура и характеристики «римского мира». 3. Основные черты идеала римского гражданина и представления о «варваре».

Источники: ТАЦИТ, *История*; ВЕРГИЛИЙ, *Энеида*.

Тема 2

ХРИСТИАНСКАЯ ОБЩНОСТЬ И ИМПЕРСКАЯ ИДЕЯ В КУЛЬТУРЕ СРЕДНИХ ВЕКОВ

Представления о мире и складывание «христианской общности» в раннее Средневековье. Христианская картографическая традиция. Имперская идея и ее трансформация. Развитие знаний о мире и о народах Европы в высокое и позднее Средневековье. Трансформация средневековой картографии. Понятие «Европа» в контексте средневековой культуры. Мусульманский восток как «Другой» христианской европейской культуры. «Открытие» Северной Европы. Проект «Христианской республики» П. Дюбуа (1306 г.).

Восточной Европы в концепции Л. Вульфа. 10) Основные особенности конструирования европейской идентичности в раннее Новое время. 11) Европейская общность в XIX веке: особенности и противоречия. 12) Основные характеристики «Европы» в «Ориентализме» Э. Саида. 13) Особенности конструирования идеи Европы в XX веке. 14) Современные представления о Европе и европейской общности: основные характеристики и проблемные точки.

Семинарское занятие по теме: символизм представлений о мире и христианской Европе в Средние века.

Вопросы: 1. Средневековые карты как репрезентация символического пространства. 2. Паломничество в Средние века.

Источники: БЕАТ ЛИБАНСКИЙ, Карта мира (VIII в.), Д. ЧОСЕР, *Кентерберийские рассказы*.

Деловая игра: «Средневековая географическая карта как источник по истории и культуре Европы».

Описание.

Первый этап. Присутствующие делятся на две или три команды (в зависимости от числа слушателей), каждой из которых выдается средневековая карта мира. Задача: проанализировать данный вид источника и составить рассуждение о том, какие особенности средневековой культуры он отражает. Цель: научиться работать в коллективе; применить на практике изученные методы анализа картографических источников; научиться использовать знания, полученные при изучении других дисциплин. Второй этап. Каждая команда выступает с сообщением, в котором излагаются выводы, полученные на первом этапе. Остальные команды задают вопросы, касающиеся сути этих результатов, выдвигают тезисы, опровергающие или дополняющие полученные выводы. Задача: убедить противника в верности своих рассуждений. Цель: научиться аргументировать свою позицию, исходя из имеющихся знаний по истории и теории культуры, а также знаний, полученных в ходе изучения данной дисциплины.

Источники: Херефордская карта (1300 г.), карта Эбсторферская карта (ок. 1300 г.), Каталонский атлас (1375 г.).

Тема 3

ФОРМИРОВАНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ИДЕИ ЕВРОПЕЙСКОЙ ОБЩНОСТИ

В КУЛЬТУРЕ ВОЗРОЖДЕНИЯ И РАННЕГО НОВОГО ВРЕМЕНИ

Новые представления о человеке и культурных общностях в эпоху Возрождения. Проекты «Европы» папы Пия II (1458–1464 гг.) и «Единства» Иржи Подебрада (1458–1474 гг.). Развитие культурной коммуникации между европейскими народами. Великие географические открытия и их роль в повышении интереса к простран-

ственно-географическим характеристикам понятия «Европа». Развитие колониального сознания и трансформация представлений о культурном своеобразии Европы в конце XV – начале XVI в. Интеграционные и дезинтеграционные процессы в Европе раннего Нового времени. «Республика словесности» как идеал европейского культурного единства. Проект политического единства Европейских стран герцога Сюлли (1639 г.). Формирование новых общественно-политических идеалов и трансформация европейской идентичности в эпоху Просвещения. «Изобретение» Восточной Европы. Проекты европейского парламента У. Пенна (1693 г.) и И. Бенгтама (1796–1789 гг.). Имперские проекты Европы Наполеона (1804–1814 гг.). Проблемы и перспективы европейской идеи в начале XIX века.

Семинарское занятие по теме: изменение представлений о пространстве Европы: от Средневековья к Новому времени.

Вопросы: 1. Меняющиеся границы Европы. 2. Изменение представлений о европейской общности в эпоху Возрождения и раннего Нового времени.

Источники: БЕАТ ЛИБАНСКИЙ, Карта мира (VIII в.); ОПИЦИН ДЕ КАНИСТРИС, Антропоморфная карта Европы (1296–1300 гг.), Херефордская карта (1300 г.), Каталонский атлас (1375 г.), Карта мира Борджа (1458 г.); ПЬЕТРО КОППО, Карта мира (1520 г.); ОЛАУС МАГНУС, Морская карта (1539 г.); СЕБАСТЬЯН МЮНСТЕР, карта Европа-правительница (1570 г.); СТАСЮЛЕВИЧ М. М., *История Средних веков*, (т. 3: Крестовые походы, 1096–1291), М. ДЕ МОНТЕНЬ, *О каннибалах*.

Семинарское занятие по теме: представления о Европе и европейцах в эпоху Просвещения.

Вопросы: 1. Философия Просвещения и ее влияние на определение европейской общности. 2. Англичанин, немец, француз... или европеец? Модели идентичности в культуре Просвещения.

Источники: И. Г. ГЕРДЕР, *Идеи к философии истории человечества*, О. ГОЛДСМИТ, *Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке*.

Тема 4

ОСОБЕННОСТИ И ПРОТИВОРЕЧИЯ ЕВРОПЕЙСКОЙ ИДЕИ
В XIX–XX ВВ. ПОДХОДЫ К ИХ ИЗУЧЕНИЮ⁴

Европейская идея в XIX в. Европейская идея в XX в.

Коллоквиум: «Особенности и противоречия европейской идеи в XIX–XX вв.: подходы к изучению».

Вопросы: 1. Европейская идея в XIX в. 2. Европейская идея в XX в.

Источники: Сатирические карты Европы 1854, 1870, 1875, 1882, 1887, 1899, 1900, 1914, 1943, 2010 гг., Хрестоматия *Документы по истории европейской интеграции*.

Заключение

ЕВРОПЕЙСКИЕ СТРАНЫ
В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ ИДЕИ ЕВРОПЫ

Выступления студентов с подготовленными докладами, вопросы, дискуссия.

ОСНОВНЫЕ ИСТОЧНИКИ

ОЛЕАРИЙ А. *Описание путешествия в Московию* (М.: Российские семена, 1996), 366 с.

ВЕРГИЛИЙ, *Энеида* (М.: Лабиринт, 2001), 285 с.

ГЕРДЕР И. Г., *Идеи к философии истории человечества* (М.: Наука, 1977), 703 с.

ГЁТЕ И., «Из *Итальянского путешествия*», в: ГЁТЕ И., *Собрание сочинений в десяти томах* (М.: Художественная литература, 1975–1980), т. 9.

ГОЛДСМИТ О., *Гражданин мира, или Письма китайского философа, проживающего в Лондоне, своим друзьям на Востоке* (М.: Наука, 1974), 383 с.

Документы по истории европейской интеграции: Хрестоматия (Екатеринбург: Изд-во Уральского ГУ, 2000), 86 с.

⁴ Эта тема, как наиболее освященная в источниках и исследовательской литературе, предназначена для самостоятельного изучения. Результаты работы студентов оцениваются на основе сделанных на коллоквиуме сообщений и дискуссии по ним.

- МОНТЕНЬ М. ДЕ., *О каннибалах*, в: МОНТЕНЬ М. ДЕ., *Опыты в 3 кн.*, пер. с фр. (М.: Изд-во АН СССР, 1960), т. 1, с. 257-275.
- Путешествия Христофора Колумба: Дневники, письма, документы* (М.: Географгиз, 1950), 532 с.
- СТАСЮЛЕВИЧ М. М., *История Средних веков, т. 3: Крестовые походы, 1096–1291* (СПб. – М.: Полигон, 2001 [переизд. СПб., 1865]), 592 с.
- ТАЦИТ, *История*, (М.: АСТ : Фолио, 2001), 393 с.
- ЧЕКИН Л. С., *Картография христианского средневековья, VIII–XIII вв.: Тексты, перевод, комментарии* (М.: Восточная литература, 1999), 366 с.
- ЧОСЕР Д., *Кентерберийские рассказы*, (М.: Грантъ, 1996), 830 с.
- ЭЙНХАРД, *Жизнь Карла Великого* (М.: Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2005), 300 с.

КАРТОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ⁵

- БЕАТ ЛИБАНСКИЙ, Карта мира (VIII в.).
- БУРГО ДЕ ОСМА, Карта мира (XI в.).
- ГЕНРИХ МАЙНЦСКИЙ, Карта мира (1110 г.).
- ОПИЦИН ДЕ КАНИСТРИС, Антропоморфная карта Европы (1296–1300).
- Херефордская карта (1300 г.).
- Эбсторферская карта (ок. 1300 г.).
- Карта мира из *Хроник Сен-Дени* (1364–1372 гг.).
- Каталонский атлас (1375 г.).
- Генуэзская карта мира (1457 г.).
- Карта мира Борджа (1458 г.).
- ФРА МАУРО, Карта мира (1459 г.).
- КОРНЕЛИЙ АУРЕЛИЙ, Карта мира (1514 г.).
- ПЬЕТРО КОППО, Карта мира (1520 г.).
- ДЖИРОЛАМО ВЕРРАЦАНО, Карта мира (1529 г.).
- ОЛАУС МАГНУС, Морская карта (1539 г.).
- ПЬЕР ДЕСЦЕЛЬЕР, Планисфера (1546 г.).
- АБРАХАМ ОРТЕЛИЙ, Карта мира (1570 г.).
- СЕБАСТЬЯН МЮНСТЕР, Европа-правительница (1570 г.).

⁵ Предоставляются слушателям в виде базы данных на цифровом носителе информации.

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- АНДЕРСОН Б., *Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма* (М.: Канон-пресс-Ц, 2001; Кучково поле), 286 с.
- БАРТЛЕТТ Р., *Становление Европы. Экспансия, колонизация, изменения в сфере культуры, 950–1350 гг.* (М.: РОССПЭН, 2007), 430 с.
- ВУЛЬФ Л., *Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения* (М.: Новое лит. обозрение, 2003), 548 с.
- ЗЕЛИНСКИЙ Ф. Ф., *Римская империя* (СПб.: Алетейя, 2000), 486 с.
- Историческая география античного мира*, ФЕДОТОВ Виктор Викторович; В. В. ФЕДОТОВ (М.: МЭИ, 1996), 308 с.
- Историческая география эпохи феодализма: (Зап. Европа и Россия в V – XVII в.)*. Учеб. пособие для студентов ист. фак. пед. ин-тов, А. В. МУРАВЬЕВ, В. В. САМАРКИН (М.: Просвещение, 1973), 143 с.
- КАРДИНИ Ф., *Европа и ислам: история непонимания* (СПб.: Alexandria, 2007), 332 с.
- КНАБЕ Г. С., *Древний Рим. История и повседневность: Очерки* (М.: Искусство, 1986), 261 с.
- КОБРИН К., «Восход Европы (fin de millennium: подводя итоги)», *Звезда* 9 (2000), с. 164-172.
- ЛЕ ГОФФ Ж., *Рождение Европы*. (СПб.: Alexandria, 2007), 398 с.
- ЛЕ ГОФФ Ж., *Средневековый мир воображаемого* (М.: Прогресс, 2001), 439 с.
- ЛЕ ГОФФ Ж., *Цивилизация средневекового Запада* (Екатеринбург: У-Фактория, 2005), 558 с.
- ЛУЧИЦКАЯ С. И., *Образ другого: мусульмане в хрониках крестовых походов* (СПб.: Алетейя, 2001), 396 с.
- МАГИДОВИЧ И. П., МАГИДОВИЧ В. И., *Очерки по истории географических открытий* в пяти томах (М.: Просвещение, 1982–1986; изд. 3-е, перераб. и доп.).
- МАГИДОВИЧ И. П., МАГИДОВИЧ В. И., *История открытия и исследования Европы* (М.: Мысль, 1970), 456 с.
- МЕДВЕДЕВ Л. А., СИНДЕЕВ А. А., *История западноевропейской интеграции (40–90-е годы XX века): Создание Европейского Союза, 80–90-е годы*. Учеб. пособие (Тверь: [б. и.], 1999), 102 с.
- МЕЛЬНИКОВА Е. А., *Образ мира: Географические представления в Западной и Северной Европе. V–XIV века* (М.: Янус-К, 1998), 254 с.

- МИТТЕРАУЭР М., «Историко-культурное формирование европейских границ», *Россия и Европа: в поисках идентичности*. Международный симпозиум. Москва, 9–11 декабря 1998 (М.: Вазахар, 2000), с. 24–26.
- МЮНКЛЕР Х., «Европа как политическая идея», в сб.: *Неприкосновенный запас: Дебаты о политике и культуре* 4[30] (2003).
- САИД Э. В., *Ориентализм: западные концепции Востока* (СПб.: Рус. мирь, 2006), 636 с.
- СПАДОЛИНИ Д., *Европейская идея в период между просвещением и романтизмом* (СПб.: О-во «Данте Алигьери», 1993; Петербург – XXI век), 350 с.
- ФОМЕНКО И. К., *Образ мира на старинных портоланах. Причерноморье конец XIII–XVII в.* (М.: Индрик, 2011), с. 27–124.
- ХОБСБАУМ Э., *Нации и национализм после 1780 г.* (СПб.: Алетейя, 1998), 305 с.
- ЧУБАРЬЯН А. О., *Европейская идея в истории. Проблемы войны и мира* (М.: Междунар. отношения, 1987), 350 с.

ДОПОЛНИТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БАЛАКИН В., *Творцы Священной римской империи* (М.: Молодая гвардия, 2004), 368 с.
- БОРКО Ю. А., *От европейской идеи к единой Европе* (М.: Деловая литература, 2003), 464 с.
- БОРХАРДТ К.-Д., *Европейская интеграция. Происхождение и развитие Европейского Союза* (М.: [б. и.], 1996), 106 с.
- БРАУН Л. А., *История географических карт* (М.: ЗАО Центрполиграф, 2006), 479 с.
- ГЕЛЛНЕР Э., *Нации и национализм* (М.: Прогресс, 1991), 319 с.
- Европейский союз. Справочник*, под ред. О. В. БУТОРИНОЙ, Ю. А. БОРКО, И. Д. ИВАНОВА (М.: Изд. Деловая литература, 2003), 288 с.
- Единая Европа: идея и практика* (М.: ИВИ РАН, 1994), 268 с.
- КАНИНСКАЯ Г. Н., НАУМОВА Н. Н., *История западноевропейской интеграции* (Ярославль: [б. и.], 1998), 66 с.
- КОГАН М. А., «О географических воззрениях европейцев накануне Великих географических открытий», в: *Путешествия и географические открытия в XV–XIX веках*. (М.; Л.: Наука, 1965), с. 190–119.
- КОРЕЛИН М. С., *Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи* (СПб.: Коло, 2005), 190 с.

- МАЙЕР Г., «Европейская культура: фантом или реальность?», *Вестник Европы* 12 (2004), с. 7-8.
- МАКСАКОВСКИЙ В. П., *Географическая картина мира*, ч. 2 (Ярославль: Верхнее-Волжское книжное издательство, 1996), тема I: Зарубежная Европа, с. 8-156.
- НАРИНСКИЙ М. М., КАРАЕВ В. М., «Общие истоки европейской цивилизации», *Европейский альманах* (М: Наука, 1991), с. 18-29.
- ПИКОВ Г. Г., *Из истории европейской культуры*. Учебное пособие (Новосибирск: Издательство НГУ, 2002), 255 с.
- САМАРКИН В. В., *Историческая география Западной Европы в Средние века* (М.: Высшая школа, 1976), 249 с.
- ФАДЕЕВА Т. М., *Единая Европа: идея и реальность. Концепции культурной идентичности* (М.: ИНИОН, 1997), 47 с.
- ФУШЕ М., *Европейская республика: Исторические и географические контуры* (М.: Международные отношения, 1999), 168 с.
- ШВИММЕР В., *Мечта о Европе: Европа с XIX в. до рубежа третьего тысячелетия* (М.: ОЛМА-Пресс, 2003), 384 с.
- ЭКО У., *Поиски совершенного языка в Европейской культуре* (СПб.: Alexandria, 2007), 430 с.

УСВОЕНИЕ И ТРАНСФОРМАЦИЯ АНТИЧНЫХ ЕСТЕСТВЕННЫХ НАУК В СРЕДНИЕ ВЕКА И НОВОЕ ВРЕМЯ

(КРУГЛЫЙ СТОЛ)*

21 мая 2012 г. состоялась встреча исследователей из академических институтов Москвы (ИВИ РАН — ИФ РАН) и МГУ в рамках работы над проектом «Усвоение и трансформация античных естественных наук в Средние века и Новое время», направленным на изучение развития естествознания в широком временном диапазоне (от Античности до Современности). Проект ориентирован на выявление тех составляющих, которые, зародившись в Античности, были усвоены в Средние века, восприняты в трансформированном виде наукой Нового времени и составили фундамент современного научного знания.

Участники проекта не только обсудили индивидуальные планы исследований¹, но и обменялись наработками. Доклады участников были распределены по трем тематическим блокам: I. Физика, на-

* Мероприятие проведено в рамках работы над 3-х годичным (2012–2014) проектом, поддержанным РФФИ (№ 12–06–00087а). Встреча участников прошла в Центре античной и средневековой философии и науки (ИФ РАН, Москва).

¹ Согласно проекту, предполагается выполнение комментированных переводов (как полностью, так и во фрагментах) шести трактатов, демонстрирующих развитие естествознания и становление науки в Античности, Средние века и Новое время (среди которых входящее в Аристотелевский корпус и ошибочно приписывавшееся ранее Аристотелю сочинение *О цветах*; натурфилософские тексты *О вечности мира* Филона Александрийского [I в.] и *Об устройстве мира* пс.-Беды [XII в.]; трактат *О временах* Беды [VII в.]; работа Амбруаза Паре о становлении хирургии [XVII в.]; трактат Гете *Учение о цвете* (полемиическая часть), посвященный физической теории преломления цвета [XVIII в.]). Заметим, что изучение трактата Беды *О временах* и пс.-Беды *Об устройстве мира* в настоящем проекте отчасти дополнит исследовательскую деятельность, проводимую в рамках другого проекта, озаглавленного «Сочинения Беды в контексте современного гуманитарного знания», работа над которым была начата в прошлом году. Об этом см.: ПЕТРОВА М. С., «Беда Досточтимый — ученый, философ, богослов», *Диалог со временем* 37 (2011), с. 380–390.

турфилософия и аритмология (исчисления и хронометрия); II. География; III. Медицина и психология. Ниже публикуются выдержки из докладов² и обсуждений.

I. Физика, натурфилософия и аритмология

В докладе **С. В. Месяц** были проанализированы посвященные проблеме цвета и цветовосприятия фрагменты сочинений Аристотеля (384–322 гг. до н. э.): *О душе* (II, 7), *Об ощущении и ощущаемом* (III, 439a 7 – 440b 25), *Метеорологика* (I, 5, 342b; III, 2, 372b), а также входящий в аристотелевский корпус текстов трактат *О цветах* (*De coloribus*), который, вплоть до XVI в. (до появления издания Симона Портиуса, 1548 г.), приписывался Аристотелю. С. В. Месяц обозначила основные положения цветовой теории, а именно: (1) «цвет как предмет психологии», в рамках которого обсудила вопрос, обладает ли цвет «объективной» реальностью или сводится

² Темы докладов (приведены по алфавиту): БЕРГЕР Е. Е. (к. и. н., ст. н. с. ИВИ РАН), «Античное наследие и эволюция хирургии в эпоху Возрождения»; БОРОДАЙ Т. Ю. (к. филол. н., зав. отд. христианской культуры Института мировой культуры МГУ), «Становление и развитие раннесредневековой исчислительной науки (на примере *De temporibus* Беды Досточтимого)»; КОНОВАЛОВА И. Г. (д. и. н., зам. директора ИВИ РАН), «О характере преемственности средневековых арабских географических сочинений (ал-Идриси — Ибн Са'ид — Абу-л-Фида)»; МЕСЯЦ С. В. (к. ф. н., ст. н. с. ИФ РАН), «Античная физика и цветовые теории Аристотеля и его комментаторов»; ОНА ЖЕ, «Основные методологические установки натурфилософии Гёте и их отличие от установок современного экспериментального естествознания (на примере полемики Гёте и Ньютона относительно природы цвета)»; ПЕТРОВ В. В. (д. ф. н., зав. сектором античной и средневековой философии и науки ИФ РАН), «Античное естествознание и теории относительно структуры мира и надземного Аида»; ПЕТРОВА М. С. (д. и. н., рук. Центра гендерной истории ИВИ РАН), «Психология и онейрокритика в Античности и греко-римская традиция (на примере Тертуллиана)»; ОНА ЖЕ, «Раннесредневековая астрономия и ее зависимость от античного знания»; РОССИУС А. А. (д. филол. н., гл. н. с. ИФ РАН), «Средневековая натурфилософия и формирование представлений о мироздании (на примере *De mundi celestis terrestisque constitutione* пс.-Беды)»; СЕРЕГИН А. В. (к. ф. н., ст. н. с. ИФ РАН), «Вечность мира и креационизм у Филона Александрийского»; СЕРЕГИНА А. Ю. (к. и. н., ст. н. с. ИВИ РАН), «Античная медицина и практика родовспоможения в Англии XVII в.: *Книга повитух* Джейн Шарп»; СОЛОПОВА М. А. (к. ф. н., зам. зав. сектором истории западной философии ИФ РАН), «*Vita brevis*: к толкованию первого афоризма Гиппократ»; СТОГОВА А. В. (к. и. н., ст. н. с. ИВИ РАН), «Душевные расстройства в XVII в.: между медициной и религией».

исключительно к субъективному восприятию; (2) «потенциальное и актуальное бытие цвета» (обратив внимание на тот факт, что вне зрительного ощущения цвет существует потенциально и выделив два смысла потенциального: как способное получить определенную форму и как обладающее формой и способное действовать в соответствии с ней); (3) «условия появления цвета (свет и прозрачная среда)», обозначив понятие прозрачного (*διαφανές*) и прозрачной среды; (4) «роль света в процессе зрительного восприятия»; отметив критику Аристотелем механической теории цвета (на примере концепций Эмпедокла, Демокрита, Платона) и разъяснив утверждение Аристотеля о цвете как «то, что приводит в движение актуально прозрачное» (*О душе* II, 7, 419a 12–19). При обсуждении положения (5) «цвет как “граница прозрачного”», С. В. Месяц рассмотрела вопрос, почему поверхность тела способна приводить в движение прозрачную среду, модифицируя ее прозрачность и сообщая ей «сияние», перечислила семь цветов по Аристотелю (белый, желтый, красный, фиолетовый, синий, зеленый, черный). При ответе на вопрос: (7) можно ли видеть темноту, ею было отмечено, что в текстах Аристотеля белый цвет рассматривался как представитель света, а черный — как заместитель тьмы и представитель темноты, поэтому если границу освещенной среды будет составлять не некое твердое тело, а прозрачное в возможности, то есть темнота, то и она, как «граница ограниченного прозрачного тела», будет видима подобно черному цвету. Она тоже будет определенным образом приводить в движение освещенную среду и через нее — воздействовать на орган зрения. Поэтому если сама по себе темнота, как отсутствие света, не видна, то через освещенное светом прозрачное тело она становится видимой.

В следующем сообщении *С. В. Месяц* сравнила цветовую теорию Аристотеля с теорией Гете (1749–1832) и Ньютона (1643–1727), рассмотрев методологические установки античной натурфилософии в сравнении с методологическими установками новоевропейского естествознания. Ею обсуждались: (1) эксперимент Ньютона по разложению солнечного света призмой; (2) опыт Декарта (1596–1650) по преломлению света призмой (в частности, в сравнении с опытом Ньютона); (3) математическая модель светового луча Ньютона; (4) научная методология Гете; (5) понятие «прафеномена»

и прафеномен цветowych явлений у Гете. В заключение было дано сравнение научных методологий Гете и Ньютона; сказано о экспериментальной проверке теоретических гипотез.

В. В. Петров рассматривал устойчивую традицию «ученой» эсхатологии, в которой представления о посмертной участи и местопребывании человеческой души зависят от естественнонаучных представлений Античности. Было показано, что в основе соответствующих теорий лежит учение о четырех первоэлементах космоса и их «естественных» местах. Души разумных существ (ангелов, людей, демонов) ассоциируются с парой высших элементов (воздухом и огнем), а также эфиром, который понимается как особый пятый элемент, как особенно чистый воздух, или как огонь. Поскольку естественные места этих элементов находятся в надземной области, то и души, в которых преобладают эти элементы, после отделения от тела отправляются туда же. В докладе цитировались и анализировались тексты большого числа античных и ранних христианских авторов от Платона до Беда Досточтимого (672 / 3–735 гг.).

А. В. Серегин обсуждал основные проблемы, связанные с установлением космологических взглядов Филона Александрийского (ок. 25 г. до н. э. – ок. 50 г. н. э.), касающихся вопроса о происхождении мира. Было отмечено, что, с одной стороны, в большинстве своих сочинений Филон является сторонником точки зрения, согласно которой мир был создан Богом и имеет начало существования. Однако уже и в этом отношении его позиция вызывает множество толкований, так как речь может идти либо о строго креационистской доктрине творения мира из ничего, либо о платонической концепции оформления предсуществующей материи демиургом в духе платоновского *Тимея*, либо о той или иной комбинации этих воззрений. С другой стороны, в трактате *О вечности мира* Филон защищает аристотелевский тезис о вечном существовании космоса против стоического учения о периодической гибели и возрождении мира. А. В. Серегин также показал, что в научной литературе это обстоятельство объяснялось по-разному. Одни исследователи рассматривали *О вечности мира* как ученическое сочинение, не отражающее позиции его автора, другие ссылались на не дошедшую до нас вторую часть трактата, в которой Филон мог вернуться к более привычной для него позиции. Наконец, в конце

XIX века многие ученые напрямую отрицали аутентичность этого текста. Объяснение позиции Филона в трактате *О вечности мира* остается одной из актуальных проблем в исследовании его философских взглядов.

Небольшое сочинение Беда Досточтимого *О временах* (*De temporibus*), продолжающее его натурфилософский трактат *О природе вещей*, рассматривалось в докладе **Т. Ю. Бородай**. Рассуждения Беда о времени были разделены на три части: единицы измерения времени; исчисление пасхального цикла (включая сакраментально-символическое значение пасхального времени) и деление на эпохи мировой истории. Т. Ю. Бородай отметила, что единицы измерения для Беда — не технические условности: час и год — это естественная «граница» «бурно и слепо несущейся реки времен», ее «берега»; это природный порядок круговращения светил, сообщающий потоку времени определенность, гармонию и смысл. Во второй части Беда говорит о различных таблицах пасхалий, о том, как ими пользоваться, каково соотношение различных календарных систем, как вычислить время Пасхи без таблиц с помощью наблюдений, учитывая 19-ти летние лунные и 28-ми летние солнечные циклы. Т. Ю. Бородай отметила, что в трактате *О временах* (как и в сочинении *О природе вещей*) обращают на себя внимание две интенции: во-первых, стремление дать чисто рациональное объяснение каждому явлению: либо физическое, либо историческое. Следуя Исидору Севильскому (560–636) и в еще большей мере Августину (354–430), Беда противопоставит всяческому суеверию: вере в знамения, гороскопы, гадания, мистику чисел, и, в частности, апокалиптическим настроениям своей эпохи (видимо, в те же годы он работал над своим комментарием к Апокалипсису). Он восхищен порядком мироздания и безукоризненной четкостью работы вселенной, в частности, тем, что все процессы как в небесах, так и на земле (например, циклы приливов и отливов) отвечают точным математическим закономерностям. В заключение Т. Ю. Бородай отметила, что по своему жанру сочинение Беда *О временах* следует отнести к «компутам» (*computus*) — учебникам по хронологии (на базе астрономии и математики), получившим широкое распространение как в средневековой Британии, так и на континенте при Каролингах.

Тему «компутов» отчасти продолжил доклад *М. С. Петровой*, отметившей, что античное учение о мироздании, составной частью которого были представления о небе, порядке и движении планет, затмениях Солнца и Луны, и проч., пережило возрождение в начале IX столетия. И это явилось пиком работы, проводимой средневековыми клириками и монахами со времени Исидора Севильского вплоть до Алкуина из Йорка (VIII в.). Было отмечено, что некоторые из компутов, такие, как компуты Беда и тех авторов, которые подпали под его влияние, включали в себя не только математические расчеты, но и описание структуры небес, а также ее обсуждение. В таких текстах транслировались представления об устройстве неба, движении звезд и планет, разработанные в Античности, в традиции позднеантичных семи свободных наук. При рассуждении о движении планет источниками средневековых авторов IX в. главным образом являлись релевантные фрагменты из *Естественной истории* Плиния Старшего (I в.) и *Комментария на 'Сон Сципиона'* Макробия (V в.). Анализировался воспроизводящий античные источники текст Дунгала, предпринявшего попытку разъяснить Карлу Великому природу солнечных затмений 810 г. Было показано, что Дунгал, следуя Плинию и Макробию, перестроил и переработал свои источники, рассуждая о следующих вопросах: (1) порядок планет от небесной сферы до земной; (2) движение планет по своим орбитам; (3) скорость движения планет; (4) зодиакальное движение светил; (5) возможность предсказания затмений в будущем. В заключение М. С. Петрова отметила, что, хотя Дунгал и смог найти подходящий текст, позволивший ему сделать ответ Карлу связным и убедительным, он, по существу, не ответил на вопрос императора о причине затмений.

Тему формирования средневековых представлений о мироздании продолжил доклад *А. А. Россюса*, посвященный анализу натурфилософского сочинения пс-Беда *Книга об устройстве мира небесного и земного*. Было показано, что одна из теорий, приписываемых пс-Бедой Аристотелю и перипатетикам, гласит, что ретроградное движение планет есть лишь видимость (реальным таковое, якобы, полагали платоники), тогда как в действительности они движутся от востока к западу, но медленнее, чем сфера неподвижных звезд (895 MIGNÉ); при этом скорость движения планеты пропор-

циональна ее отдаленности от Земли, чем, в частности, объясняется долгий период обращения Сатурна. А. А. Россиус отметил, что в этом утверждении, по-видимому, можно усмотреть следы утраченной средневековой традиции, представляющей собой самостоятельную комбинацию из не вполне согласующихся друг с другом сведений, почерпнутых из *Комментария на 'Сон Сципиона'* Макробия и *Комментария на 'Тимей'* Калкидия (кон. V в.). Таким образом, данная теория обнаруживает свое присутствие в Западной Европе еще до сделанного Михаилом Скоттом в 1217 г. латинского перевода *Астрономии* Альпетрагия (Аль-Битруджи). Была рассмотрена реконструируемая по тексту трактата теория движения небесных тел по спирали, которая, по всем признакам, восходит к Клеанфу, минуя Птолемея. А. А. Россиус обратил внимание на тот факт, что перечисленными теориями не исчерпывается материал, содержащийся в *Книге об устройстве мира небесного и земного* и иллюстрирующий все многообразие путей формирования европейского естествознания в посткаролингскую эпоху. Для становящихся научных воззрений той поры характерна опора на множество разнородных (большей частью некритически оцениваемых) источников и общая неустойчивость подходов. В этой своеобразной среде была подготовлена почва для рецепции данных греческой и арабской науки в последующий период.

II. География

В выступлении *И. Г. Коноваловой* было отмечено, что компаративное сравнение материалов ал-Идриси, Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды о Восточной Европе, позволяет убедиться в том, что, несмотря на очевидную связь этих сочинений, к вопросу об их соотношении (вопреки распространенному в историографии мнению) не следует применять категорию прогресса. Ибн Са'ид не ставил перед собой задачи приращения знаний о Восточной Европе по сравнению с ал-Идриси; то же самое относится и к Абу-л-Фиде, который не стремился углубить представления Ибн Са'ида об этом регионе. Было показано, как каждый автор «осваивал» это пространство заново, пренебрегая многими сведениями своих предшественников — не случайно, этнополитическая картина Восточной Европы у Ибн Са'ида и Абу-л-Фиды практически исчерпывается пределами Золо-

той Орды, несмотря на наличие богатого материала о Руси и Прибалтике в сочинении ал-Идриси. И. Г. Коновалова обратила внимание на тот факт, что интерес к тем или иным сведениям ал-Идриси со стороны Ибн Са'ида или к материалам последнего у Абу-л-Фиды диктовался, главным образом, задачами их собственных сочинений, а также содержанием той информации о Восточной Европе, которая поступала в мусульманский мир по современным каналам, которые для второй половины XIII – первой трети XIV вв. были почти целиком связаны с Золотой Ордой.

III. Медицина и психология

В сообщении **М. А. Солоповой** речь шла о наиболее известном (цитируемом со времен Античности до наших дней) афоризме «отца медицины» Гиппократ (460–377 гг. до н. э.): «Жизнь коротка, путь искусства долог...». М. А. Солопова проанализировала сокращенную и полную версии афоризма; разъяснила его традиционное толкование, состоящее в следующем: «врачу, чтобы овладеть искусством медицины, требуется много времени, практически вся его жизнь, на протяжении которой врач совершенствует свои навыки и становится более искусным»; отметила особенности комментариев на этот афоризм Галена (около 130 – около 200 гг.) и Феофила Протоспафария. Ею было обращено внимание на возможное толкование начальных слов: «Жизнь коротка...», как слов, относящихся к пациенту.

М. С. Петрова доложила о начатом исследовании онейрокритики периода Античности и Средних веков на примере трактата Тертуллиана (160–220 гг.) *О душе* (42 – 57). Цель исследования — реконструкция онейрокритических представлений Тертуллиана. Было показано, что Тертуллиан выделяет пять видов снов: (1) сны, исходящие от Бога (т. е. пророческие и откровенные); (2) сны, появление которых обусловлено положением тела человека, количеством съеденной им пищи или, напротив, отказом от нее (47, 3); (3) сны, которые душа сама рождает в себе под влиянием внешних воздействий (дневных переживаний, болезненных состояний); (4) сновидения, получаемые в состоянии экстаза, когда душа выступает из себя (47, 4); (5) сны, которые исходят от демонов (такие сны названы «лживыми», «пустыми» и «обманчивыми»).

В докладе *А. В. Стоговой*, отчасти продолжившей два предыдущих выступления, было отмечено, что в Античности эмоции рассматривались как движения души, возникающие под влиянием социальной жизни человека и связанные с жизненными духами сердца, а, следовательно, и со всем организмом. Традиционно считалось, что избыток определенных эмоций порождает нарушение равновесия в выработке гуморов и духов, что представляет опасность для физического здоровья. Страсти души могли отнюдь не метафорически рассматриваться как причина заболеваний, поражающих человеческий организм. Лечить такие недуги следовало, выпуская излишки одних эмоций и / или компенсируя недостаток других, чего можно было достигнуть, направляя, упорядочивая и корректируя мышление больного. В медицинской практике это можно было осуществить как хирургическими или фармацевтическими способами, так и путем эмоционального воздействия или увещевания. Все это отражало принципиально иное представление о медицине, когда лечебные действия включали в себя не только прием медикаментов, но и сложные ритуалы утешения, соболезнования и философские медитации. Сама медицина рассматривалась и как наука (зависящая от логических рассуждений, суммирующих накопленные учеными знания), и как искусство (таковым признавалась сама медицинская практика, в которой значительную роль имело непосредственное наблюдение и опыт врача). К искусству медика относилось умение стимулировать в пациенте определенные страсти и эмоции и подавлять другие. Тому, кто пытается разобратся в сердце другого, необходимо со-участвовать, сочувствовать. А. В. Стогова показала, что лечение, в основе которого лежат подобные действия самого врача или же других людей, имело давнюю традицию. В силу представлений о влиянии тела на душу и наоборот, область, подпадавшая под юрисдикцию медицины, пересекалась со многими другими, прежде всего с религиозным опытом, а также с сферами компетенции друзей, предков и т. д. В силу этого, составляющие дружеского общения оказывались не только способом врачевания, но и частью компетенции самого врача. При этом медик не имел монополии на лечение душевных расстройств. Сохранялись традиции религиозного «врачевания», поскольку душа оставалась полем соперничества Бога и дьявола, а болезни продолжали рассматриваться как кара Господня. Особенно это касалось

кальвинистской теологии, озабоченной внутренним душевным благополучием каждого индивида. Было обращено внимание, что в течение XVII столетия эта традиция утрачивала свое значение, «душевные» болезни все больше становились уделом врача, а не пастыря. Кроме того, и в медицинских, и религиозных трактатах все чаще появляется мысль о роли дружбы в излечении подобных заболеваний. Столь четкая связь между дружбой и медициной была характерна именно для английских авторов (Ф. Бэкон [1561–1626], Р. Бёртон [1577–1640]).

В выступлении *А. Ю. Серезиной*, помимо темы развития медицины в раннее Новое время, был затронут и гендерный аспект. Она отметила тот факт, что XVII столетие стало временем «вторжения» мужчин-врачей в сферу родовспоможения, на протяжении предшествующих столетий считавшуюся исключительно женской. Было показано, что научная медицина была призвана потеснить женщин-повитух, которые хотя и обладали обширными практическими познаниями, не могли получить университетского образования и потому считались невежественными. Возникший в данной области конфликт привел, в частности, к появлению ряда текстов, в которых обе стороны стремились продемонстрировать свои познания. Среди таковых — написанная Джейн Шарп (1620–1680) *Книга повитух* (1671 г.), которая представляет собой первое англоязычное медицинское пособие. В книге рассматриваются особенности женской анатомии, признаки беременности, бесплодие, осложнения в ходе беременности, собственно родовспоможение, а также осложнения после родов. В заключение А. Ю. Серезина проанализировала избранные Джейн Шарп способы, при помощи которых та встраивала свой текст в традицию медицинских сочинений о родовспоможении, восходящих — при посредстве ренессансных текстов — к традициям античной медицины, соединяя ее с собственным практическим опытом.

В докладе *Е. Е. Бергер* было отмечено, что если медицинское образование в Средние века и в эпоху Возрождения структурировалось в университетах, то хирургия формировалась, как правило, вне университетского социума. В основу медицинского знания эпохи Возрождения легли античные труды. Античная традиция в подготовке «ученых» хирургов, несомненно, также присутствовала: от

хирургических текстов Гиппократова сборника до Павла Эгинского (607–690). Пример тому — деятельность Амбруаза Паре (1510–1590), профессионально сформировавшегося вне университетского круга и даже вне коллежа св. Косьмы, и к тому же не владевшего древними языками. Е. Е. Бергер затронула вопрос, в какой степени античное знание оказало влияние на А. Паре, обратив внимание на то, что его тексты изобилуют ссылками на классические медицинские труды, что, очевидно, было связано с существованием в XVI веке множества переводов античных медицинских текстов на французский язык. Однако ею было показано, что хирургия эпохи Возрождения все хуже укладывалась в античный «формат», поскольку в этой области происходили существенные изменения, и вставляли проблемы, которых не было ранее. Главная из них — проблема, связанная с лечением огнестрельных ран. А. Паре решительно отвергал мысль о пороховом яде, опираясь на собственный практический опыт, возродил древние хирургические техники. Его аргументом часто была Античность. Е. Е. Бергер обратила внимание, что в исследованиях последних лет подчеркивается роль Амбруаза Паре в формировании французской медицинской терминологии, указав, что он часто применял античные свидетельства в качестве примеров, связанных с той или иной травмой или медицинским случаем. В заключение было отмечено, что А. Паре мог быть одним из первых врачей, считавших, что неотъемлемой частью обучения хирургов является анализ конкретных медицинских случаев, описанных в текстах Плиния, Геродота (484–425 гг. до н. э.) и Тита Ливия (59 г. до н. э. – 17 г. н. э.).

В ходе последующей дискуссии по вопросам: «Современные и инновационные методы изучения античных естественных наук и их трансформации в Средние века и Новое время», «Междисциплинарные исследования и современное научное знание» и «Инновационные методики и результативность комплексного подхода при проведении междисциплинарных исследований», — *М. С. Петровой* было отмечено, что все входящие в проект исследования являются междисциплинарными. Их выполнение требует не только комментированных переводов конкретных источников, но и привлечения широкого (релевантного) материала и анализа культурно-исторического контекста. При этом основным исследовательским

методом является сравнительно-сопоставительный метод историко-филологического и историко-философского анализа. С целью адекватной передачи на русский язык латинской и древнегреческой терминологии, воспринятой не только наукой Нового времени, но и современной, немалое значение следует уделить лингвистической составляющей, опираясь на работу с оригинальными текстами с применением электронных баз данных (TLG, PHI 5.3, PL, BTL, CETEDOC и др.). Разумным представляется также применение метода релевантных контекстов, позволяющего прояснить мысль автора посредством привлечения к исследованию других (тематически и содержательно схожих) текстов, как его собственных, так и иных мыслителей.

При обсуждении проблемы: «Естественные науки и социокультурная динамика общества в разные эпохи», — участники проекта подчеркивали существование устойчивых интеллектуальных традиций (напр., платонической и неоплатонической, натурфилософской и естественнонаучной; и уже — астрономической и географической), которые, зародившись в Античности, были усвоены в трансформированном виде в Средние века и Новое время.

Говоря о «Восприятии и трансформации естественнонаучных представлений в России в начале XX века», **В. В. Петров** привел в пример рассказ С. Д. Кржижановского (1887–1950) *Красный снег*. В частности, он показал, что С. Д. Кржижановский, демонстрируя осведомленность в современной ему науке о мозге, неоднократно пишет о мозговых оболочках, упоминает нейроны, фибриллы, ассоциативные волокна, белое и серое вещество, дендриты. Он не боится отождествлений мозга и мышления. Проникновение в нейронную ткань мозга приравнивается им к проникновению в мышление; познание какой-либо вещи есть перенесение её сути внутрь мозга познающего. Мозг предстает у Кржижановского емкостью для мыслей, образов, снов, процесса познания. В свою очередь, мозг вложен в тело, а тело — во внешний мир. Кора головного мозга в представлении С. Д. Кржижановского — лес из нейронных ветвей, сплетений и узлов ассоциативных связей. Весьма вероятно, что описание этого живого леса у С. Д. Кржижановского является художественным переложением трудов по нейрофизиологии, которые, в частности, печатались в 1890-х гг. в журнале *Вопросы философии и психологии*.

В заключение участники проекта выразили надежду, что результаты их работы не только составят основу коллективной монографии и инициируют дальнейшую исследовательскую (и переводческую) деятельность по рассматриваемым проблемам, но и будут иметь прикладное значение для современного естественнонаучного (физика, медицина, психология, биология) и гуманитарного (источниковедение) знания. Они могут быть использованы в практике преподавания общих и специальных курсов по естествознанию и истории науки; современной методологии; источниковедению, а также при проведении практических занятий по древним (древнегреческому, латинскому) и новоевропейским (немецкому, французскому) языкам.

М. С. Петрова

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ (М. С. ПЕТРОВА).....	3
ОБ АВТОРАХ.....	7
ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ	
А. А. ВОЙТЕНКО	
Текст и образ: коптская иконография св. Онуфрия Великого.....	8
М. С. ПЕТРОВА	
Риторико-грамматические работы Беда Досточтимого в контексте лингвистического знания Поздней Античности и раннего Средневековья.....	36
БЕДА ДОСТОЧИМЫЙ, <i>О правописании</i> [О буквах; А; В; С] (Перевод с латинского, примечания и подготовка текста М. С. ПЕТРОВОЙ).....	64
В. В. ПЕТРОВ	
Эсхатология Беда Досточтимого и естественная философия его времени.....	102
И. Г. КОНОВАЛОВА	
Политическая география на средневековых исламских картах.....	115
Е. В. ПЧЕЛОВ	
Селенография XVII века: как «осваивалась» и «заселялась» Луна...	127
А. Ю. СЕРЕГИНА	
Историописание и памфлетные войны эпохи Реформации.....	143
А. В. СТОГОВА	
Наставления о дружбе епископа Джереми Тейлора в контексте интеллектуальной культуры Англии XVII века.....	190

ДЖЕРЕМИ ТЕЙЛОР, <i>Рассуждение о природе и обязанностях дружбы в ответ на письмо наиискуснейшей и превосходнейшей м. К. Ф. (миссис Кэтрин Филип)</i> 3 (Перевод и примечания А. В. СТОГОВОЙ).....	199
---	-----

В. В. ПЕТРОВ Семь писем из Невольного переулка: к публикации рассказа С. Д. Кржижановского.....	205
ПРИЛОЖЕНИЕ: Материалы из <i>Записных тетрадей</i> , имеющие соответствия в <i>Невольном переулке</i> (В. В. ПЕТРОВ).....	217
Сигизмунд КРЖИЖАНОВСКИЙ, <i>Невольный переулок</i> (пачка писем от одного лица разным адресатам) (Подготовка текста к публикации и примечания В. В. ПЕТРОВА).....	219

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

М. С. ПЕТРОВА Интеллектуальные традиции Античности и Средних веков (Программа дисциплины для подготовки магистров по направлению «История»).....	237
А. В. СТОГОВА Идея Европы — традиции и трансформации (Программа спецкурса).....	262

ХРОНИКА

Усвоение и трансформация античных естественных наук в Средние века и Новое время в контексте социокультурной динамики общества (Круглый стол) (М. С. ПЕТРОВА).....	273
ОГЛАВЛЕНИЕ.....	286

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ТРАДИЦИИ В ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

ВЫПУСК 1

Ответственный редактор
Майя Станиславовна Петрова

Утверждено к печати Институтом всеобщей истории РАН

*Утверждено к печати Ученым советом
Института философии РАН*

Директор издательства *М. С. Петрова*
Художник *Л. Э. Милявская*
Корректоры *М. М. Горелов, Ф. В. Петров*

Оригинал-макет и компьютерная верстка
подготовлены в издательстве «Аквилон»

Издательство «Аквилон»
Тел.: +7 (968) 924–97–30
e-mail: aquilopress@gmail.com

Подписано в печать 01. 09. 2014
Формат 60x90 / 16.
Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 20.

Электронное издание

Свидетельство о регистрации
Эл № ФС77–54409

ISSN 2307–8189